за зайцемъ, оторвалъ у него хвостъ; „вслѣдствіе этого и понынѣ заяцъ не имѣетъ цѣлаго хвоста и потому называется куцымъ". Въ одной нѣмецкой сказкѣ заяцъ (обыкновенно волкъ) ловитъ на льду въ проруби рыбу и отрываетъ примерзшій хвостъ. Готентоты причину отсутствія хвоста у зайца объясняютъ тѣмъ, что когда происходила раздача хвостовъ, то небо было покрыто тучами; заяцъ не рѣшался покинуть своей норы и просилъ другихъ звѣрей захватить для него хвостъ; но они ему не принесли, поэтому заяцъ и понынѣ безъ хвоста (*Колмачевскій*, Животный эпосъ, 82). „Хвостъ звѣрей играетъ въ народныхъ преданіяхъ нерѣдко весьма видную роль. Звѣри гордятся своимъ хвостомъ, лелѣютъ его въ качествѣ оружія или орудія: то лиса уноситъ на своемъ хвостѣ пѣтуха, то волкъ лису. Во многихъ сказкахъ хвостъ лисы является ей помѣхой; она разсуждаетъ съ нимъ, наказываетъ его и т. п. Словомъ, существованіе цѣлаго ряда подобныхъ преданій доказываетъ, что хвостъ звѣрей не замедлилъ обратить на себя вниманіе человѣка, стоявшаго на младенческой ступени развитія. Дѣлая свои наблюденія, послѣдній подмѣтилъ вскорѣ, какъ общее правило, что у громаднаго большинства звѣрей хвостъ длинный. И вдругъ—его глазамъ представляется звѣрь съ короткимъ хвостомъ. Это поражаетъ воображеніе человѣка, кажется ему явленіемъ не нормальнымъ, и онъ, такъ или иначе, старается его объяснить. И вотъ, являются сказки, которымъ можно бы дать общее заглавіе: отчего у извѣстнаго звѣря хвостъ короткій?.... Въ различныхъ странахъ народъ, давая объясненіе куцости извѣстнаго звѣря, исходилъ изъ того убѣжденія, что хвостъ укороченъ искусственнымъ путемъ, недоданъ, оторванъ, откушенъ" (ib. 81, 83).

Заяцъ входитъ въ народную медицину, напр., во Франціи мажутъ заячьимъ мозгомъ десна у ребенка, когда рѣжутся зубы, кладутъ заячью кожу на рану для остановки крови *Sauvé*, Le Folk-lore des Hautes Vosges, 37, 267 и др.). Въ Тиролѣ во время рожи прикладываютъ къ тѣлу кожу съ бѣлаго зайца (*Alpenburg*, Mythen u. Sagen Tyrols, 384). У монголовъ сердце, печень, легкое, даже пометъ зайца входятъ въ народную медицину (*Потанинъ*, II, 100).

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Дополненіе къ статьѣ: „Мышь въ народной словесности“ (Этн. Обозр., кн. VIII, 1891 № 1).

На стр. 87—88 приведена сказка о мыши-дѣвицѣ по Панчатантрѣ и Калилѣ и Димнѣ. Отраженія этой сказки въ древнихъ греческихъ басняхъ и др памятникахъ старинной литературы указаны Бенфеемъ въ предисловіи къ Панчатантрѣ (I § 158). Весьма любопытнымъ отголоскомъ этой древней повѣсти представляется популярная дѣтская сказка закавказскихъ татаръ, которую дѣти заучиваютъ въ школѣ со словъ хальфы (момощника муллы): старуха упала на льду и сказала: ледъ! видно ты силенъ. Ледъ говоритъ, что сильнѣе его солнце; солнце говоритъ, что сильнѣе его тучи; тучи болѣе сильными считаютъ дождь; дождь—траву; трава указываетъ на барана; баранъ на мясника; мясникъ на мышей, которыя поѣдаютъ его запасы; мышь на кошку, и только кошка сознаетъ, что она сильна; глаза ея какъ огонь, брюхо какъ барабанъ, лапки бархатныя, когти стальные; лѣтомъ она прохлаждается подъ окномъ, зимой грѣется у печи“. (*Захаровъ*, въ Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа. IX, ч. II, стр. 28—29).

Н. С.

Очеркъ кустарной промышленности
въ Тобольской губерніи.

I.

Вопросъ о положеніи кустарной промышленности въ Россіи вообще—вопросъ не новый и не легкій для разрѣшенія. Для того, чтобы только изложить исторію этого вопроса и современное его положеніе въ связи съ разсмотрѣніемъ тѣхъ мнѣній, какія появлялись въ печати, и тѣхъ мѣръ, какія были принимаемы правительствомъ, земствами и другими учрежденіями съ цѣлью улучшить бытъ кустарей, потребовалась бы особая обширная статья.

Множество газетныхъ и журнальныхъ статей и цѣлые томы отдѣльныхъ изслѣдованій трактовали и продолжаютъ трактовать объ этомъ вопросѣ и по мѣрѣ возможности двигаютъ его впередъ. Нельзя однако сказать, что всѣ области Россіи одинаково изучаются въ этомъ отношеніи. Наоборотъ, нѣкоторыя губерніи, преимущественно имѣющія земства, являются изслѣдованными довольно обстоятельно, тогда какъ другія области почти вовсе незатронуты. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и Сибирь.

Кустарная промышленность въ Сибири находится въ полномъ забвеніи. Ею только интересуется печать, отчасти интеллигенція. Въ Сибири до сихъ поръ не предпринято никакихъ изслѣдованій для выясненія состоянія этой промышленной отрасли народнаго труда. А между тѣмъ Сибирь въ числѣ первыхъ фигурировала въ кустарномъ отдѣлѣ на Всероссійской выставкѣ въ Москвѣ 1882 г. Какъ первый почти

опытъ изученія сибирской кустарной промышленности мы ниже представимъ описаніе кустарныхъ промысловъ, существующихъ въ Тобольской губерніи.

Къ такимъ промысламъ относятся: *пимокатный* и *шерстобойный*, какъ-то: выдѣлка пимовъ, кошмъ для подстилки, войлока для подхомутниковъ, черезсѣдѣльниковъ и для прокладки печей; *лѣсной* — выдѣлка лопатъ, корытъ, сѣдёлокъ, пряслицъ, колесъ, дугъ, саней, дровней, кошевокъ, плетенокъ, деревянной, посуды разной мебели и другихъ хозяйственныхъ предметовъ; *лубочный*—выдѣлка туясковъ, табакерокъ, рѣшетъ, ситъ, рогожъ, попонъ, кульковъ; *шерстяной* — выдѣлка рукавицъ, возжей, поясовъ, крестьянскаго сукна; выдѣлка дорожекъ, половиковъ; *льняной*—выдѣлка крестьянскаго холста; *веревочный* — выдѣлка воровины и канатовъ; гонка *дегтя*.

Пимокатное и шерстобойное производства.—Главными инструментами при производствѣ служатъ: лучёкъ со струной для выколачиванія изъ шерсти пыли и грязи, модель сапога изъ клеенки и деревянныя колодки. Всѣ инструменты обходятся кустарю не болѣе 5 руб. Работаютъ большею частью вдвоемъ: одинъ выбиваетъ шерсть на струнѣ, большею частью подростокъ, другой укладываетъ шерсть, располагая послѣднюю ровнымъ, нигдѣ не просвѣчивающимъ слоемъ. Работаютъ въ жилыхъ избахъ, что тяжело отзывается на здоровьѣ кустарей, занимающихся этимъ промысломъ круглый годъ, почти безъ передышки. Такіе кустари блѣдны, истощены, со впалою грудью. Клочья разсѣянной въ воздухѣ шерсти въ видѣ отдѣльныхъ пылинокъ, попадая въ легкія, производятъ разрушительныя дѣйствія. Для производства пимовъ служитъ покупная шерсть, простая и поярковая, большею частью не мытая. У кустаря городского, само собою понятно, нѣтъ своей шерсти, ибо онъ не содержитъ овецъ, не ведетъ сельскаго хозяйства. Кустарь же деревенскій, занимающійся земледѣліемъ, не въ состояніи содержать болѣе 10 овецъ за скудостью корма; а отъ 10 овецъ много шерсти не наберешь: на рукавицы, на опояски, на чулки—„туда да сюда, глядь и вся вышла на хозяйство безъ убытку". А потому и деревенскому кустарю приходится либо покупать шерсть на ярмаркахъ на наличныя деньги, либо въ кредитъ у кулаковъ-однодеревен-

цевъ, переплачивая противъ рыночной стоимости на нѣсколько процентовъ. Изъ пуда шерсти (не перебитой) выдѣлываютъ 4 пары мужскихъ и 4 пары женскихъ пимовъ. На пару пимовъ среднимъ числомъ выходитъ до 6 фунтовъ шерсти. Въ день рабочій можетъ выдѣлать при готовой шерсти одну пару пимовъ. Калошъ по деревнямъ не катаютъ, развѣ по заказу. Дѣтскіе пимы мало катаютъ: „не стоитъ катать, мало требуется, да и дешево платятъ, а на нихъ, поди, работы не меньше, чѣмъ на большіе пимы". Рыночная цѣна пимовъ колеблется между 1 р. — 1 р. 20 к., женскихъ 80 — 90 к. за пару, дѣтскихъ 30—50 коп. *). Пимы, выдѣлываемые крестьянами кустарями, продаются дешевле „мѣщанскихъ", выдѣлываемыхъ городскими кустарями. Разница въ цѣнѣ простирается до 1 — 2 гривенъ на парѣ. Пимы, выдѣлываемые городскими кустарями, изящнѣе деревенскихъ, но зато послѣдніе отличаются своей прочностью, добротою матеріала сравнительно съ первыми. Пимокатствомъ занимаются въ г. Гешимѣ до 20 семей Лемакарьевскаго уѣзда, Костромской губ. Часть ихъ состоитъ изъ самоходовъ, другая меньшая изъ поселыщиковъ. Изъ 28 семей 4 семьи выдѣлываютъ при помощи 2—3 наемныхъ рабочихъ отъ 700 до 1000 паръ пимовъ. Въ дер. Гавриной Ишимскаго округа занимаются этимъ промысломъ до 10 семей. Встрѣчаются такіе кустари и въ другихъ деревняхъ.

Занятіе этимъ промысломъ служитъ нѣкоторымъ подспорьемъ для кустаря-земледѣльца. Сельское хозяйство уже не въ состояніи вполнѣ обезпечить существованіе земледѣльца даже въ годы урожайные, а въ неурожайные, безхлѣбные годы ставитъ этого земледѣльца въ самое безвыходное положеніе. И вотъ для того, чтобы выйти изъ этого затруднительнаго положенія и поддержать свое хозяйство, крестьянинъ прибѣгаетъ къ новой отрасли промышленности, къ новой сферѣ для приложенія своего труда, къ выдѣлкѣ пимовъ. Производство пимовъ какъ въ дер. Гавриной, такъ и въ другихъ деревняхъ Ишимскаго округа, какъ мнѣ пришлось слышать изъ разсказовъ кустарей, вылилось въ самыя типическія формы:

*) Подхомутники 15—20 коп.

„всѣ катаютъ пимы на себя, а не на людей“; во всѣхъ 10 дворахъ дер. Гавриной, не смотря на тяжелыя условія кредита, работа ведется самостоятельно, въ самомъ тѣсномъ кругу семейства, при совмѣстномъ сотрудничествѣ всѣхъ наличныхъ, способныхъ къ работѣ, членовъ семьи. Въ виду несущественнаго значенія производства сравнительно съ главною отраслью деревенскаго хозяйства—земледѣліемъ, сфера производства сужена, ограничена; она не распространяется на весь досугъ земледѣльца-пахаря. Считая по одной парѣ пимовъ въ день, 40 выдѣланныхъ паръ будетъ служить нормой для средняго кустаря - пахаря за весь сезонъ втеченіе ноября мѣсяца и до зимняго Миколы. Дневной заработокъ кустаря-хозяина — 30 коп., а работника-батрака — 10 коп., или 3 рубля въ мѣсяцъ на готовыхъ харчахъ.

Городскіе кустари занимаются пимокатствомъ круглый годъ, такъ какъ они не занимаются хлѣбопашествомъ. Посвящая все свое досужное время кустарному производству, городской кустарь не только выдѣлываетъ большее по количеству число паръ пимовъ, но и старается усовершенствовать самое производство. Въ годъ такой кустарь выдѣлываетъ до 200 паръ. Покупка шерсти ведется въ кредитъ, при чемъ и самый кредитъ ограниченъ (не свыше 25 р.). Кустарь изъ кожи лѣзетъ вонъ, чтобы вести дѣло помимо кулака-кредитора, сводить концы съ концами, работать самостоятельно, и подчасъ это ему удается. Заслышавъ про какой-нибудь выгодный заработокъ въ деревнѣ, гдѣ нѣтъ кустарей-пимокатовъ, кустарь бросаетъ въ городѣ все свое хозяйство, свою семью и переселяется въ деревню. Наскочитъ онъ на плохой годъ—новая бѣда: харчи дороги, весь прохарчится, не сдѣлавъ никакихъ сбереженій; попадетъ на хорошій годъ—и, смотришь, десятка 2-3 руб. выработаетъ чистоганомъ и бѣжитъ въ городъ. Найметъ онъ тамъ себѣ работника-кустаря, прихватитъ пудовъ 5 шерсти на наличныя во время ярмарки, и, глядишь, въ короткое время изъ захудалаго кустаря вырабатывается типъ ремесленника-хозяина; такой ремесленникъ хозяинъ находится въ тѣсныхъ и близкихъ отношеніяхъ къ своему батраку, усердно работаетъ вмѣстѣ съ послѣднимъ, хлебаетъ съ нимъ щи изъ одной миски, спитъ въ

одной горницѣ, парится вмѣстѣ въ банѣ и подчасъ угощаютъ другъ-дружку водкой, испиваютъ малую толику. Но такія интимныя отношенія между хозяиномъ и работникомъ продолжаются не долго. Потихоньку да помаленьку, при накопленіи рабочей ренты, выручаемой изъ части продуктовъ труда работниковъ и обмѣниваемой на бумажныя цѣнности, при постепенныхъ и систематическихъ сбереженіяхъ, изъ ремесленника-хозяина со временемъ вылупляется, какъ изъ яица, хозяинъ-капиталистъ. Послѣдній не принимаетъ непосредственнаго участія наравнѣ съ батраками въ производствѣ издѣлій; онъ не гнетъ уже больше спины для скатыванія войлока, а вмѣсто него гнутъ спины другіе; онъ не хлебаетъ уже щей, не пьетъ „горемышной" вмѣстѣ со своими батраками за однимъ столомъ, а сидитъ себѣ „словно чурбанъ" въ отдѣльной чистой горницѣ, завѣшанной занавѣсками и устланной самодѣльными коврами, сидитъ за отдѣльнымъ столомъ, пожирая въ несмѣтномъ количествѣ всякаго рода убоины, курятины, гусятины съ жирной кашею и запивая все виномъ; онъ пересталъ ходить въ баню за-панибрата со своими батраками, а парится либо со своей дражайшей половиной, либо съ „полюбовницей", либо съ ученикомъ, который усердно отбиваетъ ему бока и спину баннымъ вѣникомъ и всячески старается услуживать своему патрону, надѣясь на его милость... Органическая связь между хозяиномъ и работниками-кустарями порвана. Существуетъ только одна чисто внѣшняя, но глубоко забирающая кабальная связь, основанная на взаимномъ договорѣ, причемъ всѣ выгоды отъ такого договора остаются на сторонѣ хозяина-капиталиста. Эти выгоды еще въ большей степени разжигаютъ алчность капиталиста. Жажда быстрой наживы охватываетъ всѣ помыслы, всю душу послѣдняго. Онъ бросается на всевозможныя аферы, сопряженныя подчасъ съ большимъ рискомъ и не имѣющія ничего общаго съ кустарнымъ производствомъ. Судьба ему часто благопріятствуетъ, и онъ еще больше обогащается, еще интенсивнѣе налегаетъ со своей мошной на очумѣвшаго на его непосильной работѣ несчастнаго кустаря-батрака.

Такъ какъ пимокатство тѣсно связано съ шерстобойнымъ промысломъ, а съ послѣднимъ—и выдѣлка кошмъ, то нельзя

не упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ о развитіи этого промысла среди степныхъ киргизовъ. Выдѣлкою кошмъ въ степи занимаются главнымъ образомъ бѣдные киргизы, у которыхъ скупаютъ кошмы петропавловскіе татары. Кошмы бываютъ разноцвѣтныя, или бѣлыя, или черныя. Кошмы скупаются на мѣстѣ у киргизовъ отъ 40 до 50 коп. за аршинъ. Между тѣмъ ярмарочныя цѣны нерѣдко стоятъ въ два раза выше покупной суммы.

Производство лыка, мочала и туясковъ.—Этимъ промысломъ занимаются въ тѣхъ округахъ, гдѣ уцѣлѣли лѣса, главнымъ образомъ въ Тарскомъ округѣ, Каргалинской волости, въ дер. Жуковой, Рябой, Куликовой, также и въ Викуловской волости, въ дер. Бамечихи. Самая выдѣлка луба и мочала ведется слѣдующимъ образомъ: лубъ начинаютъ сдирать съ липняковъ весною, когда древесная кора настолько успѣла размягчиться древеснымъ сокомъ, что ее легко можно отдѣлить отъ ствола. Сдѣлавъ долевые надрѣзы, сдираютъ „корину“ руками и содранную кору отвозятъ для моченія на запруды, гдѣ ее топятъ въ водѣ, наваливая на нее камни; это обыкновенно производится ночью, такъ какъ днемъ мѣшаютъ оводъ и гнусъ. Въ ночь, отъ зари до зари, при разстояніи рѣки отъ дачи на 2—4 версты можно потопить 20 „корынь“ или лубовъ. Осенью, около Петрова дня, кору вынимаютъ изъ воды, сушатъ въ продолженіе 2 дней, а то и дольше, смотря по погодѣ. Изъ получившагося такимъ образомъ лыка дерутъ „лѣсиной“ *) лубокъ. Содранное мочало развѣшиваютъ на жердяхъ по 150 лубковъ. Въ день одному человѣку можно „сладить“ 10 лубковъ. Изъ мелкаго липняка можно содрать до 100 лубковъ. Лубъ послѣ вымочки тяжелѣетъ, а потому, въ виду существующихъ на мѣстѣ трудныхъ путей сообщенія, на одной лошади невозможно вывозить болѣе 5 пудовъ поклажи. Лубъ и мочало вывозятъ въ деревню по первому снѣжку. Растущія въ Тарскомъ округѣ липы мелки; обыкновенно онѣ имѣютъ въ діаметрѣ до 1—4 вершковъ, но 4-хъ вершковый липнякъ корявый, съ него нельзя содрать

*) Толщина лѣсины—2 вершка, длина $1^1/_2$ арш. Она дѣлается изъ калины или рябины и имѣетъ заостренный конецъ.

мочало; длина липняковъ простирается до $7\frac{1}{2}$—11 аршинъ. Липу снимаютъ съ корнемъ. Часто ободранный стволъ липы бросается крестьянами на мѣстѣ, пропадаетъ даромъ. „Ежели поближе живешь, то привозишь на овинъ, овинъ сушить, а подальше—не везешь, пропадаетъ. Ежели прямой тонкій липнякъ, то привозишь на „бастрикъ“ для сѣна, либо на стулъ, —лѣсина мягкая, годная къ работѣ“. Вершины-же съ сучьями большею частью оставляются въ лѣсу гнить, между тѣмъ какъ въ Костромской губ. эти самые сучья липняка утилизируются не только на топливо, но и на выдѣлку мочала, такъ какъ кора идетъ на лубья. Причина такого неразсчетливаго пользованія лѣсомъ съ одной стороны кроется въ относительномъ богатствѣ лѣсовъ, а съ другой въ плохихъ, подчасъ недоступныхъ путяхъ сообщенія.

Въ томъ же округѣ, въ волостяхъ Слабачиковской (село Слабачиковское, дер. Кайлы, Колпаково, Орѣхово, Каласунская) занимаются выдѣлкой рогожъ и попонъ, а въ Каргалинской (дер. Балахли) и Тамакульской - праслицъ, сѣделокъ корытъ (дер. Бѣлькова и Шушкова). Кромѣ того, по отдѣльнымъ волостямъ и селеніямъ Тарскаго округа занимаются крестьяне выдѣлкой туясковъ, квашней и табакерокъ. Рогожи ткутъ на особыхъ станкахъ. Станокъ рогожный состоитъ изъ двухъ вертикальныхъ перекладинъ вышиною въ $2\frac{1}{2}$—3 аршина. Въ каждой перекладинѣ просверлены дырочки, въ которыя продѣваются скрученныя на подобіе нитки мочала и концы завязываются узлами. Это и есть основа. Въ основу поперекъ вплетаютъ мочало—и получается рогожа. Но эта рогожа не прочна, она ниже тканой по своему достоинству и по цѣнѣ. Если поперечныя нити мочала посредствомъ бревна, въ которомъ черезъ дырочки продѣты нити основы, прибиваются тѣснѣе движеніемъ бревна съ верху въ низъ, то такая вытканная рогожа чрезвычайно прочна и лучше плетеной. Плетеныя рогожи продаются отъ 30 до 40 коп. за каждую, тканыя по 80 к.—1 р. Тканыя рогожи хотя и очень прочны, но дороги и притомъ поглощаютъ много труда. Поэтому кустари занимаются большею частью плетеніемъ рогожъ, какъ болѣе доступныхъ по своей дешевизнѣ большинству потребителей и не требующихъ на выдѣлку много времени. Въ день

при готовомъ мочалѣ одному можно выплести одну рогожу. Рогожи бываютъ длины $2^1/_2$ арш., ширины $1^1/_2$ арш.

Попоны плетутся на доскахъ, состоящихъ изъ 12 зарубокъ и 12 переплетовъ въ каждой. По обѣимъ сторонамъ попонъ въ длину вплетаются бичевки для прикрѣпленія попонъ къ шеѣ лошади. Цѣна попонъ отъ 3—5 коп. каждая. Плетеніемъ попонъ занимаются большею частью подростки-мальчики да старики: „дѣло не трудное, шутное". Плести попоны, кульки и рогожи начинаютъ съ осени, въ случаѣ ранняго замерзанія болотъ и представляемой вслѣдствіе этого прямой возможности къ перевозкѣ и доставкѣ луба въ деревню. На попону идетъ 2—3 лубка, смотря по размѣру и величинѣ липняка.

Пряслицы дѣлаются изъ ели и пихты. Для выдѣлки пряслицъ требуются слѣдующіе инструменты: скобель — 30 коп., топоръ—1 р. и ножъ 50—60 коп. для „вырѣзыванія заплечиковъ и подравненія верха". На выдѣлку пряслицъ губится непроизводительно очень много лѣсу. Только пеньки лѣсинъ идутъ въ дѣло, а все остальное на бревна, либо бросается.

Для выдѣлки сѣделокъ и корытъ кустарю необходимо имѣть: топоръ, терпугъ для очистки и тюкавка для выдалбливанія желоба. Топоры покупаютъ по 1 рублю у поселенца дер. Гатапутовой (Ишимск. округа), занимающагося исключительно выдѣлкой топоровъ; тюкавки и терпуги покупаютъ въ г. Ишимѣ отъ 20 до 40—60 коп. за каждый инструментъ отдѣльно. Всѣ инструменты обходятся кустарю приблизительно въ 1 р. 70 коп.

Табакерки дѣлаются изъ луба мягкаго; на крышкѣ вырѣзываются всевозможныя украшенія. Табакерки продаются по 5—10 коп. штука. Производство табакерокъ особенно сильно распространено въ сосѣдней Пермской губ.

Лѣсного матеріала для выдѣлки кустарныхъ издѣлій, какъ то: корытъ, квашней, сѣделокъ, луба и пр., съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше. До введенія лѣсничества въ Зап. Сибири (1884 г.) кустари пользовались даромъ или съ незначительной приплатой лѣснымъ матеріаломъ. Теперь крестьяне принуждены платить пошлину, крайне несоразмѣрную съ доходностью, т. е. съ выгодою, получаемою отъ занятія лѣснымъ производствомъ. Цѣны на лѣсъ повы-

шены. Такъ, въ 1885 г. березовая лѣсина 7 вершк. въ діаметрѣ (длина не берется во вниманіе) продавалась по 20 к. Изъ нея можно сдѣлать 10 сѣделокъ. Гладкая осина въ 8 вершк.— 60 коп.; изъ такой осины выдалбливаютъ до 8 корытъ. Сучковатая осина почти на половину дешевле противъ гладкой и даетъ 4 корыта. Осина идетъ на корыта и на дрова, а береза на сѣделки. Лиственница 8 вершк. толщины и 2 саж. длины –2 р., а въ Абатскѣ (Ишимск. окр.) на Крещенской ярмаркѣ по 3 руб.; она употребляется для столбовъ и на постройку избъ. Сосновая лѣсина, въ виду незначительности сосноваго лѣсу, „сутунокъ" въ 8 вершк. для плахъ—60 коп.; цѣна плахи въ 2 вершка толщины и въ 7 вершк. длины—80 к.

Выдѣлка сѣделокъ и корытъ требуетъ много труда. Одному въ недѣлю при готовомъ матеріалѣ можно сдѣлать 3 корыта. Для производтва корытъ кустарю необходимо имѣть кромѣ пилы еще и скобель, стоющій 30 коп. Къ работамъ кустари приступаютъ осенью послѣ Покрова. Вырубленныя корыта или скорѣе всего бревна оставляютъ до снѣга въ лѣсу, такъ какъ займища и болота препятствуютъ вывозу ихъ лѣтомъ. Въ снѣгъ и морозъ, когда топи и болота „станутъ" отъ мороза, отправляются изъ деревень кустари въ лѣсъ для вывоза бревенъ. Въ лѣсу большею частью остаются ночевать, такъ какъ лѣса отстоятъ отъ деревень на значительномъ разстояніи, 20—50 верстъ. Выѣзжаютъ изъ лѣсу съ бревнами рано утромъ. Бревна отъ вымочки очень тяжелы, такъ что на одной лошади можно везти не болѣе 5 бревенъ. Дома бревна складываютъ въ жарко натопленную баню, которую отапливаютъ въ продолженіе 3-хъ дней, чтобы бревна хорошо „взопрѣли", размягчились. По истеченіи 3-хъ сутокъ бревна вынимаютъ изъ бани и начинаютъ скоблить ихъ скобелемъ. Въ день кустарь выскабливаетъ 1—2 корыта. Рыночная цѣна на сѣделки колеблется между 30—80 к., смотря по достоинству сѣделокъ, а иногда доходятъ даже до $1^1/_2$ руб.; корыта на мѣстѣ продаютъ по 15—20 коп., а на Ишимской ярмаркѣ по 30 коп.

Выдѣлкой лопатъ занимаются неохотно. Промыселъ этотъ, какъ мы ниже увидимъ, мало выгоденъ. Инструменты для выдѣлки лопатъ несложны и недороги: топоръ,

ножъ для вырѣзыванія угловъ и скребелка. Ширина лопатицы 1½ четверти, длина 2½ четв. Для большей прочности лопаты просмаливаются. Изъ пня стараго дерева можно смастерить 20 лопатъ. При готовомъ матеріалѣ одинъ кустарь выдѣлываетъ 2—3 лопаты. Ярмарочная цѣна лопатъ на Никольской ярмаркѣ, (въ Ишимѣ) 20—25 коп. за штуку, а на мѣстѣ по сотнямъ—10 руб. за сотню. Этимъ промысломъ занимаются въ Гатапутовской волости, Ишимскаго округа.

Главною отраслью народнаго промысла въ Тарскомъ округѣ служитъ гонка дегтя. Этимъ занимаются кустари въ Слабачиковской, Викуловской, Каргалинской, Рыбинской, Гаевской, Бутаковской волостяхъ, Тарскаго округа. Кромѣ того, этимъ промысломъ спорадически занимаются и въ Тюкалинскомъ округѣ, въ Пановской волости, гдѣ „сидятъ до 100 бочекъ дегтю" и въ другихъ округахъ. Мнѣ не приходилось сталкиваться съ производителями дегтя, а потому я не могъ собрать болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ промыслѣ, объ экономическомъ положеніи кустарей, занимающихся этимъ промысломъ. На ярмаркахъ я встрѣчалъ исключительно скупщиковъ дегтя. По ихъ разсказамъ, самый процессъ гонки дегтя состоитъ въ слѣдующемъ. Деготь гонятъ изъ старой коры, гнилыхъ пней и валежнику. Для высиживанія дегтя выбираютъ почву съ крѣпкимъ грунтомъ. Въ такомъ грунтѣ, состоящемъ изъ красной глины, выкапываютъ яму глубиною въ 7—8 четв., столько-же и въ діаметрѣ. Стѣнки и дно ямы обмазываютъ для лучшей прочности сѣрой глиной. На днѣ ямы выкапываютъ „подъямокъ" глубиною въ ½ арш., отверстіе котораго прикрывается деревянной крышкой (8 вершк. въ діаметрѣ), а крышка прикрывается землей. Крышка эта имѣетъ по срединѣ дырку въ „4 пальца ширины", черезъ которую и стекаетъ деготь въ подъямокъ. Такую яму наполняютъ цѣлымъ возомъ „корья". Сверху яма покрывается небольшимъ слоемъ хворосту. Сдѣлавъ предварительныя приготовленія, зажигаютъ „корье" сверху. Корье горитъ сутки, и деготь постепенно стекаетъ въ подъямокъ. Съ одного воза корья высиживаютъ 2 ведра дегтю, а при доброкачественномъ корьѣ—2½ ведра. Производство не требуетъ большихъ расходовъ. Въ 4 дня одному можно смастерить такую яму для

выкурки дегтя, а корья въ день можно набрать возъ. Въ этихъ же ямахъ гонятъ смолу. Кромѣ „ямъ низовыхъ“ существуютъ и „верховыя ямы“ для выкурки дегтя. Верховыя ямы состоятъ изъ сруба квадратнаго, имѣющаго 4 арш. кругомъ Стѣны такого сруба обмазываются толстымъ слоемъ глины для предохраненія сруба отъ пожара. При выкуркѣ дегтя и смолы помимо этого никакихъ побочныхъ продуктовъ не получается.

Выдѣлкой веревочныхъ издѣлій занимаются въ Ишимскомъ округѣ, въ Желяковской, Локтинской и Хоринской волостяхъ. Самый процессъ производства состоитъ въ слѣдующемъ. Для витья веревокъ устраивается помѣщеніе подъ сараемъ. Главнымъ орудіемъ при производствѣ служитъ деревянное колесо, вращающееся на 2-хъ деревянныхъ столбикахъ. Рядомъ съ колесомъ ставятся скалки, къ нимъ прикрѣпляется вьющаяся веревка. Однимъ словомъ, устройство мастерской самое простое, обыкновенное и все вмѣстѣ со „снастью“ обходится въ 8 рублей. Веревки вьютъ изъ конопли. „Съ пуда конопли, если шибко кострична, выходитъ упала фунта съ 4, а то и 2“. Сибирскими кустарями выдѣлывается веревка трехъ сортовъ: толстая воровина, тонкая воровина и возжевка. Семья, состоящая изъ мужика, жены и мальчика-подростка 10—14 лѣтъ, въ состояніи свить въ день 1½ пуда веревки. Впрочемъ, для настоящей пряжи необходимо участіе въ работѣ 4 человѣкъ: одному колесо вертѣть, двоимъ нитки вить, а 4-му (женщинѣ) протирать. Четверо, работая на одномъ колесѣ, въ день могутъ сработать толстой воровины съ вершокъ въ діаметрѣ—3½ пуда, а тонкой 1½—2 пуд. Колеса вертятъ обыкновенно подростки-мальчики, женщины протираютъ „смычаломъ“ веревку, а мужчины вьютъ нитки.

Производствомъ холста, шерстяныхъ рукавицъ, возжей, опоясокъ, поясовъ, половиковъ, дорожекъ и крестьянскаго сукна занимаются крестьянки между дѣломъ. Всѣ эти крестьянскія издѣлія поступаютъ большею частью на удовлетвореніе семейныхъ потребностей. Продажей ихъ занимаются крестьянки только въ исключительныхъ случаяхъ, въ крайней нуждѣ. На Ишимской ярмаркѣ намъ приходилось встрѣ-

чать у многихъ крестьянъ въ телѣгѣ, либо на дровняхъ, рядомъ съ мѣшками, наполненными мукой и ячменемъ 1 — 2 штуки холста крестьянскаго, 5—10 опоясокъ, 1—3 пары возжей, 3 - 5 паръ рукавицъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Ишимскаго округа (дер. Свистуха, Смирнова и др.) занимаются, предпочтительнѣе передъ другими бабьими промыслами, плетеніемъ возжей и опоясокъ изъ разноцвѣтной шерсти, которая красится не самими кустарями, а особыми бабами-красильщицами. Дорожки либо плетутся, либо ткутся изъ всевозможныхъ обрѣзковъ и кусковъ, которые сшиваются длинными узкими лентами. Плетеныя дорожки и притомъ еще безъ рисунка дешевле вытканныхъ и съ рисункомъ. Дорожки плетутся и полосами: одна полоса бѣлая, другая синяя, третья красная и т. д. Цѣны на эти женскія издѣлія въ 1885 г. стояли слѣдующія: аршинъ плетеной дорожки отъ 10 до 15—20 коп., вытканной вдвое дороже; плетеныя шерстяныя рукавицы, покрытыя сверху бѣлымъ холстомъ (толстымъ), 20 коп. за пару, опояски мужскія 25—50 и даже 90 коп., смотря по длинѣ и ширинѣ каждой; возжи крашеныя 30 — 60 к. за пару. Холстъ толстый и тонкій отъ 8 — 10 к. *). Низкія цѣны на эти крестьянскія бабьи издѣлія, а съ другой стороны значительная трата времени при ихъ выдѣлкѣ отбиваютъ всякую охоту у средне-обезпоченной крестьянской семьи работать для рынка. Такъ, напр., для выдѣлки рукавицъ необходимо потратить одинъ рабочій день, на опоясокъ — 2 рабочихъ дня, а широкій опоясокъ, ширины въ $1^1/_2$ арш. и длины въ 5 арш., не выткешь и въ 2 дня. Простого холста въ 1 рабочій день „при одномъ дѣлѣ“ можно выткать до 10 арш. Что касается качества этихъ бабьихъ издѣлій, то нельзя не желать лучшаго. Возжи очень изящны и въ то же время прочны. По своей дешевизнѣ и практичности онѣ конкурируютъ съ фабричными привозными. То же самое слѣдуетъ сказать и о крестьянскихъ опоясках. Холстъ тонкій, ровный,

*) Собственно говоря, существуетъ три сорта холста: первый ткется изъ лучшей части льна—*почесной* отъ 18—20 к.; второй—изгребный отъ 10—15 коп.; третій вытыкается изъ подотрепокъ льняныхъ и продается отъ 8 до 10 к. за аршинъ. Изъ конопли дѣлается холстъ средней доброты. Пестрядь вытѣсняется ситцами всевозможныхъ цвѣтовъ отъ 8 до 15 к. за аршинъ.

плотный, не шероховатый, бѣлоснѣжный, на ощупь мягкій, какъ шелкъ. При такихъ его достоинствахъ на него существуетъ большой спросъ. На зимней Ишимской ярмаркѣ скупкой крестьянскаго холста занимается какая-то торговка изъ Тобольска. Она закупаетъ по нѣскольку сотенъ кусковъ холста. Скупкой опоясокъ, рукавицъ и возжей занимаются тобольскіе евреи изъ посельщиковъ. Они пріѣзжаютъ на зимнюю Ишимскую ярмарку съ рыбой, брусникой и мѣхами. Производство льняныхъ нитокъ, вслѣдствіе сильной конкурренціи послѣднихъ съ бумажными, привозными, ведется въ ограниченныхъ размѣрахъ.

Выдѣлкою коноплянаго масла занимаются преимущественно вдовы, не имѣющія ни земли, ни какого бы то ни было хозяйства, но поставленныя въ необходимость прокармливать личнымъ трудомъ цѣлую семью. Масло бьютъ въ простыхъ ступахъ, какъ напр. въ дер. Завьяловой Ишимскаго округа. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ, какъ напр. въ Мезенской того же округа, заведены кустарями толчеи, что указываетъ на расширеніе области производства, на улучшеніе его процесса. Въ рабочій день вдвоемъ можно выбить пудъ сѣмени; изъ пуда хорошаго сѣмени получаютъ $3^1/_2$ безмѣна масла, а изъ плохого 2 безмѣна. Заработокъ производительницы конопляннаго масла находится въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ цѣнъ на сѣмя. Въ 1885 г. сѣмя покупалось по 1 р. 20 к. за пудъ, а масло продавалось въ томъ же году на Ишимской ярмаркѣ по 60 коп. за безмѣнъ. Эта чисто-кустарная форма производства начинаетъ принимать характеръ заводской промышленности. Въ дер. Игнатьевой, у кулака N, рядомъ съ веревочнымъ заводомъ, существуетъ маслобойня; въ деревнѣ Мезенской тоже устроена богатымъ мужикомъ маслобойня *).

Выдѣлкой саней, ситъ и ковровъ занимаются исключительно въ Тюменскомъ округѣ. Намъ не приходилось встрѣчать на Ишимскихъ ярмаркахъ кустарей вышеприведенныхъ промысловъ. На ярмаркахъ главнымъ образомъ фигурируютъ скупщики, такъ какъ кустарямъ въ виду дальности разстоя-

*) По Гагемейстеру въ 1846 г. во всей Тобол. губ. было 17 маслобоенъ, которыя выдѣлывали масла на 10,000 руб.

ній нѣтъ возможности являться самолично на ярмарки. По этому свѣдѣнія, собранныя нами объ этихъ промыслахъ, крайне неполны; такъ, напр., о Тюменскихъ коврикахъ можно сказать, что они очень красивы, хотя не претендуютъ на изящество, отличаются однообразіемъ рисунка, прочностью и недороговизною (отъ 3 до 10 руб. и дороже). Тюменскія сани отличаются своею изящностью и легкостью. Цѣны отъ 15 до 100 руб. Тюменскія кошовки до 25 руб., а плетенки съ ходомъ до 40 руб. Тюменскія сита очень прочны. Выдѣлкой ихъ занимаются главнымъ образомъ въ селѣ Червывомъ. Въ селѣ считается до 100 дворовъ. Въ каждомъ домѣ работаютъ, мало кто изъ крестьянъ занимаются хлѣбопашествомъ; вся деревня плететъ *). Въ работѣ принимаютъ участіе всѣ наличныя способныя къ работѣ силы семьи; плетутъ старики, дѣти, бабы и мужики. Работаютъ по заказу и на себя. Кустари продаютъ свои произведенія на мѣстѣ скупщикамъ. „Другой 2 сѣтки выткетъ, ну и продастъ по нуждѣ". Мужчина съ женщиной могутъ въ рабочій день выткать до 8 рѣдкихъ или 5 частыхъ ситъ, а подростки съ 12 лѣтъ — 2 рѣдкихъ сита. Волосяныя сита скупаютъ у кустарей отъ 20—50 коп. за каждое, а продавали на ярмаркѣ по 25—55 коп.; сита съ металлической сѣткой скупаются по 50 к. и 1 руб. Скупкой ситъ у червышевскихъ кустарей занимаются до 10 человѣкъ. Всѣ эти скупщики, занявшись этимъ дѣломъ, побросали хлѣбопашество. Живутъ они неподалеку отъ с. Червываго, въ дер. Зырянской, и оттуда дѣлаютъ свои набѣги на село Червывое. Самый крупный изъ этихъ скупщиковъ Дмитрій Яковлевъ, который до 10000 ситъ заказываетъ ежегодно червышевскимъ кустарямъ. Скупщики развозятъ кустарныя произведенія по ярмаркамъ: Никольской (зимою въ Ишимѣ), Абатской (послѣ крещенія въ с. Абатскомъ), и др. На Никольской ярмаркѣ каждый изъ скупщиковъ сбываетъ отъ 500 до 2000 ситъ, смотря по году. Всѣ три скупщика заключили между собою условіе—не повышать цѣнъ на скупленныя кустарныя произведенія. Поэтому эксплоатація цѣлаго селенія въ 500 рев. душъ ведется скупщиками дружно,

*) Въ селѣ до 300 дворовъ и до 500 рев. душъ.

согласно, безо всякихъ пререканій. Каждый изъ скупщиковъ имѣетъ кромѣ того у себя извѣстное число закабаленныхъ кустарей, коихъ и эксплоатируетъ изъ года въ годъ, изо дня въ день. Ни полушки лишней не передаютъ при скупкѣ кустарныхъ произведеній противъ условленнаго, ни на копейку не поднимаютъ цѣнъ противъ разъ установленной нормы. Не вырваться кустарямъ изъ опутавшихъ ихъ кулацкихъ сѣтей!

II.

Упомянувъ о видахъ кустарной промышленности, существующей въ отдѣльныхъ округахъ Тобольской губ., мы невольно наталкивается на вопросъ о времени возникновенія здѣсь той или другой отрасли кустарнаго производства. При нашемъ обращеніи къ кустарямъ съ вопросами о времени возникновенія того или другаго производства, мы получили не вполнѣ опредѣленные отвѣты, въ родѣ: „такъ изстари ведется, еще прадѣды были знакомы съ эвтимъ рукомесломъ" (выдѣлка мочала, лыка, рогожъ, попонъ, сѣделокъ, корытъ, дегтя, холста и пр.); либо: „занесли посельщики, да самоходы, отъ нихъ научились и старожилы" (веревочное, пимокатное, санное, колесное, телѣжное производство и пр.). Гдѣ же искать начало этого неопредѣленнаго „изстари"?

Возникновеніе кустарныхъ промысловъ въ несложной, примитивной формѣ относится, всего вѣроятнѣе, къ эпохѣ первоначальнаго заселенія края. Они возникли вмѣстѣ съ появленіемъ перваго колониста въ краѣ, вмѣстѣ съ основаніемъ перваго сибирскаго поселка, вмѣстѣ съ первымъ ударомъ топора въ глухой непроходимой тайгѣ. Но въ эту отдаленную эпоху кустарная промышленность носила чисто обиходный характеръ. Она была ограничена узкой сферой удовлетворенія личныхъ потребностей производителя, который, будучи отдѣленъ отъ всего остальнаго міра необъятнымъ пространствомъ, состоящимъ изъ болотъ, непроходимыхъ горъ и первобытныхъ лѣсовъ, былъ поставленъ въ необходимость при посредствѣ личнаго труда и практической сноровки отыскивать средства къ огражденію своей личности отъ вліянія внѣшней стихіи и отъ вреда хищныхъ звѣрей, изобрѣтать снаряды для раздобыванія средствъ прокормленія и дру-

гіе необходимые для хозяйства и домашняго обихода предметы и орудія. При этомъ каждый полагался на свои личныя способности, на свой собственный трудъ въ борьбѣ за существованіе. Каждый работалъ исключительно самъ за себя и на себя и свою семью. Не было наемнаго кабальнаго труда со всѣми его невыгодными сторонами. Производитель всецѣло пользовался результатами своего труда, не выдѣляя ихъ изъ сферы своего хозяйства, не пуская ихъ въ мѣновой оборотъ. При такихъ условіяхъ каждый производитель является въ одно и то же самое время и потребителемъ выдѣланныхъ продуктовъ. Вся сумма его жизненныхъ отправленій, вся его дѣятельность направлена на исключительное удовлетвореніе своихъ семейныхъ потребностей. И въ этой работѣ каждаго на самаго себя и для себя, въ этомъ удовлетвореніи всѣхъ нуждъ и потребностей первобытнаго колониста при посредствѣ его собственныхъ силъ и кооперативномъ сотрудничествѣ всѣхъ наличныхъ членовъ семьи, въ этомъ чисто производительномъ раціональномъ направленіи всѣхъ физическихъ и интеллектуальныхъ силъ первобытной семьи, въ этомъ сосредоточиваніи въ одномъ трудящемся лицѣ производителя и потребителя продуктовъ былъ залогъ несомнѣннаго прогресса народной жизни, прогресса въ народномъ хозяйствѣ, прогресса хотя и односторонняго, но тѣмъ не менѣе вполнѣ гарантирующаго личность колониста отъ голоднаго измору, отъ матеріальной зависимости со стороны работодателя и другихъ приспѣшниковъ позднѣйшей цивилизаціи. Излюбленный принципъ соціально-экономической цѣлостности (totalität), проводимый въ общественной жизни, находитъ для себя полное выраженіе въ тогдашней формѣ общежитія.

Но съ теченіемъ времени, съ приходомъ новаго пришлаго элемента, съ истребленіемъ лѣсовъ, обмеленіемъ рѣкъ, повлекшими за собою паденіе нѣкоторыхъ промысловъ, какъ-то: звѣринаго, птичьяго, рыбнаго, съ переходомъ къ новой отрасли хозяйства, съ увеличеніемъ количества непроизводительнаго элемента, тормозящаго и безъ того пошатнувшееся народное хозяйство, съ увеличеніемъ государственныхъ податей, съ разростаніемъ натуральныхъ повинностей

и др. деревенскихъ платежей, однимъ словомъ, съ общимъ усложненіемъ экономическихъ условій страны, и пресловутый принципъ соціально-экономической обезпеченности уже не можетъ быть примѣняемъ къ существующему въ переходное время statu quo. Народные промыслы окончательно падаютъ. Земледѣліе уже не въ состояніи удовлетворить всѣхъ потребностей колониста. Послѣдній начинаетъ тогда искать выхода изъ затруднительнаго положенія. Отдавая раньше все свое время земледѣлію и занимаясь лишь на досугѣ кустарнымъ производствомъ, онъ начинаетъ, наоборотъ, удѣлять послѣднему больше времени. Усилившіяся сношенія между поселеніями, взаимный обмѣнъ крестьянскихъ произведеній еще въ болѣе сильной степени способствуютъ такому направленію народнаго хозяйства. Съ улучшеніемъ путей сообщенія, съ увеличеніемъ числа ярмарокъ и торговъ, съ паденіемъ сельскаго хозяйства, кустарная промышленность выдѣляется окончательно изъ сферы этого хозяйства, занимаетъ господствующее мѣсто въ народномъ хозяйствѣ и начинаетъ производить мѣновыя стоимости. Послѣднія обмѣниваются на деньги, либо на мѣновыя стоимости другихъ произведеній. Такого рода обмѣнъ однихъ произведеній на другія, обмѣнъ натурой, практикуется и по сіе время въ Тобольской губ., хотя, конечно, въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ, чѣмъ прежде.

Полное выдѣленіе кустарнаго производства изъ области сельскаго хозяйства составляетъ не общее явленіе существующаго народнаго хозяйства во всей Тобольской губ., а встрѣчается исключительно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, за отсутствіемъ всякихъ других промысловъ, господствующее занятіе населенія—земледѣліе разстроено и пришло въ упадокъ *), какъ напр. въ нѣкоторыхъ волостяхъ Ишимскаго, Ялуторовскаго, въ особенности Тарскаго, Тюменскаго и отчасти Тюкалинскаго округовъ. Въ общемъ же, нужно замѣтить, кустарное производство сохранило тѣсную связь съ сельскимъ хозяйствомъ, нарушая, разрывая эту связь въ моменты неблагопріятно сложившихся сельско-хозяйственныхъ годинъ и эконо-

*) Въ особенности вслѣдствіе послѣднихъ неурожаевъ, продолжавшихся болѣе 3 лѣтъ на югѣ Тоб. губ.

мическихъ кризисовъ; въ переходное же время отъ неблагопріятныхъ годинъ къ болѣе благопріятнымъ эта, такъ сказать, сельскохозяйственная форма кустарнаго производства дѣлается менѣе всего устойчивой. Она уже не въ состояніи оправдать возлагавшихся на нее надеждъ, какъ на подспорье къ сельскому хозяйству, какъ на средство для покрытія части крестьянскаго бюджета. Значеніе ея дискредитируется. Ея продукты сильно переполняютъ рынокъ и вызываютъ пониженіе цѣнъ на кустарныя издѣлія, то, не оправдывая спроса на послѣднія, увеличиваютъ ихъ стоимость, въ которой мало заинтересованъ кустарь-производитель. Такимъ образомъ титаническая сила власти земли, которая прикрѣпляетъ крестьянина къ его благодарной пашнѣ и не даетъ ему разбрасываться по сторонамъ, служитъ неизбѣжнымъ регуляторомъ между спросомъ и предложеніемъ на кустарныя произведенія. Когда эта власть земли ослабляется, то прогрессивно увеличивается предложеніе кустарныхъ произведеній, и наоборотъ. Говоря иначе, въ хорошій урожайный годъ кустарь-земледѣлецъ между дѣломъ, на досугѣ занимается кустарнымъ производствомъ, и его издѣлія являются въ незначительномъ количествѣ на рынкѣ; напротивъ, въ голодный годъ нужда заставляетъ крестьянина сосредоточить всѣ свои силы на кустарномъ производствѣ, и его издѣлія наводняютъ рынокъ. И такъ какъ такіе рѣзкіе переходы отъ года неурожайнаго къ урожайному, отъ нужды къ довольству и обратно, стали чередоваться въ послѣднее время все чаще и чаще, то занятіе кустарнымъ производствомъ сдѣлалось для многихъ деревенскихъ исключительнымъ средствомъ къ существованію. Съ выдѣленіемъ кустарей въ отдѣльный производительный классъ, благосостояніе ихъ падаетъ вслѣдствіе постоянной зависимости производителей отъ всевозможныхъ кулаковъ и міроѣдовъ. На этой кабальной зависимости строится полукапиталистическое, а затѣмъ разцвѣтаетъ понемногу и полное капиталистическое производство [1]).

Сообразно этимъ тремъ отраслямъ кустарной промышлен-

[1]) Въ „Сибири“ за 1887 г. №№ 17, 21 и др. нами была помѣщена часть сырого матеріала въ видѣ описанія экономическаго положенія отдѣльныхъ кустарей.

ности, всѣхъ изученныхъ нами кустарей можно подвести подъ слѣдующія три категоріи:

Кустари-богатыри, временные и профессіоналисты. Кустарямъ этой категоріи въ случаѣ неимѣнія собственнаго сырья и дороговизны самого производства (веревочное, пимокатное) необходимъ оборотный капиталъ для закупки матеріала. Главное занятіе этихъ кустарей—земледѣліе, которое доставляетъ имъ предметы потребленія для удовлетворенія собственныхъ нуждъ и для покрытія путемъ продажи расходовъ семьи. Кустарнымъ производствомъ они занимаются на досугѣ, ради приращенія доходовъ семьи. Производство покоится на чисто-семейныхъ началахъ, при строгомъ раздѣленіи труда между способными къ работѣ членами семьи. При благопріятныхъ условіяхъ, какъ то: хорошемъ урожаѣ, высокихъ цѣнахъ на кустарныя издѣлія, дешевомъ кредитѣ, однимъ словомъ, при успѣшномъ сбереженіи и увеличеніи оборотнаго капитала, изъ этихъ кустарей со временемъ вырабатываются хозяева-ремесленники, представители полукапиталистическаго предпріятія.

Кустари *второй категоріи* приступаютъ къ производству либо безо всякаго оборотнаго капитала, если у нихъ есть подъ руками собственное сырье, либо обладаютъ небольшимъ капиталомъ въ нѣсколько рублей. Эти кустари принимаются за производство подъ вліяніемъ нужды, голодовки. Въ случаѣ достаточнаго количества собственнаго сырья, они подъ давленіемъ неумолимой нужды всецѣло предаются производству, хотя бы временно, и не набрасываются на другія занятія, не выискиваютъ другихъ выходовъ для обезпечиванія своихъ семей. Если же у нихъ нѣтъ собственнаго сырья, или же есть въ такомъ незначительномъ количествѣ, что выгоды отъ производства, къ тому же еще обремененнаго всевозможными пошлинами и промысловыми налогами, получаются отрицательныя, кустари пускаются на всевозможные „промысла", не брезгаютъ никакими средствами для выхода изъ затруднительнаго положенія. Они начинаютъ дѣйствовать обманомъ и надувательствомъ: запродавъ свои издѣлія двумъ, тремъ лицамъ и получивъ задатокъ съ каждаго покупателя отдѣльно, они скупаютъ задешево у своихъ односельчанъ ихъ кустарныя

произведенія, и въ то же самое время пользуются, въ случаѣ недохватки собственныхъ денегъ, кредитомъ у этихъ кустарей-одиночекъ; они набрасываются и на другія торговыя предпріятія, скупая соль, ленъ, кедровые орѣхи и продавая ихъ на ярмаркахъ. Это самый предпріимчивый типъ кустарей-земледѣльцевъ. Но проходитъ критическій моментъ въ жизни этихъ кустарей, наступаетъ урожайный годъ, и кустарь отрѣшается отъ своей эксплоататорской дѣятельности и переходитъ изъ разряда кустарей-спекуляторовъ и торговцевъ-аферистовъ въ разрядъ земледѣльцевъ-пахарей. Съ удвоенною энергіей онъ принимается ковырять свои пашни, видя въ этомъ тяжеломъ, неусыпномъ ковыряніи свое спасеніе, обезпеченность своего существованія, нравственное удовлетвореніе. И часто коварная стихійная природа какъ бы вчужѣ проникается сочувствіемъ къ этимъ труженикамъ, ниспосылаетъ благодать на ихъ орошаемыя слезами и трудовымъ потомъ пашни. Но случается и обратное: всѣ стихійныя силы природы тупо отмалчиваются на всѣ обращенные къ нимъ трудовые запросы замотавшихся кустарей-крестьянъ, разсѣивая, смывая и подвергая стужѣ въ самое неурочное время обработанныя и засѣянныя крестьянскія пашни. Въ такомъ разѣ никто не можетъ поручиться, что этотъ оголтѣлый отъ неудачи кустарь снова не примется за спекуляцію и, постепенно и незамѣтно погружаясь въ сферу спекулятивныхъ предпріятій, культивируясь въ развращенной средѣ безцеремоннаго торгашества и барышничества, свыкнувшись со всей окружающей его мерзостью, не превратится въ сформировавшагося вполнѣ скупщика-кулака.

Если у этой катергоріи временныхъ кустарей нѣтъ своего собственнаго сырья для выдѣлки издѣлій, то они покупаютъ сырье въ долгъ съ обязательствомъ уплатить послѣдній немедленно послѣ продажи издѣлій кредитуемаго на ярмаркѣ. Въ случаѣ неуплаты долга къ извѣстному сроку, у кредитуемыхъ отбирается скотъ, что отражается самымъ гибельнымъ образомъ на крестьянскомъ хозяйствѣ. За неимѣніемъ рабочаго скота, кустари этой категоріи не только лишены возможности заниматься хлѣбопашествомъ, но даже не въ состояніи вывозить свои кустарныя издѣлія на ярмарки, не

въ состоянiи вести производство на болѣе или менѣе независимыхъ началахъ, и попадаются въ прямую зависимость и кабалу къ скупщикамъ и кулакамъ.

Изъ такихъ кустарей вербуются представители *третьей категорiи*. Къ этой категорiи кустарей принадлежатъ и тѣ изъ крестьянъ, которые забрасываютъ земледѣлiе изъ-за его невыгодности, необезпеченности. Такiе кустари-крестьяне занимаются исключительно производствомъ кустарныхъ издѣлiй. Имѣя подъ рукою сырье, но не обладая часто оборотнымъ капиталомъ для прiобрѣтенiя предметовъ потребленiя, они не въ состоянiи вести производство самостоятельно, и находятся въ зависимости у скупщиковъ, кредитующихъ ихъ денежными ссудами подъ кустарныя издѣлiя. Если стоимость издѣлiй вполнѣ покрываетъ размѣръ выданной впередъ, заблаговременно, ссуды, то временныя обязательства кустаря по отношенiю къ скупщику съ уплатой долга прекращаются. Хотя такiя благопрiятныя условiя кустарнаго производства явленiе рѣдкое (обыкновенно кустари этой категорiи бываютъ въ неоплатномъ долгу у скупщиковъ), но тѣмъ не менѣе, при возможности ихъ осуществленiя, положенiе кустаря-профессiоналиста не столь безнадежно. Кустарь не лишенъ права смѣны и выбора скупщика при уплатѣ стараго долга. Уже одно обладанiе этимъ правомъ, одна возможность выбора скупщиковъ сообразно хозяйственнымъ и промышленнымъ интересамъ въ состоянiи гарантировать кустарей отъ полнаго ихъ закабаленiя скупщиками. Но съ потерею этого права, съ истощенiемъ собственнаго сырья для производства, съ развертывающеюся со дня на день все болѣе незатѣйливой перспективой затруднительнаго прiобрѣтенiя предметовъ потребленiя и орудiй производства, положенiе кустаря-профессiоналиста становится самымъ безвыходнымъ. Онъ несетъ кулаку свое послѣднее достоянiе трудъ, и поступаетъ къ нему въ полную кабалу.

Незавидно положенiе такихъ кустарей, которые изо дня въ день, изъ года въ годъ, въ непосильной работѣ влачатъ свое жалкое существованiе, не предвидя исхода своему горю-злосчастiю, своему постепенному физическому и нравственному искалѣченiю, своимъ душевнымъ мукамъ. Нѣтъ никакой воз-

можности этимъ мученикамъ неблагодарнаго, отупляющаго труда выбраться на проторенную дорожку, выбиться изъ угнетающихъ условій жизни. Гдѣ, въ какихъ дебряхъ человѣческой мудрости искать имъ спасенія отъ этихъ безпощадныхъ, угнетающихъ условій?

Мы не беремся за рѣшеніе этого вопроса, потому что не ставимъ себѣ цѣлью въ настоящей статьѣ предлагать какія бы то ни было мѣры къ улучшенію кустарной промышленности въ Сибири, а желаемъ лишь дать краткій очеркъ ея современнаго состоянія, при томъ въ одной только губерніи. Поэтому, не вдаваясь въ теоретическія мечтанія, мы перейдемъ опять къ фактамъ и постараемся опредѣлить общую производительность труда кустарей по отдѣльнымъ промысламъ вмѣстѣ съ орудіями производства и безъ оныхъ.

Н. Д—и.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ОБЫЧНЫЕ СУДЫ

въ хуторахъ Донской Области.

Изученіе мѣстнаго народнаго суда, затрогивающаго, по выраженію Заруднаго, всѣ струны народной жизни, имѣетъ весьма важное значеніе въ изученіи народнаго быта. Мѣстный судъ для простого народа въ его обыденной жизни является тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ отыскиваетъ правосудіе, защищаетъ и возстановляетъ свои права. „Этотъ судъ,“ выражаясь словами Бентама, „стоитъ у дверей каждаго гражданина-простолюдина и оберегаетъ всѣ его права и интересы, кажущіеся иногда ничтожными, но на самомъ дѣлѣ имѣющими для простого бѣднаго человѣка весьма важное и рѣшающее значеніе.“ Мѣстный судъ, являясь ближайшимъ органомъ оберегающимъ жизнь и безопасность простого народа, служитъ для него универсальною школою. Здѣсь простой народъ получаетъ свое нравственное, умственное и политическое воспитаніе; здѣсь онъ усваиваетъ принципы общественной жизни; здѣсь онъ убиваетъ эгоистическія стремленія и пріучается уважать общественные интересы; здѣсь онъ пріобрѣтаетъ понятіе о правѣ и справедливости; здѣсь онъ получаетъ знанія, соотвѣтствующія его бытовой обстановкѣ.

Мѣстный судъ руководствуется исключительно обычнымъ правомъ, еще никѣмъ не написаннымъ и извѣстнымъ во всей своей цѣлости только простому народу. Простой народъ въ своей обыденной жизни согласуется болѣе съ обычными правилами, записанными въ его памяти, нежели съ писаннымъ закономъ, который ему мало извѣстенъ. Обычное право, какъ выработанное самою жизнью народа и являющееся вѣрнымъ

ея выраженіемъ, въ мѣстномъ судѣ получаетъ свою защиту и является здѣсь въ выпуклой формѣ, весьма удобной для изученія. Мало того, обычное право, зарождаясь въ самой жизни, здѣсь, въ мѣстномъ судѣ, вырабатывается и развивается; здѣсь оно кодифицируется въ памяти народа и здѣсь санкціонируется.

Такова важна роль, принадлежащая мѣстнымъ обычнымъ судамъ въ народно-бытовой жизни. Не зная ихъ, нельзя вполнѣ изучить и понять народной жизни. Не смотря на это, изслѣдователи русскаго народнаго быта сравнительно мало удѣлили времени для этихъ судовъ. Въ настоящемъ очеркѣ мы изложимъ организацію обычныхъ судовъ, дѣйствующихъ въ хуторахъ Донской Области *).

Всѣ нынѣ существующіе обычные народные суды можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни изъ нихъ предусмотрѣны дѣйствующимъ законодательствомъ, другіе не предусмотрѣны и дѣйствуютъ исключительно въ силу обычая. Суды, которые составятъ предметъ настоящаго изложенія, относятся къ послѣдней категоріи.

Своеобразный бытовой строй донскихъ казацкихъ общинъ заставляетъ предполагать и своеобразныя особенности въ мѣстныхъ народныхъ судахъ; поэтому мы, прежде чѣмъ приступить къ описанію этихъ народныхъ судовъ, напомнимъ здѣсь важнѣйшіе факторы, положившіе печать своеобразія на донскія общины, которыя, не смотря на то, что со второй четверти настоящаго столѣтія начали постепенно сливаться съ общимъ русскимъ населеніемъ, утрачивая свои самобытныя черты, и теперь представляютъ много своеобразныхъ и интересныхъ въ научномъ отношеніи особенностей.

Самый процессъ образованія казачества и тѣ условія и обстоятельства, при которыхъ этотъ процессъ совершался, безспорно отразились на внутренней и внѣшней жизни казаковъ. Первые колонизаторы края, энергичные и рѣшительные выходцы, неся съ собою зачатки гражданской жизни, вошли въ обѣтованную имъ землю съ войной, осѣлись въ ней воюя

*) Этотъ очеркъ относится главнымъ образомъ до хуторовъ Хоперскаго округа Д. О., причемъ имѣются въ виду хутора менѣе населенные и болѣе удаленные отъ станицъ съ преобладающимъ земледѣльческимъ характеромъ.

и далѣе продолжали жить среди военныхъ походовъ почти до послѣдняго времени. Это обстоятельство — военный образъ жизни, — конечно, имѣло громадное вліяніе на складъ общественной жизни казаковъ. Значеніе этого обстоятельства увеличивалось еще болѣе тѣмъ, что государство долгое время не вмѣшивалось во внутренній распорядокъ казаковъ. Отвоевавъ себѣ уголокъ, новые казаки стали въ какое-то неопредѣленное положеніе къ государству. Они образовали изъ себя какъ бы самостоятельное независимое государство. Такъ смотрѣло на нихъ само Московское государство. Оно не становилось съ ними долгое время ни въ юродическія, ни въ финансовыя отношенія; землю ихъ называло не Русскою, а Землею Войска Донскаго; оно искало ихъ дружбы, такъ какъ нуждалось въ нихъ, какъ пограничныхъ стражахъ, каковою услугою пользовалось не даромъ, а платило имъ за это извѣстное жалованье деньгами, оружіемъ, порохомъ и проч. Казаки же съ своей стороны относились не чуждо къ своему прежнему отечеству; они тянули и теперь къ нему душой и тѣломъ, позволяя себѣ впрочемъ иногда нападать на русскія купеческія суда. Такое отношеніе къ Московскому государству, такое невмѣшательство послѣдняго во внутреннюю жизнь дало возможность казакамъ выработать вполнѣ самобытный типъ общественной жизни. Кромѣ того. удаленность казачьей территоріи отъ политическихъ и промышленныхъ центровъ благопріятствовала естественному развитію общественной жизни. Ни политическія, ни экономическія событія внутренней Россіи не производили на нихъ тѣхъ вліяній, какія они производили въ нѣдрахъ Московскаго царства. Наконецъ, отсутствіе у казаковъ крѣпостного права должно было отозваться сильно на ихъ жизни. У нихъ съ самаго начала образованія казачества и до послѣдняго времени не было ни въ какой формѣ крѣпостничества; а разъ его не было, то нельзя искать здѣсь и тѣхъ послѣдствій крѣпостничества, какія мы находимъ въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Достаточно и этихъ перечисленныхъ нами факторовъ, чтобы понять, что у казаковъ долженъ былъ явиться своеобразный общественный строй, а слѣдовательно и свое особенное судоустройство и судопроизводство, къ описанію которыхъ

мы и перейдемъ, бросивъ предварительно бѣглый взглядъ на историческое развитіе казачьяго суда.

Исторію казачьяго суда можно раздѣлить на три крупныхъ періода: первый—отъ начала образованія до 1835 года, т. е. до введенія Положенія объ управленіи Войска Донскаго; второй—отъ 1835 г. до 1870 года, т. е. до введенія Положенія объ управленіи въ казачьихъ войскахъ, и, наконецъ, третій—отъ 1870 г. до настоящаго времени.

Первый періодъ представляетъ много интереса въ научномъ отношеніи, но, къ сожалѣнію, о немъ нѣтъ надлежащихъ свѣдѣній, а если они и есть, то очень мало, и данныя эти не только кратки, но къ тому же иногда сомнительны. Въ этотъ періодъ судъ былъ такимъ, какимъ выработала его сама жизнь; никакихъ внѣшнихъ вліяній онъ на себѣ не испыталъ, такъ какъ до 1835 г. правительство относительно организаціи донскихъ судовъ почти ничего не сдѣлало, и правосудіе на Дону отправлялось безъ всякаго писаннаго закона. Въ этотъ періодъ казацкая жизнь еще не выработала спеціальнаго органа правосудія; спеціальныхъ судей, насколько можно судить по разсказамъ стариковъ, въ это время еще не существовало, а правосудіе отправлялъ тотъ органъ, который сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всѣ вообще дѣла текущей жизни. Такимъ органомъ для всего Донского войска былъ Большой Войсковой кругъ, а для отдѣльныхъ станицъ Малый Станичный кругъ, или сходъ. Станичные сходы, состоявшіе изъ гражданъ одной станицы, вѣдали всѣ административныя и судебныя дѣла, за исключеніемъ дѣлъ особенной важности и дѣлъ о юртовыхъ границахъ, которыя разсматривались въ войсковыхъ кругахъ. Войсковой кругъ состоялъ изъ представителей всего Донского войска и собирался въ городкѣ Черкасскѣ.

Станичныхъ сходовъ было два вида: обыкновенныя собранія стариковъ, почти ежедневно собиравшихся на „майданѣ" у станичной избы, и экстренные сходы, собираемые станичнымъ атаманомъ черезъ „есаульца" и отличавшіеся отъ первыхъ только своимъ многолюдствомъ.

Какимъ образомъ станичные сходы успѣвали разбирать всѣ судебныя и административныя дѣла, почему не было по-

требности въ спеціальныхъ судьяхъ и почему даже представитель общественнаго самоуправленія — атаманъ не вѣдалъ судебныхъ дѣлъ, это, конечно, прежде всего объясняется простотою общественной жизни, которая давала мало дѣлъ, и тѣмъ, что станичный сходъ въ старое время не было нужды собирать и дожидаться его сбора, такъ какъ онъ собирался едвали-ли не каждый день. Въ старину у казаковъ было обыкновеніе въ свободное время, а его было тогда много, собираться на „майданѣ“ — мѣсто общественныхъ собраній при станичномъ правленіи. Это было любимѣйшее препровожденіе времени казаковъ. Здѣсь они ежедневно собирались и за плетеніемъ сѣтей или другою какою-либо работою вели бесѣды о былыхъ и предстоящихъ походахъ, о текущихъ дѣлахъ, о событіяхъ дня; здѣсь же творили судъ и расправу, такъ что всякій обиженный, ищущій правосудія, шелъ въ станичный домъ и здѣсь находилъ собраніе стариковъ, къ которымъ обращался съ своею жалобой, и получалъ удовлетвореніе.

Въ этихъ ежедневныхъ собраніяхъ участвовали молодые и старые казаки, женщины же никогда не допускались на нихъ. Активное участіе въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ и обсужденіи различныхъ вопросовъ принимали только старики; они только могли трактовать о дѣлахъ, молодые же должны были стоять сзади и слушать, о чемъ говорятъ старики, отнюдь не позволяя себѣ ни говорить, ни дѣлать своихъ замѣчаній.

Большая часть дѣлъ, возникавшихъ между одностаничниками, разбиралась этими ежедневными сходами или собраніями; лишь дѣла болѣе или менѣе важныя и дѣла, рѣшеніемъ которыхъ оставались не довольны стороны, разбирались полнымъ общественнымъ сходомъ. Если же стороны оставались недовольны рѣшеніемъ полныхъ сходовъ, то они обращались за разрѣшеніемъ спорнаго дѣла въ Большой Войсковой кругъ. Иногда за нѣсколько сотъ верстъ тяжущіеся отправлялись вмѣстѣ въ Черкасскъ и нерѣдко, пройдя половину пути, одумывались, мирились и возвращались домой, гдѣ ихъ торжественно встрѣчали и поздравляли съ миромъ.

Каковъ былъ порядокъ на станичныхъ сходахъ при разсмотрѣніи дѣлъ, какія тогда существовали правила,—теперь

трудно возстановить; но это отчасти можетъ быть восполнено описаніемъ современныхъ хуторскихъ судовъ. Поэтому, въ виду предстоящаго изложенія, мы не будемъ подробно останавливаться на описаніи старинныхъ судовъ.

„Коротокъ и простъ былъ судъ въ старину", говорятъ старики. „Въ куль да въ воду", „разложатъ и высѣкутъ", а то и такъ „поширяютъ, поширяютъ въ глаза, потазаютъ хорошенько, да тѣмъ дѣло и кончатъ". „Скажутъ: отдай—и отдашь; возьми—пойдешь и возьмешь, никто ни слова не скажетъ" и проч. Такими словами характеризуютъ свои старинные суды современные старики казаки. И дѣйствительно, краткость и простота были выдающеюся чертою старинныхъ судовъ. Сегодня возникъ гражданскій споръ между двумя казаками, завтра они встрѣчаются на майданѣ, гдѣ присутствуютъ ихъ свидѣтели и защитники, и поднимаютъ вопросъ о возникшемъ спорномъ отношеніи. Начинается судъ: стороны спорятъ между собою, свидѣтели даютъ свои показанія, старики высказываютъ свои соображенія; во время этого шума разрѣшается спорное отношеніе, выясняется мнѣніе стариковъ, которому стороны добровольно подчиняются, и здѣсь же исполняютъ опредѣленное; не исполнить его нельзя, потому что это значитъ пойти противъ собранія, иногда представляющаго изъ себя цѣлое общество, навлечь на себя его гнѣвъ и подвергнуться послѣдствіямъ раздраженной толпы. Сегодня совершена кража, сегодня же потерпѣвшій заявляетъ объ этомъ на майданѣ, гдѣ находятся и свидѣтели, и если нѣтъ обвиняемаго, посылаютъ за нимъ; его тотчасъ приводятъ; минутный споръ, и передъ собраніемъ кающійся обвиняемый стоитъ на колѣняхъ, или потерпѣвшій наказываетъ его розгами, приговаривая: „не я тебя бью, а бьетъ тебя честная станица", а изъ толпы кричатъ: „прибавь", наконецъ раздаются голоса: „довольно"—и судъ конченъ; дѣло разобрано, обвиняемый обвиненъ и наказанъ.

Точно также разбирались судебныя дѣла и на полныхъ станичныхъ сходахъ, съ тѣмъ развѣ различіемъ, что на послѣднихъ болѣе дѣятельное участіе принималъ атаманъ, который руководилъ всѣмъ сходомъ.

Изъ наказаній, налагаемыхъ за преступленія, было болѣе

употребительно наказаніе розгами; весьма часто практиковались позорящія наказанія въ видѣ, напримѣръ, проведенія обвѣшаннаго крадеными вещами вора по улицамъ. Нерѣдко на общественныхъ сходахъ вмѣсто наказаній дѣлалось внушеніе, что казаки называютъ „поширять въ глаза“ или „потазать“.

Смертная казнь употреблялась весьма рѣдко и за особенно важныя преступленія, какъ напримѣръ за измѣну и др. Наказаніе же въ видѣ покупки водки для угощенія стариковъ, нынѣ весьма распространенное, въ старыхъ судахъ, насколько можно судить по разсказамъ стариковъ, не употреблялось. Отъ упомянутыхъ выше наказаній не избавлялся совершившій проступокъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ примирялся съ потерпѣвшимъ лицомъ. Въ современныхъ станичныхъ судахъ примиреніе допускается по всѣмъ дѣламъ; если потерпѣвшій помирится съ воромъ, то по большей части станичные судьи прекращаютъ это дѣло, и часто можно замѣтить, какъ бываютъ недовольны казаки, когда въ мировомъ судѣ имъ объявляютъ, что помириться по дѣлу о кражѣ нельзя. Въ старину же примиренія по этимъ дѣламъ не допускалось; хотя бы воръ и помирился съ потерпѣвшимъ, хотя бы послѣдній и не жаловался сходу, но если сходъ узнаетъ объ этомъ, то обвиняемаго привлекали къ отвѣтственности и наказывали. Полная судебная дѣятельность станичныхъ сходовъ продолжалась до 1835 года, до введенія положенія объ управленіи въ Донскомъ войскѣ.

Положеніе 1835 года произвело большую ломку въ общественномъ управленіи донскихъ казаковъ. Этимъ положеніемъ вводятся на Дону новые спеціальные суды, и кругъ вѣдомства станичнаго схода по всѣмъ вообще дѣламъ суживается. Всѣ важныя дѣла отошли въ вѣдомство коронныхъ судовъ, маловажныя дѣла остались въ вѣдѣніи станичнаго схода и станичнаго правленія. По новому положенію станичному правленію, которое состояло теперь изъ атамана и двухъ судей, предоставляется принимать жалобы, какъ отъ жителей станицы, такъ и постороннихъ, и чинить разборъ по онымъ въ искахъ, проостирающихся не свыше 50 руб. (ст. 132 ч. XII). Кромѣ того станичному правленію предоставляется по доходящимъ къ нему жалобамъ и свѣдѣніямъ производить

словесныя изысканія, разсматривать оныя и полагать мнѣніе свое объ исправительныхъ средствахъ: за неповиновеніе дѣтей родителямъ и оскорбленіе ихъ, за сварливость въ семействѣ и съ сосѣдями, за лѣность, пьянство, буйство, распутство, обманъ всякаго рода и кражу ниже 20 руб., потраву чужого хлѣба или сѣна и прочіе подобные поступки, не заключающіе въ себѣ важнаго преступленія (ст. 122 ч. XII). Они, т. е. атананъ и судьи, принимаемую жалобу и учиненный розыскъ записываютъ въ журналъ и, излагая мнѣніе свое сообразно съ существомъ дѣла, предлагаютъ оное станичному обществу на сборѣ. Станичное же общество, повѣривъ обстоятельства дѣла, или соглашается съ мнѣніемъ атамана и судей, или полагаетъ свое рѣшеніе (ст. 124 и 125 ч. XII). Кромѣ того, станичное общество на полномъ сборѣ судитъ и опредѣляетъ мѣру исправительнаго наказанія за маловажные проступки. Оно по усмотрѣнію своему можетъ наказывать и за бродяжничество по міру такихъ неимущихъ своей станицы, которые получили отъ нея призрѣніе. Станичное общество налагаетъ денежныя взысканія за своевольство и повреждение въ общественныхъ довольствіяхъ (98, 99 и 100 ст. ч. XII). Наказаніе на тѣлѣ опредѣляется станичнымъ сборомъ въ такой мѣрѣ, чтобы не причиняло ни увѣчья, ни поврежденія въ здоровьи виновнаго (127 ст. ч. XII).

Такимъ образомъ положеніе 1835 года создало два вида народныхъ судовъ: судъ станичнаго схода и судъ станичнаго правленія. Въ этихъ судахъ попрежнему примѣнялись всѣ обычаи, выработанные предшествующей жизнью, такъ какъ формъ и обрядовъ судопроизводства Положеніе не предписывало почти никакихъ. Да и само опредѣленіе подсудности дѣлъ, по свидѣтельству источниковъ и разсказамъ стариковъ, на самомъ дѣлѣ первоначально не существовало: станичный сходъ попрежнему принималъ къ своему разбирательству всѣ дѣла, хотя бы они ему и не были подсудны по Положенію.

Но, тѣмъ не менѣе, Положеніе 1835 года имѣло весьма большое вліяніе на устройство казацкихъ судовъ. Съ этого времени судебная власть станичнаго схода постепенно начала ослабѣвать; станичные сходы вслѣдствіе ослабленія интереса казаковъ къ общественнымъ дѣламъ стали собираться рѣже,

поэтому и не могли уже отправлять постоянно правосудіе. Въ силу этого станичное правленіе все больше и больше принимало дѣлъ къ своему разбирательству, пріобрѣтая тѣмъ самымъ и большую силу и значеніе. Въ особенности же значеніе станичнаго правленія, какъ судебнаго мѣста, увеличивалось съ тѣхъ поръ, когда въ составъ его вошли депутаты, выбираемые обществомъ. Съ этихъ поръ всѣ маловажныя дѣла разрѣшались атаманомъ съ депутатами, такъ что къ 1860 — 70 гг. станичные сходы рѣшали весьма мало дѣлъ и то лишь тогда, когда они собирались для какихъ-либо иныхъ цѣлей.

Наконецъ, „Положеніе объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ 1870 года" окончательно отняло отъ станичнаго суда судебную власть, передавъ ее въ руки спеціально избираемыхъ судей. Положеніе 1870 года создало новое учрежденіе — „станичный судъ", состоящій изъ 4—12 ежегодно выбираемыхъ обществомъ судей. Теперь право суда принадлежитъ исключительно станичному суду: ни атаманъ, ни станичный сходъ по новому закону не имѣютъ права суда.

Станичному суду подвѣдомственны какъ войсковые обыватели, не пользующіеся особыми правами состоянія, такъ и всѣ вообще временно или постоянно проживающіе на земляхъ станичнаго общества лица податного состоянія, отставные и безсрочно-отпускные нижніе военные чины и ихъ семейства (ст. 33). Станичный судъ рѣшаетъ окончательно всѣ споры и тяжбы собственно между подвѣдомственными ему лицами цѣною до 100 руб. включительно, какъ о недвижимомъ и движимомъ имуществахъ въ предѣлахъ общаго станичнаго надѣла, такъ и по займамъ, покупкамъ, продажамъ и всякаго рода сдѣлкамъ, а равно и дѣла на вознагражденіе за убытки и ущербъ имущества, этимъ лицамъ причиненные, когда цѣна убытка и ущерба не превышаетъ 100 р. (ст. 35). Кромѣ того, станичный судъ разбираетъ и приговариваетъ къ наказанію подвѣдомственныхъ ему лицъ за маловажные проступки, когда они не находятся въ связи съ уголовными преступленіями, кои подлежатъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ (ст. 38). Станичный судъ властенъ приговаривать виновныхъ къ общественнымъ работамъ до 6 дней,

или денежному взысканію до 3 рублей, или къ аресту до 7 дней (ст. 38). Станичный судъ рѣшаетъ дѣла на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ казачьемъ быту (44 ст.) и т. д. Вообще, устройство станичнаго суда сходно съ устройствомъ крестьянскихъ волостныхъ судовъ, имѣя впрочемъ пріятныя особенности, такъ какъ тѣлесныхъ наказаній въ современныхъ станичныхъ судахъ не существуетъ и они дѣйствующимъ Положеніемъ не предусмотрѣны.

Такимъ образомъ, нынѣ дѣйствующимъ Положеніемъ объ управленіи въ казачьихъ войскахъ предусмотрѣна одна только форма народнаго суда—станичный судъ, въ которомъ должны разбираться въ своихъ тяжбахъ и спорахъ какъ жители станицъ, такъ и жители хуторовъ. Но благодаря исторической привычкѣ разбираться въ своемъ кругу и мѣстнымъ условіямъ, а именно удаленности хуторовъ отъ станицъ, какъ атминистративныхъ и судебныхъ центровъ [1]), въ хуторахъ и теперь продолжаютъ существовать свои обычные суды, въ которые хуторскіе жители обращаются болѣе охотно, нежели въ станичные суды, которые не всегда являются выразителями мѣстныхъ обычаевъ и въ которыхъ нерѣдко могарычъ рѣшаетъ всѣ дѣла [2]). Хуторскіе суды представляютъ много интереса въ научномъ отношеніи, потому что они и въ настоящее время являются такими, какими выработала ихъ сама жизнь; законодательная рука ихъ еще не коснулась; это суды чисто обычные, естественные, если можно о нихъ такъ выразиться.

Въ хуторахъ можно насчитать пять формъ суда: 1) судъ поселковаго атамана, 2) судъ понятыхъ, 3) судъ стариковъ, 4) судъ хуторского схода или сбора и, наконецъ, 5) третейскій судъ. Каждый изъ перечисленныхъ судовъ, кромѣ третейскаго суда, составляетъ особую судебную инстанцію по отношенію къ другимъ. Высшей инстанціей для суда поселковаго атамана служитъ судъ понятыхъ и судъ ста-

---

1) Нѣкоторые хутора отстоятъ отъ своей станицы верстъ на 50 и болѣе.

2) Насколько неудовлетворительны станичные суды, можно судить по тѣмъ частымъ упрашиваніямъ казаковъ мироваго принять неподсудное ему дѣло и по тому множеству дѣлъ въ мировыхъ учрежденіяхъ съ умышленно-увеличенными исками до 101, 102, 105 руб.

риковъ, а для этихъ послѣднихъ высшая инстанція судъ хуторского схода, который всѣ дѣла рѣшаетъ окончательно, такъ что сторона, недовольная судомъ хуторского атамана, обращается или къ суду понятыхъ, или къ суду стариковъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, а недовольная рѣшеніемъ этихъ послѣднихъ обращается къ суду хуторского схода; жалобъ на рѣшенія этого послѣдняго суда въ настоящее время приносить некуда, такъ какъ оффиціальные суды не признаютъ этихъ рѣшеній, какъ не предусмотрѣнныхъ закономъ, и такъ какъ судъ станичнаго схода, куда прежде приносились жалобы на рѣшеніе хуторскихъ сборовъ, теперь почти прекратилъ свое существованіе, поэтому рѣшеніе хуторского схода приводится въ исполненіе, или дѣло переносится въ оффиціальные суды, гдѣ разсматривается вновь. Всякое дѣло, рѣшенное нисшей инстанціею, можетъ быть перенесено въ высшую. Опредѣленныхъ сроковъ для этого не выработано обычаемъ, или по крайней мѣрѣ ихъ трудно опредѣлить; но если приговоръ нисшей инстанціи былъ приведенъ въ исполненіе, напр., спорная вещь была отобрана, и если съ этого времени недовольная сторона долго не жаловалась, то обыкновенно къ новому разсмотрѣнію высшая инстанція не принимаетъ этого дѣла, говоря просителю: „ты чего раньше думалъ? это ужъ давно было“ и т. п. А каково это давно, трудно опредѣлить; во всякомъ случаѣ, говорятъ казаки, если прошелъ годъ, то ужъ нельзя возбуждать такого дѣла. Въ хуторскихъ судахъ дѣла изъ нисшей инстанціи въ высшую переносятся не только по жалобѣ недовольной стороны, какъ это бываетъ въ оффиціальныхъ судахъ, но весьмо часто случается, что дюло переходитъ на разсмотрѣніе высшаго суда по жалобѣ стороны, каторая довольна рѣшеніемъ. Въ хуторахъ нѣтъ особаго органа, который приводилъ бы рѣшенія суда въ исполненіе; это по большей части предоставляется на добрую волю сторонъ. Поэтому часто случается, въ особенности въ послѣднее время, что присужденная сторона не исполняетъ добровольно рѣшенія, положимъ, суда стариковъ; тогда та сторона, въ пользу которой рѣшено дѣло и которая довольна рѣшеніемъ суда, обращается съ жалобой въ судъ хуторского схода, который не ограничивается понужденіемъ противной

стороны къ исполненію уже постановленнаго рѣшенія, а разсматриваетъ вновь дѣло и постановляетъ то или иное рѣшеніе, и это рѣшеніе, какъ рѣшеніе суда болѣе многолюднаго и компетентнаго, исполняется по большей части добровольно, а если не исполняется, то приводится въ исполненіе тѣмъ или инымъ способомъ. Для того, чтобы дѣло было разсмотрѣно хуторскимъ сходомъ, вовсе не требуется, чтобы оно было разсмотрѣно нисшимъ судомъ. Правила, по которому дѣло, не разбиравшееся въ нисшемъ судѣ, не можетъ быть разсмотрѣно въ высшемъ, въ хуторахъ нѣтъ. Поступленіе дѣла въ ту или иную инстанцію зависитъ отъ обстоятельствъ дѣла, такъ что если дѣло возникло наканунѣ или во время схода, то оно прямо и поступаетъ на его разсмотрѣніе. При разсмотрѣніи дѣла въ высшей инстанціи судьи, принимавшіе участіе въ рѣшеніи этого дѣла въ нисшей инстанціи, не только не устраняются, а напротивъ, какъ болѣе знакомые съ дѣломъ, принимаютъ болѣе дѣятельное участіе.

Общая черта всѣхъ видовъ хуторскихъ судовъ—отсутствіе письменности. Хуторскіе суды есть суды словесные: здѣсь все происходитъ на словахъ, на письмѣ же ничего. Впрочемъ, благодаря перемѣнамъ послѣдняго времени и упадку нравовъ, письменность начинаетъ проникать и сюда. Въ нѣкоторыхъ хуторахъ хотя и невсегда, но записываются рѣшенія судовъ въ весьма оригинальной формѣ, именно въ формѣ мировыхъ записей. Потребность въ этихъ мировыхъ записяхъ вызывается частыми злоупотребленіями. Нерѣдко случается, что стороны, разобравшись въ хуторскомъ судѣ, остаются повидимому довольны рѣшеніемъ; вдругъ одна изъ сторонъ подаетъ жалобу въ станичный судъ, разсчитывая на невниманіе судей или подкупивъ ихъ, а они и рѣшаютъ иначе дѣло, отмѣняя, конечно, рѣшеніе судей, стоящихъ весьма близко къ дѣлу и неподкупныхъ, потому что цѣлый сходъ подкупить нельзя, а если и можно, то это будетъ дороже самого дѣла. Во избѣжаніе такихъ злоупотребленій и начинаютъ по рѣшеніи дѣла заключать мировыя записи, при существованіи которыхъ станичные суды такихъ дѣлъ къ своему разсмотрѣнію не принимаютъ. Эти записи совершаются теперь сравнительно рѣдко, а вмѣсто нихъ дѣло обыкно-

венно заканчивается угощеніемъ судей водкой, послѣ котораго не исполнить рѣшенія суда считается позорнымъ. Это угощеніе является ничѣмъ инымъ, какъ переживаніемъ той пени, которую брали древніе судьи за отправленіе правосудія. Угощаютъ судей въ гражданскихъ дѣлахъ по преимуществу обѣ стороны, въ уголовныхъ же дѣлахъ по преимуществу обвиняемый, для котораго это угощеніе иногда служитъ и наказаніемъ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію отдѣльныхъ видовъ хуторского суда, мы должны остановиться на томъ, какъ и кто приводитъ въ исполненіе рѣшенія этихъ судовъ, потому что безъ этого объясненія дальнѣйшее изложеніе будетъ не такъ понятно. На вопросы, какъ и кто приводитъ въ исполненіе рѣшенія хуторскихъ судовъ, казаки затрудняются дать отвѣтъ и обыкновенно говорятъ: „больше рѣшаемъ миромъ“, „всѣ дѣла кончаемъ миромъ“, стараемся склонить къ миру“ и т. п., т. е. даютъ такіе отвѣты, какіе даютъ крестьяне относительно своихъ сельскихъ и волостныхъ судовъ. Изъ такихъ отвѣтовъ можно бы было заключить, что хуторскіе суды, и вообще народно-обычные суды, въ сущности, не разбираютъ дѣлъ, не постановляютъ по нимъ рѣшеній, а потому имъ и нечего приводить въ исполненіе, что хуторскіе суды являются лишь посредниками между сторонами, которыя при ихъ посредствѣ сами разрѣшаютъ возникшее между ними спорное отношеніе, и что дѣйствительно всѣ дѣла въ хуторскихъ судахъ кончаются добровольнымъ примиреніемъ сторонъ. Но такое заключеніе было бы ошибочно и не соотвѣтствовало бы дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ хуторскіе суды разбираютъ дѣла, постановляютъ и произносятъ приговоры, которые и приводятся въ исполненіе. Уже изъ нѣкоторыхъ отвѣтовъ самихъ казаковъ можно заключить, что не всѣ дѣла кончаются миромъ, придавая даже этому выраженію обыкновенный смыслъ. „Больше дѣла рѣшаемъ миромъ“, говорятъ казаки; а меньшее число дѣлъ, значитъ, не оканчивается примиреніемъ. Подъ этимъ меньшимъ числомъ разумѣются дѣла, по которымъ постановленныя рѣшенія приводятся въ исполненіе насильственно или самимъ судомъ или тѣмъ, кто будетъ на это уполномоченъ.

Приведеніе въ исполненіе своихъ рѣшеній самими хуторскими судами встрѣчается нерѣдко. Часто сходъ, разсмотрѣвъ уголовное дѣло и порѣшивъ хорошенько проучить обвиняемаго, тотчасъ самъ приводитъ это въ исполненіе, т. е. высѣкутъ или изобьютъ обвиняемаго; если же порѣшатъ наказать обвиняемаго денежнымъ штрафомъ, то тутъ же на сходѣ требуютъ денегъ; нѣтъ ихъ,—раздѣнутъ обвиняемаго или отнимутъ какую-либо вещь, заложатъ ее въ кабакѣ и купятъ водки. Нерѣдко, разобравъ гражданское дѣло, сходъ предлагаетъ истцу самому осуществить выспоренное право; но если онъ встрѣтитъ сопротивленіе, отвѣтчикъ будетъ „супорствовать", то тогда сходъ самъ приведетъ въ исполненіе свое рѣшеніе: пойдетъ во дворъ, сдѣлаетъ тамъ погромъ, найдетъ тамъ спорную вещь или отниметъ другую и удовлетворитъ, кого слѣдуетъ. Такимъ образомъ, меньшее число дѣлъ хуторскіе суды разбираютъ, постановляютъ по нимъ свои приговоры и приводятъ въ исполненіе сами или тѣ, которымъ это будетъ поручено. Большая часть дѣлъ, по словамъ казаковъ, кончаются миромъ, но это однако не значитъ, что эти дѣла хуторскіе суды не разбираютъ и не постановляютъ по нимъ своихъ рѣшеній, что стороны сами при участіи судей разрѣшаютъ возникшій между ними споръ. И эти дѣла хуторскіе суды, также какъ и въ первомъ случаѣ, разбираютъ и постановляютъ по нимъ свои рѣшенія; вся разница заключается лишь въ приведеніи въ исполненіе этихъ рѣшеній. Въ первомъ случаѣ судъ самъ приводитъ въ исполненіе свое рѣшеніе, здѣсь же стороны добровольно исполняютъ или соглашаются исполнить приговоръ суда, заканчивая это однако обрядомъ примиренія, т. е. кланяются въ ноги, цѣлуются, покупаютъ водку и т. п. Обоюднаго же, добровольнаго соглашенія разрѣшить возникшій споръ такъ, какъ разрѣшилъ сходъ, между сторонами далеко не бываетъ. Часто обѣ стороны бываютъ недовольны рѣшеніемъ схода, однако онѣ исполняютъ его здѣсь же на сходѣ и, исполняя его, мирятся между собою; но этимъ миромъ разрѣшается не спорное дѣло, которое уже разрѣшено судомъ, а разрѣшаются тѣ непріязненныя личныя отношенія, которыя возникли по поводу спорнаго дѣла. Здѣсь миръ не предшествуетъ разрѣшенію дѣла, а слѣдуетъ за нимъ.

Пояснимъ это. Является на судъ хуторского схода истецъ и проситъ присудить ему съ отвѣтчика за потраву; отвѣтчикъ отказывается уплатить искомую сумму. Слѣдуетъ разборъ дѣла, заключающійся въ допросѣ свидѣтелей и въ спорѣ сторонъ, судей и свидѣтелей, спорѣ шумномъ и доходящемъ по большей части до брани; во время этого спора большинство судей приходятъ къ опредѣленному мнѣнію, послѣ чего представитель большинства, обращаясь къ отвѣтчику или обѣимъ сторонамъ, говоритъ: „мирись" или „миритесь", диктуя при этомъ условія мира: „ты, отвѣтчикъ, заплати столько то, а ты, истецъ, больше не требуй, потому что твоя потрава больше не стоитъ". Вотъ въ этихъ то диктуемыхъ условіяхъ мира хуторской судъ и выражаетъ свой приговоръ. Хуторской судъ, говоря: „мирись„ и диктуя при этомъ условія мира, какъ будто произноситъ: „разобравъ дѣло, мы пришли къ такому-то заключенію", положимъ: „ты, отвѣтчикъ, долженъ заплатить истцу столько-то". Итакъ, дѣло разобрано, приговоръ объявленъ, должно слѣдовать его исполненіе. Отвѣтчикъ, зная, что если онъ добровольно не исполнитъ приговора суда, то онъ самъ приведетъ его въ исполненіе, добровольно уплачиваетъ присужденную сумму, а истецъ, зная, что если онъ не согласится принять присужденной суммы, останется недоволенъ рѣшеніемъ суда, то лишится и присужденнаго, или при настоящемъ положеніи долженъ перенести дѣло въ оффиціальный судъ, что сопряжено съ немалыми издержками, также соглашается принять присужденную сумму. Слѣдовательно, дѣло рѣшено, истецъ удовлетворенъ. Но хуторской судъ не останавливается на этомъ; онъ хочетъ изъ враговъ сдѣлать друзей, поэтому заставляетъ ихъ примириться, „потоптать своего врага". Стороны примиряются, покупается водка, угощаются судьи, и дѣло окончательно считается оконченнымъ. Такимъ образомъ, тотъ „миръ", которымъ разрѣшается по словамъ казаковъ большинство дѣлъ въ ихъ обычныхъ судахъ, не есть добровольное и обоюдное соглашеніе сторонъ такъ или иначе разрѣшить возникшее спорное отношеніе; это есть добровольное исполненіе приговора суда, приговора, выраженнаго въ продиктованныхъ условіяхъ мира.

Конечно, и на хуторскихъ судахъ дѣла кончаются миромъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Придутъ тяжущіеся на сходъ; отвѣтчикъ проситъ простить его или помириться; старики судьи тоже совѣтуютъ помириться, но дѣло еще не разбираютъ, и иногда стороны соглашаются помириться такъ, какъ онѣ хотятъ, а не такъ, какъ имъ предлагаютъ. Но если истецъ отвѣтчику и другимъ принимающимъ участіе въ склоненіи къ миру отвѣтитъ: „не желаю, какъ старики разсудятъ, такъ пусть и будетъ", то послѣ этого начинается уже разборъ дѣла.

Итакъ разбираемыя хуторскими судами дѣла можно раздѣлить на три разряда: 1) дѣла, рѣшенія по которымъ приводятся самимъ судомъ или тѣмъ, въ пользу кого присуждено; 2) дѣла, рѣшенія по которымъ исполняются добровольно, и 3) дѣла, кончаемыя примиреніемъ.

Судъ хуторского атамана.

Этотъ видъ хуторского суда состоитъ изъ одного хуторского атамана. Дѣятельность его весьма незначительна. Сами атаманы по большей части, не чувствуя подъ собою достаточно твердой почвы, отказываются единолично разбирать дѣла и всегда посылаютъ за сторонами. И чѣмъ некультурнѣе мѣстность, тѣмъ дѣятельность атамана, какъ судьи, менѣе, и наоборотъ. Вѣдомству суда хуторского атамана подлежатъ маловажныя дѣла, какъ уголовныя, такъ и гражданскія, напр. дѣла о ссорахъ, дракахъ, обидахъ, незначительныхъ кражахъ и потравахъ и т. п.; кромѣ того, вѣдѣнію хуторского атамана подлежатъ дѣла, не терпящія отлагательства, какъ то: дѣла о перепашкахъ, захватахъ и т. п. Если къ атаману обращаются съ дѣломъ, которое по его мнѣнію превышаетъ его подсудность, то онъ, не приступая къ разбирательству, посылаетъ за стариками, съ которыми и приступаетъ къ дѣлу.

Хуторской атаманъ разбираетъ дѣла гласно, такъ что всякій можетъ присутствовать при разборѣ дѣла и, мало того, всякій, имѣющій право голоса, можетъ принять участіе въ разборѣ дѣла; поэтому нерѣдко бываетъ, что судъ полкового атамана обращается въ судъ стариковъ. Дѣла разбираетъ

атаманъ или у себя въ домѣ или на мѣстѣ происшествія и вообще тамъ, гдѣ указываютъ обстоятельства. Особыхъ обрядовъ судопроизводства въ судѣ хуторского атамана не существуетъ. Обыкновенно является къ нему истецъ или обиженный и, разсказавъ суть дѣла, проситъ послать за отвѣтчикомъ или обвиняемымъ и за свидѣтелями, которые впрочемъ по большей части приводятся просителемъ, а если не приводятся, то самъ проситель идетъ и призываетъ ихъ; за отвѣтчикомъ же посылаетъ атаманъ полицейскаго. Пришедшему отвѣтчику атаманъ вкратцѣ излагаетъ дѣло. Послѣ этого начинается споръ между сторонами, потомъ въ немъ начинаетъ принимать участіе самъ атаманъ и свидѣтели, которые вообще на хуторскихъ судахъ не спрашиваются каждый отдѣльно, а они сами, когда начнутся пренія сторонъ, отрицаютъ или утверждаютъ тѣ или иныя обстоятельства и такъ или иначе во время спора выскажутъ то, что знаютъ по разбираемому дѣлу. Послѣ этого спора атаманъ объявляетъ резолюцію, свое рѣшеніе, высказываетъ свое мнѣніе по данному дѣлу. Обращаясь къ одной или обѣимъ сторонамъ, онъ говоритъ: „ты заплати ему (истцу) столько-то", или „отдай такую-то вещь", „а ты (истецъ) уважь, не гонись за большимъ, будя и этого" и т. п. Если стороны согласны поступить такъ, какъ предлагаетъ атаманъ, довольны его рѣшеніемъ, то дальше идутъ толки о томъ, сколько и кто долженъ купить водки, если этого не опредѣлилъ атаманъ въ своемъ рѣшеніи, что онъ дѣлаетъ въ такой формѣ: „ты, отвѣтчикъ, заплати столько-то, да купи столько-то водки", или „ты заплати ему (истцу), а ты (истецъ) купи столько-то водки". Наконецъ, покупается водка, которая и распивается всѣми участвующими въ дѣлѣ. Если кто-либо изъ сторонъ недоволенъ судомъ атамана, то отъ этого могутъ быть слѣдующіе случаи: атаманъ или отпускаетъ тяжущихся, или по просьбѣ одной изъ сторонъ посылаетъ за стариками, и дѣло вновь разсматривается ими при участіи атамана, или рѣшеніе приводится въ исполненіе, если это возможно по обстоятельствамъ дѣла; напр., если вещь фигурировала на судѣ, то вещь отдается тому, кому присуждена, или, если атаманъ разбиралъ дѣло о томъ, что одинъ занялъ у другого часть мѣста городьбою, то истецъ

съ помощью свидѣтелей разрушаетъ городьбу и возстановляетъ свое владѣніе.

Уголовныя дѣла хуторскимъ атаманомъ разбираются точно такъ же, какъ и гражданскія, такъ какъ изъ уголовныхъ дѣлъ атаманъ принимаетъ къ своему разбирательству только тѣ, которыя кончаются вознагражденіемъ или удовлетвореніемъ потерпѣвшаго. Казалось бы, что при теперь дѣйствующемъ Положеніи объ управленіи въ казачьихъ войскахъ хуторской атаманъ болѣе всего могъ бы разбирать уголовныя маловажныя дѣла, такъ какъ 62 статьею этого Положенія ему предоставляется право наказывать виновныхъ въ маловажныхъ полицейскихъ проступкахъ арестомъ до двухъ дней, штрафомъ до одного рубля и назначеніемъ на общественныя работы до двухъ дней. Однако, на самомъ дѣлѣ этимъ правомъ хуторскіе атаманы почти никогда не пользуются и никогда не примѣняютъ выше переименованныхъ наказаній. Это объясняется прежде всего зависимостью и связью выборнаго хуторского атамана съ обществомъ и тѣмъ вліяніемъ, которымъ пользуется общественный сходъ въ хуторской жизни. Атаманъ боится что-либо сдѣлать безъ согласія общества, чтобы не навлечь на себя неудовольствія. Общество же боится, чтобы имъ выбранный атаманъ не узурпировалъ принадлежащую ему власть, и зорко за этимъ слѣдитъ. Насколько не любятъ хуторяне атамановъ, энергично дѣйствующихъ помимо воли общества, настолько они любятъ тѣхъ, которые все дѣлаютъ съ согласія общества. Кромѣ того, наложеніе этихъ наказаній по закону должно сопровождаться извѣстной письменной процедурой, которая не подъ силу хуторскимъ атаманамъ, по большей части малограмотнымъ, а то и совсѣмъ неграмотнымъ. Наконецъ, такія наказанія, какъ штрафъ въ доходъ общества, арестъ и назначеніе на общественныя работы, далеко не удовлетворяютъ простой народъ, такъ какъ потерпѣвшій отъ такихъ наказаній ничего не выигрываетъ. Даже въ оффиціальныхъ судахъ назначеніе штрафа въ доходъ земства, напр. за обиду, вызываетъ въ простомъ народѣ возраженіе: „причемъ тутъ земство, онъ земство не оскорблялъ, поэтому ему и платить нечего; онъ меня оскорбилъ, пусть мнѣ и платитъ“.

Чаще всего въ видѣ наказанія употребляется покупка обвиняемымъ водки для угощенія. Обыкновенно атаманъ, опредѣляя размѣръ вознагражденія, опредѣляетъ, сколько водки долженъ купить обвиненный. Если же этого атаманъ не сдѣлаетъ, то потерпѣвшій или свидѣтели, заявляя свое неудовольстіе на рѣшеніе атамана, требуютъ, чтобы обвиненный купилъ водки, угрожая въ противномъ случаѣ перенесть дѣло въ оффиціальный судъ; поэтому обвиняемый по большей части и соглашается исполнить требованіе относительно угощенія. Въ заключеніе должно замѣтить, что дѣятельность атаманскаго суда въ настоящее время стала сильно ослабѣвать вслѣдствіе того, что сами атаманы уклоняются единолично разбирать дѣла. Кромѣ того, нерѣдко начало случаться, что отвѣтчикъ не является добровольно на судъ къ хуторскому атаману. а такъ какъ разбирать заочно дѣла въ народныхъ судахъ не практикуется, то поэтому атаманъ отказывается удовлетворить просителя, который послѣ этого обращается съ своей жалобой или въ оффиціальный судъ или къ суду стариковъ или схода, неявка на который иногда угрожаетъ разладомъ съ цѣлымъ обществомъ.

Судъ стариковъ.

Дѣятельность атаманскаго суда, какъ мы выше замѣтили, невелика; болѣе широкая дѣятельность принадлежитъ суду стариковъ. Эта форма суда вызвана къ жизни потребностью въ быстротѣ правосудія. Не всегда возможно и удобно разбираться хуторскимъ жителямъ въ судѣ общественнаго схода, этого главнаго судилища въ хуторской жизни. Предположимъ, что на мѣстѣ обработки земли возникаетъ споръ между двумя лицами изъ-за владѣнія этой земли. Обратиться за разрѣшеніемъ этого спора въ хуторской сходъ—значитъ пріостановить обработку и дожидаться его собранія, а это по большей части значитъ пропустить удобное для обработки земли время. Во избѣжаніе такихъ неудобствъ въ этомъ и подобныхъ ему случаяхъ та или другая сторона или обѣ вмѣстѣ призываютъ ближайшихъ стариковъ, которые и разрѣшаютъ споръ. Вслѣдствіе того, что этотъ судъ разбираетъ по большей части дѣ-

ла, не терпящія отлагательства, онъ не имѣетъ опредѣленной и постоянной организаціи. Его составъ зависитъ отъ обстоятельствъ, времени и мѣста. Можно сказать, что почти для каждаго дѣла организуется особый составъ суда стариковъ.

Судъ стариковъ собирается самъ собою или созывается хуторскимъ атаманомъ, или одною изъ заинтересованныхъ сторонъ. Всякій споръ, сопровождаемый шумомъ, всякое происшествіе въ хуторахъ тотчасъ привлекаютъ къ себѣ сосѣдей и всѣхъ тѣхъ, до слуха которыхъ это доходитъ. Вокругъ спорящихъ тотчасъ собирается толпа, которая не является въ этихъ случаяхъ безучастною, безмолвною свидѣтельницей, а напротивъ, тѣ изъ нея, которые имѣютъ право голоса и пользуются извѣстнымъ положеніемъ въ обществѣ, тотчасъ входятъ въ обсужденіе возникшаго спора и разрѣшаютъ его, принуждая стороны такъ или иначе исполнить свое рѣшеніе. Если справедливость рѣшенія очевидна, если оно имѣетъ подъ собою твердую почву, то оно, несмотря на несогласіе той или другой стороны, тутъ же приводится силою въ исполненіе. Въ противномъ случаѣ, т. е. если рѣшеніе стариковъ неопредѣленно, неустойчиво, если съ нимъ не вполнѣ и не всѣ согласны, то исполнить его предоставляется на добрую волю сторонъ. Не исполнено оно, дѣло переходитъ на разсмотрѣніе хуторского схода, рѣшеніе котораго почерпаетъ силу не только въ своей справедливости, но и въ томъ значеніи мнѣнія схода, какое оно имѣетъ для каждаго въ отдѣльности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нарушеніе чьего-либо права или какой либо проступокъ совершаются тихо, не привлекая къ себѣ вниманія постороннихъ, въ этихъ случахъ обиженная сторона обращается къ атаману съ жалобой и проситъ его созвать стариковъ, которые, выслушавъ жалобу и находя ее заслуживающей уваженія, посылаютъ самого же просителя или полицейскаго за стариками, противной стороной и свидѣтелями. По собраніи всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ атаманъ предлагаетъ имъ разобрать дѣло, принимая и самъ во всемъ участіе и руководя до нѣкоторой степени собраніемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ атамана или почему либо къ нему нельзя обратиться съ жалобой, обиженная сторона сама собираетъ стариковъ и проситъ ихъ удовлетворить. Число стариковъ,

требуемое для состава суда, должно быть не менѣе трехъ и лишь въ крайнихъ случаяхъ допускается двое; притомъ, чѣмъ болѣе будетъ собрано стариковъ, тѣмъ считается лучше. Каждый служивый казакъ можетъ принять участіе въ судѣ, хотя бы онъ и не былъ приглашенъ, поэтому нерѣдко бываетъ: начнутъ нѣсколько стариковъ въ праздникъ разбирать дѣло, къ нимъ начинаютъ подходить другіе, и въ концѣ концовъ образовывается цѣлый сходъ, а дѣло все продолжаетъ разбираться, такъ что, начавшись въ судѣ стариковъ, оно оканчивается въ судѣ хуторского схода. Что касается вопроса, кто имѣетъ право войти въ составъ суда стариковъ, должно замѣтить, что прежде безусловно требовалось, чтобы въ составъ суда входили люди преклоннаго возраста, т. е. лица 50—70 лѣтъ, старики въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ настоящее же время, хотя это правило и продолжаетъ существовать, однако стали свободно допускаться въ судьи и лица средняго возраста, т. е. 40 — 50 лѣтъ. Правда, въ случаѣ необходимости могутъ быть судьями и болѣе молодые казаки, но непремѣнно требуется, чтобы таковой отбылъ первую службу — „сходилъ уже на службу,“ что совпадаетъ съ 25 — 30-лѣтнимъ возрастомъ. Кромѣ того, требуется, чтобы принимающій участіе въ качествѣ судьи былъ домохозяинъ, имѣлъ право голоса, каковое право только въ силу личныхъ особенностей иногда можетъ принадлежать и не домохозяину.

Кого призвать изъ гражданъ для разбора дѣла, зависитъ отъ атамана, но часто одна или обѣ стороны просятъ атамана послать за извѣстными стариками, разсчитывая при этомъ не на симпатіи ихъ къ себѣ и не на пристрастіе ихъ, а на болѣе близкое знакомство ихъ съ даннымъ дѣломъ, поэтому атаманъ эту просьбу всегда исполняетъ. Если же эти указанные судьи не явятся по тѣмъ или инымъ причинамъ для разбора дѣла, то тогда атаманъ призываетъ стариковъ по своему усмотрѣнію.

Что касается отвода судей-стариковъ, то должно замѣтить, что относительно этого опредѣленныхъ и точныхъ обычныхъ правилъ не существуетъ. Вообще же можно сказать, что отводы судей весьма рѣдко практикуются, что и понятно. Если въ судьи призываются по желанію сторонъ, то обѣ

отводѣ не можетъ быть и рѣчи; если-же за судьями-стариками посылаетъ атаманъ, то онъ, зная отношенія всѣхъ и каждаго, не посылаетъ за такими стариками, которые не могутъ отнестись безпристрастно къ дѣлу. Однако, по обычаю, каждый служивый казакъ можетъ принять участіе въ разбираемомъ дѣлѣ, поэтому близкій родственникъ или другъ одной изъ сторонъ можетъ оказаться въ числѣ судей, и въ этихъ случаяхъ таковаго не устраняютъ; онъ можетъ принять самое горячее участіе въ разборѣ дѣла, его мнѣніе можетъ имѣть значеніе какъ и посторонняго судьи. Но если во время разбора судья--родственникъ или другъ выразятъ явное пристрастіе къ дѣлу, то его тотчасъ „оборвутъ", напомнятъ ему о его близкихъ отношеніяхъ къ тому, въ чью пользу онъ клонитъ. И это по большей части замѣтитъ не противная сторона, а тотъ изъ стариковъ-судей, съ кѣмъ онъ вступитъ въ споръ. Вообще можно сказать, что отвода судей въ хуторскихъ судахъ не практикуется, что было-бы несовмѣстимо съ правиломъ, по которому всякій полноправный казакъ имѣетъ право принять участіе какъ судья въ разборѣ дѣла.

Судъ стариковъ принимаетъ къ своему разбору всякія дѣла, за исключеніемъ дѣлъ особенной важности, какъ-то: о большихъ кражахъ, о кражахъ хотя и незначительныхъ, но совершенныхъ лицомъ неоднократно судившимся за этотъ проступокъ, дѣлъ сопряженныхъ съ значительными исками и проч. Кромѣ того безусловно не подсудны суду стариковъ дѣла, сопряженныя съ общественнымъ интересомъ. Эти дѣла можетъ разбирать только хуторской сходъ. Что касается самаго порядка производства въ этомъ судѣ, то онъ такой-же, какой и на судѣ хуторскаго схода, поэтому здѣсь мы на этомъ не будемъ останавливаться.

Судъ понятыхъ.

Весьма близко къ суду стариковъ по своему сходству подходитъ судъ понятыхъ. Это собственно тотъ-же судъ стариковъ съ тѣмъ только различіемъ, что онъ исключительно вѣдаетъ дѣла, требующія личнаго осмотра судей или свѣдущихъ людей, и не пользуется тѣмъ авторитетомъ, какимъ

пользуется судъ стариковъ, такъ что послѣднiй иногда перевершаетъ дѣла перваго. Этотъ судъ составляется изъ тѣхъ-же самыхъ лицъ, изъ какихъ и судъ стариковъ, хотя въ него свободнѣе допускаются болѣе молодые казаки. Въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется личный осмотръ судей или свѣдущихъ людей, атаманъ, судъ стариковъ или цѣлый сходъ, усмотрѣвъ въ этомъ необходимость, отряжаетъ нѣсколько человѣкъ, но не менѣе трехъ, и посылаетъ ихъ для осмотра; въ болѣе важныхъ случаяхъ съ понятыми всегда отправляется самъ атаманъ. Въ случаяхъ, когда невозможно предварительно обратиться въ судъ, стороны сами призываютъ понятыхъ. Понятые на мѣстѣ осмотра не ограничиваются однимъ только осмотромъ; они здѣсь также разбираютъ дѣло: допрашиваютъ свидѣтелей, если они есть, постановляютъ рѣшенiе и, если позволяютъ обстоятельства, приводятъ его въ исполненiе.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны добровольно соглашаются исполнить рѣшенiе понятыхъ, то здѣсь же дѣло и заканчивается угощенiемъ понятыхъ и примиренiемъ тяжущихся. Если же стороны не исполняютъ добровольно рѣшенiя понятыхъ, то судъ расходится, и дѣло переносится на судъ стариковъ или хуторского схода, гдѣ оно разсматривается вновь. Здѣсь понятые объявляютъ результаты своего осмотра и свое рѣшенiе, послѣ чего начинается разборъ дѣла, въ которомъ понятые играютъ двоякую роль: съ одной стороны они являются дѣятельными судьями, а съ другой—свидѣтелями. При назначенiи понятыхъ обращается болѣе строгое вниманiе на особыя отношенiя тяжущихся къ назначаемымъ. Здѣсь, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда понятые назначаются для осмотра такихъ обстоятельствъ, которыя могутъ впослѣдствiи исчезнуть или вторично провѣрить ихъ будетъ трудно, обращается вниманiе, чтобы въ числѣ понятыхъ не были близкiе родственники, друзья и прiятели и вообще лица, заинтересованныя въ данномъ дѣлѣ.

Въ настоящее время вслѣдствiе возникновенiя массы дѣлъ, требующихъ осмотра понятыхъ, и вслѣдствiе того, что многiе отказываются быть понятыми, такъ что никого не дозовешься, въ нѣкоторыхъ хуторахъ выработался обычай избирать въ началѣ года лицъ, которыя въ случаѣ надобности

должны быть понятыми, за что имъ опредѣляется незначительное вознагражденіе, напр., лишній травяной паекъ, отдается въ ихъ пользованіе озеро и т. п. Эти понятые должны по требованію хуторского атамана или по просьбѣ потерпѣвшаго являться на мѣсто осмотра. А такъ какъ они не ограничиваются однимъ осмотромъ, но и разбираютъ возникшее дѣло, склоняютъ стороны къ миру, то ихъ роль весьма близко подходитъ къ роли спеціальныхъ судей. Если въ настоящее время ихъ и нельзя еще назвать спеціальными судьями, то нѣтъ сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ изъ нихъ выработаются таковые. Это избраніе спеціальныхъ понятыхъ, избираемыхъ на опредѣленное время, встрѣчается въ настоящее время очень рѣдко и лишь въ тѣхъ хуторахъ, въ которыхъ жизнь болѣе развита и въ которыхъ земледѣльческій бытъ смѣняется земледѣльческо-промышленно-торговымъ *).

Судъ хуторского схода.

Судъ общественнаго схода въ хуторахъ есть высшее судебное мѣсто, рѣшающее всѣ дѣла окончательно. Такъ какъ жалобъ на рѣшеніе этого суда въ настоящее время приносить некуда, поэтому остается исполнить рѣшеніе суда, если стороны желаютъ разобраться въ обычныхъ судахъ; если же онѣ этого не желаютъ, то должны обратиться въ оффиціальные суды и начать дѣло снова. Прежде, когда общественные станичные сходы могли рѣшать судебныя дѣла, то на рѣшеніе хуторского схода приносились жалобы станичному; въ настоящее же время по Положенію 1870 г. судебная власть отъ общественныхъ сходовъ отнята, и станичные сходы, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, никакихъ тяжбъ не разбираютъ и жалобъ на рѣшенія хуторскихъ сходовъ не принимаютъ.

Судъ хуторского схода состоитъ изъ хуторского атамана и изъ гражданъ, имѣющихъ право голоса. Роль атамана на этомъ судѣ весьма незначительна; онъ только наблюдаетъ за порядкомъ, посылаетъ за свидѣтелями и тяжущимися, иногда докладываетъ дѣла и объявляетъ рѣшенія схода; въ

*) Такъ, напр., хуторъ Перевозинскій Аннинской станицы, находящійся близъ станціи Филоново Грязе-Царицынской желѣзной дороги.

остальномъ же онъ пользуется одинаковыми правами съ другими. Хуторскіе сходы обыкновенно собираются въ праздничные дни въ опредѣленномъ мѣстѣ, по большей части около какого-нибудь дома, сами собою безъ всякаго приглашенія. Но иногда бываетъ, что сходъ атаманъ собираетъ и въ будничный день для разбора какого-нибудь важнаго дѣла и для разрѣшенія какого-либо общественнаго вопроса.

Право принимать участіе въ рѣшеніи дѣлъ на хуторскомъ сходѣ принадлежитъ каждому самостоятельному домохозяину; за отсутствіемъ его можетъ принять участіе сынъ или зять. Право же присутствовать на сходѣ принадлежитъ не только всѣмъ казакамъ, но и женщинамъ, которыя въ лѣтнюю пору всегда окружаютъ сходъ и иногда оказываютъ сходу нѣкоторую услугу. Когда требуется привесть въ исполненіе какое либо позорящее наказаніе, то бабы являются лучшими исполнителями. Осмѣять кого нибудь, наплевать въ глаза, провесть вора по хутору съ краденымъ — все это бабы и молодые ребята исполняютъ съ большою охотою, но не иначе, какъ съ явнаго или молчаливаго согласія схода. Что касается вопроса, сколько требуется человѣкъ для того, чтобы судъ хуторского схода считался состоявшимся, то относительно этого опредѣленныхъ правилъ не существуетъ. Вообще для болѣе важныхъ дѣлъ требуется и болѣе полный сходъ, такъ что одинъ и тотъ же сходъ при одинаковомъ составѣ одни дѣла разбираетъ, другія откладываетъ до другого раза въ виду того, что мало собралось народа. Случается, что потолкуютъ старики на сходѣ о дѣлѣ и порѣшатъ дѣло отложить до другого раза, такъ какъ народу собралось мало, что однако не мѣшаетъ имъ разбирать другія менѣе важныя дѣла.

Хуторской сходъ принимаетъ къ своему разбору всѣ споры и тяжбы безъ опредѣленія цѣны иска, дѣла объ обидахъ, дракахъ, мошенничествахъ, кражахъ и т. п. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ хуторскіе сходы отказываются разбирать важныя уголовныя дѣла, какъ напр. дѣла о крупныхъ кражахъ, совершенныхъ со взломомъ, заставляя при этомъ своего атамана донести по начальству о совершившемся преступленіи. Но этотъ отказъ мотивируется не тѣмъ, что сходъ считаетъ

себя не компетентнымъ разбирать данное дѣло, а желаніемъ его подвергнуть обвиняемаго болѣе строгому наказанію; въ этихъ случаяхъ по большей части предполагается, что обвиняемаго постигнетъ продолжительное тюремное заключеніе или ссылка въ Сибирь. Хуторской сходъ приступаетъ къ разбору по просьбѣ одной или обѣихъ сторонъ, по заявленію частныхъ лицъ и по непосредственному усмотрѣнію. Жалобы и заявленія приносятся сходу непосредственно или чрезъ хуторского атамана, который уже и излагаетъ сущность дѣла передъ сходомъ. Всѣ жалобы и просьбы приносятся во время самаго схода, такъ что правила заранѣе заявлять и просить о разборѣ своего дѣла въ хуторскихъ судахъ не существуетъ. По непосредственному усмотрѣнію схода разбираются не только уголовныя дѣла, задѣвающія интересы цѣлаго общества, но даже и гражданскія, когда затрогиваются права и интересы одного лица. Случается, что одинъ изъ присутствующихъ, обращаясь къ другому, упрекаетъ его, что онъ поступилъ неправильно съ такимъ-то, что онъ не платитъ такому-то долга, что напрасно удерживаетъ такую-то вещь. Присутствующіе тотчасъ входятъ въ обсужденіе возникшаго между извѣстными лицами спора, а обиженная сторона лишь присоединяется къ этому обсужденію и, смотря по обстоятельствамъ, получаетъ удовлетвореніе. Такъ что въ этихъ случаяхъ обиженный предварительно не проситъ сходъ возстановить его нарушенное право, но сходъ самъ, усматривая явную несправедливость и иногда беззащитность обиженнаго, разрѣшаетъ возникшій споръ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ищущій защиты самъ обращается къ сходу, то онъ не излагаетъ подробности своей жалобы, а ограничивается однимъ лишь заявленіемъ. По большей части бываетъ, что предлагаемое для разбора дѣло сходу или по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ присутствующихъ на немъ уже хорошо извѣстно—или изъ частныхъ разговоровъ, или потому, что это дѣло уже разбиралось судомъ низшей инстанціи,—поэтому проситель лишь говоритъ, обращаясь къ суду: „господа старики! разберите мое дѣло съ такимъ-то“, и тотчасъ слѣдуетъ разборъ. Но если дѣло новое, еще никому неизвѣстное, то истецъ обязанъ

изложить передъ сходомъ болѣе подробно свою жалобу самъ, или попросить объ этомъ хуторского атамана. Выслушавъ такую жалобу, сходъ тотчасъ приступаетъ къ разбору дѣла, если стороны и свидѣтели на лицо; если же отвѣтчика или обвиняемаго нѣтъ на сходѣ, то послѣдній предварительно входитъ въ разсмотрѣніе основательности жалобы, и если не найдетъ ее заслуживающей уваженія, то въ отсутствіи отвѣтчика отказываетъ въ просьбѣ; въ противномъ случаѣ сходъ, находя жалобу основательной, требуетъ, чтобы атаманъ распорядился о призывѣ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Въ настоящее время отвѣтчикъ рѣдко является самъ добровольно на общественный сходъ, за нимъ по большей части приходится посылать полицейскаго; но въ старину, разсказываютъ казаки, никогда не было въ этомъ нужды, такъ какъ отвѣтчикъ и истецъ вмѣстѣ являлись на судъ и вмѣстѣ просили разобрать возникшій между ними споръ. Мало того, въ настоящее время стали нѣкорые уклоняться отъ явки на судъ даже по требованію хуторского атамана. Въ этихъ случаяхъ сходъ или отказывается разбирать дѣло и предоставляетъ истцу обратиться въ оффиціальный судъ, или же раздраженный постановляетъ, такъ сказать, заочный приговоръ въ пользу истца и самъ самоуправно приводитъ въ исполненіе свое рѣшеніе: идутъ, напр., нѣсколько человѣкъ изъ схода и отнимаютъ у отвѣтчика спорную вещь и удовлетворяютъ истца несравненно въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ онъ просилъ. Сопротивленій отвѣтчикъ оказать не можетъ, какъ въ виду ихъ безполезности, такъ и потому, что за это онъ можетъ поплатиться жестокими побоями и немалымъ имущественнымъ ущербомъ. Вслѣдствіе этого и теперь, гдѣ сила и авторитетъ хуторского общества стоятъ высоко, уклоненія отъ явки на общественый судъ бываютъ весьма рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ бываетъ, что всѣ участвующіе въ дѣлѣ лица присутствуютъ на сходѣ, поэтому разборъ дѣла тотчасъ и начинается послѣ словеснаго заявленія просителя.

Какъ разбираются дѣла на хуторскомъ сходѣ, какіе существуютъ обряды и формы судопроизводства, трудно изложить, потому что весь процессъ состоитъ изъ постепенно развивающагося говора, доходящаго иногда до невообразимаго

шума и брани. Едва только заявитъ свою просьбу жалобщикъ, тотчасъ ему возражаетъ отвѣтчикъ или кто либо другой; на эти возраженія слѣдуютъ новыя возраженія со стороны другихъ лицъ, которымъ также возражаютъ. Стороны начинаютъ спорить между собою, съ судьями - стариками и свидѣтелями, свидѣтели между собою и съ сторонами, судьи между собою, съ свидѣтелями и сторонами: словомъ, поднимается иногда невообразимый шумъ, во время котораго стороны даютъ свои объясненія, свидѣтели показанія, а судьи высказываютъ свой взглядъ на разбираемое дѣло, и все это дѣлается вмѣстѣ. На хуторскихъ судахъ, какъ на судѣ стариковъ, такъ и на судѣ общественнаго схода, нѣтъ никакого порядка и постепенности. Здѣсь стороны даютъ объясненія не каждый отдѣльно, а каждый во время спора самъ безъ всякаго приглашенія удостовѣряетъ то или иное обстоятельство, приводя свои соображенія, когда это требуется для дѣла. Исключеніе бываетъ лишь тогда, когда допрашиваются малолѣтніе или женщины; послѣднія, впрочемъ, иногда также вступаютъ въ споръ. Этихъ свидѣтелей послѣ допроса обыкновенно удаляютъ изъ круга.

Во время такого безпорядка и шума, казалось-бы, невозможно хоть сколько-нибудь уяснить себѣ дѣло; но на самомъ дѣлѣ стоитъ только привыкнуть къ этому шуму, дѣло такъ выясняется, какъ можетъ быть оно не выяснилось-бы ни на одномъ оффиціальномъ судѣ, что и понятно, потому что здѣсь каждое показаніе свидѣтеля, каждое объясненіе сторонъ, каждое обстоятельство тотчасъ подкрѣпляется или опровергается самымъ несомнѣннымъ образомъ. Положимъ, что обвиняемый отрицаетъ за собою вину, тотчасъ потерпѣвшій и всѣ свидѣтели возражаютъ ему, приводя самыя точныя и мельчайшія подробности дѣла, уличая его самымъ рѣшительнымъ образомъ. Положимъ, что обвиняемый приводитъ оправдывающее его обстоятельство, тотчасъ-же слѣдуетъ его подкрѣпленіе; всѣ могущіе удостовѣрить это удостовѣряютъ съ жаромъ и убѣдительно со всѣми подробностями и тонкостями, которыя не оставляютъ въ слушателѣ никакого сомнѣнія. Положимъ, что у одной изъ сторонъ подговоренные, подкупленные свидѣтели и даютъ жныя показанія, имъ тотчасъ-же возража-

ютъ, уличаютъ ихъ въ ложныхъ показаніяхъ, и оправданіе или обвиненіе, построенное на лжи, тотчасъ-же разлетается.

Приведемъ для примѣра дѣйствительный случай. На хуторскомъ сходѣ обвинялся одинъ молодой казакъ въ кражѣ сѣна и выставилъ подкупленныхъ двухъ свидѣтелей, которые удостовѣряли. что въ ночь кражи обвиняемый вмѣстѣ съ ними ѣздилъ верстъ за 15 бродить въ озеро, гдѣ и пробылъ всю ночь. Потерпѣвшій прямыхъ доказательствъ сходу не представилъ никакихъ. Когда обвиняемый былъ призванъ на сходъ, то объяснилъ, что кражу онъ не могъ совершить, потому что въ эту ночь былъ верстъ за 15 отъ мѣста кражи и бродилъ съ А. и Б. всю ночь въ озерѣ рыбу. А. и Б. тотчасъ-же это подтвердили. Но едва только они сказали, какъ одинъ изъ присутствующихъ возражаетъ одному изъ свидѣтелей: „постой, ты гдѣ былъ?"—„Бродить ѣздилъ съ нимъ туда-то", отвѣчаетъ свидѣтель. „Врешь, ты ѣхалъ тогда туда-то и былъ тамъ-то. Гдѣ такой-то? онъ былъ со мной". Является этотъ и удостовѣряетъ то-же. Въ это время другой казакъ заявилъ, что другого свидѣтеля въ эту ночь онъ обогналъ совершенно въ противоположной сторонѣ. Стали спрашивать обвиняемаго, когда онъ привезъ находящееся у него на дворѣ сѣно. Онъ указалъ день. Но одинъ изъ стариковъ уличилъ его во лжи, сказавъ, что въ этотъ день онъ видѣлъ его въ лѣсу ищущимъ своихъ быковъ. Такимъ образомъ, благодаря такому разбирательству, воръ былъ уличенъ, пристыженные свидѣтели незамѣтно исчезли изъ схода, а обвиняемый сталъ просить сходъ о помилованіи, и сходъ опредѣлилъ, чтобы обвиняемый возвратилъ два воза потерпѣвшему и купилъ ведро водки. Словомъ, при такомъ порядкѣ, когда всякій знающій что-нибудь относящееся къ дѣлу можетъ свободно говорить, когда каждый каждаго знаетъ какъ самого себя, не смотря на шумъ и безпорядокъ, дѣло выясняется настолько, что не остается мѣста никакому сомнѣнію; стоитъ, конечно, немного привыкнуть къ этому шуму, къ которому простой народъ, понятно, привыкъ и разгадываетъ истину во время этого шума и спора прекрасно.

Когда дѣло достаточно выяснится и судьи-старики придутъ къ тому или иному заключенію, шумъ начинаетъ мало-по-малу стихать, и слѣдуетъ объявленіе рѣшенія схода, которое совер-

шается, какъ раньше упомянуто, въ формѣ предложенія условій мира. Атаманъ или кто-либо повліятельнѣе изъ стариковъ, обращаясь къ сторонамъ, говоритъ: „ты, отвѣтчикъ, заплати ему (истцу) столько-то, да помирись съ нимъ“, или: „ты возврати ему то-то, да поставь намъ четверть водки“, или: „ты, отвѣтчикъ, отдай ему то-то, а ты, истецъ, заплати столько-то, а намъ поставьте полведерка водочки“ и т. п. Стороны, выслушавъ въ такой формѣ рѣшеніе схода, которое они уже могли предугадать изъ предшествующаго спора, обыкновенно прямо или косвенно выражаютъ свое согласіе добровольно его исполнить. Послѣ этого тотъ, кто объявлялъ резолюцію, или другой, обращаясь къ тяжущимся, говоритъ: „ну помиритесь“, и слѣдуетъ обрядъ примиренія, заключающійся въ томъ, что стороны кланяются другъ-другу въ ноги. Затѣмъ покупается водка и слѣдуетъ угощеніе, что, однако, не мѣшаетъ разбирать слѣдующія дѣла.

Но иногда бываетъ, что послѣ объявленія резолюціи слѣдуетъ возраженіе со стороны истца или отвѣтчика и судей, несогласныхъ съ объявленнымъ рѣшеніемъ; снова поднимается шумъ, и если послѣднихъ, т. е. несогласныхъ съ объявленнымъ рѣшеніемъ, окажется большинство, то объявляется новое рѣшеніе, съ которымъ можетъ оказаться также большинство не согласно, и опять поднимается споръ и вырабатывается еще иное рѣшеніе и т. д. до тѣхъ поръ, пока не объявится рѣшеніе, съ которымъ согласны всѣ или большинство, и это рѣшеніе стороны волею-неволею, а исполняютъ. Но бываютъ случаи, что отвѣтчикъ не соглашается добровольно исполнить рѣшеніе схода, тогда начинаютъ сначала уговаривать и убѣждать его въ томъ, что рѣшеніе справедливо и онъ долженъ его исполнить; потомъ увѣщаніе переходитъ въ ругань, а отвѣтчикъ все упирается, „супорствуетъ“, не желаетъ исполнить приговора. Въ такихъ случаяхъ разсерженные судьи говорятъ истцу: „бери ее“, т. е. спорную вещь, и если она на судѣ, истецъ тотчасъ же и беретъ ее, если же ея нѣтъ на судѣ, то выдѣляются нѣсколько человѣкъ и идутъ туда, гдѣ она находится и тамъ передаютъ ее истцу. Если же дѣло шло о долговомъ обязательствѣ, то иногда судьи отнимаютъ силою что нибудь у от-

вѣтчика и этимъ удовлетворяютъ истца. Но къ такимъ самоуправнымъ дѣйствіямъ судьи прибѣгаютъ не всегда, подъ опасеніемъ уголовной отвѣтственности; поэтому нерѣдко бываетъ, что поругаютъ, побранятъ отвѣтчика, плюнутъ и скажутъ истцу: „подавай на него въ судъ", разумѣя подъ послѣднимъ оффиціальный судъ. Вообще же должно замѣтить, что въ общемъ случаевъ уклоненій отъ исполненія рѣшенія схода бываетъ весьма мало, потому что не исполнить рѣшенія схода значитъ стать одному противъ всѣхъ, рискуя иногда подвергнуться чрезвычайно грубому насилію.

Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ хуторахъ установился обычай: въ тѣхъ случаяхъ, когда невозможно немедленно исполнить рѣшенія схода, заключать письменныя мировыя записи, въ которыхъ излагаются условія примиренія, т. е. то, что сходъ опредѣлилъ; кромѣ того, въ нихъ всегда оговаривается, что если какая либо изъ сторонъ подастъ въ судъ (оффиціальный) по тому же дѣлу, то должна заплатить противной извѣстный штрафъ. И если кто подастъ по этому же дѣлу въ станичный судъ и противная сторона представитъ эту мировую, то станичный судъ, не разбирая дѣла, штрафуетъ предъявившую сторону и штрафъ обращаетъ въ пользу противной стороны.

Въ судѣ хуторского схода можетъ принять участіе всякій полноправный хуторянинъ, поэтому можетъ случиться, что въ числѣ судей будетъ ближайшій родственникъ, другъ или пріятель одного изъ тяжущихся; отсюда является вопросъ: можетъ ли таковой принимать участіе въ разборѣ дѣла? Относительно этого должно замѣтить, что отвода судей вообще въ хуторскихъ судахъ не практикуется, такъ что въ какихъ бы отношеніяхъ ни стоялъ судья къ тяжущемуся, его устранить отъ разбора дѣла никоимъ образомъ нельзя. Но если въ комъ либо изъ судей увидятъ пристрастное отношеніе къ дѣлу, то таковому тотчасъ же замѣтятъ объ этомъ, и его слова уже такого значенія не имѣютъ.

Въ числѣ судей хуторского схода можетъ оказаться свидѣтель по разбираемому дѣлу. Такой судья не только не устраняется отъ разбора дѣла, а наоборотъ, какъ болѣе знакомый съ дѣломъ, онъ принимаетъ въ немъ и болѣе дѣятельное участіе.

То-же самое можно сказать и объ отводѣ свидѣтелей. Свидѣтелемъ на хуторскихъ судахъ можетъ быть всякій. Нерѣдко бываетъ, что отецъ является свидѣтелемъ по дѣлу сына, а сынъ по дѣлу отца. Словомъ, показанія всякаго принимаются судьями. Какое придаютъ значеніе этимъ показаніямъ, то это больше зависитъ отъ личности самого свидѣтеля, отъ содержанія показаній, отъ способа дачи ихъ и т. п. обстоятельствъ. Впрочемъ, при разспросѣ казаковъ относительно свидѣтелей они высказывали такой взглядъ, что на хуторскихъ судахъ родственники независимо отъ степени родства допускаются, друзья же и кумовья не допускаются, или по крайней мѣрѣ не такъ свободно допускаются, какъ первые. Въ станичномъ же судѣ наоборотъ: родственники устраняют ся, друзья и пріятели допускаются. Такимъ образомъ, по словамъ казаковъ, въ хуторахъ дѣйствуетъ принципъ дружбы, а въ станицахъ принципъ родства. Такой взглядъ на отводъ свидѣтелей объясняется слѣдующимъ: нѣкоторые хутора отчасти и въ настоящеее время представляютъ собою поселенія разросшейся какой нибудь семьи, на что указываютъ и ихъ названія, какъ напр. хут. Горбуновъ, Секуровъ, Абрамовъ, Казаринскій и т. п.; въ каждомъ такомъ хуторѣ преобладаетъ соотвѣтствующая его названію фамилія казаковъ. Вслѣдствіе такого образованія хуторовъ въ нихъ почти всѣ между собою родственники, поэтому, если строго держаться принципа родства, то никто или весьма многіе не могли бы быть свидѣтелями. Кромѣ того, родство здѣсь парализуется взаимностью. Если свидѣтель родственникъ, положимъ, истцу, то навѣрное можно предполагать, что онъ родственникъ и отвѣтчику; поэтому родственная связь здѣсь не можетъ играть такой роли, какую она играетъ въ поселеніяхъ, какъ напр. станицахъ, гдѣ далеко не всѣ между собою родственники. Другое дѣло дружба и кумовство въ хуторахъ. Они ставятъ въ хуторахъ двухъ родственниковъ въ болѣе близкія отношенія, поэтому и ожидать отъ нихъ безпристрастныхъ показаній невозможно. Отсюда-то и выработался выше сказанный взглядъ у казаковъ на отводъ свидѣтелей; хотя нужно замѣтить, что это только взглядъ, на самомъ же дѣлѣ и въ хуторахъ въ качествѣ свидѣтелей допрашиваются друзья и

кумовья, хотя, правда, къ ихъ показаніямъ относятся весьма осторожно.

Существеннаго различія между гражданскимъ и уголовнымъ процессами въ хуторскихъ судахъ не замѣчается. Уголовныя дѣла разбираются такъ же, какъ и гражданскія, и также заканчиваются обрядомъ примиренія, но это не значитъ, что обвиненный не несетъ должнаго наказанія. Въ уголовныхъ дѣлахъ, какъ и въ гражданскихъ, примиреніемъ разрѣшаются по большей части не правовыя отношенія, возникшія вслѣдствіе проступка, а лишь непріязненныя и враждебныя отношенія возникшія, по поводу преступленія. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что многія дѣла на хуторскихъ судахъ оканчиваются примиреніемъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, т. е. потерпѣвшій съ обвиняемымъ мирятся на извѣстныхъ условіяхъ, и обвиняемаго не постигаетъ никакое наказаніе. Но если ближе всмотрѣться въ условія примиренія, нужно будетъ прійти къ иному заключенію. Эти условія, иногда весьма тягостныя для обвиненнаго, далеко не соотвѣтствуютъ вреду и ущербу, понесеннымъ потерпѣвшимъ отъ проступка; часто обвиняемый соглашается вознаградить потерпѣвшаго вдвое, втрое и болѣе, такъ что въ самыхъ условіяхъ примиренія заключается наказаніе обвиняемаго. Можно сказать, что въ хуторскихъ судахъ примиреніемъ дѣлъ кончается несравненно меньше, чѣмъ въ станичныхъ. Въ послѣднихъ сплошь и рядомъ бываетъ, что является потерпѣвшій съ воромъ и заявляетъ, что онъ помирился, и станичный судъ прекращаетъ дѣло, не подвергая обвиняемаго наказанію; мало того, нерѣдко бываетъ, что самъ станичный судъ склоняетъ стороны къ примиренію. Этого почти не бываетъ въ хуторахъ, въ особенности, гдѣ сохранилась чистота нравовъ и гдѣ земледѣліе является преобладающимъ занятіемъ. Здѣсь хотя бы обвиняемый помирился съ потерпѣвшимъ, но его постигнетъ то или иное наказаніе. Даже болѣе, хотя бы потерпѣвшій не заявлялъ хуторскому сходу о случившемся проступкѣ, хотя бы онъ давно примирился съ обвиняемымъ, но если сходъ узнаетъ объ этомъ, онъ помимо жалобы привлечетъ виновнаго къ суду и накажетъ.

При разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ хуторской сходъ не ограничивается сужденіемъ о данномъ проступкѣ обвиняемаго; онъ входитъ въ разсмотрѣніе и всѣхъ прежнихъ проступковъ обвиняемаго, и если онъ какой-либо изъ нихъ станетъ отрицать и никто на сходѣ не можетъ удостовѣрить, то посылаютъ за тѣми, кто это можетъ удостовѣрить. Словомъ, на хуторскомъ сходѣ возстановляется полная характеристика обвиняемаго и сообразно съ ней опредѣляется ему наказаніе.

Разсмотримъ наиболѣе употребительныя наказанія въ хуторскихъ судахъ.

Часто вмѣсто всякихъ наказаній старики на сходѣ, выражаясь словами казаковъ, „потазаютъ" только виновнаго, т. е. побранятъ его, сдѣлаютъ ему выговоръ или внушеніе, „наширяютъ ему въ глаза", какъ иначе они еще объ этомъ выражаются. Это, повидимому, ничтожное наказаніе имѣетъ на самомъ дѣлѣ чрезвычайно важное значеніе и весьма большую силу, если принять во вниманіе ту постоянную связь и зависимость каждаго хуторского жителя отъ цѣлаго общества. Это одно изъ самыхъ симпатичныхъ по своимъ результатамъ наказаній, практикуемыхъ въ хуторскихъ судахъ. Выслушать цѣлую массу простыхъ, но сильныхъ и справедливыхъ упрековъ отъ цѣлой окружающей толпы, готовой въ минуту раздраженія подвергнуть обвиняемаго сильнымъ побоямъ, настолько дѣйствуетъ на преступниковъ, что они среди толпы принимаютъ видъ истинно кающагося грѣшника. Весьма употребительно наказаніе — наложеніе штрафа въ видѣ покупки водки для угощенія стариковъ. Сходъ, признавъ виновнымъ обвиняемаго и сдѣлавъ ему выговоръ, „потазавъ" его, обязываетъ его купить для угощенія водки, соразмѣряя ея количество съ степенью виновности обвиняемаго. Иногда количество ея доходитъ до весьма большихъ размѣровъ; обвиняемый долженъ угощать цѣлый сходъ нетолько одинъ разъ, но въ продолженіе нѣсколькихъ дней, что сопряжено съ большими и весьма чувствительными издержками, такъ что обвиненный предпочелъ бы иногда отсидѣть нѣсколько мѣсяцевъ въ острогѣ или въ арестномъ домѣ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый не исполняетъ добровольно опредѣленнаго наказанія, т. е. не покупаетъ водки,

у него отнимаютъ какую-нибудь вещь и закладываютъ въ кабакѣ. Наложенiе штрафа на виновнаго почти не практикуется на хуторахъ. Этимъ видомъ наказанiя далеко не удовлетворяется простой народъ. Отъ такого наказанiя потерпѣвшiй не чувствуетъ себя достаточно удовлетвореннымъ, а судьи остаются не вознагражденными. Другое дѣло наказанiе въ видѣ покупки водки для угощенiя: здѣсь потерпѣвшiй получаетъ прiятное удовлетворенiе, а судьи прiятное вознагражденiе. Этотъ видъ наказанiя, не смотря на свое дурное содержанiе, имѣетъ свои хорошiя стороны; оно предупреждаетъ и воздерживаетъ многихъ отъ проступковъ. Хуторскiе сходы собираются почти въ каждый праздникъ и, естественно, на нихъ является желанiе выпить; поэтому каждый вспоминаетъ, кто за предшествующiе будни сдѣлалъ какой-либо проступокъ, и, вспомнивъ его, докладываетъ обществу. Призываются обвиняемые, разбираются дѣла, опредѣляются наказанiя виновнымъ и покупается угощенiе. Такимъ образомъ, рѣдкiй проступокъ въ хуторской жизни проходитъ безъ наказанiя; рано или поздно за него придется расплатиться. Каждый совершившiй будничный проступокъ искупляетъ его праздничнымъ угощенiемъ. Нельзя сказать, чтобы такое наказанiе вело за собою пристрастiе и несправедливость; оно, какъ и всякое наказанiе, налагается съ большою осторожностью.

Менѣе употребительно въ хуторахъ тѣлесное наказанiе; наказанiе розгами почти не употребляется, а вмѣсто этого обыкновенно практикуютъ рукопашную расправу. Во время разбора дѣла, признавъ обвиняемаго виновнымъ въ какомъ-либо важномъ проступкѣ, сходъ по молчаливому согласiю начинаетъ бить обвиняемаго. Во время самаго разгара, шума толкнетъ или ударитъ кто-нибудь, обыкновенно потерпѣвшiй, обвиняемаго; тотчасъ на него набрасываются другiе и начинаютъ его бить иногда самымъ немилосерднымъ образомъ, при этомъ бить стараются всѣ, чтобы никто не могъ быть свидѣтелемъ. Хуторской атаманъ на это время удаляется.

Большимъ сочувствiемъ, какъ мѣра наказанiя, пользуется выселенiе подозрительныхъ людей; но оно практикуется весьма рѣдко, потому что сопряжено съ большими формальностями, упущенiе которыхъ влечетъ за собою недѣйствительность

общественнаго приговора. Кромѣ того, эта мѣра наказанія весьма опасна, такъ какъ приговоренный къ выселенію всегда остается на свободѣ, что ставитъ общество въ весьма опасное положеніе.

Не всегда хуторской судъ оканчивается опредѣленіемъ наказанія виновному. Иногда общественный сходъ или судъ стариковъ заставляетъ хуторского атамана составить протоколъ и представить его „по начальству", предполагая, что обвиняемаго постигнетъ болѣе строгое наказаніе, чѣмъ какое можетъ опредѣлить хуторской судъ.

Третейскій судъ.

О пятомъ видѣ хуторского суда—третейскомъ судѣ приходится сказать очень мало, потому что онъ среди казаковъ вообще, а въ особенности въ хуторахъ, распространенъ весьма мало. Третейскій судъ или „третьяковый судъ", какъ иногда называютъ его, по словамъ казаковъ избирается по дѣламъ о семейныхъ раздѣлахъ или по дѣламъ, по которымъ стороны «ходятъ, ходятъ по судамъ, а ихъ никакъ нигдѣ не разберутъ; надоѣстъ имъ ходить, и они рѣшатъ разобраться третейскимъ судомъ», для чего избираютъ одного или нѣсколькихъ судей.

Число третейскихъ судей не ограничено, но требуется, чтобы стороны назначили судей поровну. Иногда стороны избираютъ судей не каждая отдѣльно, а сообща, по общему соглашенію, или же, избравъ каждая отдѣльно по одному судьѣ, избираютъ одного общаго. Третейскіе судьи разбираютъ дѣла только одни между собою, мѣшать имъ никто не можетъ. При этомъ дѣла они разрѣшаютъ не тотчасъ по ихъ избраніи, а иногда совѣщаются нѣсколько дней и даже мѣсяцевъ и во все это время на досугѣ совѣщаются между собою. А когда придутъ между собою къ соглашенію, идутъ на сходъ и здѣсь объявляютъ свое рѣшеніе. Жалобъ на рѣшеніе третейскаго суда ни въ коемъ случаѣ не допускается, и стороны всегда добровольно исполняютъ рѣшенія суда.

Въ заключеніе скажемъ о томъ вліяніи, какое имѣютъ хуторскіе суды на станичные суды. Раньше мы упоминали, что

въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшеніе хуторского суда записано въ формѣ мировой записи, то станичные суды, по представленіи таковой, не разбирая дѣла, штрафуютъ предъявившую сторону, если этотъ штрафъ былъ оговоренъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда нѣтъ такихъ записей, станичные суды путемъ разспроса сторонъ и свидѣтелей разузнаютъ, какъ порѣшилъ это дѣло тотъ или иной хуторской судъ, и по большей части такъ и разрѣшаютъ дѣло. Такое значеніе хуторскихъ судовъ, признаніе ихъ авторитета самими казаками объясняется правотою ихъ рѣшеній. Эти суды, стоящіе весьма близко къ дѣйствительной жизни и наиболѣе соотвѣтствующіе бытовой обстановкѣ, примѣняютъ исключительно правила обычнаго права, а потому и нейдутъ въ разрѣзъ съ юридическимъ міровоззрѣніемъ народа. Если эти суды и имѣютъ нѣкоторые недостатки, то можно думать, что многіе изъ нихъ отпали бы сами собою съ признаніемъ за хуторскими судами законной силы.

А. Казминъ.

Нѣсколько данныхъ для характеристики быта сѣверныхъ бурятъ *).

I. Замѣтки о внѣшнемъ бытѣ въ старину.

1. *Жилище.*

Въ старину, во времена звѣроловческаго быта, у бурятъ не было ни домовъ, ни юртъ, а были такъ называемые *бухэки* и *балаганы*. Бухэкъ устраивался такимъ образомъ: въ землю втыкали нѣсколько длинныхъ жердей такъ, чтобы онѣ образовали конусъ; верхніе концы жердей упирались одинъ въ другой и скрѣплялись. Снаружи жерди обвертывались большими полостями, сшитыми изъ звѣриныхъ шкуръ; верхъ оставался не закрытымъ, и въ щели между жер-

*) Замѣтки эти составлены М. Н. Хангаловымъ, природнымъ бурятомъ, имѣющимъ постоянное жительство въ Хара-нурскомъ улусѣ, Балаганск. окр., Иркутск. губ. Г. Хангаловъ—самый усердный собиратель устныхъ памятниковъ древности среди бурятскаго народа. Кромѣ большой статьи „Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ", составившей отдѣльный выпускъ Записокъ Восточно-сибирск. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этнографіи (т. I, вып. 1), въ изданіяхъ того же Отдѣла было напечатано нѣсколько мелкихъ его замѣтокъ, какъ напр. о легендѣ о первомъ шаманѣ, о разныхъ повѣрьяхъ у бурятъ, объ древней облавѣ на звѣрей и пр. Кромѣ того, г. Хангаловъ помогалъ г. Агапитову, своему учителю, въ составленіи статьи: „Матеріалы для изученія шамановъ въ Сибири", помѣщенной въ „Извѣстіяхъ" Отдѣла, т. XIV, в. 1—2. Первая часть настоящей статьи „Замѣтки о внѣшнемъ бытѣ" есть извлеченіе изъ рукописи г. Хангалова, другія части которой были уже напечатаны въ изданіяхъ В.—Сиб. Отдѣла; а именно, по словамъ завѣдывавшаго Отдѣломъ Г. Н. Потанина, все относящееся до обычая облавы было напечатано въ „Извѣстіяхъ" Отдѣла, т. XIX, в. 3, подъ названіемъ „Зэгэгэ-аба, облава на звѣрей у древнихъ бурятъ"; легенды же изъ этой рукописи помѣщены въ „Запискахъ" Отдѣла по этн., т. I, в. 1 (Бурятскія сказки и повѣрья, Иркутскъ. 1889)

дями выходилъ дымъ. Иногда бухэкъ строился изъ молодыхъ сосновыхъ стволовъ, а низъ его вмѣсто мѣховыхъ одѣялъ закладывался снаружи хвойными вѣтками, а зимой засыпался снѣгомъ. Перекочевывая съ одного мѣста на другое, буряты брали только мѣховыя шкуры, покрывавшія бухэкъ, оставляя бревна на мѣстахъ. Лѣтомъ мѣховыя покрышки не употреблялись. Слово *бухэк* происходитъ отъ бурятскаго слова *бухэхэ*—„наклоняться“, такъ какъ входъ въ бухэкъ дѣлался очень низкій.

Впослѣдствіи стали дѣлать деревянные балаганы, по-бурятски *бумӓхан* *). Со временемъ стали строить также деревянныя юрты, дѣлая ихъ восьмигранными. Юрты изъ войлока появились у сѣверныхъ бурятъ впослѣдствіи и, надо думать, заимствованы у забайкальскихъ бурятъ.

2. *Одежда и обувь.*

Одежда состояла изъ шубы, шапки и унтовъ. Въ зимнее время подъ шубу надѣвали узкое и короткое платье, плотно охватывавшее тѣло; оно называлось *самса* (въ настоящее время словомъ „самса“ буряты называютъ рубаху.) Поверхъ самсы надѣвалась шуба, которая шилась изъ звѣриныхъ шкуръ; поверхъ шубы подпоясывались. Въ сильные холода сверхъ шубы надѣвали *доху*—шубу, сшитую мѣхомъ вверхъ, съ разрѣзомъ назади ради удобства при верховой ѣздѣ.

Лѣтомъ носили одежду того же покроя, но сдѣланную изъ замши. Для этого преимущественно употребляли шкуры козуль. Ихъ гноили до того, чтобы шерсть вся выпала; затѣмъ голую шкуру выдѣлывали и дымили надъ сосновыми шишками. Изрѣдка встрѣчались одежды изъ шелковыхъ матерій, которыя получали изъ Китая черезъ Монголію, вымѣнивая на звѣриныя шкуры. На рукахъ носили рукавицы *бэлэ*. На голову надѣвали шапки изъ звѣриныхъ шкуръ съ наушниками.

Женская одежда отличалась нѣсколько отъ мужской по-

*) Знакомъ *ӓ* означается тотъ звукъ *х*, который въ другомъ нарѣчіи переходитъ въ *с*, напр. *ӓайн—сайн.*

кроемъ, но шилась также изъ звѣриныхъ шкуръ; замужнія женщины носили сверхъ шубы *дэглэ*, который ради удобства при верховой ѣздѣ имѣлъ разрѣзъ сзади. Женская и дѣвичья одежда отъ мужской покроемъ не отличалась, но дѣлалась наряднѣе, опушалась сверху полосами болѣе дорогого мѣха и украшалась вышивками.

Обувь у бурятъ была двухъ сортовъ: одна дѣлалась изъ звѣриныхъ лапъ или изъ шкуръ съ ногъ козуль и оленей; это—унты. Другая называлась *хэхэ-годохон*; она шилась съ длинными голенищами; носокъ дѣлался очень твердый и выдавался немного кверху шишкой. Во время единоборства буряты били своего противника этой шишкой сапога и иногда убивали его этимъ орудіемъ.

3. *Сбруя и оружіе.*

Узда дѣлалась такая же, какъ и нынѣ, и называлась *хазар*; если украшалась серебромъ, то называлась *мöнгöн ҳазар*.

Сѣдло, *эмэл*, старинное было нѣсколько больше нынѣшнихъ, украшалось желѣзными высеребренными бляхами.

Старинное оружіе бурятъ составляли лукъ (номо) и стрѣлы. *Номо*, лукъ, приготовлялся слѣдующимъ образомъ. Лукъ дѣлали изъ березоваго дерева; затѣмъ съ внутренней стороны оклеивали рогомъ или костью; сверху дерева съ наружной стороны оклеивали жилами, а сверху жилъ наклеивали бересту. Луки дѣлались двухъ сортовъ: одинъ былъ плоскій и широкій; онъ бывалъ очень упругъ и далеко бросалъ стрѣлу; такой лукъ буряты называли *манза-номо*. Такіе луки буряты доставали изъ Монголіи; въ сказкахъ и преданіяхъ такіе луки называются *бухар шара номо*. Другого сорта луки буряты дѣлали сами; они были почти круглые, снаружи берестяные, изнутри оклеенные жилами.

Стрѣла—*годоли* или *утхэ*,— это были стрѣлы оперенныя; если же стрѣла не была оперена, тогда она называлась *мохо*. Наконечники стрѣлъ, по-бурятски *ҳума*, дѣлались различные: одни были плоскіе и продолговатые; и теперь дѣлаются такіе же, только меньшихъ размѣровъ. Были еще наконечники трехгранные; къ концу наконечника грани постепенно умень-

шались и дѣлались острыми. Такіе наконечники дѣлались для того, чтобы рана была больше и вслѣдствіе того опаснѣе.

Стрѣлы *бахарган* были такія же трехгранныя, но грани ихъ были больше и каждое крыло грани имѣло одно или два отверстія. Такими стрѣлами рѣдко стрѣляли въ звѣрей, такъ какъ онѣ были тяжелы и не могли летѣть далеко; притомъ *бахарган* сильно свистѣла въ воздухѣ и потому пугала звѣря.

Зэбэ-хума четвертый видъ стрѣлъ. Онѣ имѣли конусообразные круглые наконечники. Эти стрѣлы дѣлали небольшія раны, но зато проходили глубоко въ тѣло или били на вылетъ. Ими стрѣляли очень издалека и въ маленькихъ звѣрей, даже въ птицъ.

Пониже наконечника на стрѣлу надѣвали граненый шарикъ *зэн*; иногда въ шарикѣ дѣлались отверстія, и тогда они служили какъ бы свисткомъ. Зэнъ надѣвали на стрѣлу для того, чтобы рану сдѣлать больше. На конусообразныхъ стрѣлахъ шарики дѣлались маленькіе, чтобы не разрывать шкурки.

Колчанъ для стрѣлъ по-бурятски назывался *хадак*. Съ лицевой стороны хадакъ украшался вышивками и желѣзными высеребренными бляхами. Лукъ клали въ футляръ *хормого*; его привязывали съ лѣваго бока, а хадакъ со стрѣлами на правомъ боку.

Во время религіознаго обряда на *таилганахъ* было въ обычаѣ снимать съ себя лукъ и стрѣлы. Въ настоящее время послѣ совершенія обряда *сасали бирьха*, когда совершающіе обрядъ брызгаютъ изъ своихъ чашекъ *куругу* (кислое молоко) и *тарасунъ* (молочную водку) и затѣмъ бросаютъ и самыя чашки кверху, гадая по ихъ паденію, участники вырываютъ нѣсколько травы и втыкаютъ ее себѣ за поясъ. По словамъ ихъ, это означаетъ: надѣть на себя колчанъ и лукъ.

У бурятъ были также мечи, называемые *сэлмэ*; ихъ ковали свои бурятскіе кузнецы, а лучшіе получались изъ Монголіи.

Были у нихъ также копья *жада*; они дѣлались двухъ сортовъ: одни съ простымъ древкомъ, а другія имѣли на древкѣ поперечную перекладину; послѣднія употреблялись на охотѣ за крупнымъ звѣремъ. Впрочемъ, жада, повидимому, было болѣе военное оружіе, чѣмъ охотничье.

Хотöго, ножъ не очень большихъ размѣровъ, буряты по-

стоянно носили на поясѣ слѣва. Ножи носили всѣ, и большіе, и маленькіе, и женщины. Въ землѣ находятъ небольшіе круглые ножи; для чего они употреблялись, неизвѣстно.

4. *П и щ а.*

Въ старину, когда буряты только еще переходили отъ быта звѣроловческаго къ скотоводству, они очень дорожили скотомъ. По ихъ преданіямъ, сѣверо-байкальскіе буряты добывали скотъ, главнымъ образомъ, совершая набѣги на жителей Забайкалья и Монголіи. Въ памяти народа и теперь еще сохранилось нѣсколько именъ лицъ, наиболѣе прославившихся такими набѣгами. Угонять конечно было удобнѣе лошадей, вслѣдствіе чего рогатый скотъ размножался у бурятъ медленнѣе лошадей, а потому и колоть скотъ у бурятъ не было въ такомъ обычаѣ, какъ теперь. Но у нихъ въ то время существовалъ обычай *ханаха*. Не желая убивать скотину и въ то же время имѣя желаніе поѣсть мясного, буряты ловили лошадь или рогатую скотину, дѣлали у нея на шеѣ надрѣзъ и кровь, бѣжавшую изъ раны, собирали въ посуду; выпустивши нѣкоторое количество крови, ее останавливали, и животное отпускали. Добытую такимъ образомъ кровь варили въ котлѣ и ѣли. У нынѣшнихъ бурятъ обычай ханаха не существуетъ.

Прежніе буряты употребляли въ пищу нѣкоторыя растенія и коренья; они заготовляли ихъ и на зиму. Вмѣсто чая прежде употребляли корень травянистаго растенія *хöдö* [1]. Корень выкапывали во время цвѣтенія и сушили на солнцѣ, затѣмъ толкли и заваривали кипяткомъ.

Мэхэр или *Мэхэрıэне* [2]—тоже травянистое растеніе. Употребляли такъ же, какъ предъидущее.

Синэ [3]—употребляли корни; пили, какъ чай. Въ большомъ количествѣ это растеніе вредно дѣйствуетъ на здоровье.

Сайнъ öбöхöн (красивая трава)—трава съ мелкими бѣлыми

---

1) Вѣроятно Sanguisorba.

2) Polygonum viviparum L.

3) Paeonia anomala.

цвѣтами, нѣжно пахнущими. Цвѣты сушили на солнцѣ, послѣ чего заваривали, какъ чай, и пили.

Современные буряты изъ перечисленныхъ растенiй пьютъ отваръ корней *хőдő* и отваръ изъ цвѣтовъ *сайн обőхőн*.

Хара ȟарана — травянистое растенiе. Выкапывали корни, сушили и варили цѣлыми, не толкли.

Őегőнő — травянистое растенiе; копали корни, тщательно очищали и сушили на солнцѣ, затѣмъ толкли въ ступѣ. Получалась мука, изъ которой мѣсили на растопленномъ салѣ или сметанѣ лепешки, называемыя *бőн*.

Сабаȟан—травянистое растенiе; употребляли такъ же, какъ и предъидущее.

Гэшигэнэ [1])—травянистое растенiе; изъ корней приготовляли муку. Въ настоящее время стебли употребляютъ въ лѣкарство; изъ нихъ дѣлаютъ припарки при внутреннихъ болѣзняхъ и опухоляхъ.

Хонгино или *далан халиȟан* — травянистое растенiе; въ пищу употребляли корни въ сыромъ видѣ или варили въ водѣ и какъ приправу къ мясу. На вкусъ корень сладкiй. Буряты запасали его на зиму.

Аситаши — многолѣтнее растенiе, кустарникъ; въ пищу употребляютъ корни; большею частью жуютъ въ сыромъ видѣ, высасывая сокъ, иногда варятъ и пьютъ отваръ

Азаргана—трава. Въ пищу употребляется только верхняя часть растенiя; ѣдятъ въ сыромъ видѣ.

Мура-őбőхőн — трава; въ пищу употребляютъ стебли въ сыромъ видѣ; корни не ѣдятъ.

Гэшугэнэ,—трава; ѣдятъ или въ сыромъ видѣ, или варятъ и пьютъ отваръ; выварки бросаютъ.

Хулганан-шинэн—трава
Бальширгана—трава
Унхэ-сур—трава
} ѣдятъ въ сыромъ видѣ.

Гőгőхőно—травянистое растенiе; стебли употребляютъ въ сыромъ видѣ; корни ѣдятъ сырые и вареные.

Саган ȟарана [2])—травянистое растенiе; луковичный корень

[1]) Potentilla anserina L.
[2]) Lilium tenuifolium Fisch

этого растенія употребляютъ какъ въ сыромъ, такъ и въ вареномъ видѣ. Прежде буряты запасали его на зиму.

Шари харана (желтая сарана [1]); луковицы нѣсколько мельче, чѣмъ у предъидущаго растенія; употребляется такъ же.

Нагда; корни этого растенія выкапывали, пекли въ горячей золѣ, тогда они становились мягкими и сладкими.

Мангихан — трава; употребляется и стебель и корень въ сыромъ и въ вареномъ видѣ. Прежде это было самое употребительное растеніе.

Халяр -- трава; употребляется такъ же, какъ мангиханъ.

Буряты употребляли также въ пищу ягоды и весной древесный сокъ.

5. *Посуда, орудія и т. п.*

Въ старину у бурятъ посуды было немного. Были котлы изъ мѣди и изъ желѣза. Иногда для варки пищи употребляли выдолбленные изъ дерева корыта, называемыя *тэбши*. Въ такое корыто наливали воду и, положа въ воду мяса, пускали въ корыто до-красна накаленные камни. Были также котлы, сшитые изъ бересты, но послѣдніе были конечно крайне непрочны. Чашки были долбленыя изъ дерева и назывались *айга*; иногда чашки тоже шились изъ бересты.

Ложки, *халбага* и поварешки, *шинага*, тоже дѣлались долбленыя или сшитыя изъ бересты и прикрѣплялись къ деревянному черенку.

Изъ бересты также шили особыя лукошки, по возможности украшая ихъ; они служили для складыванья костей и погребальныхъ остатковъ.

Во время переѣздовъ буряты возили свое имущество въ переметныхъ сумахъ, сшитыхъ изъ шкуръ животныхъ; онѣ называются *ута*. Кромѣ ута шились еще мѣшки изъ кожи, очищенной отъ шерсти; эти мѣшки называются *башлык*.

Хухэнэк былъ мѣшокъ для стрѣлъ и прочаго оружія; это былъ скорѣе предметъ украшенія, такъ какъ его очень убирали серебряными бляхами, раковинами и вышивками (см. ниже, стр. 154).

---

[1]) Lilium Martagon L.

Топоры у бурятъ были прежде не такіе, какъ теперь; лезвее его приходилось поперекъ топорища, а не вдоль, какъ у нынѣшнихъ. Такой топоръ назывался *х̆ухэ*. Кромѣ того былъ *оми-х̆ухэ* съ круглымъ лезомъ; его употребляли для долбленія деревянныхъ чашъ, корытъ и лодокъ.

Гахана были особаго рода лопаточки, которыми выкапывали корни съѣдобныхъ растеній. Полукруглый желѣзный наконечникъ гахана насаживался на древко.

Были ли косы у бурятъ въ древнее время, трудно заключить; впослѣдствіи они стали дѣлать косы на подобіе серповъ, съ небольшими, не длиннѣе фута, черенками. Сѣнокошеніе у бурятъ производилось близко къ осени и продолжалось около двадцати дней, что можно заключить изъ бурятской поговорки, въ которой упоминается о желтыхъ листьяхъ въ связи съ сѣнокошеніемъ.

У бурятъ издавна употребляется неводъ — *гульмэ*, острога — *хэрэ*, удочка—*гохо*, морда—*гур*. Невода приготовляются изъ волосъ конскаго хвоста и гривы; дѣлаютъ ихъ буряты сами. Гуръ плетутъ изъ тальниковыхъ вѣтвей. *Гэрдэхэ* по-бурятски значитъ лучить рыбу. Лучатъ обыкновенно осенью. Почти всѣ рыболовныя снасти имѣютъ своихъ *заяновъ* (духовъ), которые носятъ соотвѣтствующія названія. Такъ, напримѣръ, *гульмэ* имѣетъ заяна *Гульмэши ноён*. *Гур* имѣетъ *Гурши хатун*. Есть *Хорэши ноён*, *Гохоши ноён*.

Въ преданіяхъ бурятъ упоминаются лодки деревянныя, долбленыя; впослѣдствіи они заимствовали у кого-то изъ своихъ сосѣдей берестяныя лодки, но сами дѣлать ихъ не умѣли.

II. Остатки старины въ обычаяхъ и обрядахъ.

1. Родинные обряды.

У бурятъ Кудинскихъ до сихъ поръ соблюдается слѣдующій обрядъ. Когда родится у кого-нибудь ребенокъ, то въ юртѣ выкапываютъ яму, противъ двери за очагомъ, въ томъ мѣстѣ, которое буряты называютъ *хоймор тала* и гдѣ большею частью сидятъ женщины. Въ то же время варятъ саламату (мука съ масломъ и сметаной) и ставятъ ее въ трехъ

чашкахъ по тремъ сторонамъ ямы; въ ямѣ разводятъ немного огня. На огонь кладутъ саламату и немного масла. Въ яму кладутъ *томто* [1]), кость отъ лытки, такъ называемую у бурятъ *барбагай*, калъ новорожденнаго и всѣ нечистоты, которыя выдѣлились вмѣстѣ съ ребенкомъ.

Для совершенія этого обряда приглашаютъ трехъ или пять женщинъ, а мужчинъ и дѣтей высылаютъ изъ юрты, потому что этотъ обрядъ считается нечистымъ. Одну изъ приглашенныхъ женщинъ выбираютъ быть матерью новорожденнаго; она должна въ это время быть неотлучно возлѣ ребенка. Женщины ходятъ вокругъ ямы по́-солонь и потомъ съѣдаютъ приготовленную саламату, никому не давая ее. Потомъ эту яму тщательно закрываютъ доской, такъ чтобы ничего не утратилось изъ ямы. Если же что пропадетъ, то ребенокъ не будетъ счастливъ и не выростетъ большой. Въ ямѣ будетъ столько томто, сколько въ семьѣ родится ребятъ.

Второй обрядъ называется *ӧлӧдӧ урулха*, а у Балаганскихъ бурятъ—*торого*. На второй или на третій день послѣ рожденія ребенка у бурятъ устраивается праздникъ; покупаютъ водки или дома высиживаютъ нѣсколько котловъ тарасуна и колютъ барана или бычка. Всѣ родственники и сосѣди собираются въ домъ новорожденнаго. Когда всѣ соберутся, варятъ саламату и мясо; послѣднее раскладываютъ въ корзины, а лытку отъ задней ноги беретъ въ руки и держитъ посаженная (избранная) мать ребенка, которая сидитъ возлѣ новорожденнаго. Рядомъ стоитъ люлька [2]) со всѣмъ, что къ ней нужно, и сидитъ маленькій мальчикъ или дѣвочка: если новорожденный мальчикъ, то и возлѣ люльки мальчикъ, а если дѣвочка, то и возлѣ люльки дѣвочка. Какая нибудь старуха держитъ на рукахъ новорожденнаго. Посаженная мать въ правой рукѣ держитъ лытку съ большимъ ножомъ, или еще чаще употребляютъ при этомъ кинжалъ; прежде, говорятъ, для этого употребляли стрѣлу. Эту кость и кинжалъ она, не выпуская изъ рукъ, держитъ надъ люлькой и спрашиваетъ мальчика

[1]) Томто—не послѣдъ ли? (Потанинъ).

[2]) Люлька дѣлается изъ тонкихъ досокъ или изъ луба; низъ ея укрѣпленъ на круглыхъ обручахъ, отъ чего люлька легко раскачивается.

или дѣвочку: кого слѣдуетъ положить въ люльку, ребенка или кость? Мальчикъ отвѣчаетъ: ребенка! Тогда мать опять спрашиваетъ: кого нужно положить въ люльку, ребенка или кинжалъ? Мальчикъ отвѣчаетъ: ребенка! Эти вопросы повторяются до трехъ разъ, и каждый разъ на нихъ отвѣчаютъ: ребенка! Послѣ этого посаженная мать спрашиваетъ мальчика или дѣвочку: вверхъ или внизъ (головой?) положить въ люлькѣ ребенка? Мальчикъ отвѣчаетъ: вверхъ! Этотъ вопросъ тоже повторяютъ три раза, и каждый разъ получаютъ тотъ же отвѣтъ. Послѣ этого кость отдаютъ мальчику или дѣвочкѣ, которые отвѣчали на вопросы, а они съѣдаютъ мясо съ кости. А новорожденнаго послѣ этого кладутъ въ люльку и пеленаютъ ремнями, какъ это всегда дѣлается у бурятъ. Потомъ у него стригутъ немного волосъ и кладутъ въ мѣшечекъ, который вѣшаютъ на задней стѣнкѣ колыбели, такъ что по числу мѣшечковъ можно видѣть, сколько было дѣтей въ семьѣ. Затѣмъ всѣ гости изъ вина и саламаты дѣлаютъ *дуаха*—брызганье, а отъ мяса бросаютъ въ огонь по частичкѣ и начинаютъ угощаться. Когда лытка, игравшая роль въ обрядѣ, будетъ очищена отъ мяса, тогда ее кладутъ въ люльку или привѣшиваютъ къ ней. Этимъ обрядъ „ӧлгӧдӧ урулха“ оканчивается.

У Балаганскихъ бурятъ прежде было въ обычаѣ, во время праздника *торомо*, дѣлать *милага*, т. е. отдавать въ это время народу кобылицу. Родители новорожденнаго загоняютъ на свой дворъ табунъ лошадей, и одна изъ старухъ, участвующая въ обрядѣ, должна надѣть на голову кобылицы арканъ (волосяная веревка); послѣ этого мужчины ловятъ кобылицу, колютъ ее, и мясомъ ея угощаются, а сажу съ котла мѣшаютъ съ масломъ и этимъ стараются марать мужчинъ; это служитъ для нихъ въ этотъ день забавой.

2. *Свадебные обряды.*

Сватовство у бурятъ происходитъ слѣдующимъ образомъ. Отецъ жениха съ нѣкоторыми сосѣдями пріѣзжаетъ къ родителямъ невѣсты. Если родители невѣсты согласны, то ведутся дальнѣйшіе переговоры, и отецъ жениха надѣваетъ

на невѣсту золотую монету, такъ называемую *холобши*. При сватовствѣ очень рѣдко принимаютъ во вниманіе желаніе самихъ жениха и невѣсты. Если монета принята, тогда отецъ невѣсты подаетъ вино; имъ, по обычаю, „брызгаютъ“, а затѣмъ его распиваютъ; послѣ этого договариваются о величинѣ калыма. Калымъ раньше бывалъ незначителенъ, въ настоящее время больше.

Главный моментъ сговора, когда все условлено, заключается въ томъ, что родители жениха и невѣсты мѣняются между собой поясами. Послѣ обмѣна поясовъ договоръ считается неразрывнымъ. Пированіе по случаю сговора продолжается иногда нѣсколько дней. Во время пированія родители невѣсты шьютъ отцу жениха новую шубу, и при его отъѣздѣ надѣваютъ на него эту шубу.

Послѣ этого отецъ жениха начинаетъ выплачивать калымъ, что продолжается не одинаково; одинъ дольше, другой скорѣе выплачиваетъ, почему и сватовство не разъ совершалось тогда, когда женихъ и невѣста еще очень молоды. Когда калымъ выплаченъ, тогда отецъ жениха объявляетъ, что онъ требуетъ невѣсту къ себѣ. Родители невѣсты тогда начинаютъ готовить приданое дочери, шить ей одежду. Въ прежнее время невѣстѣ приготовляли также лукъ и стрѣлы и дѣлали *хухэнэк;* давали также коня съ полной сбруей и съ сѣдломъ. Въ настоящее время невѣстамъ даютъ сколько нибудь скота. Все приданое называется *онжи;* скотъ онжи считается неотъемлемой собственностью невѣсты. *Хухэнэк*—это большой, аршина въ два, мѣшокъ трехугольной формы, сшитый изъ звѣриныхъ шкуръ и на лицевой сторонѣ украшенный вышивками, желѣзными, покрытыми серебромъ, бляхами и мелкими раковинами, *юбун* по-бурятски [1]). По бокамъ хухэнэкъ имѣетъ по девяти ремней, а на лицевой сторонѣ, нѣсколько ниже половины высоты, имѣетъ рядъ ременныхъ кистей. Дѣлаются ли ремни только для украшенія или они имѣли какое либо символическое значеніе, неизвѣстно. Въ настоящее время хухэнэкъ выводится, но его еще можно встрѣтить изрѣдка. Въ

---

[1]) Вѣроятно, змѣиными головками, Cypraea moneta (Потанинъ).

1881 г. намъ случилось видѣть хухэнэкъ, въ которомъ торчали три стрѣлы и двѣ бараньихъ лытки, очищенныя отъ мяса.

Приготовившись, родители невѣсты назначаютъ день, когда они повезутъ невѣсту, и приглашаютъ къ себѣ всю свою родню. Молодежь съѣзжается раньше, и въ домѣ невѣсты устраивается пиръ, причемъ молодежь играетъ въ игры и пляшетъ. Иногда съѣзжаются только наканунѣ, а иногда за нѣсколько дней. Попировавши въ домѣ невѣсты, всѣ переходятъ въ дома ея родственниковъ; иногда пируютъ не только въ улусѣ невѣсты, но переходятъ пировать и въ сосѣдніе улусы въ родственные дома. Родственники принимаютъ гостей радушно; это считается какъ-бы ихъ обязанностью.

Въ день отъѣзда всѣ собираются въ домъ невѣсты; раньше собирались всѣ въ полномъ вооруженіи верхомъ на лошадяхъ, и невѣста также ѣхала верхомъ; въ настоящее время ѣдутъ на телѣгахъ и тарантасахъ или саняхъ. Когда всѣ соберутся, тогда родители невѣсты колютъ животныхъ и брызгаютъ тарасуномъ и просятъ при этомъ благословенія своей дочери. Мяса и вина берутъ съ собой каждый по состоянію.

Передъ отъѣздомъ дѣвицы не пускаютъ невѣсту. Онѣ посадятъ ее въ самый уголъ, а сами, взявшись за руки и связавшись поясами, чтобы представлять собой неразрывную цѣпь, садятся впереди нея, нѣкоторыя даже ложатся на невѣсту, чтобы защищать ее своимъ тѣломъ. Если дѣвицъ много, то очень трудно бываетъ освободить невѣсту; борьбу съ дѣвицами ведутъ мужчины, приглашенные участвовать въ свадебномъ поѣздѣ. Послѣ этого всѣ ѣдутъ въ улусъ жениха.

Узнавши, что поѣздъ приближается, отъ жениха нѣсколько человѣкъ ѣдутъ на встрѣчу и везутъ мясо и вино. Эту встрѣчу называютъ *х̆ал;* при встрѣчѣ всѣ слѣзаютъ съ коней и отъ присланнаго мяса отрѣзаютъ по кусочку и бросаютъ въ огонь; точно также брызгаютъ въ огонь виномъ; это называется *дэши барьха*, а возліянія виномъ—*дух̆ах̆а;* послѣ этого ѣдутъ дальше. Въ прежнее время х̆алъ высылался за день до свадьбы въ сопровожденіи вооруженныхъ людей; они сопровождали потомъ свадебный поѣздъ. Между тѣмъ въ улусѣ жениха дѣлаются приготовленія: готовятся угощенія; кромѣ того, срубаютъ березку, такъ называемую *турэ*, ставятъ

ее передъ юртой жениха, и къ ней привязываютъ домашняго онгона [1]). Около березы разводится огонь; старики и почетныя лица со стороны жениха садятся у огня, образуя полукругъ.

Отъ невѣсты прежде всѣхъ пріѣзжаетъ *туруше;* это обыкновенно бываетъ пожилой человѣкъ, знающій обычаи. Его встрѣчаютъ обыкновенно съ большимъ почетомъ. Туру́ше везетъ въ рукахъ стрѣлу и при входѣ въ юрту жениха втыкаетъ ее въ столбъ юрты, въ *хоймор тэнги*. Туруше сажаютъ на почетное мѣсто и начинаютъ потчевать виномъ; иногда стараются напоить туруше до пьяна еще до пріѣзда свадебнаго поѣзда. Слово *туруше* происходитъ отъ бурятскаго слова *туру*—первый, передній.

За туруше пріѣзжаетъ поѣздъ съ невѣстой. Стариковъ сажаютъ на правой сторонѣ юрты, по-бурятски—*барун-тала* (западная сторона); женщинъ усаживаютъ на сѣверной сторонѣ *хоймор-тала*; невѣсту съ дѣвицами прячутъ за занавѣской *хошогён хойно*. Прежде всего на столъ ставятъ молоко или таракъ (нѣчто вродѣ простокваши); всѣ гости пробуютъ это угощеніе; это называется *сагалха* [2]).

Отцы жениха и невѣсты сидятъ рядомъ у очага; впереди ихъ стоитъ въ посудѣ вино. Два шамана, одинъ съ жениховой стороны, другой съ невѣстиной, брызгаютъ виномъ; во время брызганія они держатъ другъ-друга за руки; это совмѣстное обращеніе къ заянамъ во время брызганья означаетъ, что они соединяютъ членовъ двухъ родовъ въ супружескій союзъ. Послѣ этого начинается попойка до утра. На другой день передъ юртой жениха въ землѣ укрѣпляютъ березку *тургэ*; на тургэ вѣшаютъ божка *хотхо-онгон*, если онъ есть въ домѣ. Затѣмъ ставятъ жердь, прислонивъ ее однимъ концомъ къ березкѣ, и на ней вѣшаютъ шубу матери жениха. На сѣверъ отъ тургэ разводятъ огонь; около огня ставятъ въ посудѣ вино и мясо. Около этого огня садится благословитель, *ёрёрши*, т. е. старикъ, который будетъ говорить благословеніе, *ерёль*, жениху и невѣстѣ.

1) Онгонъ—домашній фетишъ.

2) Обычай подавать молочное угощеніе каждому гостю очень древній; если домохозяинъ не подавалъ *сагалга*, это означало, что онъ не хочетъ принимать его, какъ ровню.

Покровителемъ свадьбы у бурятъ считается *Тулман-саган-нойон*, сѣдой старикъ, который имѣетъ мѣстопребываніе на горѣ Тулма.

Родители невѣсты всей роднѣ жениха, присутствующей на свадьбѣ, повязываютъ ленты или платки; этотъ обычай называется *зала-зухэ*; на шею собаки также повязываютъ красный суконный ошейникъ, или изъ другой матеріи краснаго цвѣта. Этотъ обычай повидимому ведетъ начало отъ быта звѣроловческаго, когда собака была необходимымъ помощникомъ; этимъ хотѣли и ее сдѣлать участницей общей семейной радости. Красный кусокъ сукна навязывали также на крюкъ, по-бурятски *дэгэ*, которымъ буряты достаютъ мясо изъ котла.

Въ это утро косу невѣсты расплетаютъ и заплетаютъ ей *хабига*; это значитъ, что на одной сторонѣ ей заплетаютъ десять косъ, и на другой сторонѣ восемь; послѣ этого ее одѣваютъ въ полную женскую одежду.

Когда все готово, тогда невѣсту выводятъ изъ юрты; къ ней подходитъ женихъ, и они, взявшись за руки, идутъ. Надъ ними несутъ большую шаль за четыре угла, называя это *харабши*, въ переводѣ—„сарай“. Лицо невѣсты при этомъ должно быть занавѣшено какой-нибудь матеріей. Съ лѣвой стороны невѣсты идетъ женщина, такъ называемая мать, по-бурятски *эхэ*; матерью невѣсты не можетъ быть вторая жена, а вседа должна быть первая. Такъ они идутъ вокругъ юрты, и когда, сдѣлавши кругъ, они приближаются къ тургэ, кто-нибудь изъ провожающихъ невѣсту говоритъ: „ӧрӧрши аб!“ благословитель, возьми! Тогда ӧрӧрши-ӧбӧгӧнъ начинаетъ благословлять невѣсту; въ это время идущіе подъ шалью останавливаются. Когда орёль (благословеніе) конченъ, они снова двигаются впередъ; снова говорятъ: „ӧрӧрши аб!“ и ӧрӧрши ӧбӧгӧнъ снова благословляетъ; такъ повторяется до трехъ разъ *).

Когда ӧрӧрши закончитъ третье благословеніе, тогда невѣста входитъ въ юрту съ своими провожатыми и останавливается у дверей. Въ это время родители невѣсты сидятъ

---

*) Подлинные тексты благословеній (орёль) отлагаемъ до слѣдующей книжки, такъ какъ не поспѣлъ во-время русскій переводъ ихъ. *Ред.*

около очага на *хмойор тала.* Разстилаютъ потникъ передъ очагомъ и на него ставятъ невѣсту.

Женихъ въ это время уходитъ къ тургэ; здѣсь сидящіе люди отрѣзываютъ отъ приготовленнаго мяса три куска и подаютъ ему; женихъ бросаетъ ихъ въ разложенный около тургэ огонь. Послѣ этого отрѣзываютъ еще три куска мяса и даютъ въ руки жениху; съ этимъ мясомъ онъ уходитъ въ юрту и становится тамъ на потникъ, рядомъ съ невѣстой, и, кланяясь огню, бросаетъ куски мяса въ огонь очага. Это означаетъ, что женихъ признается равноправнымъ членомъ своего общества и домохозяиномъ; онъ уходитъ послѣ этого къ тургэ.

Невѣстѣ, оставшейся на потникѣ, приносятъ три куска жиру; она, кланяясь, бросаетъ ихъ въ огонь очага. Послѣ этого невѣстѣ приносятъ еще нѣсколько кусковъ жира; она бросаетъ ихъ прямо въ грудь своего свекра, *хадам* по-бурятски. Свекоръ часть жира бросаетъ въ огонь, часть съѣдаетъ, а остальное раздаетъ присутствующимъ; этотъ обычай называется *ухэ хайха*—бросать жиръ; онъ означаетъ, что, входя въ домъ мужа, женщина приноситъ честь и изобиліе, и что она обѣщаетъ быть вѣрной женой и дочерью. Совершивши обрядъ бросанія жира, невѣста уходитъ за занавѣску и сидитъ тамъ.

У тургэ въ это время оставшееся отъ бросанья въ огонь мясо дѣлятъ на три части. Одну часть называютъ, *онгони мäхан*—мясо онгоновъ; его откладываютъ подъ тургэ, и не трогаютъ до тѣхъ поръ, пока всѣ свадебные гости не уѣдутъ; вторую часть мяса съ грудиной откладываютъ въ сторону: это—доля борцовъ; имъ оставляютъ также водки или тарасуна; третью часть мяса съѣдаютъ присутствующіе и выпиваютъ также вино.

Въ юртѣ черезъ нѣсколько времени невѣста съ матерью и съ своими женщинами и дѣвушками снова выходитъ изъ-за занавѣски, подходитъ къ огню и кланяется ему. Ей даютъ чашку съ молокомъ; она нѣсколько капель проливаетъ на огонь и послѣ этого отпиваетъ молока изъ чашки и потчуетъ имъ своихъ провожатыхъ женщинъ; послѣ этого чашку возвращаютъ

обратно. Этотъ обычай называется *сагалха*. [1]) Затѣмъ свекоръ подаетъ невѣсткѣ растопленнаго масла въ чашкѣ, и она немного выливаетъ на огонь; тогда свекровь въ свою очередь подаетъ ей чашку съ масломъ, и она опять выливаетъ немного масла въ огонь. По совершеніи этихъ обрядностей невѣста кланяется огню, поворачиваетъ полѣнья на огнѣ и подкладываетъ нѣсколько новыхъ полѣньевъ. Это значитъ, что какъ увеличивается огонь очага, такъ должно увеличиться семейство ея мужа, а также, что она становится хозяйкой дома. Послѣ этого дарятъ невѣсту, сначала свекоръ и свекровь, а затѣмъ и остальная родня жениха. Дарятъ золотыми и серебряными монетами, а невѣста при этомъ угощаетъ присутствующихъ гостей уже какъ членъ новой семьи.

Когда обрядовая часть свадьбы кончится, тогда начинается настоящій пиръ. Около тургэ борются борцы и состязаются въ бѣгѣ, затѣмъ устраиваютъ скачки. Обыкновенно состязаются борцы съ двухъ сторонъ, со стороны жениха и со стороны невѣсты. Угощеніе бываетъ равное и побѣдителю и побѣжденному. Но въ настоящее время эти обычаи выводятся. Погулявши и попировавши въ домѣ у жениха, гости переѣзжаютъ въ домъ его родныхъ; такимъ образомъ пиры продолжаются нѣсколько дней.

Кромѣ скачекъ, бѣга лошадей и борьбы во время угощенія гостей, прежде устраивалось также состязаніе стрѣлковъ, выходившихъ по одному съ каждой стороны по-очереди, а равно и другія игры. Молодежь обоего пола устраивала пляски. Для этого всѣ ставали въ кругъ, держа за руки другъ друга и медленно двигались по солнцу; при этомъ они пѣли пѣсни. Затѣмъ сдвигались плотнѣе и скакали, двигаясь все время по солнцу; въ это время и мотивъ пѣсни изъ протяжнаго становился болѣе отрывистымъ. Пляска эта существуетъ и до нынѣ и называется *хатарха*. Кромѣ хатарха буряты имѣли и другія пляски, которыя состояли въ подражаніи разнымъ животнымъ, звѣрямъ и птицамъ. Какъ народъ охотничій, буряты должны были постоянно наблюдать звѣрей, чтобы умѣть перехитрить ихъ въ случаѣ надобности;

---

[1]) *Сагалха* буквально—„бѣлить“.

потому и въ играхъ и въ пляскахъ ихъ выразилась наблюдательность и подражательность въ этомъ отношеніи. Буряты плясали такъ называемый *хор надан*; въ переводѣ на русскій это будетъ *глухариная игра*. Пляшущіе садились вдвоемъ на корточки, держась на однихъноcкахъ ногъ; руки держали вытянутыми наравнѣ съ плечами; такъ поднятыя руки представляли крылья глухаря. Пляшущіе, подпрыгивая на носкахъ, сходились и расходились; третій пляшущій представлялъ глухариную самку, которая во время пляски проходила между самцами, и самцы дрались за самку. Пляшущіе подражали также и крику глухаря. Другая подобная пляска называлась *хошомо*, и также исполнялась на корточкахъ съ распростертыми въ воздухѣ руками; но ее плясали парами, другъ противъ друга, то подскакивая близко, то удаляясь назадъ. Пляску *мэндэшелгэ* плясали, стоя на ногахъ, одинъ противъ другого, и также сходясь и расходясь; во время мэндэшелгэ пѣли пѣсню.

У Кудинскихъ бурятъ свадебные гости всегда возвращаются домой въ тотъ же день, и на свадьбу пріѣзжаютъ всегда верхами; это болѣе древній обычай. Невѣста иногда остается въ домѣ свекра, а иногда уѣзжаетъ обратно домой.

Свадьбы обыкновенно устраиваютъ лѣтомъ. Балаганскіе буряты время года не разбираютъ, но у нихъ сохранялся повидимому очень древній обычай до очень недавняго времени. Свадебные гости, уѣзжая домой, старались какъ можно ловчѣе угнать нѣсколько штукъ рогатаго скота, но немного. Сосѣди жениха бросались за похитителями въ погоню; происходила драка, иногда скотъ возвращали, а иногда его угоняли въ улусъ невѣсты, гдѣ его кололи и мясо съѣдали, а кожу дѣлили поровну между всѣми.

Въ настоящее время свадебнымъ гостямъ передъ отъѣздомъ подаютъ вино, называемое *ухэри архи*, что въ переводѣ значитъ „скотское вино" *), вино за скотъ. Это означаетъ, что родители невѣсты угощаютъ своихъ гостей, чтобы они не угоняли скота у жениха, почему можно думать, что угонъ

---

*) *Ухер*—корова; *архи*—вино.

скота бывалъ только въ томъ случаѣ, если гости оставались недовольны угощеніемъ въ домѣ жениха.

Провожая свадебныхъ гостей, родители жениха, взамѣнъ привезеннаго ими мяса, которое носитъ названіе *сахемэжа*, даютъ въ свою очередь мяса и вина, что называется *мэнх̆эни оёр* — „дно посуды„ буквально. По бурятскому обычаю посуду, привезенную съ чѣмъ нибудь въ подарокъ, нельзя возвращать обратно пустую. Возвратившись домой, родители невѣсты приглашаютъ къ себѣ стариковъ и старухъ, не ѣздившихъ на свадьбу, и угощаютъ ихъ привезеннымъ мясомъ и виномъ.

Въ домъ жениха послѣ отъѣзда свадебныхъ гостей, также собираются старики и старухи и послѣ небольшого религіознаго обряда: *дэши барьха* и *дух̆аху*, мясо, оставленное подъ тургэ подъ именемъ „онгоннаго мяса“, съѣдаютъ и выпиваютъ вино, потомъ расходятся по домамъ.

Въ настоящее время невѣста пріѣзжаетъ жить въ домъ жениха спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы. Въ это время ей готовятъ приданое, шьютъ одежду; надобно, чтобы она носила свою одежду въ домѣ свекра. Ей даютъ также скотъ, и этотъ скотъ не колютъ и не продаютъ, поэтому онъ быстро размножается.

На житье невѣста пріѣзжаетъ въ домъ жениха въ сопровожденіи нѣсколькихъ родныхъ, человѣкъ до десяти; ихъ опять угощаютъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней Въ это время молодая женщина носитъ названіе *бэри*. Она уже одѣвается въ женскую одежду и щеголяетъ ею, носитъ много косъ, такъ называемыхъ *хабиа*, и украшаетъ голову монетами и маржанами (кораллами). Когда пройдетъ около полугода, тогда хабига перемѣняютъ на другую прическу—*болто*, двѣ косы. У Кудинскихъ бурятъ много косъ носятъ до старости и постепенно уменьшаютъ ихъ число. Когда нужно расплетать хабига, тогда приглашаютъ старухъ, которыя варятъ сметану и мясо; все это въ чашкахъ и корзинахъ ставятъ на столѣ около очага, а въ это же время возлѣ очага молодую женщину сажаютъ, расплетаютъ ей косы и заплетаютъ въ двѣ косы, послѣ чего немного саламаты и мяса бросаютъ въ огонь, а остальное съѣдаютъ. Послѣ этого молодая должна еще совершить обрядъ поклоненія онгонамъ. Женщинѣ, носящей

хабига, не позволяется молиться родовымъ онгонамъ мужа; она какъ бы еще считается чужой. Чтобы окончательно войти въ домъ, она должна совершить обрядъ: *онгондо орхо*—входъ къ онгонамъ. Для этого она съ мужемъ берутъ барана, саламаты и вина; заколовши по религіозному обряду барана и побрызгавъ виномъ и саламатой въ огонь, они кланяютя онгонамъ. Послѣ поклоненія домашнимъ онгонамъ молодые дарятъ отца и мать новыми одеждами, при этомъ они кланяются родителямъ въ ноги и просятъ у нихъ благословенія. Родители благословляютъ ихъ и дарятъ скотомъ.

Отношеніе невѣсты къ свекру и роднымъ мужа таково. Невѣстка ни подъ какимъ видомъ не должна называть своего свекра и свою свекровь по имени. Всѣхъ родственниковъ своего мужа старше его и свекра она должна называть *хадам*. Даже когда старики уже умерли, а невѣстка состарѣлась, она не произноситъ именъ своихъ хадамъ. Мало того: имена тѣхъ чужихъ мужчинъ, которыя одинаковы съ именемъ свекра, бурятка не должна произносить. Молодая бурятка никогда не должна быть передъ своими хадамъ безъ шапки и безъ *хамжула*; хамжулъ этотъ только покрываетъ спину; его носятъ вмѣсто прежней *дэглэ*, хотя у бурятъ Кудинскихъ, Капсальскихъ, Верхоленскихъ и Ольхонскихъ до сихъ поръ замужнія женщины носятъ дэглэ; Балаганскія, Идинскія и Аларскія бурятки носятъ хамжулъ. Буряты говорятъ: „öндöр тэнгэридэ ороё харулха угэй, улгэн ехэ дэлхэдэ арая харулха угэй!“ т. е. высокому небу женщина не должна показывать верхушку головы, и великой землѣ не должна показывать спину. Переодѣваться или раздѣваться передъ своими хадамъ женщина не должна; ея постель должна быть въ отдѣльной юртѣ, а если она находится тутъ-же, то непремѣнно за занавѣской. Хадамъ также не долженъ раздѣваться передъ своей невѣсткой, и ни въ какомъ случаѣ не смѣетъ сѣсть или лечь на ея постель. Входя въ юрту, гдѣ находится невѣстка, хадамъ долженъ предупредить ее о томъ, что онъ идетъ, и нѣсколько постоять у входа, чтобы она могла привести свою одежду въ порядокъ. Хадамъ не долженъ также произносить неприличныхъ словъ передъ своей невѣсткой; еслибы случилось, что онъ произнесъ что нибудь нескромное, невѣстка

должна выйти изъ юрты и не входить, пока разговоръ не прекратится. Невѣстка не должна входить въ юрту съ правой стороны и не должна проходить въ юртѣ направо отъ очага, чтобы не подходить близко къ онгонамъ, которые помѣщаются всегда направо отъ очага. Вообще замужнимъ женщинамъ запрещается быть на правой сторонѣ юрты. Если невѣсткѣ встрѣтится ея хадамъ, она должна обойти его кругомъ, никакъ не пересѣкая ему дороги. Совершенно немыслимо, чтобы хадамъ поѣхалъ съ невѣсткою въ одной телѣгѣ или въ саняхъ; вообще находиться близко къ своимъ хадамъ считается для нея неприличнымъ. Говорить при нихъ что-либо непристойное или нескромное грѣшно. Съ своей стороны хадамъ передъ своими невѣстками долженъ вести себя скромно и прилично; въ противномъ случаѣ онъ не пользуется уваженіемъ.

Весь этотъ этикетъ въ отношеніяхъ хадамъ и невѣстки называется по бурятски *сэрхэхэ*. Слово состоитъ изъ двухъ: *сэр* грѣхъ и *хэхэ*—дѣлать; смыслъ сэрхэхэ—„не дѣлать грѣха", при чемъ должно думать, что частица отрицанія—*угей* выпущена для краткости.

3. *Похоронные обряды.*

Въ прежнее время буряты имѣли обычай сожигать своихъ покойниковъ безъ различія пола и возраста. Когда кто-нибудь умиралъ, то его родня и сосѣди, т. е. соплеменники, собирались къ покойнику, кто бы онъ ни былъ. Они одѣвали его въ его лучшую одежду; если была возможность, то шили новую. На покойника надѣвали и цамцу, и шубу, и унты, и шапку,— однимъ словомъ все то, что онъ носилъ при жизни. Покойнику привязывали къ поясу ножны съ ножемъ и ложку деревянную или металлическую; на шею надѣвали кисетъ съ табакомъ или также привязывали табакъ къ поясу. Подлѣ покойника клали колчанъ съ лукомъ и копье. Съ покойникомъ клали также съѣстные припасы, такъ какъ по мнѣнію бурятъ душа покойника живетъ послѣ смерти той-же жизнью, какъ и на землѣ. Класть покойникамъ огниво, молочную пищу и волосяныя веревки считается великимъ грѣхомъ.

Приготовивъ все необходимое, собравшіеся буряты сна-

ряжали коня для покойника, на коня надѣвали всю лучшую сбрую и лучшее сѣдло. Готоваго коня привязывали къ *сэргэ*, къ столбу для привязыванья лошадей. Послѣ этого покойника выносили и сажали на коня, поддерживая его съ обѣихъ сторонъ; коня велъ за поводъ одинъ изъ участниковъ въ похоронахъ, или слуга покойника, если онъ у него былъ. На покойника надѣвали полное его вооруженіе, и покойникъ ѣхалъ впереди, а за нимъ слѣдовали всѣ его родичи. На пути одну стрѣлу изъ колчана покойника выстрѣливали назадъ; при возвращеніи эту стрѣлу брали съ собой въ домъ. Этотъ обычай сохраняется до нынѣ у Кудинскихъ бурятъ при похоронахъ шамана.

Если покойникъ былъ такъ бѣденъ, что не имѣлъ коня, тогда его несли къ мѣсту сожженія на рукахъ. Такой безконный покойникъ, по мнѣнію бурятъ, былъ осужденъ всю дальнѣйшую свою загробную жизнь проводить также безъ коня; поэтому всякій бурятъ старался имѣть къ смерти коня. Впослѣдствіи, съ умноженіемъ скота у бурятъ, бѣдняковъ покойниковъ отвозили иногда на быкѣ. Если покойникъ былъ богатый или какой нибудь силачъ *бöхö*, который былъ начальникомъ *зэгэтэ-аба*, т. е. въ звѣриной облавѣ, то онъ по обычаю долженъ былъ имѣть при похоронахъ своихъ слугу, котораго насильственно убивали и сожигали вмѣстѣ съ покойникомъ; этотъ слуга долженъ былъ на томъ свѣтѣ служить душѣ покойника. Такого слугу обыкновенно называли: *мори барюхäн эмэль тохухäн*. Если покойникъ при жизни не имѣлъ слуги, то по обычаю ему не полагалось слуги и при похоронахъ.

Когда похоронная процессія пріѣзжала на мѣсто сожженія, то приготовляли дрова, складывали ихъ четыреугольникомъ, на дрова клали покойника, снявши его съ коня, подъ покойника постилали потникъ, а въ головы ему подкладывали сѣдло; такимъ же образомъ на токумѣ (подсѣдельномъ потникѣ) и на сѣдлѣ спали буряты во время своихъ облавъ и походовъ. Потомъ все оружіе и всѣ вещи раскладывали около покойника, а иногда стрѣлы, лукъ, копье и прочія вещи ломали; коня покойника убивали; если былъ слуга, то и его убивали. Послѣ этого дрова зажигали, и покойникъ со всѣмъ

тѣмъ, что его окружало, сгоралъ. По окончаніи этого всѣ присутствующіе уѣзжали домой. Возвращаясь, никто не долженъ былъ оглядываться; если же кто оглядывался, того, по мнѣнію бурятъ, покойникъ возьметъ съ собою, т. е. вѣрили, что такой человѣкъ скоро умретъ. Если покойникъ былъ изъ предводителей или отличался физической силой и мѣткостью въ стрѣльбѣ изъ лука, то при похоронахъ его соплеменники пѣли пѣсни, въ которыхъ восхваляли его дѣйствія и подвиги при жизни. У Кудинскихъ бурятъ и нынѣ существуетъ обычай пѣть пѣсни во время похоронъ шамана, въ которыхъ описываются событія изъ его жизни. На третій день послѣ сожженія покойника родня и сосѣди покойника собирались къ его семьѣ, и всѣ, взявши съ собою съѣстные припасы и все, что нужно, пріѣзжали на мѣсто сожженія покойника. Здѣсь они собирали всѣ оставшіяся отъ сожженія кости и металлическіе остатки отъ оружія и отъ прочихъ вещей. Все собранное складывали, по словамъ преданія, въ берестяное, изукрашенное узорами лукошко и закапывали въ землю на мѣстѣ сожженія. Послѣ того угощались привезенными съѣстными припасами и возвращались домой. Этотъ обрядъ назывался *яха барьха*—кости собирать. Это выраженіе сохранилось и до сегодня, хотя обычай сожигать покойниковъ уже почти совсѣмъ вывелся; такъ въ настоящее время называютъ обычай поминать покойника на третій день пиромъ. Въ настоящее время изрѣдка находятъ сгорѣвшія кости, пепелъ и остатки металлическихъ вещей, сложенные въ берестяныя лукошки въ землѣ; но попадаются также эти вещи и въ глиняныхъ горшкахъ, между тѣмъ преданія совсѣмъ не упоминаютъ о гончарномъ искусствѣ у бурятъ. Можетъ быть, такіе горшки буряты получали отъ сосѣднихъ народовъ путемъ обмѣна.

Особыхъ похоронныхъ мѣстъ у бурятъ повидимому не было; хоронили покойника тамъ, гдѣ онъ умиралъ. Во время кочевого быта всѣ родичи оставались втеченіе трехъ дней, гдѣ было совершено сожженіе, послѣ чего перекочевывали подальше. Дѣлалось это потому, что думали, что душа покойника первые три дня не удаляется отъ дома. Дни эти назывались *хартай*, т. е. черными днями.

М. Хангаловъ.

Кавказско-русскія параллели.

Уже не разъ въ литературѣ нашего эпоса были указываемы параллели между нѣкоторыми типами и сюжетами кавказскихъ нартскихъ сказаній и нашихъ былинъ. Авторъ одного изъ послѣднихъ по времени изслѣдованій по русскому эпосу, г. Халанскій, отмѣчая нѣкоторыя подобныя параллели, пытается даже обосновать нѣкоторыми историческими соображеніями спеціальныя черты родства кавказско-русскихъ эпическихъ мотивовъ. „Связи Руси съ Кавказомъ, говоритъ г. Халанскій [1]), во всѣ періоды нашей исторіи были такъ живы и постоянны, что a priori можно было ожидать встрѣчи съ вопросомъ объ отношеніяхъ кавказскихъ народныхъ сказаній къ русскому народному творчеству. Народы, осѣвшіе на этомъ этнографическомъ днѣ великой Европейской равнины, находились въ частомъ и долгомъ общеніи съ югомъ и востокомъ Руси. Непремѣнно должны были отразиться въ народномъ творчествѣ слѣды ихъ вліянія, какъ отразились они въ языкѣ, бытѣ, общемъ складѣ русской народности. Позднѣе казачество Запорожское и Донское было естественнымъ проводникомъ кавказскихъ мотивовъ на Русь. Loci communes русскихъ былинъ—шелки *шемаханскіе*, сѣдла *черкасскія*, черкесы *пятигорскіе* объясняются именно живыми сношеніями съ Кавказомъ“.

[1]) Великорусскія былины Кіевскаго цикла, стр. 33.

Оставляя для дальнѣйшаго вопросъ объ историческихъ отношеніяхъ Руси къ Кавказу, затронутый г. Халанскимъ, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о сѣверо-кавказскихъ эпическихъ сказаніяхъ вообще, и укажемъ, въ какихъ спеціальныхъ мотивахъ они роднятся съ нашимъ эпосомъ. Матеріалы, до сихъ поръ изданные по эпическимъ кавказскимъ сказаніямъ—кабардинскимъ, балкарскимъ, осетинскимъ, чеченскимъ, позволяютъ установить фактъ, что богатырскія сказанія названныхъ сѣверо-кавказскихъ народностей представляютъ собою одинъ эпическій циклъ, который можно назвать сѣверокавказскимъ и который нѣкогда сложился въ степяхъ сѣверозападнаго Кавказа, а впослѣдствіи зашелъ въ горы, гдѣ главнымъ образомъ и сохранился. На плоскостное происхожденіе указываютъ весьма ясно кабардинскія и осетинскія нартскія сказанія. Въ первыхъ нарты совершаютъ набѣги къ рѣкамъ Тану (Дону) и Идылю (Волгѣ) и встрѣчается упоминаніе горы Бештау. Такъ, нартъ Сосруко говоритъ про свои года: „Когда Бештау былъ не больше кочки и чрезъ Идыль шагали мальчики, я былъ старикъ въ полной силѣ [1])". Въ осетинскихъ сказаніяхъ похожденія нартовъ совершаются внѣ предѣловъ нынѣшней Осетіи, въ Касажской (т. е. Черкесской) равнинѣ (Кэсэджи быдыръ), гдѣ нѣкогда жили предки Осетинъ.

Наибольшее число нартскихъ сказаній сохранилось у Кабардинцевъ и Осетинъ. Горскіе Татары, живущіе въ горной, южной Кабардѣ (Урусбіевцы, Чегемцы, Хуламцы, Бизенгійцы и Балкарцы), какъ позднѣйшіе пришельцы, повидимому, заимствовали нѣкоторые типы нартовъ у Кабардинцевъ или нашли ихъ на новой родинѣ, раньше ихъ населенной Осетинами. Что касается Чеченцевъ, то ихъ нартскія сказанія находятся подъ вліяніемъ осетинскихъ, на что можно найти указанія у собирателя ихъ чеченца Чаха Ахріева. Постоянное жительство чеченскихъ *нартовъ*, по его словамъ, есть сосѣдняя съ Чечней Осетія, именно Саниба [2]). Конечно, не смотря на плоскостное происхожденіе сѣверо-

---

[1]) См. Сбор. Свѣд. о Кавк. Горцахъ. Вып. V, отд. II, стр. 50. „Изъ кабардинскихъ сказаній".

[2]) Сб. Св. о К. Горц. IV, отд. II, стр. 2.

кавказскаго эпоса, въ народностяхъ, разсказывающихъ преданія о нартахъ, встрѣчается стремленіе прикрѣпить своихъ героевъ къ родной мѣстности. Такъ, при первомъ знакомствѣ съ осетинскими сказаніями кажется, что они прикрѣплены къ почвѣ Осетіи: напримѣръ, по дорогѣ изъ восточной Осетіи въ Дигорію, при поворотѣ въ долину Уруха, внизу подъ ауломъ Наръ, мнѣ показывали усыпальницу нарта Сослана, недалеко оттуда-же овальную площадку, обложенную камнями и называемую *нарты ныхас*—нартское сборище. Въ аулѣ Стуръ-Дигорѣ живетъ родъ Хамицайта, производящій себя отъ нарта Хамица; осетинскія святилища—Рекомъ, Мыкалы габыртэ, по сказаніямъ, явились изъ слезъ, пролитыхъ Богомъ надъ трупомъ нарта Батраза; въ нѣкоторыхъ древнихъ кладбищахъ, напримѣръ, близъ аула Дзивгиса въ Куртатинскомъ ущельи, указываютъ могилы нартовъ. Но подобныя, позднія пріуроченія встрѣчаются у Осетинъ на тѣхъ-же правахъ, какъ у Кабардинцевъ, Чеченцевъ или какъ у нашихъ онежскихъ сказителей. Такъ, въ Кубанской области нѣкоторыя урочища связаны съ именами кабардинскихъ нартовъ. „Мнѣ разсказывали очевидцы,—говоритъ г. Урусбіевъ, [1]) что при впаденіи рѣки Тиберды въ Кубань, близъ Хумаринскаго укрѣпленія, находится на одной высокой скалѣ большой замокъ, носящій названіе „Чуана“. По преданіямъ въ немъ нѣкогда жилъ нартъ Гиляхсыртанъ злоязычный. Близъ Чуана лежитъ большой камень, называемый камнемъ нарта Сосруко. По одному сказанію, Сосруко взъѣхалъ на этотъ камень на своей лошади, и она оставила на камнѣ слѣды своихъ копытъ. Тамъ-же виднѣются слѣды собаки, которая тоже взошла на камень“. По словамъ Чаха Ахріева, мѣстомъ дѣйствія чеченскихъ нартовъ служитъ западная часть территоріи, населенной Чеченцами (ингушами), именно Галгаевское ущелье, по которому протекаетъ рѣка Асса [2]). Это ущелье, посѣщенное мною въ 1886 г., изобилуетъ всякими памятниками старины, развалинами церквей, замковъ, кладбищами и т. п.,

---

[1]) См. Сбор. Матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. I. Отд. II, стр. III.

[2]) Сб. Св. о К. Горц. IV. Отд. II, стр. 2.

чѣмъ, конечно, въ связи съ близостью къ Осетіи, объясняется прикрѣпленіе къ нему подвиговъ нартовъ.

Въ настоящее время сѣверо-кавказскія нартскія сказанія уже переживаютъ періодъ вымиранія. У Осетинъ ихъ знаютъ теперь только нѣкоторые старики; молодое-же поколѣніе имѣетъ о нартахъ такое-же смутное понятіе, какъ, напримѣръ, олонецкая крестьянская молодежь о былинныхъ богатыряхъ.

Въ Кабардѣ нартскія сказанія пѣлись въ прежнее время бродячими пѣвцами-поэтами, называвшимися гегуако, которые разъѣзжали по всей Кабардѣ исключительно съ цѣлью присутствовать на народныхъ собраніяхъ, увеселеніяхъ, погребальныхъ и иныхъ процессіяхъ, гдѣ и пѣли свои пѣсни о минувшихъ временахъ. Но съ распространеніемъ магометанской религіи гегуако впадаютъ въ немилость у муллъ, какъ ихъ соперники по вліянію на народъ, и съ теченіемъ времени исчезаютъ. Есть поэтому полное основаніе думать, что извѣстныя намъ кабардинскія горско-татарскія, осетинскія и чеченскія сказанія представляютъ лишь скудный остатокъ болѣе полнаго и богатаго цикла.

Въ настоящее время циклъ нартскихъ сказаній далеко не богатъ содержаніемъ. Главные мотивы, варьирующіеся въ сѣверо-кавказскомъ эпосѣ, слѣдующіе:

1. Враждебныя встрѣчи богатырей съ великанами (кабард. эмегенами, осет. ойгутами, чечен. орхустойцами). Въ сказаніяхъ проходитъ та мысль, что раньше поколѣнія *нартовъ* на землѣ жили великаны, отличавшіеся непомѣрной силой, но вмѣстѣ и глупостью. Между нартами и великанами велась постоянная борьба, въ которой, благодаря своему умственному превосходству, нарты всегда оставались побѣдителями [1]).

2. Поѣздки съ цѣлью набѣговъ для угона скота, причемъ нарты возвращались съ богатой добычей, обыкновенно благодаря одиночному подвигу одного изъ нихъ, самаго молодого. Такія поѣздки до послѣдняго времени, какъ извѣстно, составляли бытовую черту сѣверо-кавказскихъ племенъ.

[1]) См. Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа, I. Отд. II, стр. II. Сбор. свѣд. о Кавк. Горцахъ. V. Отд. II, стр. 48.

3. Пиры въ свободное отъ набѣговъ время, у кабардинцевъ въ домѣ Алиговыхъ, у осетинъ въ домѣ Бораевыхъ, Алагаевыхъ, причемъ на пиру нарты хвастаются своими подвигами, состязаются въ пляскѣ и играхъ. Нерѣдко игры кончаются ссорой и борьбой, что также представляетъ бытовую черту.

4. Кровная месть обыкновенно за убитаго отца. Сильнѣйшій изъ нартовъ (Батразъ) жестоко мститъ убійцѣ и всѣмъ его одноаульцамъ, причемъ месть за отца переходитъ въ борьбу одного противъ всѣхъ.

5. Чудесное рожденіе нѣкоторыхъ нартовъ, напримѣръ Батраза изъ нароста, образовавшагося на спинѣ его отца отъ плевка уходящей отъ мужа жены; Сосруко — изъ камня, богатырской жены Сатàны отъ мертвой матери.

Въ соотвѣтствіи съ политическими обстоятельствами, не выработавшими среди сѣверо-кавказскихъ народностей центральной государственной власти, и эпосъ не имѣетъ такого центра, хотя въ немъ и проявляются попытки сводить нартовъ на пиру въ наиболѣе выдающихся семьяхъ. Въ одномъ кабардинскомъ сказаніи (о Пши Бадиноко) упоминается какой то князь-дѣдушка или господинъ дѣдушка во главѣ нартовъ, которые пируютъ, имѣя его во главѣ, и Сосрыко на посылкахъ. Издатель этого сказанія предполагаетъ, что князь-дѣдушка вѣроятно старѣйшій нартъ, проживавшій въ томъ аулѣ [1]). Но никакихъ другихъ указаній на эту личность въ кабардинскомъ эпосѣ не встрѣчается.

Какъ въ нашъ эпосъ богатырскій были вовлечены съ теченіемъ времени отдѣльные сказочные сюжеты и прикрѣплены къ похожденіямъ того или другого богатыря, такъ было и въ сѣверо-кавказскомъ эпосѣ. Особенно сильное вліяніе оказали на осетинскій эпосъ нѣкоторые иранскіе сюжеты (Рустемъ, Бежанъ) и грузинскія сказанія о Дареджановыхъ, вѣроятно, также иранскаго происхожденія.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перехожу къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ мотивовъ кавказскихъ эпическихъ сказаній, представляющихъ параллели или аналогіи нашимъ былиннымъ.

---

[1]) Сб. св. о Кав. Горц. V. Отд. II, стр. 63.

I.

Въ нашемъ эпосѣ личность Святогора, иногда смѣшивающаяся съ Самсономъ, представляетъ unicum. Какъ извѣстно, покойный К. Аксаковъ въ этомъ вымирающемъ старшемъ богатырѣ видѣлъ послѣдняго представителя поколѣнія титановъ русской миѳологіи. Однако дальнѣйшія изслѣдованія, главнымъ образомъ акад. А. Н. Веселовскаго [1]), указали въ сказаніяхъ о немъ такъ много элементовъ книжныхъ и сказочныхъ, что въ настоящее время уже едва ли кто нибудь рѣшится отыскивать въ Святогорѣ какіе нибудь миѳологическіе элементы. Слагается даже убѣжденіе, что типъ этого богатыря возникъ не на русской почвѣ, а попалъ на нее изъ другихъ мѣстъ и только отчасти вошелъ въ кругъ русскихъ богатырей, хотя все же стоитъ къ нимъ нѣсколько особнякомъ:

„Не ѣзжалъ онъ на святую Русь,
Не носила его да мать сыра земля“ [2]).

Уже г. Халанскій указалъ на то, что „для сравненія съ русскими сказаніями о Святогорѣ... представляютъ интересъ кавказскія сказанія о столкновеніяхъ нартовъ съ великанами [3]), и отмѣтилъ нѣкоторыя черты сходства между осетинскимъ Муккарой и Святогоромъ. Муккара напоминаетъ послѣдняго своей величиной, силой и неуязвимостью. Какъ Святогоръ находится въ связи съ *горами*, такъ Муккара называется *княземъ скалъ*. Въ одномъ сказаніи осетинскомъ [4]) о Сосрыко, когда этотъ нартъ бросился съ мечемъ на замороженнаго въ морѣ великана, послѣдній, дунувъ, отбросилъ его на полдневный путь назадъ. Какъ на крыльяхъ прилетѣлъ вновь Сосрыко, и когда, вынувъ мечъ, онъ подъѣхалъ снимать голову великану, тотъ сказалъ: „еслибы я не былъ глупый

[1]) Журн. М. Н. Пр. 1884. Іюнь.—Зап. И. Акад. наукъ, т. 34. кн. I. прилож. 1879.

[2]) Гильфердингъ, № 1, стр. 7.

[3]) Великор. былины Кіевск. цикла, стр. 184.

[4]) Сбор. Св. о К. Г. V. Отд. II, стр. 53—56

великанъ, какъ было мнѣ не догадаться по двумъ твоимъ колѣнямъ, что ты Сосрыко". Приведя этотъ эпизодъ, г. Халанскій припоминаетъ, что и Святогоръ хотѣлъ дохнуть мертвымъ духомъ на братца названнаго (Илью), и послѣднему достался мечъ-кладенецъ Святогора, какъ нарту Сосрыко чудный кинжалъ Муккары [1])". Съ своей стороны замѣтимъ, что „богатырское дуновеніе" вродѣ „мертваго духа" Святогора встрѣчается и въ другихъ кавказскихъ сказаніяхъ. Такъ въ осетинскомъ сказаніи о Батразѣ разсказывается, что когда этотъ насильникъ былъ сраженъ *балсаговымъ* колесомъ, по повелѣнію Бога, за то, что онъ бился противъ небесныхъ духовъ (уастырджіевъ и уацилловъ), то ангелы снесли его тѣло въ софійскій склепъ. Когда его положили туда, онъ пустилъ на ангеловъ свой духъ и шестьдесятъ изъ нихъ пали [2]). Здѣсь мы находимъ черту, извѣстную изъ нашихъ былинъ— наказаніе божеское богатырей за борьбу съ силой нездѣшней, а насильникъ Батразъ, испускающій изъ гроба мертвый духъ. спеціально напоминаетъ Святогора. Другая черта Святогора— погрязаніе въ землѣ за похвалу перевернуть всю землю, находитъ себѣ аналогію въ грузинскомъ сказаніи объ Амиранѣ, который за свои насилія и гордость по волѣ Божьей также погрязаетъ въ землю [3]).

Въ нашихъ былинахъ мы не находимъ мотива о настоящемъ боѣ между представителемъ младшихъ богатырей и великаномъ Святогоромъ. При несоразмѣрности ихъ силъ удары Ильи кажутся Святогору уколами комара и кончаются тѣмъ, что великанъ засаживаетъ Илью въ глубокъ карманъ [4]). Напротивъ, есть намеки на дружелюбныя ихъ отношенія. Святогоръ назвалъ Илью меньшимъ братомъ и выучилъ его „всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскимъ" [5]). Но все же встрѣча Ильи со Святогоромъ не проходитъ для послѣдняго благополучно: въ одной былинѣ разсказывается о связи Ильи съ женой Святогора, въ другой—о смерти его въ при-

[1]) Назв. соч., стр. 186.
[2]) Осет. Этюды. I. стр. 25.
[3]) Груз. газета «Иверія», 1887, № 145.
[4]) Гильфердъ. №№ 265. 270, 273.
[5]) Рыбн. I, стр. 40.

сутствіи Ильи (эпизодъ съ гробомъ). Въ кавказскихъ сказаніяхъ встрѣчи нартовъ съ великанами обыкновенно враждебны и кончаются смертью послѣднихъ, причемъ встрѣчается и мотивъ овладѣнія богатыремъ женою великана. Г. Халанскій отмѣтилъ его въ осетинскомъ сказаніи о состязаніи нарта Сосрыко съ великаномъ Муккарой, кончающемся тѣмъ, что Сосрыко обманнымъ образомъ убиваетъ Муккару и беретъ за себя его красавицу жену [1]). Весьма близкую параллель этому мотиву, а также связи Ильи со Святогоровой женой, представляетъ пшавское сказаніе о Ростомѣ, сообщенное въ газетѣ „Иверія" (1889, № 82). Ростомъ присутствуетъ при боѣ чернаго гиганта съ краснымъ изъ-за красавицы и остается у побѣдителя — чернаго—въ качествѣ слуги (=Святогоръ и меньшій братъ Илья). Это безславное положеніе стало ему наконецъ невыносимо, и онъ задумалъ убить великана. Подкравшись къ нему во время сна [2]), онъ пытался отрубить ему голову его же кинжаломъ, но не могъ даже поднять оружіе великана. Тогда онъ *своимъ* кинжаломъ отрубилъ обѣ ноги великана, затѣмъ убилъ его и взялъ себѣ его красавицу, отъ которой и родился у него сынъ Зорабъ [3]). Въ имеретинскомъ варіантѣ того же сюжета, Ростомела помогаетъ девятиголовому деви отнять жену, похищенную у него 12-тиголовымъ деви. „Ростомела, какъ вихрь, понесся къ послѣднему, бросилъ въ него копьемъ, и деви упалъ на землю мертвымъ; моментально онъ подскочилъ къ нему, отрѣзалъ ему головы, а жену повелъ къ мужу. Но она оказалась такою красавицей, что Ростомела убилъ и девятиголоваго деви, а самъ сдѣлалъ ее своей женою". (Отъ нея у него родился сынъ Абрамела—Зорабъ [4]).

---

[1]) Назв. соч., стр. 185.

[2]) Этногр. Обозрѣніе. Кн. II. стр. 13. «Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ».

[3]) Вспомнимъ, что Илья во время сна Святогора дѣлаетъ дѣло повелѣнное его женой,—а также ту черту, что Илья, намѣреваясь по просьбѣ Святогора ударить Святогоровымъ мечемъ по крышкѣ его гроба, не былъ *въ состояніи* его даже поднять, пока Святогоръ не вдохнулъ въ него часть своей силы. (Рыбн. I, стр. 42).

[4]) Сбор. мат. для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа. Вып. IX, Отд. II, стр. 168.

Такимъ образомъ, восточный сказочный мотивъ, наслоившійся на Святогора и Илью въ эпизодѣ о связи Ильи съ его женою [1]), наслоился и на предполагаемый нами прототипъ Ильи, на кавказскаго Ростома, хотя въ иранскомъ эпосѣ мы не знаемъ *такого* похожденія Рустема. Едва ли такое совпаденіе игра случая.

Такой же восточный сказочный сюжетъ находимъ въ *побывальщинѣ* о женитьбѣ Святогора, и снова на Кавказѣ въ татарской сказкѣ «Отъ судьбы не уйдешь» [2]), открывается самый близкій по деталямъ къ нашему изводъ этого сказанія. Въ виду того, что я посвятилъ этой параллели отдѣльную замѣтку [3]), я напомню здѣсь только въ краткихъ чертахъ содержаніе кавказской сказки и отмѣчу детали, совпадающія въ ней съ русской побывальщиной.

Молодой царевичъ заблудился въ лѣсу на охотѣ, провелъ тамъ ночь и утромъ набрелъ на домикъ, въ которомъ увидѣлъ дряхлаго старика, читавшаго большую книгу, и что то по временамъ записывавшаго тростниковымъ перомъ. Царевичъ спросилъ у него объясненіе его занятія. Тотъ долго отказывался и наконецъ сказалъ, что записываетъ въ книгу судьбы каждаго человѣка. На вопросъ царевича о предстоящей ему судьбѣ, старикъ посмотрѣлъ въ книгу и объявилъ, что царевичу суждено жениться на дочери бѣднаго пастуха, которая давно страдаетъ неизлѣчимою болѣзнью. Царевичъ разсердился на старика, ушелъ изъ его хижины и побрелъ, куда глаза глядятъ. Идя ночью на свѣтъ огонька, онъ пришелъ къ хижинѣ одного бѣдняка, который предложилъ ему у себя ночевать. „Если не побрѣзгуетъ твоя милость“,—сказалъ онъ,—«то я помѣщу тебя въ моей хижинѣ; тамъ спитъ только моя больная дочь».— «Больная дочь?» спросилъ царевичъ,—«а кто же ты самъ?» — «Я бѣдный пастухъ, твой покорный рабъ, мой милостивый ага». Царевичъ тотчасъ догадался, что больная дѣвушка — предназначенная ему невѣста, и рѣ-

---

[1]) См. ст. *А. Н. Веселовскаго.* Филологич. Записки, 1876 г. Вып. VI, стр. 1—12.

[2]) Сб. Мат. для опис. мѣст. и плем. Кавказа. VI. отд. II. Сказки закавказ. Татаръ, № 2.

[3]) См. Ж. М. Н. Пр. 1889, часть CCLIX. отд. 2, стр. 337—341.

шился ее погубить. Онъ легъ ночевать въ комнатѣ больной, а пастухъ съ женой спали на дворѣ. Ночью царевичъ, убѣдившись, что хозяева спятъ глубокимъ сномъ, подошелъ къ спящей дѣвушкѣ и ударилъ ее кинжаломъ въ животъ. Она громко вскрикнула и замолкла. Думая, что она мертва, царевичъ положилъ около нея мѣшокъ съ червонцами, вышелъ тихонько изъ хижины и исчезъ въ темнотѣ. По уходѣ царевича, когда утромъ отецъ и мать вошли въ хижину, то увидѣли дочь свою совсѣмъ здоровой. Оказалось, что ударъ кинжаломъ исцѣлилъ ее, такъ какъ она страдала водянкой. Обрадованные родители вмѣстѣ съ дочерью переселились въ городъ, гдѣ купили себѣ домъ на деньги, оставленныя царевичемъ. Дочь ихъ стала замѣчательною красавицей. Однажды царевичъ увидалъ ее у крыльца дома, влюбился въ нее и сталъ умолять отца своего дозволить на ней жениться. Царь изъ любви къ сыну соглашается исполнить его просьбу. Однажды молодая царевна съ матерью и сестрами своего мужа пошла въ баню. Онѣ замѣтили у нея глубокій шрамъ и сказали царевичу. Онъ разспросилъ жену и убѣдился, что жена его именно та дѣвушка, которую онъ покушался убить. [1])

Приведенная сказка какъ въ цѣломъ, такъ и во многихъ деталяхъ, близко напоминаетъ побывальщину о женитьбѣ богатыря Святогора, записанную Рыбниковымъ (I, стр. 40—41). Желая узнать свою судьбу, Святогоръ, по совѣту Микулы, ѣдетъ къ «Сивернымъ» горамъ и пріѣзжаетъ къ кузницѣ, гдѣ кузнецъ куетъ два тонкихъ волоса. „Говоритъ богатырь таковы слова: А что ты куешь, кузнецъ? Отвѣчаетъ кузнецъ: я кую судьбину, кому на комъ жениться.—А мнѣ на комъ жениться?—Твоя невѣста въ царствѣ Поморскомъ, въ престольномъ во городѣ, тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ. Стоитъ богатырь, пораздумался: дай-ка я пойду въ тое царство Поморское и убью тую невѣсту. Пріѣхалъ онъ къ царству Поморскому, ко тому ко городу ко престольному, пріѣзжалъ къ домишечку убогому, входитъ въ избу: никого нѣтъ дома, одна только дѣвка лежитъ во гноищѣ; тѣло у ней—точно еловая кора. Вынулъ Святогоръ-богатырь пятьсотъ рублей и по-

[1]) Срв. легенду терск. казак. въ Этн. Обоз., кн. VIII, стр. 135—136 и 260.

ложилъ на столъ, и взялъ свой вострый мечъ и билъ ее мечомъ по бѣлой груди, а затѣмъ и уѣхалъ изъ царства Поморскаго. Проснулась дѣвка, смотритъ: съ нея точно еловая кора спала, а на столѣ лежитъ денегъ пятьсотъ рублей; и стала она красавицей: такой на свѣтѣ не видано, на бѣломъ не слыхано. На тыя деньги начала она торговать и нажила безсчетну золоту казну, строила кораблики червленые, накладала товары драгоцѣнные и поѣхала по славну, по синю морю. Пріѣхала она ко городу великому на святыхъ горахъ и стала продавать товары драгоцѣнные. Слухъ про ея красоту пошелъ по всему городу и по всему царству. Пришелъ и Святогоръ-богатырь посмотрѣть на красавицу; полюбилась она ему. Сталъ онъ ю сватать за себя, и она пошла за него замужъ. Какъ поженился на ней богатырь, увидѣлъ онъ рубчикъ на ея бѣлой груди и спрашивалъ жену: что у тебя за рубецъ на бѣлой груди? Отвѣчала ему жена: въ наше царство Поморское пріѣзжалъ невѣмъ человѣкъ, оставилъ въ нашей избѣ денегъ пятьсотъ рублей, а я спала крѣпкимъ сномъ. Какъ проснулась, у меня рубецъ на бѣлой груди и точно еловая кора спала съ бѣла тѣла, а до той поры-времени я лежала во гноищѣ цѣло тридцать лѣтъ. Тутъ Святогоръ-богатырь дознаЛъ, что отъ судьбины своей никуда не уѣдешь". Въ виду смѣшенія въ нашихъ былинахъ личностей Святогора и Самсона, и послѣднему богатырю приписываетъ одна побывальщина женитьбу въ Поморскомъ царствѣ на дочери Луки Калѣки, которая тридцать лѣтъ лежала въ гноищѣ. [1])

Разсматривая записанную Рыбниковымъ побывальщину, мы замѣчаемъ, что она сохраняетъ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ еще яркіе слѣды своего предшествующаго состоянія, то-есть былины. Таковы: Сиверныя горы, Святыя горы, Поморское царство и друг. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуется, что эта былина еще раньше, прежде чѣмъ сложилась въ былинный размѣръ, была сказкой, только случайно прикрѣпившеюся къ личности Святогора или Самсона. Притомъ нельзя не замѣтить, что эта сказка, перейдя въ былину, утратила значительную долю логичности и осмысленности въ деталяхъ.

[1]) Рыбниковъ, III, 3

именно вслѣдствіе того, что въ нее вторгнулись некстати реминисценціи изъ другихъ былинъ, связанныхъ съ именемъ Святогора и Самсона. Къ такимъ былиннымъ отголоскамъ, внесшимъ въ сказку запутанность и неосмысленность, нужно отнести, напримѣръ, кузнеца, кующаго два тонкіе волоса, о которыхъ далѣе въ побывальщинѣ нѣтъ никакого упоминанія[1]), и Святыя горы, находящіяся съ связи съ именемъ богатыря Святогора. Страннымъ и не мотивированнымъ представляется также оставленіе Святогоромъ 500 рублей у дѣвушки, которую онъ убиваетъ, между тѣмъ какъ тотъ же мотивъ является вполнѣ умѣстнымъ въ татарской сказкѣ, такъ какъ мѣшокъ съ деньгами, оставленный царевичемъ, долженъ служить вознагражденіемъ родителямъ дѣвушки, оказавшимъ царевичу гостепріимство, за которое онъ отплатилъ имъ убійствомъ ихъ больной дочери. Вѣроятно, въ какомъ-нибудь другомъ изводѣ русской побывальщины была подробность, болѣе близкая къ татарской сказкѣ, то-есть упоминались родители Святогоровой суженой; по крайней мѣрѣ въ побывальщинѣ о женитьбѣ Самсона упоминается отецъ больной дѣвушки, какой-то Лука Калѣка, который, вѣроятно, по логикѣ сказки (въ какомъ-нибудь изводѣ) получалъ деньги, оставленныя богатыремъ и послужившія затѣмъ къ обогащенію исцѣленной дочери.

Наши изслѣдователи былинъ указали въ нѣкоторыхъ сказкахъ мотивы и отдѣльныя черты, напоминающія побывальщину о женитьбѣ Святогора[2]). Изъ указанныхъ ими сказокъ только одна дѣйствительно напоминаетъ побывальщину. Это пермская сказка о невѣстѣ-горбуньѣ, напечатанная въ Пермскомъ Сборникѣ[3]). Но эта сказка значительно подновлена

[1]) Эти два волоса, вѣроятно, реминисценція тѣхъ золотыхъ волосъ, отъ которыхъ зависѣла сила Самсона.

[2]) См. *Ор. Миллеръ*. Илья Муромецъ, 239, примѣч. 146. *И. Ждановъ*. Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи, стр. 140 и слѣд. *А. Н. Веселовскій*, Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XI—XVII, вып. V, стр. 203 и слѣд.

[3]) Искалъ одинъ человѣкъ себѣ невѣсту. Пришелъ разъ въ церковь. Старикъ одинъ говоритъ ему: чего ты ищешь? — Невѣсту. Взялъ его за руку, подвелъ къ нищимъ и указалъ на горбатую нищую: «вотъ твоя, говоритъ,

въ подробностяхъ и, какъ уже сказалъ г. Ждановъ, въ ней умалчивается о многомъ такомъ, о чемъ разсказываетъ побывальщина: поѣздка куда-то далеко, сонъ суженой, деньги, оставляемыя богатыремъ [1]). Притомъ, вмѣсто одной встрѣчи, въ сказкѣ упоминаются двѣ встрѣчи юноши съ суженой: въ церкви и въ богадѣльнѣ. Такимъ образомъ пермскую сказку нельзя и сравнивать съ кавказскою по отношенію близости той и другой къ побывальщинѣ о женитьбѣ Святогора-Самсона. Кавказская сказка содержитъ всѣ главныя и существенныя черты побывальщины и притомъ съ болѣе осмысленною мотивировкой.

Къ какому-же заключенію можно прійти, сравнивая нашу побывальщину съ кавказскою сказкой? Мы склонны думать, что та и другая восходятъ къ одному оригиналу, который возникъ, во всякомъ случаѣ, не въ Россіи, а зашелъ въ нее съ востока, вѣроятно, путемъ сѣвернаго Кавказа. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ такой-же примѣръ вторженія восточной сказки въ русскую былину и пріуроченія сказочнаго мотива къ имени русскаго богатыря, какой уже давно указанъ въ другомъ разсказѣ о томъ-же Святогорѣ и его невѣрной женѣ, которую онъ носитъ въ хрустальномъ ларцѣ [2]).

Въ заключеніе, чтобъ не возвращаться къ Святогору, напомню, что хотя изслѣдованія А. Н. Веселовскаго указали на книжность мотива о „тягѣ“ земной, которую, по невѣдѣнію, старается приподнять Святогоръ, но тотъ-же изслѣдователь отмѣтилъ также кавказскія параллели нашей сумочки пере-

судьба: не обойдешь, не объѣдешь»... Постой-же, думаетъ мужикъ, я засѣку нишшую. Нишша эта жила въ богадѣльнѣ; вотъ, онъ ночью пріѣхалъ туда, выкликалъ горбунью, хватилъ ее тесакомъ и самъ ушелъ скоро. Думатъ дорогой: засѣкъ теперь нишшу, вотъ и судьба моя!» Однако, горбунья отъ удара тесака не умерла, а стала красивой дѣвкой и поступила въ кухарки къ одному офицеру. Назначенный ей судьбою женихъ встрѣтился съ нею и присватался. Она согласилась. Когда молодые пошли въ баню, мужъ увидѣлъ у нея рубцы, разспросилъ ее и узналъ, что она именно та самая, которую онъ покушался убить. См. Пермскій Сборникъ, кн. II, отд. 2, стр. 166.

[1]) *Ждановъ*, назв. соч., 143.

[2]) См. *Ор. Миллеръ*. Илья Муромецъ, стр. 166, примѣч. 5. *Вс. Миллеръ*. Отчетъ Московскаго университета за 1875 г. *А. Н. Веселовскій*. Филологич. Записки 1876 г., вып. 6. *Rambaud*. La Russie épique, pp. 49—50.

метной въ сумочкѣ, встрѣченной на дорогѣ нартомъ Сосланомъ, [1]) и мѣшкѣ съ тяжестью всей земли, который пытался поднять осетинскій насильникъ Батразъ [2]).

Замѣтимъ также, что кавказскіе великаны засаживаютъ, подобно нашему Святогору, людей въ карманъ, въ сумку, даже въ дупло зуба. Такъ, чеченскій богатырь Говда, убѣгая отъ людоѣдовъ, встрѣчаетъ слѣпого великана и проситъ у него защиты. Тотъ сжалился надъ нимъ и сунулъ его себѣ въ карманъ съ конемъ и оружіемъ [3]). Мингрельскій великанъ Кажи, посадившій двухъ другихъ великановъ въ карманъ, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ отъ болѣе сильнаго *лѣсного* великана (Ндіи) и на дорогѣ увидѣлъ великана-пахаря, который, запрягши въ плугъ нѣсколько десятковъ паръ буйволовъ, пахалъ землю. Кажи попросилъ его спасти отъ Ндіи. Тогда земледѣлецъ, напоминающій нашего Микулу-Селяниновича, положилъ его въ сумку, изъ которой доставалъ сѣмя [4]). Кавказскіе великаны нерѣдко представляются *слѣпыми*, что напоминаетъ *темнаго* (т. е. слѣпаго) отца Святогора [5]).

Въ Далевскихъ отмѣткахъ изъ народныхъ преданій объ Ильѣ Муромцѣ мы находимъ глухое указаніе на какую-то встрѣчу Ильи съ богатырскимъ костякомъ. „Разогнавъ шайку разбойничью тѣмъ, что разщепилъ сырой дубъ стрѣлою въ черенки ножевые, Илья наѣхалъ на остовъ, костякъ богатырской, предалъ его честно землѣ и засыпалъ великимъ курганомъ, который гдѣ-то и теперь стоитъ“ [6]). Неизвѣстно, была-ли эта встрѣча Ильи обработана въ какой-нибудь недошедшей до насъ былинѣ, неизвѣстно, почему Илья счелъ долгомъ предать честному погребенію исполинскій остовъ (хотя слѣдуетъ думать, что не безъ основанія), но во всякомъ случаѣ указанный мотивъ весьма древенъ и едва-ли случайно при-

---

1) Слово о двѣнадцати снахъ Шаханши, стр. 42.

2) См. Сбор. свѣд. о Кавказѣ. I, стр. 169, ст. Пфафа. Ср. также *Жданова*. Къ литерат. исторіи, стр. 97, 98 и 129.

3) *Н. Семеновъ*. Сказки и легенды Чеченцевъ, стр. 4.

4) Сбор. Матер. для опис. мѣст. и плем. Кавказа. Вып. X, отд. III, стр. 84 «Мингрельскія сказки».

5) *Рыбниковъ*, III, 6.

6) *Кирѣевск.*, I. прилож., стр. XXXIII.

крѣпленъ къ Ильѣ. Вспомнимъ, что тотъ-же Илья, по былинамъ, участвуетъ въ смерти великана Святогора и, такъ сказать, укладываетъ его въ гробъ. Съ другой стороны древность мотива подтверждается тѣмъ, что въ сказкѣ о Еруслапѣ Лазаревичѣ, имѣющей несомнѣнное отношеніе къ былинной исторіи Ильи, этому мотиву соотвѣтствуетъ встрѣча Еруслана съ исполинской головой, которая оказываетъ ему содѣйствіе въ его дальнѣйшихъ подвигахъ [1]). Мотивъ встрѣчи богатырей съ исполинскимъ костякомъ очень распространенъ въ кавказскихъ сказаніяхъ. Осетинскіе богатыри (Дарезаны) случайно ночью проѣзжаютъ чрезъ отверстіе крестцовой кости исполина [2]), или ночуютъ въ его черепѣ, принявъ его за пещеру [3]). Обыкновенно, по молитвѣ богатырей, Богъ воскрешаетъ великана и онъ разспрашиваетъ нартовъ о современномъ житьѣ-бытьѣ, послѣ чего, недовольный новыми порядками, снова обращается въ костякъ.

Къ категоріи великановъ принадлежитъ и Идолище (Одолище), котораго убиваетъ Илья. Типическая черта былинъ объ этомъ подвигѣ Ильи та, что Идолище не узнаетъ Ильи и разспрашиваетъ его про него-же самого. Подобная черта распространена въ кавказскихъ сказаніяхъ о встрѣчѣ нарта (Сосрыко) съ великаномъ. Такъ, въ одномъ осетинскомъ сказаніи великанъ Елтаганъ разспрашиваетъ нарта Созрыко, не узнавъ его, какъ силенъ нартъ Созрыко, и оказывается, что Елтаганъ гораздо крѣпче его. Однако, не смотря на это, Созрыко убиваетъ Елтагана, какъ Илья Идолище, такъ какъ оказывается хитрѣе глупаго великана [4]).

Кромѣ великановъ, встрѣчающихся съ богатырями, въ

---

[1]) Ср. также дагестанскую сказку объ *Арсланъ*-ханѣ, который встрѣчаетъ человѣческій черепъ, дающій ему совѣтъ, какъ избавиться отъ *черпаго дэва* (Сборн. Мат. для опис. мѣст. и плем. Кавказа II, отд. II, стр. 122) и русс. сказку у *Аѳанасьева* (VIII, стр. 53 и 54), гдѣ царевичъ хоронитъ великана, за что получаетъ его коня богатырскаго.

[2]) Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа VIII, отд. II, стр. 16. (Великанъ и Даредзаны).

[3]) Осет. Этюды I, стр. 137 и 61.

[4]) Осет. Этюды. I, стр. 31—33. Срав. Кабард. сказаніе о Сосрыко въ Сбор. Св. о Кав. Горцахъ. V. отд. II, стр. 54 слѣд.

нашемъ эпосѣ мелькаетъ изрѣдка типъ великанши—бабы Горынинки, Златогорки, Латыгорки и др., которыя совершенно противоположны мужественнымъ женамъ нашего эпоса, въ родѣ женъ Ставра, Дуная, Данилы Ловчанина. „Великанши-поленицы,—говоритъ г. Халанскій,—слабо связаны съ народнымъ эпосомъ и исторіей, сказанія о нихъ являются какими-то отрывками, примыкающими совсѣмъ къ другому, не русскому порядку отношеній“, въ виду чего изслѣдователь склоненъ думать, что „образъ женщины-великанши русскихъ былинъ могъ быть заимствованъ изъ кавказскихъ сказаній“ [1]). Не рѣшаясь пока высказаться рѣшительно за этотъ взглядъ г. Халанскаго, я только отмѣчу вслѣдъ за нимъ нѣкоторыя черты, которыми кавказскія страшныя великанши (эмегены, карты) напоминаютъ нашу бабу Горынинку.

Кавказскія великанши-эмегены отличаются безобразіемъ, силой и жестокостью и постоянно враждебны нартамъ: встрѣчи нашихъ великаншъ-поленицъ съ богатырями также враждебны: какъ эмегены, онѣ жестоки и кровожадны:

Если богатырь не прилюбится,
На долонь кладу, другой прижму
И въ овсяный блинъ его да сдѣлаю.

Какъ кавказскія эмегены отличаются не меньшей глупостью, чѣмъ великаны, такъ и наши великанши. Какъ эмегены отличаются безобразіемъ, такъ и наши великанши. Напр., про бабищу Мамаишну говорится, что „головище у ней съ дощанище, глазища съ пивные корцы. (*Кир*. I, 66). Какъ эмегены связаны съ горами, живя въ пещерахъ, такъ наши великанши носятъ названія, связанныя съ горами: Горынинка, Златы-горка [2]). Но, кромѣ этого сходства въ типѣ, можно найти и сходство въ положеніяхъ. Такъ, одинъ нартъ, Алауганъ, женится на великаншѣ-эмегенѣ и везетъ ее на своей лошади домой, причемъ отъ двойной тяжести спина лошади согнулась [3]). Это нѣсколько напоминаетъ, какъ указалъ уже г. Халанскій [4]), встрѣчу Добрыни съ поляницей,

[1]) Назв. соч., стр. 33.
[2]) Халанскій, стр. 33.
[3]) Сб. мат. для опис. мѣстн. и пл. Кавказа. I, отд. II, стр. 10.
[4]) Назв. соч., стр. 32 и 26.

засадившей богатыря себѣ въ карманъ, и отказъ ея коня везти двухъ богатырей, встрѣчу, кончающуюся бракомъ [1]).

Съ своей стороны можемъ привести кавказскую параллель той бабѣ Горынинкѣ, отъ которой у Ильи родился сынъ. Любопытно, что на Кавказѣ типъ матери Зораба двоится, какъ въ нашемъ эпосѣ типъ матери Сокольника-Сбута. Въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ она, подобно персидской Техмимэ, ненаглядная красавица [2]), какъ, вѣроятно мать Сбута—королевна Задонская, Политовская и пр.; въ другихъ она напоминаетъ по типу эмегеновъ и нашу Горынинку. Такъ, въ одномъ осетинскомъ сказаніи Ростомъ находитъ въ *горной* пещерѣ клыкастую женщину, отъ связи съ которой у него родился сынъ Амиранъ (Зорабъ) [3]). Эта черта, сближающая Илью съ Ростомомъ, опять таки едва ли случайна.

Если всѣ вышеприведенныя параллели еще недостаточны для утвержденія, что кавказскія сказанія о великанахъ, составляющія весьма обильный отдѣлъ кавказскихъ народныхъ сказаній вообще, непосредственно повліяли на нашихъ былинныхъ великановъ и великаншъ, то для насъ достаточно пока и того вывода, что между кавказскими и русскими сказаніями можетъ быть намѣчено спеціальное родство, какъ бы оно ни объяснялось, и что послѣднее отчасти намѣчаетъ путь распространенія на Руси нѣкоторыхъ сказочныхъ мотивовъ.

II.

Въ предыдущемъ по поводу Святогора и бабы Горынинки намъ пришлось указать и на нѣкоторые мотивы, связанные съ Ильей и находящіе себѣ параллели на Кавказѣ. Поищемъ теперь другихъ подобныхъ мотивовъ въ нартскихъ сказаніяхъ, и спросимъ себя, нѣтъ ли среди нартовъ какого-нибудь типа, напоминающаго Илью, или въ ихъ похожденіяхъ чего-нибудь похожаго на похожденія Муромца.

[1]) Гильферд., 37—39. Кир. II, 29.

[2]) Напр., Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. II, Отд. II, стр. 158; IX, отд. II, стр. 168.

[3]) Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. VII. Отд. II, стр. 20.

Между нартами всего болѣе напоминаетъ Илью Урызмагъ, конечно, не всѣмъ своимъ типомъ и не всѣми подвигами, а только нѣкоторыми чертами, такъ какъ Урызмагъ носитъ такой же спеціально-кавказскій характеръ, какъ Илья народный русскій. Чѣмъ можетъ быть объяснено это отношеніе Урызмага къ Ильѣ—увидимъ ниже. Урызмагъ (или Урызмекъ) хорошо извѣстенъ горско-татарскимъ и осетинскимъ сказаніямъ.

Какъ Илья, онъ принадлежалъ (по одному горско-татарскому сказанію) къ *простому* сословію [1]), что однако не мѣшаетъ ему быть главою нартовъ, ихъ постояннымъ предводителемъ въ разныхъ предпріятіяхъ.

Подобно Ильѣ, онъ и по возрасту старшій между нартами: сказанія нерѣдко упоминаютъ его *снѣжную* или сѣдую бороду и говорятъ о его старости [2]).

Подобно Ильѣ, онъ отличается спокойной самоувѣренностью, благодушіемъ къ молодымъ нартамъ и заботливостью о нартахъ вообще. Такъ, когда оборванный молодой Шауай, ссылаясь на бѣдность матери, проситъ его принять въ число дружины, отправляющейся на добычу, Урызмекъ жалостливо говоритъ ему: „Ахъ, бѣдный юноша! Тебѣ трудно будетъ съ нартами: самъ ты еще очень молодъ и не имѣешь лошади, кромѣ этой клячи“. Затѣмъ онъ отсовѣтываетъ ему ѣхать въ походъ, но потомъ по добротѣ соглашается и дорогой добродушно поощряетъ юношу. Такъ же благосклонно относится Илья къ юнымъ богатырямъ: Ермаку, Дюку Степановичу, Алешѣ Поповичу и другимъ.

Еще когда Урызмекъ былъ очень молодъ, онъ выступаетъ уже защитникомъ, охранителемъ всего народа, къ которому всегда относился сострадательно. Его возмущаетъ, что нарты пла-

1) Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. I. Отд. II, стр. 1.

2) Сбор. св. о К. Горц. V. Отд. II, стр. 15. Урызмагъ *снѣжно-бородый* былъ славный мужъ: между тѣми, которыхъ Богъ сотворилъ подъ собою, не было такого мужа. Ср. Сборн. мат. для оп. мѣст. и племенъ Кавказа. I. Отд. II, стр. 38: въ это время Урызмекъ, *глава* нартовъ, находился на старости лѣтъ, и они начали высказывать недовольство, что во главѣ ихъ находится старикъ“; также Сбор. св. о Кав. Горцахъ. IX. Отд II, стр. 22 (сѣдобородый Урызмагъ). Старикомъ называется Урызмэгъ и въ осетинскихъ текстахъ Шифнера, стр. 72. Хвалебная пѣснь въ честь нарта Урызмага).

тятъ дань князю Пуку, но въ особенности его поражало, говоритъ преданіе, „когда одна бѣдная женщина несла въ чашкѣ что-то съѣстное, и за нею бѣжали оборванныя, голодныя малютки, ея дѣти, съ плачемъ крича: „мама, мы голодны, дай немного!“ Это такъ подѣйствовало на Урызмека, что онъ рѣшается возстать противъ Пука и затѣмъ убиваетъ его [1]). Когда нарты терпятъ голодъ, Урызмэгъ выручаетъ ихъ, питая ихъ у себя на дому [2]). Не напоминаетъ ли это нашего Илью, стоятеля за народъ и защитника вдовъ и сиротъ?

Кромѣ общаго сходства въ типѣ, нѣкоторыя черты первыхъ похожденій Урызмага (кабардинскаго) напоминаютъ выѣздъ Ильи изъ родительскаго дома. Рѣшивъ ѣхать къ князю Пуку, которому платили дань нарты, Урызмагъ сообщаетъ объ этомъ своему отцу: „Отецъ!—говоритъ онъ,—я твердо рѣшился исполнить свои намѣренія относительно Пука, и не думай уговаривать меня, а лучше подай совѣтъ, какъ мнѣ совершить все мною задуманное: нѣтъ у меня ни лошади, ни вооруженія“ [3]). Это напоминаетъ нѣсколько нашего Илью, отпрашивающагося у отца, чтобъ ѣхать къ князю Владиміру. Затѣмъ, какъ Илья, по одному варіанту, достаетъ коня въ подземельѣ, такъ, съ согласія отца, Урызмекъ беретъ его коня, скрытаго въ подземельѣ. Какъ Илья, сѣвъ на коня, дѣлаетъ *три* скока богатырскихъ, такъ пѣгій конь Урызмага „при первомъ ударѣ плетью три раза поднялся съ нимъ на небо и опустился на землю [4]).

Конечно, такія детали, какъ отцовскій конь, добываемый изъ подземелья, или 3 скока, встрѣчаются и въ другихъ сказкахъ [5]), но любопытно, что онѣ наслоились въ данномъ слу-

[1]) Сбор. матер. etc. I. Отд. II, стр. 1.

[2]) Сбор. св. о К. Г., V, Отд. II, стр. 21, и тексты Шифнера, стр. 72.

[3]) Сб. матер. I. Отд. II, стр. 3.—[4]) Тамъ же.

[5]) Отмѣтимъ, что мотивъ выбиванія источниковъ конемъ богатыря, приписываемый народными преданіями коню Ильи Муромца (*Рыбн.* IV, 24), встрѣчается въ чеченскихъ преданіяхъ о нартѣ Соскѣ-Солсѣ. Между жителями Галгаевскаго общества существуетъ повѣрье, „что когда однажды Солса проѣзжалъ мимо аула Наконста и попросилъ у жителей напиться воды, то получилъ отказъ. Тогда конь его, какъ бы по приказанію своего хозяина, ударилъ копытомъ въ землю, и изъ подъ него хлынула вода и образовался колодезь, который до сихъ поръ носитъ названіе Солса“ (Сбор. св. о Кав. Горцахъ. IV, отд. II, стр. 2).

чаѣ равно на Илью и Урызмага, напоминающихъ другъ друга и нѣкоторыми другими чертами.

Какъ у Ильи, у Урызмага былъ сынъ, о существованіи котораго онъ не зналъ и котораго убилъ нечаянно. Впрочемъ, сама фабула убіенія Урызмагомъ сына не имѣетъ ничего общаго съ формулой Рустема и Зораба. Жена Урызмага отдала безъ вѣдома его своего сына на воспитаніе водянымъ—Донбеттырамъ,—и, находясь у нихъ въ гостяхъ, Урызмагъ случайно уронилъ кинжалъ и убилъ прислуживавшаго ему мальчика, который и былъ его безыменнымъ сыномъ. Впослѣдствіи этотъ мальчикъ, отпросившись у Барастыра изъ царства мертвыхъ въ побывку на землю, оказалъ отцу нѣсколько услугъ [1]. Если такимъ образомъ мотивъ *борьбы* отца съ сыномъ, столь популярный въ кавказскихъ сказаніяхъ о Ростомѣ, не пріуроченъ къ Урызмагу, то *подобный* мотивъ прикрѣпленъ къ другимъ нартамъ: кабардинскому Насранжаке, горско-татарскому Насырану, *сѣдобородымъ* предводителямъ нартовъ, весьма похожимъ на Урызмага. Встрѣча ихъ съ юнымъ богатыремъ-племянникомъ кончается узнаніемъ. Но трагическую развязку мы отмѣтили въ Экскурсѣ V [2] въ столкновеніи кабардинскаго нарта Сосрыко съ юнымъ Тотырешемъ [3] и осетинскаго Созрыко съ Тотрадзомъ [4], столкновеніи враждебномъ, кончающемся коварнымъ убіеніемъ дядей юнаго племянника. Тамъ же были отмѣчены нами въ юномъ богатырѣ (Тотрадзѣ, Тотырешѣ) обычныя черты богатырскаго сына (Зораба). Вообще, слѣдуетъ думать, что иранскій популярный мотивъ боя отца съ сыномъ, столь обильно представленный на Кавказѣ завѣдомо заносными сказаніями

Ильѣ, пробующему свою силу, полученную отъ каликъ, на чисткѣ займища (Гильфердингъ. 648), соотвѣтствуетъ юный богатырь Асаго, который, по приказанію своего воспитателя великана, ночью очистилъ отъ деревьевъ въ семь разъ большее пространство, чѣмъ сколько нужно было для тока. Сборн. Даш. Этн. Муз. В. I, Осет. сказки, № IV: Асаго.

1) См. Тексты Шифнера, стр. 75. Сбор. свѣд., Кавк.-Горцахъ. V. Отд. II. стр. 23 и слѣд.

2) «Русская Мысль».

3) Сбор. Св. и Кав. Горц. V. Отд. II, стр. 56—59. Сходство этого сюжета съ былиной о боѣ Ильи съ Жидовиномъ было уже указано г. Халанскимъ (наз. соч., стр. 181).—4) Тамъ же. стр. 13.

о Ростомѣ и Зорабѣ, отразился и на нѣкоторыхъ другихъ личностяхъ сѣверокавказскаго эпоса, подвергшись при этомъ значительной переработкѣ. Примѣромъ такого перенесенія одного эпизода „Рустеміады" на личность Урызмэга можетъ служить одно похожденіе этого нарта, живо напоминающее таковое же иранскаго Рустема. Фирдоуси разсказываетъ, что однажды Рустемъ врасплохъ былъ схваченъ дивомъ Акваномъ, вознесенъ на небо и сброшенъ въ море, откуда затѣмъ пехлеванъ вышелъ невредимымъ [1]). По одному осетинскому сказанію, Урызмэгъ былъ врасплохъ унесенъ орломъ и сброшенъ на черный камень среди Чернаго моря, гдѣ нартъ посѣщаетъ Донбеттыровъ (водяныхъ) [2]). Кстати можно замѣтить, что и Ильѣ угрожала на морѣ какая-то чудовищная птица Сизый-орелъ. Къ сожалѣнію „Отмѣтки" Даля сохранили только глухой намекъ на это похожденіе [3]).

При томъ смѣшеніи именъ нартовъ и ихъ подвиговъ, которое такъ же замѣтно въ кавказскихъ сказаніяхъ [4]), какъ и въ нашихъ былинахъ, не мудрено найти нѣкоторые эпическіе мотивы, прикрѣпленные къ Ильѣ, въ сказаніяхъ о Батразѣ, хотя какъ насильникъ, какъ нартъ, бьющійся со всѣмъ нартскимъ родомъ, онъ скорѣе напоминаетъ по типу Василія Буслаева. Мы имѣемъ въ виду преданіе о смерти Батраза. Гордый своей несокрушимой силой Батразъ, не найдя соперниковъ на землѣ, начинаетъ сокрушать силу „нездѣшнюю", духовъ уацилловъ (св. Илій) и уастырджіевъ (св. Георгіевъ). Онъ убиваетъ множество этихъ духовъ; другіе же идутъ жаловаться на него Богу, который посылаетъ противъ него какое-то чудное Балсагово колесо; замѣтивъ колесо, Батразъ сказалъ: „вѣрно, Богу нужно меня убить, иначе къ чему онъ послалъ за мной Балсагово колесо!" И дѣйствительно, оно догнало его и убило [5]). Но богъ, убившій Батраза, все же лю-

[1]) *Mohl*, Livre des Rois. III, стр. 221—223. [2]) Осет. тексты Шифнера. стр. 73.
[3]) См. Кирѣев. I. Приложеніе, стр. XXXIV, 1-е изд.
[4]) Напр., смѣшеніе Батраза съ Созрыко и Сосланомъ, Амирана съ Батразомъ и Зорабомъ.
[5]) Осет. Этюды. I, стр. 25—27. (Смерть чрезъ Балсагово колесо приписывается въ другихъ сказаніяхъ нарту Сосрыко (Сб. св. о К. Горц. V, Отд. II. стр. 10—12) и Сослану.

билъ его и называлъ своимъ сыномъ. Поэтому, онъ сказалъ ангеламъ: „хотя вы на него и жаловались, но ступайте теперь отнесите его въ Софійскій склепъ". Когда ангелы отнесли его туда, но онъ не поддавался, то самъ богъ явился къ склепу и сказалъ: „Мой названный сынъ, чего ты не слушаешься? – Потому что тебя я не видѣлъ! — Тогда богъ три слезы на него выронилъ, и изъ нихъ одна была (святыня) Таранджелосъ, другая Мыкалыгабыртэ, третья Рекомъ. Такъ положили Батраза въ склепъ, гдѣ онъ и теперь находится.

Въ приведенномъ осетинскомъ сказаніи находимъ *два* мотива, извѣстные русскому эпосу. Первый—гибель Ильи и другихъ богатырей за похвальбу справиться съ силой небесной, и неудачный бой съ нею. Второй—мотивъ перенесенія Ильи въ пещеры кіевскія. Какъ, въ осетинскомъ сказаніи, ангелы переносятъ Батраза, *нерожденнаго* сына бога, по его повелѣнію, въ какой то Софійскій склепъ, такъ, по словамъ одной былины,

„Прилетала невидима сила ангельска,
А взимали-то ѐго (Илью) да со добра коня
И заносили въ пещеры-ты во кіевскія,
И тутъ же вѣдь старый опочивъ держалъ" [1]).

Конечно, въ послѣднемъ мотивѣ можно видѣть черту агіологическую, одну изъ такихъ, которыя наслоились и на исцѣленіе Ильи каликами; конечно, перенесеніе тѣла Ильи въ пещеры кіевскія ангелами напоминаетъ чудесное воздушное путешествіе мощей Св. Николая Чудотворца и находится въ связи съ мощами Св. Ильи въ Кіевѣ, но подобныя же черты можно указать и въ осетинскомъ сказаніи [2]). Во всякомъ случаѣ остается тотъ фактъ, что тѣло самаго сильнаго изъ

[1]) Гильфердингъ, стр. 313.

[2]) Напр. *Софійскій* склепъ, слезы, изъ которыхъ происходятъ святыни; ср. происхожденіе архангеловъ Михаила и Гавріила изъ слезъ Господа въ сванетской легендѣ (Сбор. мат. для описанія мѣст. и племенъ Кавказа. В. X, Отд. II стр. 247. и Этногр. Обозрѣніе. V, стр. 40).

богатырей (и нартовъ) было погребено, по повелѣнію Бога, ангелами, — черта, раздѣляемая русскимъ эпосомъ съ кавказскимъ, какъ бы она ни была объясняема [1]).

Вс. Миллеръ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

1) Кстати, замѣтимъ, что въ слышанномъ г. Безсоновымъ разсказѣ о смерти Ильи, который, какъ полагалъ О. Миллеръ, здѣсь смѣшанъ со Святогоромъ, (назв. соч., стр. 247), Илья наѣхалъ на *диво невеличко*, поборолся съ нимъ и тотъ намялъ ему бока. Нѣтъ ли какого отношенія между этимъ загадочнымъ *дивомъ* и не менѣе загадочнымъ Балсаговымъ колесомъ, которое представляется живымъ существомъ, одареннымъ словомъ (Сб. св. о К. Г. V, Отд. II. стр. 10)

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

1. Книги, ученыя и справочныя изданія.

Труды Четвертаго Археологическаго Съѣзда въ Россіи. Т. I. (Казань. 1884 г. стр. CXLIV+48+120+7+6+4+258+65+4 in 4°) **т. II.** (Казань 1891 г. стр. X+235+20+24+6+18+4+300+73 in 4°).

Въ текущемъ году закончено печатаніе Трудовъ IV Археологическаго Съѣзда, бывшаго въ Казани въ 1877 г. (отъ 31-го Іюля до 18-го Авг.). Медленный ходъ печатанія, заставившій появиться послѣдній томъ черезъ 14 лѣтъ послѣ Съѣзда, объясняется отчасти неимѣніемъ средствъ на изданіе Трудовъ, отчасти трудностями, которыя встрѣчали при печатаніи, заказахъ рисунковъ и т. п. члены редакціоннаго комитета. Содержаніемъ обоихъ томовъ являются рефераты, представленные членами Съѣзда—отчасти читанные въ засѣданіяхъ, отчасти нечитанные по разнымъ обстоятельствамъ. Хотя, какъ и слѣдовало ожидать въ виду спеціальныхъ цѣлей Съѣзда, большинство рефератовъ имѣетъ исключительный археологическій интересъ, тѣмъ не менѣе въ обоихъ томахъ встрѣчается довольно значительное количество статей, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ этнографіи. Изъ помѣщенныхъ въ I-мъ томѣ укажемъ на статью *Н. В. Калагова*: Нѣкоторыя данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта; *I. Р. Аспелина*: О потребности изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторическихъ временахъ; *В. Б. Антоновича*: О похоронныхъ типахъ Юго-Западнаго края. *Его-же*: О пещерахъ каменнаго вѣка на среднемъ теченіи Днѣпра. *П. Д. Шестакова*: Напоминаніе о др. гор. Маджарѣ. *А. Ѳ. Можаровскаго*: Гдѣ искать въ наше время потомковъ тѣхъ Можаръ, которые въ 1551 г. среди поля Арскаго бились съ Казанцами. Авторъ этой статьи дѣлаетъ гипотезу, что потомковъ этихъ можаръ слѣдуетъ видѣть въ населяющихъ современный Тетюшскій у. чувашахъ, рѣзко отличающихся по языку, внѣшности, быту и одеждѣ отъ чувашей, населяющихъ Чебоксарскій, Ядринскій и Цивильскій у. По предположенію автора можары были по-

глощены превосходящими ихъ численностью тетюшскими чувашами. *И. А. Износкова:* О сохранившихся преданіяхъ по поводу названія русскихъ и инородческихъ поселеній въ Казанской и сосѣднихъ съ нею губ. и приложенія къ этой статьѣ, составленныя тѣмъ-же авторомъ: 1) Списокъ населенныхъ мѣстъ Мамадышскаго у. и 2) О личныхъ инородческихъ именахъ. На основаніи преданій и названій мѣстностей г. Износковъ рисуетъ картину колонизаціи русскими Казанскаго края. Въ непосредственной связи съ указанными статьями г. Износкова стоятъ статьи *Н. И. Золотницкаго*: Алфавитный списокъ древнихъ инородческихъ именъ..... служащихъ къ объясненію названій населенныхъ мѣстностей Казанской губ. и *Н. П. Вечеслава*: Къ вопросу о народныхъ преданіяхъ въ Казанской губ. относительно первыхъ заселеній въ ней русскихъ и о ихъ борьбѣ съ туземцами. Въ послѣдней статьѣ собраны нѣкоторыя преданія, впрочемъ довольно скудныя и отчасти уже извѣстныя, о построеніи нѣкоторыхъ городовъ (Свіяжска, Козьмодаміанска и др.) и селеній въ Казанскомъ краѣ. Непосредственное по своему содержанію отношеніе къ этнографіи имѣютъ помѣщенныя статьи *кн. Кострова:* Преданія томскихъ инородцевъ о подданствѣ ихъ Россіи и Очерки быта Минусинскихъ татаръ. Въ первой изъ этихъ статей собраны интересныя преданія о покореніи томскихъ инородцевъ Россіи, основаніе г. Кузнецка и т. д. Интересно заявленіе покойнаго кн. Кострова, что у русскихъ жителей преданій о заселеніи ими указанныхъ мѣстностей не сохранилось. Во второй статьѣ, составленной какъ на основаніи собственныхъ изслѣдованій автора, такъ и на основаніи печатныхъ источниковъ, кн. Костровъ даетъ описаніе внѣшности, одежды, жилища и быта Минусинскихъ татаръ. Онъ подробно останавливается на обрядахъ при встрѣчѣ и проводахъ гостя, на занятіи населенія и его пищѣ. Далѣе авторъ описываетъ свадебные обряды и семейный бытъ. Въ послѣднемъ сохранилось большое количество остатковъ сѣдой старины: напр. дѣти никогда не произносятъ имени своихъ родителей, жена также не называетъ своего мужа по имени, равно и родственниковъ его, она не имѣетъ права входить въ юрту свекра дальше порога и т. п. Затѣмъ авторъ переходитъ къ изложенію нѣкоторыхъ нормъ обычнаго права, описанію обрядовъ при рожденіи и погребеніи, увеселеніямъ населенія, народному творчеству и вѣрованіямъ, при чемъ особенно подробно описываетъ шамановъ. Указанный трудъ кн. Кострова, какъ, впрочемъ, и всѣ труды покойнаго этнографа, отличаются полнотою свѣдѣній и тщательной обработкой Приложеніемъ къ I-му тому Трудовъ Съѣзда служитъ прекрасно исполненный атласъ (изданный въ Казани въ 1889 г.), который служитъ прекрасной иллюстраціей къ нѣкоторымъ статьямъ, помѣщеннымъ въ указанномъ томѣ.

Переходимъ теперь ко II-му тому „Трудовъ". Въ немъ статей, непосредственно касающихся этнографіи, больше, чѣмъ въ предыдущемъ. Такъ, останавливаютъ на себѣ вниманіе 1) сообщеніе *В. Н. Витевскаго*: Преданіе о Пугачевѣ среди Уральскихъ казаковъ, записанное покойнымъ I. И. Желѣзновымъ со словъ старухи, помнившей Пугачева, 2) статья

Н. А. Аристова: О народныхъ праздникахъ въ Пензенской губ., гдѣ сообщены небезъинтересныя свѣдѣнія объ обрядахъ, сопровождающихъ празднованіе св Флора и Лавра, св. Георгія, Косьмы и Даміана и др. Значительный интересъ представляетъ статья *Ц. М. Софійскаго*: О киреметяхъ крещеныхъ татаръ, изъ дер. Тивель, Чистопольск. у., Казанск г. Въ ней авторъ, указавъ на то, что слово киреметь употребляется для означенія 1) духовъ или геніевъ, 2) мѣста, гдѣ таковые духи обитаютъ и 3) жертвы, которую имъ приносятъ, приступаетъ къ описанію киреметей—жертвоприношеній, бывшихъ выставленными въ этнографическомъ Отдѣлѣ выставки при Съѣздѣ. Дѣлая подробное описаніе жертвенныхъ предметовъ, г. Софійскій сообщаетъ много интересныхъ и сродныхъ преданій объ установленіи этихъ жертвоприношеній и постепенной замѣнѣ кровныхъ жертвъ безкровными. Литература о вотякахъ обогатилась трудомъ *Б. Г. Гаврилова:* Повѣрья. обряды и обычаи вотяковъ Мамадышскаго у., Урясь-Учинскаго прихода. Статья г. Гаврилова, не смотря на то, что за послѣдніе годы появилось большое количество цѣнныхъ работъ о вотякахъ, представляетъ значительный интересъ многими данными, которыя до сихъ поръ еще не появлялись въ печати. Рядомъ съ свѣдѣніями уже извѣстными мы встрѣчаемъ въ упомянутомъ трудѣ не мало новыхъ фактовъ. Крайне интересными являются сообщаемые авторомъ разсказы знакомаго ему туно, описаніе празднествъ. пріуроченныхъ къ христіанскимъ праздничнымъ днямъ, описаніе драматическихъ представленій, повѣрья, примѣты и т. п. Если въ отношеніи миѳологіи вотяковъ. ихъ свадебныхъ, похоронныхъ и т. п. обрядовъ мы въ настоящее время и обладаемъ болѣе обстоятельными свѣдѣніями, то съ другой стороны большое количество новыхъ данныхъ придаетъ труду г. Гаврилова существенный интересъ и не лишаетъ его значенія, какое имѣлъ-бы этотъ трудъ, еслибъ онъ былъ напечатанъ раньше, когда наши свѣдѣнія о вотякахъ были еще крайне незначительны. Добавимъ еще, что г. Гавриловъ имѣлъ случай неоднократно сталкиваться съ вотяками, видѣть многіе обряды, которые вотяки тщательно скрываютъ отъ посторонняго взгляда—все это придаетъ сообщаемымъ г. Гавриловымъ свѣдѣніямъ гарантію достовѣрности и значеніе, какое имѣетъ всякій фактъ. сообщаемый очевидцемъ.

Изъ дальнѣйшихъ статей отмѣтимъ доклады: 1) *Л. Н. Майкова:* О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ былинъ и пѣсенъ, 2) *Н. И. Петрова:* Сказаніе о Соловецкомъ монастырѣ и объ Аѳонѣ; 3) *Стеф. Верковича:* О Родопскомъ открытіи (переводъ съ болгарскаго М. П. Петровскаго); въ этомъ сообщеніи приведены описанія народныхъ праздниковъ и народныя пѣсни. 4) *И. Я. Порфирьева:* О Соловецкой библіотекѣ, находящейся нынѣ въ Казанской духовной Академіи. 5) *Его-же* Апокрифическія молитвы по рукописямъ Соловецкой библіотеки. 6) *П. Д. Шестакова:* Гдѣ книги, писанныя зырянскою или пермскою азбукою, составленною св. Стефаномъ Великопермскимъ? 7) *Его-же:* Замѣтки о вліяніи русскаго языка на языки инородческіе. 8) *А. Я. Гаркави:* Крымскій полуостровъ до монгольскаго нашествія въ арабской литературѣ.

Авторъ этой небольшой статьи даетъ сводку извѣстій о Крымѣ у арабскихъ писателей, сообщаетъ свѣдѣнія о сношеніяхъ древнихъ руссовъ съ таврическимъ полуостровомъ и толкуетъ непонятныя или темныя названія, встрѣчаемыя въ сочиненіяхъ арабовъ. Сообщеніе *Н. И. Золотницкаго:* О старой чувашской вѣрѣ, несмотря на свой небольшой объемъ, содержитъ интересныя свѣдѣнія по указанному вопросу. Интересенъ обычай чувашъ въ случаѣ неурожая красть чужую землю; обрядъ сопровождающій эту кражу носитъ характеръ сватовства: одинъ изъ парней, обыкновенно бѣдный, за извѣстныя условія соглашается взять на себя роль жениха, сватающаго землю. Такого рода женихъ, по народному представленію, никогда не доживаетъ до старости. Объясненіе слова „беляк". Статья *г. Витевскаго:* Сказки, загадки и пѣсни нагайбаковъ Верхнеуральскаго у. Оренбургской губ. содержитъ значительное количество бытовыхъ, хороводныхъ и др. пѣсенъ нагайбаковъ, 19 загадокъ и 2 сказки. Въ предпосланномъ сырому матеріалу предисловіи указывается на происхожденіе нагайбаковъ и ихъ исторіи. Нагайбаки считаютъ себя потомками арскихъ татаръ Казанской губ., что подтверждается и документами; кромѣ того къ нимъ примѣшался въ значительной степени чуждый элементъ изъ переселенцевъ персовъ, турокъ, армянъ, каракалпаковъ, бухарцевъ, узбековъ и т. д.

Не имѣя возможности подробно разбирать указанныя нами статьи, изъ которыхъ многія имѣютъ несомнѣнный научный интересъ, отмѣтимъ только что IV Археологическій Съѣздъ сдѣлалъ не мало для изученія народнаго быта, вслѣдствіе чего его Труды, отведшіе довольно значительное мѣсто этнографіи, имѣютъ большой вѣсъ для всякаго этнографа и вносятъ цѣнный вкладъ въ науку народовѣдѣнія.

Н. Х.

Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XI. (Омскъ, 1891 г.).

Въ этой книжкѣ помѣщены, между прочимъ, два списка растеній, собранныхъ въ долинѣ Абакана и на его притокахъ въ 1883 и 1884 годахъ гг. Клеменцомъ и Венцковскимъ. Въ спискахъ встрѣчаются указанія на народное употребленіе растеній, а также, особенно въ спискѣ 1883 г., приведены инородческія названія ихъ. Есть указанія на употребленіе въ лѣкарства, въ пищу (Paeonia anomala L., по-татарски *синне* или *сигне*; Adenophora Lamarkii Fisch., по-татарски *мелегир, каскым-от*). Съ другими связаны повѣрья; о Delphinium elatum L. русскіе думаютъ, если лошадь тонетъ при переправѣ вплавь, стоитъ хлестнуть ее этой травой,—выплыветъ. О травѣ Goniolimon speciosum Boiss., по сагайски *пюр-отт*, „волчья трава", сообщаются слѣдующія повѣрья сагайскихъ татаръ. Листья ея употребляются въ видѣ отвара, какъ лѣкарство отъ ломоты и разстройства желудка. Мужчины употребляютъ экземпляры съ развитой цвѣтоножкой и цвѣтами; женщины — экземпляры съ одними корневыми листьями. Поэтому

различаютъ мужскую и женскую волчью траву. Если выкопать пюръ оттъ и не заровнять ямки—будетъ ненастье. Раненный или больной волкъ ищетъ пюръ-оттъ, и если у него еще хватитъ силъ сорвать зубами и съѣсть немного этой травы, онъ оправится отъ своихъ ранъ.

А. И—скій.

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отд. И. Р. Г. Общ. XXII т., 1. *Свящ. И. Подгорбунскій.* Идея бурятъ-шаманистовъ о душѣ, смерти, загробномъ мірѣ и загробной жизни.—Въ протоколѣ общаго собранія членовъ Отдѣла, 16-го ноября 1890 г., приведено краткое содержаніе реферата *Д. А. Клеменца:* „О свадебныхъ обрядахъ у забайкальскихъ бурятъ" а) церемоніи и обряды, сопровождающіе заключеніе сватовства и б) обряды, сопровождающіе заключеніе самого брака. **2,3.** *Грогамъ Сандбергъ.* Городъ Ласса (изъ „The Nineteenth century", 1889, octob., № 152; статья составлена на основаніи главн. образ. путешествія въ Лассу бенгальца Бабу-Саратъ-Чандра-Дасъ).

А. И—скій.

Отчетъ Якутскаго Областнаго Статистическаго Комитета за 1889 г. (стр. 37 in 8°).—Краткость сообщенныхъ „Отчетомъ" свѣдѣній, недостаточная обработка ихъ въ значительной степени уменьшаютъ значеніе „Отчета"; нельзя поэтому не пожелать, чтобы свѣдѣнія, сообщенныя Статистическимъ Комитетомъ, въ особенности такой далекой, сравнительно мало извѣстной области, какъ Якутская, отличались большею подробностью и большимъ разнообразіемъ. Не смотря на указанные недостатки, мы все таки находимъ въ „Отчетѣ" нѣкоторыя интересныя подробности: такъ напримѣръ число жителей области сравнительно съ 1888 г. уменьшилось па 1994 ч. о. п., что при общей цифрѣ населенія въ 246,170 ч. о. п. составляетъ около0,8%. Такое уменьшеніе населенія слѣдуетъ приписать отчасти переселенію бродячихъ инородцевъ Якутскаго и Верхоянскаго округовъ—тунгусовъ, ламутовъ и др. (переселилось 1204 чел.), отчасти и усиленной смертности вслѣдствіе оспенной эпидеміи (число умершихъ превысило число родившихся на 790 чел.). Населеніе раскинуто на огромной площади, занимаемой Якутской областью (3489689,3 кв. верстъ) крайне рѣдко, именно въ среднемъ одинъ житель приходится на 13,71 кв. в. Наиболѣе населенъ Якутскій округъ, гдѣ одинъ человѣкъ приходится на 4,84 кв. в. наименѣе—округъ Колымскій (одинъ чел. на 99,79 кв. верстъ). Инородцы составляютъ подавляющее большинство населенія, именно 92,62%. Къ сожалѣнію «Отчетъ» не указываетъ, въ какомъ процентномъ отношеніи стоятъ другъ къ другу различныя инородческія племенныя группы. Не касаясь отдѣловъ объ экономическомъ положеніи жителей области и нѣкоторыхъ другихъ рубрикъ «Отчета», упомянемъ въ заключеніе еще о количествѣ преступленій, разсмотрѣнныхъ въ отчетномъ году судебными инстанціями. Число всѣхъ разсмотрѣнныхъ дѣлъ равнялось 537; изъ нихъ наибольшее число падаетъ на дѣла о кражѣ, истребленіи и поврежденіи

чужого имущества (155); затѣмъ слѣдуютъ дѣла о нарушеніи общественнаго спокойствія и порядка (120); значительно также число преступленій противъ жизни, здоровья и свободы частныхъ лицъ (94).

Н. Х.

Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области (подъ ред. И. И. Гейера, изд. Сыръ-Дарьинскаго Обл. Статист. Комитета. Ташкентъ. 1891, стр. 317+108 in 8º).—Этотъ обширный Сборникъ дѣлится на два отдѣла: въ отд. I сообщаются статистическія свѣдѣнія о населеніи разныхъ мѣстностей области, его промышленности, землевладѣніи, нѣкоторыя медицинскія наблюденія и мн. др. Во II отдѣлѣ мы видимъ собранными нѣсколько этнографическихъ матеріаловъ. Прежде чѣмъ остановиться на этихъ послѣднихъ, укажемъ на нѣкоторыя статьи изъ I отд., имѣющія интересъ для этнографа.

Отмѣтимъ статью *И. Оракулова:* Статистическія данныя о Кишлакѣ Чиназѣ; въ ней помѣщены интересныя свѣдѣнія объ основаніи и первоначальномъ заселеніи Чиназа. Статья *И. Гейера:* „Ишаны"—содержитъ въ себѣ подробное описаніе значенія ишановъ, характера ихъ проповѣди исламизма, способа обученія и наконецъ вліянія ихъ на киргизскую среду; въ этой же статьѣ мы находимъ краткій, но очень рельефный очеркъ современнаго религіознаго состоянія киргизовъ и свѣдѣнія о дѣятельности среди киргизовъ Авузя—мюрида, одного изъ ишановъ Исчана, и о способахъ, къ которымъ прибѣгалъ Авузь для привлеченія къ себѣ послѣдователей. Далѣе укажемъ на статью *Н. Васильева*: Ташкентскіе татары (ихъ браки, рожденія и смертность), въ которой авторъ освѣщаетъ статистическія данныя указаніемъ на условія быта ташкентскихъ татаръ. Изъ остальныхъ работъ помѣщенныхъ въ I отдѣлѣ «Сборника» отмѣтимъ еще работу *В. Гильянова:* Статистическія данныя о кустарной, ремесленной и фабричной промышленности русской части г. Ташкента, и двѣ работы, касающіяся мѣстнаго землевладѣнія: 1) *В. Благовѣщенскаго*: Къ вопросу о вакуфахъ Сыръ-Дарьинской области и 2) *И. Гейера*: Свѣдѣнія по современному состоянію распредѣленій земледѣльческихъ угодій среди населенія Ташкентскаго у.

Отдѣлъ II «Сборника» открывается обширной работой *Н. Остроумова:* Пословицы и поговорки туземнаго населенія Туркестанскаго края. Работа Н. Остроумова является продолженіемъ начатаго имъ въ I вып. «Сборника» печатанія пословицъ, которыхъ было приведено 492; въ этомъ выпускѣ напечатаны №№ 493—1110. Какъ и въ I выпускѣ, переводъ пословицъ сопровождается и самимъ текстомъ. Въ этомъ обширномъ собраніи пословицъ мы имѣемъ полную характеристику взгляда туземцевъ на семейныя, родственныя и общественныя отношенія, образцы народной мудрости и т. п. Интересно отмѣтить и здѣсь часто встрѣчающееся въ пословицахъ двойственное отношеніе къ одному и тому же факту. Такъ, напр., въ пословицахъ, рисующихъ отношенія между родителями и дѣтьми рядомъ съ пословицами вродѣ: „Оскорбившій своего отца не осуществитъ своихъ желаній", или: „если отецъ укажетъ тебѣ дѣло, прекрати

молитву и исполни", встрѣчаются и такія: „если есть отецъ и мать, пускай будутъ, лишь бы не было ихъ ртовъ и носовъ" (т. е. лишь бы не кормить ихъ), или: „имущество лучше отца и матери"... Въ отношеніи взглядовъ на женщину мы видимъ также двойственность: напримѣръ: „женщина — наказаніе Божіе; ея ласки—ядъ змѣи"; „хитрость одной женщины составитъ поклажу для 40 ословъ"; „у собаки нѣтъ измѣны, у женщины нѣтъ вѣрности" и рядомъ съ этимъ: „хорошая жена — благополучіе дома...", „жена помощница мужа...", „мужъ и жена—пара соединенныхъ ярмомъ воловъ"; „два арбуза не умѣстятся подъ одной подмышкой" (т. е. нельзя любить двухъ женъ) и т. п. Не останавливаясь болѣе подробно на пословицахъ, приводимыхъ г. Остроумовымъ, замѣтимъ лишь, что его трудъ является цѣннымъ вкладомъ въ дѣло изслѣдованія Туркестана. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не пожалѣть, что г. Остроумовъ, затратившій такъ много труда на собираніе пословицъ, не отмѣчаетъ ни народности, ни мѣстности, въ которой данная пословица записана. Далѣе слѣдуютъ записанныя *А. А. Диваевымъ* 4 киргизскія сказки, собранныя въ Чимкентскомъ и Ауліе-атинскомъ у., и сартское заклинаніе вѣтра.

Н. Х.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XII. (Тифлисъ, 1891 г.)

Настоящій выпускъ, посвященный народной поэзіи, грамматикѣ и словарю кабардинскаго языка, состоитъ изъ трехъ частей: первая часть отведена преданіямъ, сказаніямъ и сказкамъ кабардинцевъ (144 стр.), вторая часть занята кабардинскими текстами съ объяснительнымъ къ нимъ словаремъ (106 стр.) и третья часть посвящена кабардинской грамматикѣ (о звукахъ и формахъ) и русско-кабардинскому словарю съ указателемъ (299 стр.). Весь этотъ громадный трудъ исполненъ *Л. Г. Лопатинскимъ*. Сказаніе о „Красавицѣ-Еленѣ и Богатырь-женщинѣ" освѣщено замѣткой проф. *В. Ѳ. Миллера*. Въ видѣ введенія Л. Г. Лопатинскій помѣстилъ замѣтку о Кабардѣ и кабардинцахъ, принадлежащихъ къ племени Адыге. Изъ этой замѣтки читатель узнаетъ, что кабардинцы переселились къ Пятигорью, къ рр. Малкѣ и Тереку съ восточнаго берега Чернаго моря, „разметали въ разныя стороны татарскія племена", которыя они тамъ застали.

На основаніи ихъ преданій Шорабекъ Мурзинъ-Ногмовъ въ 1843 г. составилъ исторію адагскаго племени. Ихъ сказанія, по словамъ Ногмова, упоминаютъ объ императорѣ Юстиніанѣ, о введеніи при немъ христіанской вѣры и завоеваніи Идаромъ, внукомъ Инала, Тмутаракани и пр. Число этихъ преданій, имѣющихъ историческій интересъ, значительно пополнено г. Лопатинскимъ (см. „Переселеніе Кабарды" Тамбіева, „Крымцы въ Кабардѣ" и др.). На основаніи текста „Бзіекская битва", составлена почтеннымъ авторомъ „Замѣтка о Кяхскомъ нарѣчіи" адыгскаго племени, собственно бредухскомъ его говорѣ". Къ выпуску приложена этнографическая карта Кабарды (масштабъ 20 в.).

А. Х—овъ.

Сношенія Россіи съ Кавказомъ въ XVI—XVIII ст. Рѣчь проф. А. А. Цагарели, читанная на годичномъ актѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета 8 февраля 1891 г. (С.-Пб. 1891. 51 стр.). „Въ настоящемъ году исполнится ровно 50 лѣтъ—такъ начинаетъ проф. Цагарели свою рѣчь—съ тѣхъ поръ, какъ въ стѣнахъ нашего Университета впервые началось чтеніе лекцій по грузинскому языку, литературѣ и исторіи... Въ настоящемъ же году исполнится 400 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Грузія отправила въ Москву первое свое посольство". По поводу этихъ событій почтенный профессоръ считаетъ своевременнымъ представить обзоръ сношеній Грузіи съ Россіей въ періодъ XVI—XVIII ст. Сношенія Кавказа съ Россіей начались давно—съ IX—X вѣка. Связи, на которыхъ поддерживалось общеніе между ними, были военно-политическія, религіозно-научныя и торговыя. Восточная Грузія, Кахетія, первая вступила въ переписку съ Россіей: спустя 40 лѣтъ послѣ паденія Константинополя, въ 1491 г., было отправлено царемъ Александромъ посольство въ Москву къ великому князю Іоанну III съ грамотой, откуда можно заключить, что надежды, возлагаемыя на Византію, послѣ ея паденія перенесены на московскаго государя. При Екатеринѣ II Грузія трактатомъ 1783 года ставитъ себя въ вассальныя отношенія къ Россіи. По смерти царя Георгія XII Грузія въ 1801 году была объявлена присоединенной къ Россіи.

Въ „статейныхъ спискахъ" русскихъ пословъ сохранилось много любопытныхъ чертъ, характеризующихъ современное имъ грузинское общество. Толмачъ Ѳеодоръ Ельгинъ и священникъ Павелъ въ 1639 году были въ Мингреліи. Владѣтельный ея князь Дадіанъ не принялъ ихъ, извиняясь тѣмъ, что онъ въ траурѣ по женѣ, по обычаю страны, сбрилъ волосы на головѣ, бороду и одинъ усъ, и въ такомъ видѣ не можетъ ихъ принять. Послы были на храмовомъ праздникѣ св. Георгія. Къ вечернѣ, по ихъ словамъ, начали трубить въ трубы, звонить въ колокола, стучать въ доски и громко пѣть. Такъ провели двое сутокъ, обходя церковь, у дверей которой каждый повертывался кругомъ на лѣвую ногу.

Благодаря этимъ сношеніямъ въ русской литературѣ появляется сказаніе „Слово и дивна повѣсть о дѣвицѣ Иверскаго царя дщери Динарѣ царицѣ"—о войнѣ царицы Тамары съ персами. Въ русскихъ космографіяхъ является статья „о царствѣ Иверскомъ и Грузинскомъ". Свѣдѣнія о Кавказѣ нашли мѣсто въ книгѣ Большаго Чертежа, у Герберштейна въ его „Запискахъ о Москвѣ".

А. Х—овъ.

Татарская учительская школа въ Казани (Казань. 1890, стр. 26 in 8°). Авторъ этой небольшой брошюры имѣетъ цѣлью обрисовать строй указанной школы и уяснить ея значеніе для татарскаго мусульманскаго населенія. Школа основана въ 1876 г. по иниціативѣ извѣстнаго академика В. В. Радлова, при содѣйствіи П. Д. Шестакова. Цѣлью школы является приготовленіе молодыхъ татаръ-мусульманъ въ учителя русскаго

языка и ариѳметики въ начальныя татарскія училища. Въ 1890 году въ школѣ было 25 учениковъ, изъ нихъ 24 казеннокоштныхъ Не смотря на кратковременное свое существованіе, школа оказала уже свое вліяніе: въ настоящее время рѣдкій поступающій (ученики принимаются не моложе 16-ти лѣтъ) не знаетъ уже русскаго языка, которому онъ обучался у себя на родинѣ отъ татаръ-учителей, бывшихъ воспитанниковъ указанной школы. Интересенъ фактъ, что большинство воспитанниковъ—пріѣзжіе изъ Вятской и Уфимской губ.; изъ Казанскихъ, особенно городскихъ, татаръ, почти никто не отдаетъ своихъ дѣтей въ это учебное заведеніе изъ боязни, чтобы ихъ дѣти не потеряли вѣры и не утратили своей національности. Опасенія эти, однако, лишены всякаго основанія, такъ какъ все, начиная отъ преподаванія и кончая костюмомъ воспитанниковъ, направлено къ тому, чтобы не оскорблять ни религіознаго, ни національнаго чувства татаръ. Причину этой нелюбви Казанскихъ татаръ къ школѣ слѣдуетъ, повидимому, искать въ обособленности ихъ отъ русскаго элемента, въ характерѣ ихъ и образѣ ихъ жизни, краткій очеркъ которой и даетъ намъ авторъ брошюры.

Если нельзя не согласиться съ авторомъ, что „изученіе финскихъ народностей Волжско-Камскаго края должно быть теперь какъ можно интенсивнѣе въ виду того быстро совершающагося процесса, который переживаютъ теперь эти инородцы, процесса ассимиляціи съ русскимъ населеніемъ", то слѣдуетъ признать также правдивыми его слова, что тюркское населеніе, особенно татары, представляетъ немалый интересъ для этнографа. Въ этомъ отношеніи въ особенности выдаются Казанскіе городскіе татары. Ведя обширную торговлю, занимаясь ремеслами, они сохраняютъ свой своеобразный бытъ, доселѣ еще неизслѣдованный. Авторъ брошюры правъ, восклицая: „Да, этотъ міръ совсѣмъ особый съ своими интересами: религіозными, умственными, коммерческими, міръ, закрытый пока отъ глазъ этнографа-наблюдателя, но полный интереса для него". Желательно было бы, чтобы мѣстные этнографы обратили свое вниманіе на находящуюся подлѣ нихъ интересную племенную группу, изслѣдовали ее, и сдѣлали ея бытъ доступнымъ для науки. **Н. Х.**

Азбучный указатель горъ, озеръ, рѣкъ, населенныхъ мѣстъ и урочищъ, упоминаемыхъ въ „Топографіи Оренбургской губ." Рычкова. (Оренб. 1891, стр. 18 in 8⁰). Отмѣчаемъ этотъ небольшой, но крайне цѣнный указатель къ указанному труду Рычкова. Указатели, къ сожалѣнію, не завоевали еще себѣ надлежащаго положенія въ нашихъ научныхъ сочиненіяхъ; если таковые и встрѣчаются, то они во всякомъ случаѣ представляютъ собой явленіе спорадическое Между тѣмъ, не можетъ быть спора о пользѣ подобныхъ указателей, въ особенности для сочиненій, которыхъ объемъ и разностороннее содержаніе сильно препятствуютъ пользованію ими для справокъ. Нельзя поэтому не пожелать, чтобы подобные указатели были составлены и для многихъ другихъ сочиненій, чѣмъ значительно облегчилась бы работа всякаго, долженствующаго пользоваться

ими. Отмѣченный указатель представляетъ собой довольно значительныя добавленія сравнительно съ изданнымъ, годомъ раньше, „Алфавитнымъ указателемъ населенныхъ мѣстъ, главнѣйшихъ горъ, рѣкъ и озеръ“ къ тому же сочиненію Рычкова (22 стр. in 16⁰) Такъ напримѣръ р. Яикъ упомянута въ указателѣ 1891 г. встрѣчающеюся въ „Топографіи“ 56 разъ, тогда какъ въ указателѣ 1890 г. лишь 22 раза. „Яицкій городокъ“ въ указателѣ 1891 г.—15 разъ; въ указателѣ 1890 г,—2 раза. „Башкирія“—33 раза, въ указателѣ 1890 г. —9 разъ. Кромѣ того, въ указателѣ 1891 г. мы встрѣчаемъ нѣсколько именъ, которые не упомянуты въ указателѣ 1890 г. Такихъ словъ подъ одной литерой А мы находимъ 20. Съ другой стороны въ указателѣ 1890 г. встрѣчается нѣсколько словъ, которыя въ указателѣ 1891 г. не помѣчены. Это кажущееся разногласіе, повидимому, слѣдуетъ объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что указатели составлены для разныхъ изданій того же сочиненія Рычкова. Вслѣдствіе этого при пользованіи этими указателями слѣдуетъ имѣть это въ виду, иначе читатель можетъ быть введенъ въ заблужденіе. Нельзя поэтому не пожалѣть, что составитель указателя 1891 г. не снабдилъ его краткимъ предисловіемъ, изъ котораго можно было бы узнать, къ какому изданію онъ относится. Что до указателя 1890 г., то онъ составленъ къ упомянутому сочиненію Рычкова, изд. 1762 г. и перепечатанному Оренбургскимъ Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ. въ 1887 г.

Н. Х.

Свящ. Г. И. Сорокинъ: Мѣстечко Дмитровка. Опытъ историко-статистическаго и этнографическаго описанія. (Херсонъ, стр. II+65 in 8⁰).

Трудъ о. Г. И. Сорокина является отвѣтомъ на программу для этнографическаго изученія Херсонской губ., напечатанную въ „Сборникѣ Херсонскаго Земства“ (1889 г. № 3). Въ предисловіи къ програмиѣ указывалось на значеніе работъ мѣстныхъ изслѣдователей, которые стоятъ близко къ населенію и вслѣдствіе этого имѣютъ возможность наблюдать бытъ населенія и болѣе систематично, и болѣе разносторонне и глубоко, чѣмъ изслѣдователь заѣзжій. Мысли, высказанныя въ предисловіи указанной программы, нашли сочувственный откликъ въ лицѣ о. Сорокина, представившаго свой, хотя и небольшой, но тщательно составленный и обработанный трудъ. Священствуя въ теченіе довольно долгаго времени въ м. Дмитровкѣ (Херсонской губ., Александрійскаго у.), авторъ внимательно присматривался къ матеріальному и духовному быту населенія, и въ настоящемъ своемъ описаніи даетъ намъ свѣдѣнія, касающіяся какъ исторіи мѣстности, такъ и экономическаго состоянія населенія и особенностей его быта. М. Дмитровка принадлежитъ къ числу однихъ изъ наиболѣе населенныхъ. Въ 1887 г. числилось въ немъ 7641 д. о. п. (изъ нихъ 577 евреевъ, остальные православные). Достигнувъ въ концѣ XVIII в. довольно высокой степени развитія, Дмитровка постепенно стала падать и въ 1824 г. въ ней оставалось только 270 д. м. п., въ то время какъ въ 1785 г. ихъ считалось 1524. Съ 1824 г. населеніе Дмитровки на-

чинаетъ быстро рости благодаря приходу новыхъ насельниковъ изъ окрестныхъ селеній. Населеніе было смѣшанное (малороссы и великороссы); выбирая себѣ мѣста, переселенцы селились такъ, чтобы какъ можно меньше смѣшиваться съ прежними жителями. «Даже и теперь,—пишетъ о. Сорокинъ, ...на малороссійской сторонѣ не встрѣтите усадьбы великоросса и наоборотъ.... За 28 лѣтъ службы моего отца въ санѣ священника въ Дмитровкѣ было *три* случая, что великороссы (вдовцы) женились на малороссіянкахъ... *Одинъ* только случай былъ, что малороссъ женился на великороссіянкѣ... Въ 1886 г. при 200 крещеніяхъ былъ только одинъ случай, что великороссъ воспринималъ ребенка у малоросса». Эти факты, рисующіе обособленность каждой изъ двухъ племенныхъ группъ, населяющихъ Дмитровку, объясняютъ также, что у каждой группы свои обычаи и нравы, сохраненные ими изстари. На описаніе различій въ обычаяхъ и направлена главнымъ образомъ 2-я глава труда о. Сорокина. Такое параллельное описаніе, съ указаніемъ чертъ сходства и различія въ обычаяхъ и обрядахъ обѣихъ племенныхъ группъ, составляетъ несомнѣнное достоинство работы автора. Отсылая желающихъ познакомиться ближе съ этимъ отдѣломъ къ самому труду о. Сорокина, отмѣтимъ еще, что авторъ приводитъ 17 заговоровъ, описаніе нѣсколькихъ наиболѣе распространенныхъ игръ и нѣсколько интересныхъ обычаевъ, среди которыхъ отмѣтимъ обрядъ побратимства и посестримства, совершаемый особенно торжественно. Отмѣтимъ также констатированный авторомъ фактъ стремленія населенія къ образованію. Желающихъ поступить въ школу часто бываетъ больше, чѣмъ школа можетъ принять; такъ, напримѣръ, въ 1885 г. число желающихъ превысило комплектъ на 47 человѣкъ.

Въ слѣдующихъ главахъ о. Сорокинъ описываетъ матеріальный бытъ населенія. Этого отдѣла мы касаться не будемъ: ограничимся замѣчаніемъ, что и здѣсь мы видимъ ту же тщательность, съ которой авторъ обращается съ своимъ обширнымъ матеріаломъ.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы примѣръ о. Сорокина нашелъ себѣ возможно большее число подражателей; — трудами, подобными вышеуказанному, мѣстные изслѣдователи обогатили бы въ значительной степени наши свѣдѣнія о мѣстномъ населеніи и принесли бы большую пользу русской наукѣ отечествовѣдѣнія.

Н. Х.

А. А. Исаевъ: Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. (Спб. 1891, стр. 192 in 8°). — Масса переселенцевъ, ежегодно оставляющихъ свои родныя мѣста, идутъ изъ Европейской Россіи въ Сибирскія, Кавказскія и Среднеазіатскія области и губерніи. Ихъ судьба, причины, побуждающія ихъ къ переселеніямъ, трудности, которыя имъ приходится испытывать на пути, способы ихъ водворенія, отношенія къ нимъ старожиловъ—все это является уже давно предметомъ основательнаго изученія нашихъ ученыхъ и публицистовъ. Кромѣ экономическаго значенія переселеній, вопросъ о колонизаціи, обширнымъ потокомъ идущей изъ

разныхъ мѣстъ Европейской Россіи, имѣетъ существенный интересъ для этнографа. Ежегодно переселяется въ разныя мѣста Сибири. Кавказа и Средней Азіи около 50,000 чел. изъ разныхъ губерній Европейской Россіи. Оставивъ свои мѣста, гдѣ та или другая семья жила иногда въ теченіе столѣтій, переселенцы въ своемъ поступательномъ — колонизаціонномъ движеніи сохраняютъ языкъ, нравы и обычаи, завѣщанные имъ вѣками отъ ихъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Поселяясь, на новыхъ мѣстахъ они сталкиваются обыкновенно со старожилами, уже давно обжившихся въ мѣстныхъ условіяхъ, смѣшиваются съ ними,—и благодаря новымъ условіямъ и новымъ входящимъ въ нихъ элементамъ видоизмѣняются, вырабатываютъ свой особенный типъ, отличающій ихъ и отъ старожиловъ и отъ ихъ сородичей въ губерніяхъ Европейской Россіи. Естественно, всякій этнографъ, занимающійся изученіемъ мѣстности, въ которой переселенцы составляютъ большій или меньшій % населенія, долженъ обратить вниманіе на отличія, отдѣляющія ихъ отъ старожиловъ; онъ долженъ указать, что осталось у переселенцевъ отъ ихъ прежняго быта, что появилось подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, какъ видоизмѣнились ихъ старые взгляды, какой характеръ приняли ихъ прежніе обычаи и обряды на новомъ мѣстѣ. Для того, чтобы рѣшить эти вопросы, ему необходимо знать причины переселеній, количество лицъ, оставляющихъ свои насиженныя мѣста, направленіе переселенческаго движенія и т. п. Въ этомъ отношеніи огромную пользу можетъ оказать ему трудъ г. Исаева.

Работа не мало потрудившагося по этому вопросу г-на Исаева должна служить исходной точкой для всякаго этнографа, обращающаго свои силы на изученіе мѣстностей, гдѣ переселенцы играютъ болѣе или менѣе видную роль. Изслѣдователь найдетъ въ ней массу новыхъ фактовъ, могущихъ служить ему руководящей нитью при его работѣ. Важно и то, что авторъ имѣлъ возможность лично познакомиться съ переселенцами, наблюдать ихъ непосредственно и наконецъ пользоваться новѣйшими данными о переселенцахъ, что придаетъ еще большій интересъ прекрасному по своей обработкѣ труду г. Исаева.

Не имѣя въ данномъ случаѣ цѣлью всесторонне разбирать серьезный трудъ г. Исаева, ограничусь лишь указаніемъ на два факта, не безъинтересныхъ для этнографа. Естественъ прежде всего вопросъ, изъ какихъ частей Европейской Россіи двигаются главнымъ образомъ переселенцы. Оказывается, что за послѣдній годъ главный контингентъ идущихъ на новыя мѣста въ Сибирь крестьянъ выходитъ изъ Курской губ. (1241 семья), затѣмъ слѣдуетъ губ. Тамбовская (269 семьи), Вятская (182 с.), Пермская (129 с.), Нижегородская (119 с.), Казанская (109) и т. д. Второй вопросъ, интересный для этнографа, это опредѣленіе благосостоянія переселенцевъ. Въ этомъ отношеніи г. Исаевъ приводитъ цифры за 1890 г., рисующія намъ положеніе переселенцевъ далеко не въ привлекательномъ видѣ. „По оффиціальнымъ даннымъ, отъ 1-го сентября, — пишетъ авторъ,— изъ пришедшихъ въ Томскъ въ 1890 г. имѣли собственныхъ денегъ: ничего и до 10 р.—1,499 семей, отъ 10—50 р.—590 с., 50—100 р.—

115, отъ 100—300 р.—70 с., болѣе 300 р.—8 семей". Слѣдовательно, если считать даже, что на обзаведеніе хозяйства требуется хотя бы только 100 р., окажется, что около 96% стоятъ въ матеріальномъ отношеніи ниже этого уровня, а слишкомъ 65% находятся въ крайне-бѣдственномъ положеніи: либо не имѣютъ денегъ вовсе, либо имѣютъ сумму, не превышающую 10 р. При такихъ условіяхъ естественно, что лишь выдаваемыя субсидіи и дѣятельность частной благотворительности могутъ поддержать переселенцевъ, помочь имъ устроиться на новыхъ мѣстахъ; естественно также, что переселенцы часто попадаютъ въ кабалу къ ростовщикамъ, хозяевамъ и т. п. Европейская Россія, высылая отъ себя лицъ необставленныхъ въ матеріальномъ отношеніи удовлетворительно, даетъ однако Сибири въ лицѣ переселенцевъ людей преимущественно энергичныхъ, способныхъ на долгую и упорную борьбу съ трудностями, которыя ожидаютъ ихъ на новыхъ мѣстахъ. Вотъ впечатлѣніе, которое переселенцы оставили на г. Исаева: „многіе,—пишетъ онъ,—похоронили въ Тюмени близкихъ людей; многіе истощили послѣдніе гроши и на пароходѣ жили впроголодь; и, все-таки, задумчивые, сосредоточенные, они бодро ожидали конца путешествія.... Какъ скоро пароходъ останавливался гдѣ-нибудь около селенія и неподалеку отъ пристани виднѣлось поле или лугъ,—они бѣжали туда, смотрѣли, хороша ли рожь и трава и... дѣлали сравненіе съ тѣмъ, что бываетъ въ Тамбовской или Курской губерніяхъ... И такъ ѣхали они день за днемъ, съ вѣрою въ Бога, терпѣливо перенося свою трудную долю, никому не жалуясь, ни на кого не ропща". Далѣе авторъ приводитъ примѣры стойкости отдѣльныхъ переселенцевъ; такъ напр. въ Томскѣ авторъ видѣлъ женщину, пришедшую изъ Саратовской губ. съ 4 дѣтьми; она пробиралась въ Алтайскій округъ, къ своему мужу, туда переселившемуся за годъ передъ тѣмъ. Другая женщина прошла изъ Глазовскаго у. до Тюмени (1200 верстъ) съ двумя дѣтьми, изъ которыхъ меньшаго она везла все время въ тачкѣ и т. д.

Въ заключеніе повторимъ, что прекрасный трудъ г. Исаева, являясь цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу о переселеніяхъ, оказывается и важнымъ подспорьемъ для этнографа, изучающаго смѣшанное русское населеніе Сибири; онъ почерпнетъ изъ него много данныхъ, которыя помогутъ ему освѣтить и понять многія бытовыя особенности какъ сибирскихъ старожиловъ, такъ и вновь прибывающаго пришлаго элемента.

Н. Х.

Виленскій Календарь на 1891. Это изданіе, какъ извѣстно, ведется Виленскою 1-ю гимназіею и заключаетъ въ себѣ по обыкновенію, кромѣ справочныхъ свѣдѣній, также довольно большой литературный отдѣлъ со статьями преимущественно историческаго содержанія. Въ настоящемъ году здѣсь помѣщены, между прочимъ: историч. очеркъ княжества Туровскаго, историч. очерки городовъ Минска и Могилева, біографіи князей Конст. Ив. и Конст. Конст. Острожскихъ.

2. Журналы.

Владивостокъ. 21. *К.* Къ торгово-промышленному вопросу восточныхъ окраинъ Сибири (эксплуатація иностранцами чукчей).

Воскресный День. 33,34. Евангельская проповѣдь среди язычниковъ (алтайская и киргизская миссіи за 1890 г.).

Восточное Обозрѣніе. 21. Способны-ли сибиряки къ сельско-хозяйственному прогрессу и общинной жизни? (по поводу доклада А. А. Кауфмана: «О вліяніи переселенцевъ на мѣстное населеніе Сибири» въ Имп. Вольно-Эконом. Общ.). 22. *А. Ивановскій.* Заселеніе Маньчжуріи.—*И. К.* О рыбныхъ и тюленьихъ промыслахъ на озерѣ Байкалѣ (содержаніе доклада И. Д. Кузнецова въ Петерб. Обществѣ Рыболовства). 23. Къ исторіи скопческаго хозяйства въ Якутской области. 24. *В. Ошурковъ.* Новая работа по обычному праву («Le régime patriarcal et le droit coutumier des Kirghiz, par Victor Dingelstedt». Paris, 1891). 26. *Ѳ. Н. Лаврентьевъ.* Земледѣліе въ Сибири.—*Дм. Даурскій.* На родинѣ Чингисъ-хана (изъ путевыхъ впечатлѣній по южному Забайкалью). 27. *Ѳ. Н. Лаврентьевъ.* Свобода охоты въ Сибири и ея результаты. 28. Захватно-родовое владѣніе землей и община.

Вѣстникъ Европы. *Май—Е. Е. Картавцевъ.* Поѣздка въ Стовратныя Ѳивы. 1889. I.—Путевыя впечатлѣнія автора. Подробнѣе описаны остатки Карнакскаго храма и Гробницы царей.—*В. Пругавинъ.* Кустарная промышленность, ея судьба и значеніе. I—VI. Перечисливъ мѣры правительства и земствъ для развитія кустарныхъ промысловъ, авторъ указываетъ на съѣзды, какъ на мѣру, которая могла-бы сильно двинуть впередъ какъ знакомство съ этимъ видомъ промышленности, такъ и ее саму. Затѣмъ, указавъ на то, что въ изслѣдованіяхъ кустарной промышленности главное вниманіе было обращено обыкновенно на экономическую сторону ея, и мало имѣлась въ виду бытовая, этнографическая, онъ набрасываетъ картину кустарной промышенности въ Нижегородской губерніи, основываясь преимущественно на матеріалѣ, собранномъ въ Нижегородскомъ Сборникѣ (Т. VII и VIII. Ниж. Новг. 1887 и 1889 г., подъ редакціей А. С. Гациссniкаго). Рец. на кн. Н. М. Ядринцева: Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Этнографическія и статистическія изслѣдованія, съ прилож. статистическихъ таблицъ (Спб. 1891. Изд. И. М. Сибирякова). Рец. на кн. В. И. Межова: Сибирская библіографія. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однихъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Т. I. Источники и матеріалы для исторіи Сибири: библіографическіе указатели, историческ. и историко-юридическ. акты и документы, письма и мемуары. (Изд. И. М. Сибирякова. Спб. 1891). Рец. на Терскій Календарь на 1891 годъ. Годъ I. (Изд. Терскаго областнаго статистическаго Комитета. Владикавказъ. 1890). Рец. на Терскій Сборникъ. (Приложеніе къ Терскому Календарю на 1891 годъ. Вып. I. Подъ редакціей секретаря Комитета И. Стефановскаго. Владикавказъ. 1890). Рец. на кн. А. А. Исаева: Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. (Спб. 1891). *Іюнь—Е. Е. Картавцевъ.* Поѣздка въ Стовратныя Ѳивы. (1889. II. Окончаніе). Описаны развалины Мединетъ-Абу, Луксора, Колоссы Мемнона и пр.; краткій очеркъ египетской миѳологіи; мѣстами въ этой статьѣ разбросаны живыя картинки мѣстной жизни.—Рец. на: «Соловушко. Сборникъ русскихъ художественныхъ и народныхъ пѣсенъ». Сост. М. М. Ледерле. (Спб. 1891).—Рец. на кн. Л. В. Ходскаго: Земля и земледѣлецъ. (Въ двухъ томахъ. Спб. 1891). *Августъ.—А. Н. Пыпинъ*: Первыя извѣстія о Сибири и русское ея заселеніе.—*Н. М. Ядринцевъ*: Десятилѣтіе переселенческаго дѣла.—Рец. на кн. Ал. С. Фаминцына: Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа. Балалайка, кобза, бандура, торбанъ, гитара. Историческій очеркъ съ многочисленными рисунками и нотными примѣрами. (Спб. 1891).

Джеджили (грузинскій журналъ). IV. Великанъ Гаргантуа (французская легенда). Сказка о дочери царя. Она измѣннически была брошена въ рѣку, превратилась въ золотую рыбку и была доставлена рыболовомъ опечаленному царевичу-мужу. Одна ея косточка упала въ сѣняхъ, когда ее зарѣзали. Изъ косточки выросло кипарисовое дерево, которое наклоненіемъ своихъ вѣтвей привѣтствовало царевича, а ночью, обращаясь

въ женщину, входила къ нему въ спальню и, обнявъ его, горько плакала; на разсвѣтѣ же она исчезала. Царевичъ разъ притворился спящимъ, поймалъ ее и узналъ, кто виновница ея гибели.—Анекдоты и загадки.

Иверія. *Май*. Изъ прошлой жизни Грузіи. Молитва царя Ираклія II (рукопись XVIII в.).—*Іюнь*. Нѣсколько о«Ростоміани», переводъ Шахъ-Намэ. *А. Хахановъ*. Распространеніе грузинскаго языка въ Сванетіи. О грузинской литературѣ. Письмо Панискертель-Цицишвили (Рукопись Общества распространенія грамотности среди грузинъ). Изъ этого письма выясняется, что до грамматики Католикоса Антонія II существовала грамматика Католикоса Виссаріона («Бесаріони»). Даже въ XI — XII вв. существовали грамматики философа Іоанна Петрици и Евфимія. Первая часть рукописи касается древнихъ обычаевъ и нравовъ грузинъ (свадьба, похороны, празднованіе Новаго года и пр.). *Іюль*. Письмо изъ Дагестана. О состояніи шелководства, садоводства и выдѣлки оружія. Грузинская нотная рукопись X вѣка.—*Августъ*. Письмо изъ Адчары (Западная, омусульманившаяся часть Грузіи). О количествѣ населенія, состояніи образованія (пишутъ и читаютъ по-грузински даже въ Турецкой Грузіи). Законодательство Беки и Агбучи. (Продолженіе). *Н. Урбнели*. Изъ исторіи Грузіи. Нашествіе Ага-Магомметъ-Хана.

Мукемси (изд. на грузинскомъ языкѣ). **11, 15**. *Д. П. Пурцеладзе*. Д. І. Чубиновъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета по грузинской словесности (некрологъ). **14**. Объ исторіи печатанія въ Грузіи церковно-богослужебныхъ книгъ съ XVII в. Кн. Маміа Гуріели. Продолженіе церковныхъ актовъ, изъ которыхъ актъ Бичвинтскаго собора можетъ служить блестящимъ дополненіемъ къ донынѣ извѣстнымъ грузинскимъ церковнымъ законамъ.

Пастырь (вых. 2 раза въ мѣсяцъ въ Кутаисѣ). **12—13**. Экспедиція въ Святую землю проф. Кондакова. **14—15**. О хирургіи у Кавказскихъ горцевъ.

Русское Обозрѣніе. *Іюнь*. *Іюль*. *А. В. Елисѣевъ*: Въ подземныхъ пещерахъ уден. Описаніе посѣщенныхъ авторомъ подземныхъ пещеръ Іудеи: ихъ устройство и внутренняя отдѣлка: входы, спиралеобразныя лѣстницы, ведущія въ нижнія пещеры, ниши, колонны, скульптурныя изображенія, находящіяся въ нихъ, надписи, орнаментовка стѣнъ и пр. Авторомъ были найдены каменныя орудія и остатки костяковъ древнихъ обитателей этихъ пещеръ. Въ этой же статьѣ мы знакомимся съ нѣкоторыми легендами арабовъ, а также съ мелкими деталями ихъ быта.—*Августъ*. *Д. П. Гессе*. Великая Кабилія (замѣтки туриста). — *Е. Ѳ*. Изящная литература древнихъ египтянъ. Гл. I.—IV. Здѣсь читатель знакомится съ содержаніемъ, а мѣстами и съ текстомъ нѣкоторыхъ древнеегипетскихъ сказокъ и лирическихъ стихотвореній. Кромѣ того, статья даетъ разнообразныя и интересныя свѣдѣнія о бытѣ древнихъ египтянъ.

Сѣверный Вѣстникъ. *Май*. Рец. на кн. Исаева: Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ.—*Іюнь*. Областной отдѣлъ. *П. Астыревъ*: Субботники въ Россіи и Сибири. Статья распадается на слѣдующія главы: I. Старинная ересь жидовствующихъ. II. Слѣды существованія жидовствующихъ въ позднѣйшій періодъ. III. Вѣроученіе и черты быта субботниковъ, IV. Субботники Иркутской губерніи. — Рец. на кн. Алтай. Историко-статистическій сборникъ по вопросамъ экономическаго и гражданскаго развитія Алтайскаго горнаго округа подъ редакціей *П. А. Голубева*. (Томскъ, 1890 г.)— Рец. на кн. В. И. Межова: Сибирская библіографія Т. I. Изд. И. М. Сибирякова, С.-Пб., 1891 г.—*Іюль*.—*И. Лучицкій*: Крестьяне и крестьянская реформа въ Лифляндіи. Статья первая. Областной отдѣлъ. *С. Марусинъ*. Переселенческое движеніе на Алтай. Статья рисуетъ печальныя условія, въ которыя поставлены переселенцы: недостатокъ денежныхъ средствъ, утомленіе, болѣзни, голодъ во время слѣдованія въ Сибирь, а на мѣстѣ заселенія упорная борьба, въ которой съ невыгодной стороны выказываютъ себя въ одинаковой степени и старожилы и переселенцы. Хотя Алтай и является мѣстомъ, гдѣ могли бы оправдаться надежды переселенцевъ—однако ко времени прибытія своего ихъ силы настолько истощены, что воспользоваться выгодами мѣстности имъ почти невозможно.—Рец. на кн. Л. Ходскаго: Земля и земледѣлецъ. 2 тома. Спб 1891.—Рец. на кн. Н. М. Ядринцева: Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Спб. 1891.—*Августъ*. Изъ поѣздки къ истокамъ Днѣпра, Западной Двины и Волги. Очерки *проф. Д. Анучина*. Цѣль поѣздки проф. Д. Н. Анучина была по преимуществу географическая, а поэтому и сама статья носитъ географическій характеръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней разбросано не мало цѣнныхъ этнографическихъ

свѣдѣній. Въ разговорахъ съ мѣстными жителями проф. Анучинъ знакомился съ легендами, пріуроченными къ извѣстнымъ мѣстностямъ и различными другими преданіями.—*Н. Астыревъ.* Одинъ изъ вопросовъ дня: сервитутныя отношенія въ юго-западномъ краѣ.—*Проф. И. Лучицкій.* Крестьяне и крестьянская реформа въ Лифляндіи. Статья первая. (Продолж.).—*А. А. К.* Хозяйственный и общинный бытъ крестьянъ и инородцевъ Иркутской губерніи.

Трудъ (приложеніе къ «Всемирной Иллюстраціи»). **2, 3.** Легенды индѣйцевъ сѣверо-запада Америки (записаны І.-Адр. Якобсеномъ): 1) какъ индѣйцы научились отъ волка танцамъ съ масками; 2) гримасничающій духъ; 3) богъ грома Сейуксъ; 4) происхожденіе человѣческаго рода; 5) потопъ индѣйцевъ племени Атсъ; 6) какъ индѣйцы достали огонь; 7) какъ индѣйцы научились китоловству; 8) медвѣжья легенда племени Белла-Белла; 9) превращеніе чудовищъ въ звѣрей силою Гани-Килла-ко; 10) какъ индѣйцы племени Хайда научились дѣлать «тотемъ» («тотемъ» или «тоданимъ»—изображеніе животныхъ, являющихся родоначальниками и покровителями каждаго рода канадскихъ индѣйцевъ; 11) каннибалъ Бекъ-Бекъ-Квала-нитъ и вождь Уноако; 12) месть бога солнца Токьо; 13) чтó случилось съ ворономъ Кóд у бога моря Сни-анза-Котъ. **4—6.** ***А. В. Потанина.*** Буряты, — этнограф. очеркъ: страна, занимаемая бурятами; подраздѣленіе ихъ на 11 племенъ и племенъ — на рода или аймаки; численность (до 200 тыс. душъ); мѣстожительство каждаго племени; управленіе (тайши, шуленги, степныя думы и инородч. управы); языкъ; распространеніе грамотности; религія: шаманство (черные и бѣлые шаманы, шаманское дѣйствіе), почитаніе огня, три разряда духовъ: тэнгри, хаты и заяны, онгоны (духи-покровители) и бумалъ-шилуны (камни, упавшіе съ неба); ламы и монастыри; общественныя (таилганы) и частныя (кырыкъ) жертвоприношенія; христіанская проповѣдь среди бурятъ и результаты ея; обычай умерщвлять стариковъ, дожившихъ до 70-лѣтняго возраста; свадебные обычаи и слѣды давней старины въ нихъ (военный захватъ дѣвицъ и, какъ возмездіе за это, угонъ скота; поступленіе жениха въ домъ невѣсты; въ обычаяхъ родильныхъ сохранился намекъ на то, что отецъ или, можетъ быть, родъ долженъ рѣшить,—оставлять ребенка въ живыхъ или бросить); цѣломудріе дѣвушекъ; положеніе женщины; наклонность къ разводамъ; покупка малолѣтнихъ дѣтей; погребеніе умершихъ; звѣроловство, скотоводство и въ позднѣйшее время хлѣбопашество; облавы и ихъ организація; жилища; пища: арса (квашенное молоко или творогъ), тарасунъ (молочная водка слабая), араки (та же водка, но крѣпкая), курунга (кислое молоко), чай, мясо, дикій лукъ, луковицы сараны (lilium martagon) и картофель; рыболовство; плотничное и кузнечное ремесла; домашняя утварь (преданіе о варкѣ пищи въ старину посредствомъ опусканія въ воду накаленныхъ камней); пряжа и тканье; приготовленіе священныхъ статуетокъ и рисованныхъ изображеній боговъ; одежда и обувь; обыденная жизнь бурятъ; общественные праздники (цаганъ-саръ—новый годъ); игры и пляски; антропол. типъ бурятъ. Статья, богатое и разнообразное содержаніе которой только что приведено, составлена на основаніи какъ литературныхъ данныхъ, такъ и личныхъ наблюденій самого автора А. В. Потаниной, извѣстной путешественницы по Монголіи и Китаю. **6.** *М. А. О.* Огненное погребеніе. **8.** *М. А. О.* Привѣтствія у разныхъ народовъ. **9.** Негрскія басни (изъ собранія д-ра Эмина). **13—17.** *М. Н. Пыляевъ.* Стародавніе старчики, пустосвяты и юродцы.

Чтенія въ Обществѣ люб. духовн. просв. *Мартъ, май* и *іюнь.* *А. Я. Дородницынъ.* Шалапутская община.

3. Газеты.

Варшавскій Дневникъ. 1890.—254. *Н. Юскій.* Библіограф. зам. о Пам. книж. Кѣлецкой губ. 1890 г.—**255.** *Ф.* Библ. зам. о кн. Д. И. Эварницкаго: «Вольность запорожскихъ казаковъ».—**268.** Двѣ статьи (некрол. изъ Прав. В. и фельетонъ *Н. Ю.*) о литераторѣ Г. П. Данилевскомъ († 6 дек. 1890 г.), извѣстномъ, кромѣ своихъ романовъ, также изданіемъ сборника «Украинская Старина», удостоеннаго въ 1878 г. Уваровской преміи (содерж.: изслѣдованіе о юж.-русс. народн. школахъ и біографіи Основяненка, Сковороды и Каразина). Бытовые романы покойнаго сами по себѣ тоже

имѣютъ этнографическій интересъ, такъ какъ выводимые въ нихъ типы (напр., крѣпостныхъ, бѣглыхъ и т. п.), по заявленію самого автора, списаны имъ съ дѣйствительности во время его командировокъ. — **277.** *К. Я.* «Коляда въ Холмской Руси». Продолженіе см. въ 1891 г. въ № 4, а не 41-мъ, какъ ошибочно было указано въ кн. IX, стр. 183.— **278.** *М. Р.* «Сказка или быль?»— святочный разсказъ изъ мѣстнаго быта. **1891.—29.** О собраніи древн. документовъ (отъ Іоанна IV до 18 в. включ.) и другихъ рукописей, принадлежащемъ П. С. Соломкѣ (въ Кіевѣ). Есть сказаніе о Задонскомъ боѣ (17 в.), о Тушинскомъ ворѣ и много выписокъ изъ римскихъ архивовъ, отчасти сдѣланныхъ покойнымъ Алексан. Н. Поповымъ, извѣстнымъ своими изслѣдованіями объ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ.—**32.** *К Г.* Библ. зам. о I и II вып. «Живой Старины».—**42, 44, 45.** *Вэвэся.* «Демографія Ц. Польскаго»,—по поводу Трудовъ Варш. стат. комитета.—**43.** Зам. о штундистахъ («Волынь»).—**44.** По поводу предстоящ. въ 1892 г. 900-лѣтія утвержденія православія на Волыни.—**54.** Некрологъ Фр. Миклошича съ перечнемъ главнѣйшихъ трудовъ его.

Витебскія Губ. Вѣд.—37. Древность человѣческой расы въ Америкѣ (изъ Нов.).—**39.** Городъ Суздаль. Описаніе города съ нѣк. истор. справками.—**66, 68** и **70.** *О. М. Киселевъ.* Матеріалы къ описанію Двины и судоходства по Двинѣ.—**70.** О раскопкахъ курганнаго кладбища въ им. Каховкѣ, произведенныхъ Е. Р. Романовымъ.

Волынскія Г. В.—45. *Братчиковъ.* Къ исторіи народныхъ обычаевъ: Купала.

Волынскія Еп. Вѣд. — 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25. Продолженіе Историко-статистическаго описанія церквей и приходовъ Волынской епархіи.—**21, 22.** *Н. Никифорскій.* Краткія замѣчанія объ отношеніи русскихъ сектъ къ государству (изъ Сам. Еп. Вѣд.). — **23. 24, 25.** Чешскіе поселки на Волыни: 1) Подгайцы, 2) Новины, 3 и 4), Дорогостаи и Московщина (неок.).—**23.** *Н. Теодоровичъ.* Архивъ князей Сангушекъ, томы 1, 2, 3 и 4. Подробная библіографическая замѣтка по поводу изданія этого архива во Львовѣ (1887—90 гг.), заключающаго въ себѣ массу цѣнныхъ документовъ, писанныхъ большею частью на русск. яз., начиная съ XIII в.—**25.** Извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ книги Ал. Алексѣева: «Очерки домашней и общественной жизни евреевъ, ихъ вѣрованія, обряды, праздники, талмудъ и кагалъ», съ замѣткой автора, изъ которой видно, что авторъ, бывшій еврей, издалъ свои очерки первымъ изданіемъ въ 1881 году, а въ настоящее время пополнилъ ихъ новымъ отдѣломъ, внеся въ него: «разсказы талмуда о жизни патріарховъ, о Моисеѣ, о Синайскомъ законодательствѣ, о сраженіи Моисея съ дьяволомъ и побѣдѣ его надъ нимъ».

Воронежскія Г. В.—22. Рецензія на изслѣдованіе Л. Б. Вейнберга: «Очеркъ замѣчательнѣйшихъ древностей Воронежской губ.» (Правит. В.).

Вятскія Г. В.—2, 3, 5—9. *Н. Загоскинъ.* Изъ Волынской старины. (Изъ прошлаго Волги и Поволжья). Очеркъ первый. По Волгѣ въ 1636 году. (Изъ описанія путешествія Олеарія).—**10.** То-же. (Продолженіе).—Елабужскій уѣздъ. Инородческое населеніе уѣзда. Его школы. Внѣшній бытъ его. (В. В.).—**11.** *Н. Загоскинъ.* Изъ Волжской старины. По Волгѣ въ 1636 году. (Окончаніе). (Волж. Вѣст.).—*П. Сорокинъ.* Городища Сосновской и Шарканской волостей Сарапульскаго уѣзда. Арская дорога.—**12.** *Т. Сорокинъ.* То-же. (Окончаніе).—**16.** Новая секта. О возникновеніи среди черемисъ новой секты «Кугу-Сарта». (Вят. Еп. Вѣд.). — **18.** Рецензія на книгу И. А. Гончарова: «Въ Восточной Сибири. Въ Якутскѣ и Иркутскѣ». (Правит. Вѣст.).—**22.** Елабужскій уѣздъ. Промыслы Елаб. уѣзда; чуваши.—**25.** Отчетъ о дѣятельности и занятіяхъ Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета за 1890 г. Свѣдѣнія объ археологическихъ находкахъ.—**29.** Елабужскій уѣздъ. Старо-крещеные татары. (Волж. Вѣст.). — **30.** Засѣданіе Общества археологіи, исторіи и этнографіи. Доклады: ***М. Н. Пинегина*** — О свадебныхъ обычаяхъ казанскихъ татаръ и *П. Н. Смирнова* — О погребальныхъ обычаяхъ и остаткахъ языческой старины у пермяковъ. (Казанск. Бирж. Лист.).—**38.** Изъ смутнаго времени на Вяткѣ. Броженіе среди инородцевъ въ 1608 — 9 годахъ.—*Магницкій:* Матеріалы для исторіи Елабужскаго уѣзда: 1) Челобитная башкирцевъ дер. Кучуковой Багима Иштерякова съ товарищи, 1713 года, 2) Списокъ съ ясашныхъ книгъ 1713 г.—**43—45.** *А. Бломквистъ.* Кустарная промышленность въ Вятской губ. — **47.** *Магницкій.* Матеріалы для исторіи Елабужскаго уѣзда, 3) Изъ указа Сената о спорныхъ земляхъ Башкирцевъ съ помѣщикомъ Шевкелевымъ. — **48.** Изъ исторіи смутнаго времени на Вяткѣ. Мятежъ инородцевъ и отчасти русскаго на-

селенія въ 1609 и 1610 годахъ. (Волж. Вѣстн.). — **49.** Елабужскій уѣздъ. Забавы деревенской молодежи—черемисской и вотяцкой. Нравы вотяковъ и черемисъ. Мусульманскія дѣвушки.

Gazeta Radomska. 1891.—**55, 56.** *Раф. Любичъ:* Періодическія изданія радомскія и сандомірскія отъ нач. XVIII в.,—библіографич. статья.—**56.** Замѣтка объ изданіи Р. Любичемъ программы о «соботкахъ» (обрядовыхъ огняхъ) съ обѣщаніемъ отъ редакціи помѣщать въ своей газетѣ относящіяся къ этому обряду пѣсни, собранныя въ Климонтовѣ, хотя таковыя въ вышедшихъ №№ не появлялись. — **60.** Въ корр. изъ Опатова приведено три строфы народн. пѣсенъ («краковяковъ»).—**70, 71.** Извѣстія объ устройствѣ въ Радомѣ выставки старинныхъ и археологическихъ вещей съ благотвор. цѣлью.—**71—73.** *Е. А.* «Къ вопросу о жидовскомъ жаргонѣ». — **76.** «Наука и отношеніе къ ней провинціальной интеллигенціи», — передовая статейка, касающаяся главнымъ образомъ антропологіи и этнографіи съ указаніемъ на тотъ матеріалъ, какой могли бы дать для этихъ наукъ школа и практика врачей.

Гродненскія Г. В. 1890.—**33.** Отчетъ о дѣйствіяхъ Гродн. Губ. Статистическаго Комитета за 1889 — **1891.** — **7.** *И. Бичъ.* Суевѣрія, порождаемыя галлюцинаціями. — **8, 12.** Библ. зам. *Е. Ф. О.* о «Виленскомъ Календарѣ» на 1891 г.—**15—17.** Краткое описаніе с. Ятвѣска Волковыскаго у. Гродн. г.—**19.** Памятники старины: два кургана и преданія по поводу нихъ. Одинъ (около д. Яноча, Кобр. у.) насыпанъ будто-бы «одноглазыми камлуками»; другой (около д. Пыховчицы, Гродн. у.)—на мѣстѣ стычки двухъ свадебныхъ поѣздовъ, не желавшихъ уступить другъ другу дороги; подъ камнемъ на этой насыпи найдена монета времени Екатерины II.—**15, 16, 17, 21, 22, 23, 24, 25.** Краткое описаніе с. Ятвѣска, Грод. губ., Волковыскаго у.; описаны бытъ и занятія населенія, а въ № **24** помѣщено 7 пѣсенъ.—**29.** Описаніе гор. Слонима (по Бобровскому).—**33, 34.** Народные мотивы. Короліувскій говоръ. Весеннія пѣсни, запис. въ с. Тростяницѣ, Бѣльск. у. (съ Пасхи до Ѳоминой нед. и съ Ѳоминой недѣли до молотья пшеницы, около Троиц. дня). — **35.** О серебряномъ ковчежцѣ въ визант. стилѣ IX в., хранящемся въ одномъ изъ Варш. костеловъ, какъ древнѣйшемъ памятникѣ христіанства въ Польшѣ.—**36.** Народные мотивы. Весен. пѣсни, зап. въ м. Бездѣжи, Кобринск. у., Грод. г. — **38, 40, 42, 44** и **48.** *М. Милаковскій.* Описаніе г. Слонима (матер.: Балинскій, Липинскій, Бобровскій, Вѣст. Зап. Росс. и др.).—**43.** Наша деревня. I. Крестьяне-поджигатели.—**44.** Изъ Пружанскаго уѣз. О вредѣ обычая совмѣстнаго ночлега дѣвушекъ и парней въ общемъ сараѣ съ весны до осени съ цѣлью пораньше встать и выгнать на пастбище воловъ. — **46.** Наша деревня. II. Деревенскіе знахари. Авторъ различаетъ шесть типовъ знахарей.—**55.** Корр. изъ Гродн. у. о курганѣ при д. Пыховчицахъ (см. № 19) съ фантастическими преданіями о провалившейся на немъ церкви и съ описаніемъ нѣк. находокъ въ немъ (каменный топорикъ и челов. кости). Другой (уже разрытый) курганъ—«Скарбище»; преданія о немъ.—**60, 69.** Наша деревня. III, IV. Въ сельской лѣчебницѣ.—**73.** Село Ляховцы, Брестск. у. Очеркъ (неок.).

Донскія Е. В. 1—3, 8. Краткое описаніе станицъ области войска Донскаго.—**3.** *Н. Кутеповъ.* Объ языческихъ капищахъ или хурулахъ у донскихъ калмыковъ.

Екатеринбургская Недѣля. 19. *Вс. У—въ.* Пермскія письмена въ рукописяхъ XV вѣка. **21, 24, 26, 28.** Народное творчество въ деревнѣ Косой-Бродъ, Сѣверской волости, Екатеринбургскаго уѣзда. **23 — 25.** *Д. Н—скій.* Краткій очеркъ села Бѣлоярскаго, Екатеринбургскаго уѣзда, съ данными о движеніи населенія Бѣлоярскаго прихода за 10 лѣтъ. **25.** *А. Дмитріевъ.* Новый трудъ о пермякахъ (по поводу монографіи проф. И. Н. Смирнова: «Пермяки. Истор.-этнограф. очеркъ»). **30.** *Ив. Дятловъ.* Забытый уголокъ (о Сургутскомъ краѣ).—*Ив. Воробьевъ.* Шерьинская волость, Оханскаго уѣзда.

Екатеринославскія Г. В. 15. *А. Е.* Новая книга Д. И. Эварницкаго. Рецензія на его «Вольности Запорожскихъ казаковъ».—**40.** Хроника. Сообщеніе объ открытіи г. Эварницкимъ въ дер. Богодарѣ, Александровскаго у., Екатеринославской губ., кургана бронзоваго вѣка и описанія найденныхъ въ немъ вещей. (Харьк. Губ. Вѣд.).

Енисейскія Г. В. 26 — 28. Свѣдѣнія по переселенію въ Енисейскую губернію. **29—31.** Отчетъ о состояніи казачьяго населенія Енисейской губ. за 1890 г.

Извѣстія по Казанской епархіи.—**4.** *Гр. Филипповъ.* Чуваши Бичуринскаго прихода.

Иркутскія Е. В. 4—6. *Свящ. Н. Шастинъ*. Миссіонерскій отчетъ по Цакирскому стану за 1885 — 89 гг. (о бурятахъ, ихъ жилищахъ, домашней обстановкѣ и вѣрованіяхъ). 8. *С. И. П.* Драгоцѣнныя четки бодисатвъ (перев. съ монгольскаго). **24**. Нѣчто о ламахъ и бурятахъ.

Калужскія Г. В. 18. Въ плѣну у дикарей. Разсказъ г. Байоля о казняхъ Дагомейскаго короля.—**23**. Сообщеніе г. Бонвало. О его путешествіи въ Тибетъ.—*А. Прозоровскій*. Историческая справка о городахъ Калужской губ. V. Мосальскъ.—**45**. Китайскій анекдотъ. Дѣдъ сталъ бить внука за безтолковость; въ это время вернулся его сынъ, отецъ мальчика, и сталъ бить себя. «Ты съума сошелъ?» спросилъ его старикъ. «Нѣтъ»—отвѣтилъ сынъ. «Я не сошелъ съ ума, но разъ ты наказываешь моего ребенка, я отмщаю на твоемъ сынѣ».—**49, 50**. *А. Прозоровскій*. Историческая справка о городахъ Калужской губ. V. Мосальскъ. (Продолженіе).—*Гульбатъ*. Тритино. (Грузинская легенда). О вступленіи на престолъ персидскій Тритино (Апридунъ).—*А. Прозоровскій*. Историческая справка о городахъ Калужской губ. V. Мосальскъ. (Окончаніе).— **65**. Происхожденіе женщины и мужчины. (Индійская легенда). Магадева создалъ сперва женщину; потомъ по ея просьбѣ создалъ птицъ, змѣй, обезьяну, льва, собаку и, наконецъ, мужчину.

Киргизская Газета. 17. Скотоводство и коневодство въ Средней Азіи. **18**. *Гамхоровъ*. Корресп. изъ Павлодарскаго у., Семипалат. обл., о причинахъ раззоренія киргизовъ.—*А. М—овъ*. Лисица и Левъ (киргиз. сказка).—Корресп. изъ Иргиза, Тургайской обл., о мѣстномъ интернатѣ для киргизскихъ дѣвочекъ. **19**. О повивальныхъ бабкахъ въ степныхъ областяхъ. **20**. Лѣсоводство въ Средней Азіи. **22**. Жизнь кочевыхъ народовъ. **23, 24**. *Гульбатъ*. Тритино (по-грузински Апридунъ),—восточ. легенда. **24**. Болѣзни киргизъ и народныя средства врачеванія ихъ. **26**. Коневодство и коннозаводство въ Тургайской области. **27**. Условія питанія арабовъ въ Сахарѣ.

Кишиневскія Е. В. 1. *Свящ. М. Нильскій*. О причинахъ живучести народныхъ суевѣрій.

Ковенскія Г. В. (Прибавленіе). 1890. —14. *К—анъ*. «Дѣтоубійство» — о существованіи этого обычая у разныхъ народовъ.—**15**. *Е. Ш*. «Еврейка — мелкая торговка», бытовой очеркъ, характеризующій положеніе женщины у евреевъ.—**26, 30**. *Е. Ш*. «Выборки изъ свѣдѣній о Ков. губ.» (по матер. губ. стат. комитета). — **31, 33, 35**. *И. К*. «Этнографическіе очерки: I. Бѣлорусская свадьба» (въ Новоалександровск. уѣздѣ); описаніе обычая, тексты пѣсенъ. **31, 32, 33**. Объ арестантскихъ работахъ въ тюрьмахъ Ков. губ.—**32**. Народная школа въ Ков. губ.—**39**. *И. К*. «Этногр. очерки: II. Жатва у бѣлоруссовъ» (Новоалександр. уѣз.), съ пѣснями. — **42, 43**. «Общественное призрѣніе въ селахъ и деревняхъ».—**45**. *И. К*. «Этногр. оч.: III. Купалка (Купалё)»; приведена купальская пѣсня—собственно щедровка.—**47, 48, 50, 51**. *Л*. «Письма къ другу» касаются состоянія народнаго образованія въ краѣ.—**53, 55**. *Рудманъ*. «Хедеры и меламеды», воспитаніе и обученіе еврейскихъ дѣтей.—**76, 78**. О коробочномъ сборѣ у евреевъ.—**82**. *Григоровичъ*. Къ юбилею М. О. Кояловича.—**89**. Причины эмиграціи въ Бразилію; дополнительныя замѣтки есть и въ слѣд. №№.

1891.—1. «Незнайка»—литовская сказка, запис. въ Ковен. г. и переведена Дѣделевымъ. — **3**. Библ. зам. о брош. Б. А. Фридмана: «Юридическія воззрѣнія и обычаи крестьянъ с.-з. края». («Этногр. Об.», кн. VII).—**6**. «Запросы литовско-жмудской деревни и ихъ удовлетвореніе. I.» (по вопросу о народн. образованіи).—**7**. Библ. зам. о Пам. кн. Ков. губ. на 1891 г.—**9, 10, 12**. *Конунгъ*. «Нѣсколько словъ о религіозной жизни евреевъ».

Костромскія Г. В. 21. Кургановѣдѣніе. Краткое изложеніе лекціи В. Б. Антоновича о кургановѣдѣніи. (Кіев. Слово).

Крымъ. 63. Татарская легенда о «Богѣ-дождѣ». По повѣрью татаръ, дождемъ безконтрольно распоряжается »Богъ-дождь», страшно лѣнивый и всегда спящій. Наступаетъ пора страшной засухи, все живое умираетъ и томится отъ жажды, люди шлютъ горячія моленія къ небесамъ о ниспосланіи дождя, а «Богъ-дождь» спитъ и не просыпается. Многочисленный сонмъ духовъ, его окружающихъ, употребляетъ всѣ силы, всѣ старанія, чтобы разбудить «Бога-дождя», но ничего не помогаетъ. Наконецъ, повелитель дождей просыпается и, пробормотавъ: «пусть идетъ дождь», переворачивается на другой бокъ и вновь засыпаетъ. И вотъ начинается непрерывный дождь, не пере-

стающій до тѣхъ поръ, пока не удастся разбудить «Бога-дождя». — **71.** С. Каясты. (Симф. у.). Сообщеніе о поклоненіи татаръ своимъ мученикамъ (40), находящимся въ пещерѣ близь с. Каясты, и описаніе самой пещеры.—**76.** *Ѳ. Лашковъ.* Древности Новороссійскаго края на выставкѣ Императорской археологической коммиссіи въ Петербургѣ.

Кубанскія Обл. В. 14. *И. С. Кравцовъ.* Старѣйшіе въ Кубанскомъ казачьемъ войскѣ «Хоперскіе казаки». (Историческій очеркъ). Гл. I. Отъ первоначальнаго основанія въ исходѣ XVII в. на рѣкѣ Хопрѣ до переселенія на Кавказъ въ 1777 г.—**12,13.** Очеркъ исторій письма.—**17.** *Ив. Дмитренко.* О писанкахъ. Краткое изложеніе лекціи проф. Сумцова о писанкахъ. Первое появленіе писанки и распространеніе ея у всѣхъ народовъ. Двѣ христіанскія легенды о появленіи писанокъ.—Какъ обѣдаетъ султанъ.— **18.** Май мѣсяцъ. Происхожденіе названія его. Обряды и обычаи, связанные въ 1 мая у Римлянъ. Празднованіе 1 мая новыми народами. (Кавказъ).—**25. 26.** *Е. Фелицынъ.* Столѣтіе побѣды ген. Гудовича надъ турками и взятіе крѣпости Анапы 22 іюня 1791 года. Краткая исторія заселенія Анапы и ея окрестностей съ древнѣйшихъ временъ.— съ II в. до Р. Хр. Босфорское царство и его судьбы до взятія Анапы русскими.

Минскія Еп. Вѣд. 12. Свящ. *Василій Шеметилло.* Жизнь крестьянъ до и послѣ выхода изъ крѣпостной зависимости. Авторъ, между прочимъ, приводитъ нѣсколько молитвъ, представляющихъ или сильное искаженіе церковныхъ молитвъ или что-то вродѣ заговоровъ; изъ послѣднихъ одна обращена къ Ангелу - хранителю, въ ней упоминается какой-то гробъ, существующій на вольномъ свѣтѣ, «въ томъ гробѣ три святыхъ: Лука, Матѳей и Микита»; другая: «Въ недѣлю рано-пораненько ходила свента Марія, Матка Божья, по синему морю» и т. д.; бѣлый камень съ костеломъ и золотымъ престоломъ, разговоръ между апостолами и Іисусомъ и пр.; 3-я молитва въ томъже родѣ.

Минскій Листокъ. 1890.—30, 32, 34. *Каренинъ.* «Хворая», разсказъ литовск. быта.—**52.** *А. Слупскій.* «Старый Минскъ».—**1891.—4.** Нужды минскихъ кустарей.— **7.** Въ фельет. замѣтка объ осеннемъ праздникѣ «свѣчи» въ Могилевск. г.—**8.** Выдержки изъ путевыхъ очерковъ Довнара-Запольскаго (печат. въ Вил. Вѣстн.) о Пинскомъ Полѣсьѣ и текстъ пѣсни: «Вчора була Польша, а теперь Россія» — не народнаго происхожденія.—**9.** Фельет., зам. о вѣрованіи въ черта и въ упырей.

Московскія Вѣдомости.—127. Отчетъ о засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Доклады: Д. Н. Чичагова о Козмо-Даміанской церкви въ Муромѣ, А. М. Павлинова объ устройствѣ куполовъ и сводовъ въ соборахъ западной Европы и храмахъ древней Византіи; докладъ графини П. С. Уваровой объ архитектурныхъ памятникахъ Самарканда.—О раскопкахъ въ Херсонесѣ. Перечень найденныхъ предметовъ, представляющихъ характеристику населенія того времени, ихъ религію, нравы и обычаи. (Крым. Вѣст.).—**129.** О научномъ изслѣдованіи юга Россіи Кіевскаго археолога Н. Ѳ. Бѣляшевскаго. На Кинбургской Косѣ найдены слѣды первобытнаго человѣка и нѣкоторые предметы доисторической эпохи. (Кіевск. Сл.).—**131.** *Александръ Америковъ.* «Есть-ли штунда въ Рязанской губерніи?»—**140.** О мусульманскомъ праздникѣ Курбанъ-Байрамъ, наступающемъ послѣ 30-дневнаго Рамазана (поста и молитвы). *Мур—евъ.* Письма изъ Персіи. Персидское сногаданіе. Значеніе муллъ, какъ единственныхъ, по мнѣнію персіанъ, вѣрныхъ истолкователей сновидѣній. Обыкновенно удачныя толкованія сновъ муллой, который заранѣе успѣваетъ угадать обстоятельства правовѣрнаго, живущаго въ извѣстномъ околодкѣ. Примѣръ такого толкованія. Увеличеніе въ народѣ суевѣрія по мѣрѣ усиленія авторитета муллъ. Сны женщинъ, которые истолковываются не такъ, какъ сны мужчинъ, а совершенно наоборотъ. Легенда о снѣ царя Повширвана Великаго(Нуширвана),живш.въ кон. VI в.по Р.Х.,въ эпоху Магомета,и видѣвша го во снѣ свинью, пившую изъ его бокала и сѣвшую на его тронъ. Сонъ этотъ могъ объяснить только одинъ юноша Бозургъ-Мехръ, открывшій царю, что въ его гаремѣ живетъ переодѣтый въ женское платье красавецъ, котораго любитъ одна изъ женъ Нуширвана. Бозургъ-Мехръ указываетъ царю виновныхъ. Дѣленіе сновъ на «божественные», которые снятся предъ разсвѣтомъ, когда уснешь послѣ молитвы, и «дьявольскіе» — послѣ сытнаго обѣда или ужина.—*Д. Истибовъ.* «Курбанъ-Байрамъ въ Стамбулѣ». Время этого праздника. Изданіе фетвы (рѣшеніе) о началѣ торжества, послѣ донесенія падишаху о появленіи новой луны. Обрядъ «цѣлованія руки», собственно полы одежды султана, сидящаго на тронѣ во дворцѣ Долма-Бахче, совершаемый сановниками, кото-

рымъ подъ страхомъ строгой кары запрещается смотрѣть въ глаза султану. Торжество Курбанъ-Байрама (жертвоприношенія) состоитъ еще въ раздачѣ богатыми милостыни Казнь въ Китаѣ. Пріѣздъ преступниковъ на мѣсто казни, приготовленія къ ней, разсчитанныя на то, чтобы произвести впечатлѣніе на народъ; совершеніе казни; хладнокровіе присутствующаго народа.— **141.** Аулъ Дутманъ (изъ Нов. Обозр.); передается народная легенда о развалинахъ аула Дутмана, погибшаго вслѣдствіе междоусобія 2-хъ населявшихъ его семей Магомета и Фатали-бека, причемъ битва началась съ драки 2-хъ пѣтуховъ и кончилась взаимнымъ избіеніемъ всѣхъ обитателей его — Казикумуховъ.—**148.** *Я.* Научныя замѣтки. Подробности пути принца Орлеанскаго и Бонвало поперекъ Азіи. Нѣсколько словъ о племенахъ, обитающихъ вдоль сѣверной границы Гималая, ихъ одежды и наружности.—**156.** (Корресп. изъ Сарапула). Особый видъ мошенничества, состоящій въ томъ, что такъ называемые «деньгопары», пользуясь стремленіемъ вотяковъ къ быстрой наживѣ, берутъ у нихъ деньги, завязываютъ въ горшокъ и ставятъ въ теплое мѣсто, чтобы «напарить» еще больше; мошенники забираютъ деньги, говоря, что ихъ унесъ шайтанъ. — **158.** ***Мур—евъ.*** Письма изъ Персіи. Персидское суевѣріе. Гаданіе о счастьѣ при рожденіи ребенка, причемъ мулла употребляетъ «рамло», инструментъ, состоящій изъ продѣтыхъ сквозь желѣзный прутъ кубиковъ, на 4 сторонахъ которыхъ написаны изреченія изъ Корана; заговоръ противъ дурного глаза, написанный муллой на клочкѣ бумаги, который зашивается въ мѣшечекъ и надѣвается на правую руку ребенка. Лѣченіе болѣзней отъ сглазу, причемъ мулла употребляетъ яйцо, желткомъ котораго обмазываетъ больныя части тѣла; къ муллѣ Персіане прибѣгаютъ во всѣхъ случаяхъ жизни. «Тасхиръ-коненде» или авторитетныя духовныя лица, которыя имѣютъ власть надъ духами; изгнаніе тасхиръ-коненде нечистаго духа изъ больного и шарлатанство этихъ лицъ. Суевѣріе въ высшихъ классахъ. Примѣръ Магометъ-шаха, безусловно вѣрившаго въ своего премьера и придворнаго астролога Хаджи-Мирза-Агаси, и средства, къ которымъ прибѣгалъ послѣдній для усиленія своего вліянія на шаха; сонъ его о путешествіи на небо, гдѣ онъ видѣлъ дѣда Магометъ-шаха, давшаго нѣсколько приказаній своему внуку, конечно, выгодныхъ для Хаджи-Мирза-Агаси. Предотвращеніе имъ многихъ козней и преслѣдованіе непріятныхъ ему лицъ.—**160.** Встрѣча влюбленныхъ звѣздъ. (Японская сказка). Сказаніе, связанное со днемъ 7-го іюля, когда переходятъ млечный путь и встрѣчаются два созвѣздія Козерога и Лиры—для японцевъ юноша съ быкомъ и дѣвушка съ прялкой. Приготовленіе къ этому дню и опасеніе, чтобы въ ночь на 7-ое іюля не пошелъ дождь. Сказаніе повѣствуетъ о судьбѣ Шакуйо, дочери солнца, жившей на краю серебряной рѣки неба, Млечнаго пути, и мужа ея молодаго пастуха Канъ-Гинъ, разлученныхъ отцомъ, съ цѣлью заставить дочь свою снова приняться за работу и прялку, которую Шокуйо, прежде трудолюбивая, забросила послѣ выхода замужъ. Для этой цѣли Царь — Солнце скликалъ множество сорокъ, которыя образовали мостъ черезъ Звѣздную рѣку, и велѣлъ зятю перейти на другой берегъ, послѣ чего сороки разлетѣлись и Канъ-Гинъ остался на другомъ берегу съ быкомъ, который перешелъ за нимъ. Всю ночь влюбленные стоятъ на противоположныхъ берегахъ, смотря другъ на друга, а днемъ, принужденные разойтись съ восходомъ солнца, принимаются за свою работу, чтобы убить время. Только разъ въ годъ въ седьмой день седьмого мѣсяца Царь-Солнце позволяетъ дочери перейти потокъ и Шокуйо молится, чтобы въ эту ночь не пошелъ дождь и не переполнилъ потокъ, который въ такомъ случаѣ унесетъ мостъ изъ сорокъ.—**162.** Примѣты лошадей у бедуиновъ, сообщенныя генераломъ Данасъ во французскіе журналы.—**164.** Въ отдѣлѣ «Дневника печати» Мусульманская секта. (Изъ волж. Вѣстн.) Нѣсколько свѣдѣній о магометанской сектѣ Ваисова, появившейся въ Казанской губерніи и проповѣдающей уклоненіе отъ воинской и другихъ повинностей, отрицаніе властей и суда.—**165.** Эмиграція въ Китаѣ. Краткое содержаніе сообщенія Гроота, сдѣланнаго имъ въ засѣданіи Нидерландскаго Географическаго Общества въ Амстердамѣ, о той части Китая, изъ которой происходитъ наибольшее выселеніе, обнимающей южную половину Фу-Кіанга и восточную Квангъ-Тунга; по мнѣнію Гроота выселеніе вызывается не чрезмѣрной густотой населенія, какъ думаютъ въ Европѣ, а крайней неплодородностью почвы, вслѣдствіе вырубки лѣсовъ. Одной изъ помѣхъ экономическому процвѣтанію страны является автономное устройство сельскихъ общинъ, и ихъ постоянныя распри между собою.—**166.** Протестантскія секты въ Прибалтійскомъ

краѣ (Риж. Вѣст.)—**167**. *Ал. К—ій*. Новыя секты (корресп. изъ Кіева); описаніе 2-хъ сектъ, выродившихся изъ штундизма, первая изъ нихъ «Малеванцы», получившая свое названіе отъ имени основателя ея, крестьянина гор. Таращи, Кондрата Малеванаго, учившаго, что Спаситель еще не приходилъ на землю и Ему надлежитъ еще явиться. Это предсказаніе не замедлило осуществиться надъ Малеванымъ, который вздумалъ вознестись на небо. Послѣ его неудавшейся попытки вознестись на небо, возникаетъ вторая секта «духовныхъ», представителемъ которой является крестьянинъ с. Рейментарщины, Григорій Васелиненко, объявляющій Малеванаго Антихристомъ. Основа ученія Васелиненко о соединеніи Бога Слова со взрослымъ человѣкомъ напоминаетъ древнихъ евіонитовъ, а ученіе о явленіи и жизни Христа передъ вторымъ пришествіемъ на землю среди вѣрующихъ - ученіе хиліастовъ; въ статьѣ приведены также болѣе мелкія подробности объ ученіи этихъ сектъ. Штундисты—извлеченіе изъ статьи Павла Козицкаго въ Церковномъ Вѣстникѣ, доказывающаго воздѣйствіе нѣмецкихъ колонистовъ на возникновеніе штундизма и выродившихся изъ него сектъ.—**168**. Условія питанія арабовъ въ Сахарѣ, которые, по словамъ французскаго путешественника Фуро, отличаются крайней выносливостью и въ то же время способностью ѣсть сразу чрезмѣрно много.—**169**. О Кавказскихъ нравахъ: похищеніе невѣстъ у горцевъ Терск. обл. и обычай кровомщенія (Нов. Обозр.).—**171**. Китайскій взглядъ на хорошее управленіе.—**182** и **183**. Раскопки городища Увека (Изъ Саратовскаго Листка). Описаніе раскопокъ.—**184**. Православіе на Алтаѣ. Сибирскій Вѣстникъ сообщаетъ объ успѣхахъ православія среди инородцевъ Алтайскаго края, вслѣдствіе чего является ихъ сближеніе съ русскимъ складомъ быта, имѣющимъ на нихъ цивилизующее вліяніе.—**188**. Рец. на кн.: «Грамоты и другіе историч. документы XVIII в., относящіеся до Грузіи Т. I. (1768—1774 гг.). Съ картинами Закавказья 1771 г. Подъ ред. А. А. Цагарели».—**189**. Штундисты въ Бессарабіи (Изъ Церковныхъ Вѣдомостей). Свидѣтельство учителя Вас. Праведнаго о несомнѣнномъ вліяніи протестантства на происхожденіе и развитіе штунды.—**190**. Раскопки гор. Увека. Продолженіе описанія раскопокъ, начатаго въ №№ 182 и 183. — **191**. Объ обычаѣ пьянства на крестьян. свадьбахъ (Сельск. В.).—О сельскихъ сходахъ и реформѣ волостныхъ судовъ.— «Холмская Русь и Волынь»,—о присоединеніи уніатовъ къ православію.—**192**. О способахъ ѣзды по Китаю (изъ Ostasiatiche Lloyd), которые мѣняются сообразно съ географическими условіями мѣстности. Описаніе китайскаго двухколеснаго экипажа.—**195**. *И. Кудиновъ*. Воспоминанія о Цейлонѣ (по случаю пріѣзда Сингалезовъ въ Москву). Описаніе обитателей Цейлона—Сингалезовъ и Тамиловъ; первые принадлежатъ къ Кавказскому племени, смѣшавшемуся съ Малайскимъ и, по древней хроникѣ, были выведены изъ Остъ-Индіи королемъ Виейо въ 543 г. до Р. Х. на Цейлонъ, гдѣ обитали въ то время племена Ведда, Тами и др. Миролюбіе Сингалезовъ и Тамилъ; различіе ихъ въ цвѣтѣ кожи, костюмы, головные уборы и прически; татуировка и любовь къ золотымъ и серебрянымъ украшеніямъ; невзыскательность въ пищѣ. Сингалезы исповѣдуютъ буддизмъ. Въ храмѣ Маличамы и Канды находится святыня буддистовъ—2 зуба Будды, которые сохраняются въ четырехъ металлическихъ ящикахъ; совершеніе въ іюлѣ религіозныхъ обрядовъ надъ зубомъ, вынутомъ изъ ящиковъ, и процессія Перрагеры, перенесеніе зуба въ святилище, которымъ оканчивается празднество. Тамилы исповѣдуютъ браманизмъ. Жилища на Цейлонѣ, занятія жителей, причемъ Сингалезы являются купцами, ремесленниками и земледѣльцами, а охотой и рыбной ловлей занимаются Тамилы и Индусы; добываніе Индусами жемчуговъ и коралловъ, а Сингалезами пряностей и фруктовъ.— О Киргизской степи, вопросъ о колонизаціи ея рус. земледѣльцами (Нов. Вр., Рус Мысль).—**196**. Нѣмецкая религіозная пропаганда. Въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ протоіереи А. Юницкій сообщаетъ о пропагандѣ баптизма въ Закавказьѣ въ 70-хъ годахъ нѣмцемъ Кальвей, англичанами и шведами; вліяніе Пашковцевъ.—О раскопкахъ близъ Канева (Кіев. г.) на «Княжей горѣ»; найдены предметы камен. вѣка, велико-княжской эпохи, серебряныя вещи и монеты. (Кіев. Сл.).—**197**. Башкирія. Корреспонденція «Русской жизни» доказываетъ необходимость удержать русскихъ арендаторовъ въ интересахъ самого башкирскаго населенія, т. к. башкиры, будучи плохими земледѣльцами, стремятся продавать или сдаютъ въ аренду за безцѣнокъ свои земли эксплуататорамъ въ большинствѣ нѣмцамъ и евреямъ.

Московскія Церк. Вѣд.—**2**. Инородцы Нарымскаго края (Томск. Е. В.).—**8**. *Е. Воронецъ*. Изъ исторіи чиновнаго сибирскаго ламства.—**15**. Изъ религіозной жизни

сибирскихъ инородцевъ: ламаизмъ.—**17.** *Е. Воронецъ*. Ложное положеніе въ Россіи идолопоклонниковъ ламъ.—**21.** Вліяніе богослуженія на черемисскомъ языкѣ на черемисъ.—**23.** Свадебные обычаи инородцевъ Алтая.—**28.** Драгоцѣнныя четки бодисатвъ (Иркут. Е. В.).

Нижегородскія Г. В.—**1.** *Дм. Кайгородовъ*. Елка. Обычай украшать елку и происхожденіе его. Легенда о происхожденіи этого обычая. (Н. В.).—**3, 4.** *Очевидецъ*. Смотрѣнье. Одинъ изъ крестьянскихъ свадебныхъ обычаевъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ.—**7.** Двѣ русскія экспедиціи. Экспедиція Б. Л. Громбчевскаго. Краткое описаніе его путешествія. Экспедиція Н. Ѳ. Катанова. Поѣздка въ Урянхайскую землю, въ Минусинскій округъ Енисейской губ., въ Нижнеудинскій округъ Иркутской губ. и въ Китайскій Туркестанъ. Результаты путешествій.—**10.** *Аполлонъ Можаровскій*. Какинская Мордва-Эрзя даннаго времени. Обрусеніе Мордвы. Подробное описаніе одежды Мордвы. Обычаи, сопровождающіе кончину умирающаго и поминки его.—**11.** То-же. (Окончаніе). Свадебные обычаи. Пренебрежительное отношеніе мужчинъ къ женщинамъ. Помоги. Уходъ на заработки. Стремленіе женщинъ къ щегольству.—**13.** Почайна. (Преданіе Нижегородской Старины). Легенда объ основаніи кн. Іоріемъ Нижняго-Новгорода на берегу р. Почайны, которая внѣшнимъ видомъ своимъ всегда предсказывала приближеніе враговъ. (Н. Б. Л.).—**14.** *А. Борисовъ*. Почайна. (Окончаніе). Обиды, нанесенныя Почайнѣ людьми; ожиданіе, когда она станетъ бо́льше Волги и затопитъ Нижній. — **16, 17.** *Г. П. Демьяновъ*. Въ лѣсахъ Балахонскаго у. (Изъ Нижегородскаго настоящаго и прошлаго). Преданіе объ основаніи г. Балахны.—**22, 23** Трехсотлѣтіе г. Саратова. Исторія его заселенія.—**25.** *А. Долгоуcовъ*. Пермяки. Историко-этнографическій очеркъ И. Н. Смирнова. (Рецензія).—**26.** *А. М—скій*. Изъ приходской жизни с. Молчанова, Сергачскаго у. Нѣкоторыя черты древне-русскаго общиннаго быта.

Новое Время.—**5451.** *В. Р. Розенъ*. Сообщеніе о новой особо-замѣчательной арабской редакціи повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ.—**5456.** Вопросъ объ этнографическомъ названіи закавказскихъ мусульманъ (Каспій).—Въ Географическомъ обществѣ. *Кн. Н. С. Голицынъ*. Сообщеніе о его путешествіи по Средней Азіи.—**5457.** (Приложеніе). *М. Робушъ*. У Самоѣдскихъ идоловъ.—Дворецъ Артаксеркса и открытія Двелафта. Сообщеніе объ открытіи дворца Артаксеркса на мѣстѣ древней Сузы.—**5465.** *Г. Е. Грумъ-Гржимайло*. Почетная встрѣча. Описаніе церемоній, съ которыми китайцы встрѣчали экспедицію. — Турецкая свадьба. Картинка турецкихъ нравовъ. — *Н. К.* Отсу и его окрестности. (Замѣтки туриста).—**5472.** Въ Археологическомъ обществѣ. Докладъ *А. Н. Шукарева* «О Шлиманѣ и его раскопкахъ». — **5475.** Среди Татаръ. IV.—**5482.** *Грумъ-Гржимайло*. Характеристика Китайцевъ, какъ націи. (Историч. Вѣстн.—«Дунганскій Партизанъ»).—**5483.** Сообщеніе о подземныхъ городахъ на берегу рѣки Аму-Дарьи близь Карки.—**5484.** *А. Елисѣевъ* Характеристика Китайцевъ. (Рус. Вѣст.).—**5486.** *Р. Е. Грумъ-Гржимайло*. На Желтой рѣкѣ. Изъ путешествія по Китаю.—**5490.** Отношеніе туземцевъ Закавказья къ разбойникамъ, какъ къ героямъ. (Нов. Обозр.).

Новое Обозрѣніе.—**2543.** Амкарство. (Корпорація торговцевъ и ремесленниковъ).—**2561.** Библіографія. Древности восточныя, вып. II. *А. Хах—овъ*.—**2567.** Случай насильственнаго похищенія невѣсты у горцевъ Терской области. Восточные мотивы. Изъ Омара Хойяма. Съ персидскаго. *Василій Величко*.—**2575.** Библіографія. Этнографическое Обозрѣніе, кн. VIII. *А. Хах-овъ*.—**2583.** Грузинская нотная рукопись X вѣка. *Не археологъ*.—**2602.** О значеніи присяги у закавказскихъ христіанъ. (Историческая справка). *А. Ерицовъ*.—**2597, 2601, 2604, 2611.** Пѣшая прогулка по Тушетіи и Пшавіи. (Составъ кампаніи. Видъ на Алазанскую долину. Алавердскій монастырь. Вершина Шави-Киде. Соха «ачегъ». Семимѣсячное царство женщинъ. Свадебные и погребальные обычаи. Симпатичность хевсуръ. Варка пива).—**2614.** Князь Маміа Гуріели (грузинскій поэтъ). (Некрологъ).—**2625.** Хизанство.—**2631.** Библіографія. Сборникъ матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа. Вып. XII. *А. Хах—овъ*. — **2636.** Горскія школы. *Его*.—**2634, 2553, 2581, 2587, 2596, 2618.** Католицизмъ въ Грузіи (продолженіе). *А. Ерицовъ*. — **2526, 2536.** Мѣры противъ чумы рогатаго скота.

Новороссійскій Телеграфъ.—**5098.** Земля Отчаянія. Нѣсколько данныхъ объ Огненной Землѣ и ея жителяхъ.

Новости.—**119.** Преданіе о происхожденіи «артоса». (Южный Край).—**120.** По

поводу извѣстій изъ Японіи. *Воейковъ*. Описаніе городовъ Кагосиму и Кіото въ Японіи.—**123**. Въ Географическомъ обществѣ. Докладъ А. М. Позиѣева о двухъ древнихъ картахъ Монголіи. — **125**. Квото и озеро Бива. Описаніе ихъ изъ сочиненія Экснера о Японіи.—Рамазанъ въ Константинополѣ (Р. Вѣд.). *Шерцль*. Китайскіе обычаи. (Новорос. Телегр.).—**126**. Квото и озеро Бива. Описаніе ихъ изъ сочиненія Экснера о Японіи.—**130**. Варшава. (Корресп.). Отношеніе польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи къ туземцамъ.—**133**. Въ Нео-филологическомъ обществѣ. *А Н. Веселовскій*. Сообщеніе по поводу старинной русской повѣсти: «Слово о Дмитріи купцѣ, зовомомъ по реклу Васарьгѣ Киевленинѣ, о мудромъ и о благоразумномъ сынѣ его и отрочати добромудромъ смыслѣ».—**135**. *Адольфъ Вуатюре*. Французы въ Суданѣ. (Посмертное письмо). Описаніе страны и ея жителей; ихъ внѣшній видъ, занятія, празднества, украшенія и пр.—**136**. Вопросъ объ этнографическомъ названіи закавказскихъ мусульманъ. (Каспій).—Докладъ подъ заглавіемъ: «Злая и добрая жена по народнымъ картинкамъ, заключающимся въ извѣстномъ изданіи сенатора Д. А. Ровинскаго».—**141**. Сообщеніе о находкѣ въ пещерѣ у подошвы Казбека манускрипта, писаннаго на пергаментѣ неизвѣстнымъ языкомъ. -**142**. *Яр*. Изъ персидскихъ нравовъ. (Одес. Лист.).—**148**. Вѣра Персовъ въ сны. (Моск. Вѣд.).—**149**. *Г. Емельяновъ*. «Голубиныя общины на дальнемъ востокѣ». Жизнь скопческихъ поселеній въ Сибири.—**160**. *Мур—евъ*. Суевѣрія Персовъ; ихъ гаданія о судьбѣ новорожденныхъ дѣтей.—**163**. О положеніи польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи, разсказъ переселенца Геллера. (Варш. Дн.).—**174**. Корресп. изъ г. Спасска о разрытіи старостой села Лебедино, Спасскаго у., могилы недавно умершаго ихъ односельчанина, Деревяшкина, отъ пьянства. Преступленіе это онъ совершилъ по настоянію своего «міра» вслѣдствіе всеобщаго убѣжденія, что «стоявшая тогда засуха произошла оттого, что на ихъ кладбищѣ былъ похороненъ опойца».—**178**. Объ открытіи въ Ригѣ публичнаго музея, въ которомъ собрана масса коллекцій вещей, представляющихъ наглядно исторію края.

Пензенскія Г. В. - **95**. Промыслы сельскаго населенія въ Краснослободскомъ уѣздѣ.—**96**. Сельская промышленность въ Пензенскомъ у. - **97**. Промыслы сельскаго населенія въ Керенскомъ у. въ 1890 г.—**98**. Сельская промышленность въ Пензенскомъ у. (Окончаніе).—**103**. *Свящ. I. Побѣдимскій*. Село Гумны, Краснослободскаго у. Составъ семей. (Многосемейность). Устройство жилищъ и дворовъ; одежда и обувь—прежде и теперь.—**104**. Сельско-хозяйственная промышленность въ Саратовскомъ у.—**107**. То-же. (Окончаніе).—*Св. I. Побѣдимскій*. Село Гумны, Краснослободскаго уѣзда. Племенной составъ населенія; его языкъ. — **109**, **110**. Сельско-Хозяйственная промышленность въ Нижнеломовскомъ у.—**116**, **119**, **121**. *Г. Петерсонъ*. Остатки старины въ Пензенской губ. I. Курганы и могилы. II. Городища, городки, валы.—**126**. *Г. Петерсонъ*. Списокъ остатковъ старины въ предѣлахъ Пензенской губ. Отдѣлъ I-й: Курганы и могилы (по каждому уѣзду отдѣльно). — **130**. То-же. Окончаніе I отдѣла. Отдѣлъ II-й: Городища, городки, валы (по каждому уѣзду отдѣльно). — Сельско-хозяйственная промышленность въ Наровчатскомъ у. — **132**. То-же. (Продолженіе).—*Г. Петерсонъ*. Списокъ остатковъ старины въ предѣлахъ Пензенской губ. Отдѣлъ II: Городища, городки и валы (по каждому уѣзду отдѣльно). (Окончаніе).—**133**. Сельско-хозяйственная промышленность въ Наровчатскомъ у. (Окончаніе).

Пензенскія Еп. В. 10 и 11. «Сонъ Богородицы». Разборъ, изложеніе и выдержки.

Переводчикъ. **5**. Сообщеніе объ обычаѣ въ Галатіи, по которому дѣвушка, желающая выйти замужъ, перелѣзаетъ ночью черезъ заборъ дома своего избранника и ложится у его порога.—**10** Въ передовой статьѣ приведена Турецкая сказка, рисующая мудрость и справедливость султана и взаимное недоброжелательство его визирей.—**13**. О соблюденіи христіанами своихъ постовъ въ средніе вѣка и въ позднѣйшее время до XVIII в.—**15**. *Боейръ*. Подземные города. Сообщеніе объ открытомъ имъ въ Туркестанѣ, вблизи Шахъ-Яра древняго города (подземнаго), построеннаго королемъ Афросіабомъ, современникомъ Рустема, за **600** лѣтъ до Р. Хр. и др.

Пермскія Г. В. 88. Засѣданіе Пермской Коммиссіи Уральскаго Общества Любителей Естествознанія. Обычаи древнихъ Славянъ. (Окончаніе).

Пермскія Еп. В. 11 и 12. *Д. Смышляевъ*. Воспоминаніе о Востокѣ. (Продолже-

ніе). Описаніе обыденной жизни въ Іерусалимѣ. Поддѣлка предметовъ еврейской античной жизни.

Подольскія Г. В. 1890.—35. Жалоба на невѣжественное обращеніе съ археологическими древностями; упоминаніе «Княжей Горы» близъ Канева, гдѣ найдена золотая корона.—**38.** Разрытіе 7-ю крестьянами м. Жабокриче, Ольгопольск. у., трупа повѣсившейся, съ цѣлью облить его водой и тѣмъ вызвать дождь во время засухи.— Описаніе пещеръ (повидимому монастыря) въ горѣ Бѣлой у села Бакоты, въ 10 вер. отъ гор. Стар. Ушицы, на лѣв. берегу Днѣстра; въ пещерахъ нѣсколько каменныхъ (?) гробовъ и высѣчены славян. надписи.—Свѣдѣнія о жизни крестьянина Ив. Самана, с. Дмитровки, Ольгопол. у., умершаго на 123 г. жизни въ декабрѣ 1889 г. — **39.** Замѣтка о памятникахъ старины въ Подольск. губ.: а) въ Литинск. у., сообщ. А. И. Пушторскій (курганы и укрѣпленія), б) въ Могилевск. у., сообщ. В. Т. Орловскій (христ. пещеры въ с. Лядавѣ).—**44.** Свѣдѣнія о крест. Вас. Черномъ, умершемъ 112 лѣтъ въ м. Рашковѣ.—**46.** Извѣстіе объ отрытіи въ г. Житомірѣ (при закладкѣ фундамента подъ домъ на Полтавской ул.) нѣсколькихъ труповъ въ стоячемъ положеніи, которые впрочемъ разсыпались.—**54, 55.** Институтъ сотскихъ и десятскихъ (очеркъ).— **59—64.** *И. К. Михалевичъ*: «Подольская гимназія въ Винницѣ», — къ исторіи просвѣщенія въ ю.-з. Руси.—**72.** Численность и движеніе населенія въ Под. г.—**73.** Народная нравственность въ Под. г. (стат. данныя).—**74.** Луцкъ, Дубно и Ровно—города Волыни (истор. замѣтки).—**77.** Замѣтка о соврем. состояніи Полѣсья (осуш. болотъ, оригинальный способъ передвиженія по болоту: въ лодкѣ, запряженной быками).—**83.** Почаевская Усп. Лавра.—**85—88, 90—94, 99, 100.** *И. К. Михалевичъ:* Ист.-стат. свѣдѣнія о Кам.-Под. Рус. Публичн. Библіотекѣ (1866—1890).—**89.** Сообщеніе о церковно-археологич. коллекціи, собранной въ Чигирин. у., Кіев г., Н. Ф. Бѣлашевскимъ и переданной въ Кіев. Дух. Академію (этнографич. значеніе имѣютъ въ ней между прочимъ вышивки на одеждахъ, запись въ евангеліи).—**97—100.** Выдержки о Кам.-Подольскѣ изъ ст. М. И. Городецкаго: «Поѣздка въ Холмъ, Подолію и Бессарабію», напеч. въ «Историч. Вѣстн». 1890 г., дек.—**101.** «Древлянскіе могильники»,—результаты изслѣдованій проф. В. Б. Антоновича въ системѣ рр. Ирпеня, Тетерева и Уши.

1891.—1. Древлянскіе могильники. Докладъ В. Б. Антоновича о предметахъ, находимыхъ въ древлянскихъ могилахъ. (Окончаніе). Общая характеристика быта древлянъ.—**13.** Мѣстная хроника. Объ утратѣ Армянами-Григоріанами своей религіи и народности въ періодъ Уніи въ Каменецъ-Подольскѣ.

Подольскія Е. В.—16, 17, *Протоіер. П. Лоневскій.* Сопоставленіе смысла и существа обрядовъ и таинствъ православной церкви съ народными обычаями, практикуемыми въ Подольской еп., отъ рожденія человѣка до смерти и погребенія его.

Полоцкія Е. В.—8. О происхожденіи и значеніи нѣкоторыхъ пасхальныхъ обычаевъ. («Пенз. Е. В.»).

Правда.—4. Письменность у всѣхъ народовъ со стороны физіологической и антропологической.—**29.** Свадебные обряды у чувашей.

Радомскія Г. В. 1890. 19. Перепечатано изъ I кн. журн. «Вислы» (Wisła) 1890 г. воззваніе А. Свентоховскаго о доставленіи въ редакцію свѣдѣній по слѣдующимъ вопросамъ о евреяхъ:

1) Сколько числится евреевъ въ деревнѣ (а если можно - въ гминѣ) или городѣ и какое процентное отношеніе они составляютъ къ остальному населенію? 2) Чѣмъ занимаются? 3) Чѣмъ занимаются преимущественно, а чѣмъ исключительно (безъ конкуренціи со стороны населенія другого происхожденія)? 4) Обработываютъ ли землю, съ какимъ успѣхомъ и въ какихъ размѣрахъ? владѣютъ-ли мелкими участками земли или же фольварками? 5) Занимаются-ли и въ какой мѣрѣ ремеслами и фабричнымъ промысломъ, и въ какомъ количественномъ отношеніи находятся ихъ издѣлія къ издѣліямъ другихъ? 6) Выиграла-ли бы, или же потеряла мѣстная торговля отъ отсутствія евреевъ при продажѣ плодовъ сельскаго хозяйства и т. п. продуктовъ (щетина, тряпье, кости и проч.)? Полезны-ли они, или вредны, какъ посредники между производствомъ (малымъ или большимъ) и рынкомъ потребителей? 7) Какое производятъ они вліяніе (по мнѣнію отвѣчающаго) экономическое, общественное и нравственное вообще, въ особенности же въ жизни простого народа?—Нѣкоторые отвѣты на эти вопросы уже напечатаны въ той же газетѣ: № 22 (изъ Островца, перевед.

и въ польской Gazet'ѣ Radomsk'ой 1890 № 49), № 25 (изъ Сецехова, Козеницк у.), № 30 (изъ Шидловца).—21—23. *Г.* «Семитизмъ и антисемитизмъ» (характеристика національности евреевъ).—41. *С. Макѣевъ.* «Грамотность сельскаго населенія Радом. г., теперь и 20 л. назадъ (по свѣдѣн. о должностныхъ лицахъ сельскаго управленія и о призывныхъ).—43. Народное образованіе въ Рад. г. (по оффиц. «Обзору Рад. г.» за 1889 г.).—Въ замѣткѣ «Заяцъ-душа» говорится, что толпа, спугнувъ неожиданно на католич. кладбищѣ спавшаго на могилѣ зайца, приняла его за душу покойника.

Русскія Вѣдомости. 118. Библіографическая замѣтка. 1. Ежегодникъ Импер. Русскаго Географич. Общества и 2. Древности восточныя. Труды восточной Коммиссіи Импер. Москов. Археологическ. Общества. 121. I. Рамазанъ въ Константинополѣ.—*Ал. Головачевъ.* На «тангѣ» у Алтайцевъ. Описаніе жертвоприношенія алтайцевъ богу свѣта - Ульгеню, которое совершалъ шаманъ—«камъ». -124. Кіото въ Японіи. Краткое описаніе города Кіото.—126. Засѣданіе Антропологическаго отдѣла Общества любит. естеств., антропологіи и этнографіи. Доклады: *А. А. Ивановскаго* о черепахъ изъ древнихъ могилъ Осетіи; *Θ. К. Гинкулова* о черепахъ изъ могилъ Южнаго берега Крыма и пр.—139. *В. П.* Изъ путевыхъ записокъ. Въ Віеннѣ. Въ Шатрезѣ у монаховъ. 141. *Θ. Θ.* Въ Сѣверщину. Внѣшній быть населенія Черниговской губ.—малороссовъ, бѣлоруссовъ и ихъ смѣси.—146. Судебная Хроника. Народное суевѣріе. Сущность дѣла въ томъ, что нѣсколько крестьянъ села Курумога, Ставропольскаго у., Самарской губ., вынули изъ могилы и пустили по теченію р. Волги трупъ Анны Барановой, умершей недавно отъ излишняго употребленія вина и похороненной на кладбищѣ села Курумога, вслѣдствіе распространеннаго между крестьянами Ставропольскаго у. суевѣрія, состоявшаго въ томъ, что будто-бы бездождливая весна является слѣдствіемъ похоронъ на мѣстномъ сельскомъ кладбищѣ опоицъ и удавленниковъ.—150. Библіографическая замѣтка. А. А. Исаевъ. Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. (Рецензія).—152. Загадочный обычай. Почти по всей Олонецкой губ. и въ южныхъ уѣздахъ Архангельской существуетъ обычай за нѣсколько дней передъ праздникомъ св. пророка Иліи или Успенія Пресвятыя Богородицы—приводить къ приходской церкви разный домашній скотъ—быковъ, овецъ или барановъ, которыхъ потомъ въ однихъ мѣстахъ продаютъ и деньги отдаютъ на церковь, а въ другихъ въ пользу церкви продаютъ только половину всего скота, остальную же половину убиваютъ и тутъ же сваривают и съѣдаютъ, причемъ мясо хватаютъ силой, отчего и самый обычай получилъ названіе «хватовщины». (Олон. Губ. Вѣд. 1890 г. 83). Вопросъ о происхожденіи этого обычая. (Русск. Жизнь).—162. *Θ. Θ.* Въ Сѣверщину. (Окончаніе). Очеркъ внѣшняго быта населенія Черниговской губ.—163. *И. Смирновъ.* Остатки языческихъ жертвоприношеній на русскомъ Сѣверѣ. Объясненіе указаннаго въ № 152 «Загадочнаго обычая».—166. *Н. Ядринцевъ.* Съ дальняго пути. Изъ жизни въ Сибири.—177. *Буква.* Край цвѣтовъ. Очерки Гаарлема и жизни его обитателей.—184. Казань. (Корресп.) О пріобрѣтеніи музея, въ которомъ находится коллекція древностей бывшаго царства волжскихъ болгаръ, коллекція каменныхъ и костяныхъ орудій, памятниковъ бронзоваго вѣка (изъ Ананьинскаго могильника и чудскихъ городищъ) и пр.—189. *В.* Городъ Кіото. Очеркъ Пьера Лоти. Внѣшній видъ города, способы передвиженія по его улицамъ. Описаніе храма Кіо-Мидзу. Отношеніе населенія къ иностранцамъ. Отношеніе его къ своей религіи. Храмъ Великаго Будды.

Русскій Паломникъ. 9, 10, 12, 23. *Н. Н. Филипповъ.* Обряды и вѣрованія у южныхъ славянъ: 1) празднованіе масляницы, 2) провожденіе Великаго поста, 3) объ обрядовой сторонѣ праздника Благовѣщенія Пресв. Богородицы и 4) объ обрядовой сторонѣ праздника Св. Троицы.

Рязанскія Г. В. 36. Русскія простонародныя имена и прозвища. Краткая исторія ихъ употребленія и поводы возникновенія, начиная съ древнѣйшихъ временъ. (Изв. общ. ист., арх. и этногр. при Казан. Универс.).—44. Условія питанія арабовъ въ Сахарѣ. (Фуро). Необыкновенное обжорство ихъ и способность голодать 2—3 дня безъ ущерба для энергіи и выносливости. (La Nature).

Саратовскія Г. В. 83. Трехсотлѣтіе Саратова. Исторія его основанія и развитія и его нынѣшнее основаніе.—*Василій Поляковъ.* Преданіе объ основаніи гор. Вольска, Саратовской губ.—88. *А. Н. Минхъ.* Легенды о кудеярахъ въ Саратовской губ. (Тамб. Губ. Вѣд.).—39. *Ив. Соколовъ.* Станица Александровка. Преданіе о томъ, какъ

казаки обзавелись женами.—**41**. *Ф. Ерохинъ*. Село Старое Славкино Петровскаго у. (Историко-бытовой очеркъ). Составъ населенія.—**42**. То-же. (Окончаніе). Обычаи Мордвы, сопровождающіе свадьбу, крестины и похороны.—**44—47**. Камышинскій уѣздъ Саратовской губ. Историко-статистическое описаніе.

Сибирскій Вѣстникъ.—**67**. *А. С—кій* Рец. на книгу Н. М. Ядринцева: «Сибирскіе инородцы. ихъ бытъ и современное положеніе».—**69**. Успѣхи православія на Алтаѣ.

Сибирскій Листокъ.—**28—29**. *С. Л. Чудновскій*. Къ вопросу о сибирской общинѣ.—**30, 32, 34**. *Б. Словцовъ*. Путевыя донесенія А. Кастрена изъ Сибири въ Имп. Академію наукъ (переводъ изъ «Reisen—Berichte aus Siberien» тѣхъ рапортовъ и писемъ Кастрена, которые относятся къ его путешествію по рр. Иртышу и Оби).—**31, 32**. Очерки окраинъ Сибири (Тункинскій край Иркут. губ.).—**38, 41, 44. 45**. *Н. Астыревъ*. Очерки быта населенія Иркутской губ. (извлеч. изъ «Матеріаловъ по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія трехъ округовъ Иркут. губ.).—**49**. *Д.* Указатель книгъ и статей о Сибири (рец. на трудъ В. И. Межова: «Сибир. библіографія»).

Смоленскій Вѣстникъ. **57**. *А. Щ.* Къ исторіи г. Рославля.—**58**. Обѣтъ безбрачія въ Китаѣ.—**62**. Курляндскіе короли. Сообщеніе о потомкахъ Курляндскихъ королей, населяющихъ семь деревень вблизи Гольдингена.—**67**. Отъ Историко-археологическаго музея. О предметахъ, пожертвованныхъ музею.—**68**. *А. Щ.* Обычаи и повѣрья Приднѣпровья, Краснинскаго уѣзда.—**69** Отъ Историко-археологическаго музея. Перечень предметовъ, пожертвованныхъ музею.—**70**.—*Г. Сенкевичъ*. Приговоръ Зевса (Греческая сказка). Споръ между Аполлономъ и Гермесомъ.—**73**. *А. Ш. Рославльскій*. Толока. Приведены 2 пѣсни.—**77**. Деревенскій житель. Экскурсія въ Моризовскую область (ок.).—**78**. Письма съ пути. Редакція помѣстила письмо одного изъ этнографовъ, въ которомъ описываются Татаринскіе и Девятинскій курганы Бѣльск. у. Смол. губ., съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ преданій о нихъ. **79**. Корр. изъ Смол. уѣз. Очевидца. Авторъ въ своей интересной корреспонденціи между проч. приводитъ имена въ томъ перевранномъ видѣ, какъ полуграмотные крестьяне заносятъ ихъ въ свои помянальники, такъ что они могутъ служить нѣк. иллюстраціей по искаженію собств. именъ во многихъ нашихъ письменныхъ памятникахъ. – Х. Изъ Юхновскаго у. Разсказывается фактъ, освѣщающій отчасти вопросъ о томъ, какъ и почему иногда на Руси появляются святыя мѣста и вообще разныя мѣста поклоненія (см. и № 87.).—**79, 83, 88, 93, 97**. *Деревенскій житель*. Дневникъ сельскаго обывателя.—**81, 85, 86. 96, 101**. Шавѣевская колонія. Въ этой интересной статьѣ о колонистахъ, послѣдователяхъ гр. А. Толстого, попадается не мало мыслей, интересныхъ въ этнограф. отношеніи, особенно тамъ, гдѣ колонисты сталкиваются съ крестьянами.—**81**. Корр. изъ Вязьмы. Нѣкот. черты изъ жизни обитателей этого города.—**82**. *С. Писаревъ*. Отъ Историко-археол. музея. Пожертвованія въ музей съ нѣк. объясненіями.—**94**. *А. Щ—нъ*. Корр. изъ Краснинск. у. объ особомъ обрядѣ «суспицы», артельнаго лѣпленія свѣчи. Эта «суспица» устраивается мѣстною артелью крестьянъ наканунѣ праздника извѣстному святому, патрону данной артели. Свѣчу лѣпятъ (начиная со старѣйшаго хозяина), потомъ одѣваютъ въ бѣлую сорочку («вѣнчаютъ»), обжигаютъ, читаютъ молитвы. На другой день пріѣзжаетъ причтъ; при зажженной «суспицѣ» молятся, трижды «повышаютъ» передъ иконой небольшую пшеничную булку, кот. потомъ въ качествѣ священной даютъ на тощакъ; по удаленіи духовенства идетъ пиръ съ пѣснями (приведены двѣ). На другой годъ «суспица» лѣпится у другого хозяина, на третій у третьяго и т. д. Воскъ лѣпится на старую свѣчу лѣтъ 5—6, а потомъ начинается новая «суспица». Обрядъ этотъ, по словамъ корреспондента, существуетъ и въ большинствѣ селеній Красн. у.—**95**. Перепечатка изъ Сѣв. В. (Авг. 1891 г.) отрывка статьи проф. Анучина: «Изъ поѣздки къ истокамъ Днѣпра, Зап. Двины и Волги».—**108**. «Спасъ Маковей» (изъ Русс. Ж.). Набросокъ изъ жизни богомольцевъ.

Ставропольскія Г. В. 30, 31. Черты народности въ поэзіи Лермонтова.—**32**. Отличительныя черты кустарныхъ промысловъ Кавказа и Закавказья.

Терскія Вѣдомости. — **1**. Различные взгляды на Магомета.—*Г. Ил. Хонели*. Легенда о Кизлярѣ. Суть ея въ томъ, что два брата-царевича сватались за царицу-красавицу. Она рѣшилась выйдти за того изъ нихъ, кто ее догонитъ (на конѣ). Младшій братъ былъ ужъ возлѣ нея, но отставшій старшій убилъ его стрѣлой изъ лука.

за что также былъ убитъ своимъ отцомъ немедленно и также стрѣлой. Красавица-царица бросилась, видя гибель обоихъ жениховъ, съ крутого обрыва въ рѣку и на этомъ мѣстѣ старый царь, отецъ жениховъ, построилъ крѣпость по имени Кизляръ, что значитъ «Красавица». (Нов. Обозр.). — **3.** *Н. Семеновъ*. Другое преданіе о Кизлярѣ. Кизляръ значитъ—«дѣвка». Легенда гласитъ, что на этомъ мѣстѣ происходилъ осмотръ дѣвушекъ, которыхъ монголы ежегодно уводили въ Золотую Орду, какъ дань Кавказскихъ горцевъ.—**4.** *Г. М.* Казачьи вѣрованія и суевѣрія. I. Колдуны. — Раскопки въ Осетіи. Сообщеніе граф. П. С. Уваровой въ засѣданіи Имп. Моск. Археологич. Общества 16 дек. 90 г.—**5.** Религіозное движеніе въ Аравіи, Халифы и Магометъ.—**6.** *М. Слобожанинъ*. По Урускому ущелью. Легенда о томъ, какъ злой человѣкъ укралъ соль, которую берегъ св. Георгій для осетинъ, во время его отлучки и какъ св. Георгій, по возвращеніи ударилъ мечемъ по скалѣ, отчего образовалась глубокая расщелина.—**8.** *Г. М.* Казачьи вѣрованія и суевѣрія. I. Колдуны. (Окончаніе).—**11.** Магометъ до начала своей проповѣди. Рожденіе и болѣзненность Магомета.—**12.** *Землякъ*. Изъ исторіи возникновенія г. Кизляра.—**13.** *Г. М.* Казачьи вѣрованія и суевѣрія. II. Вѣдьмы. — **14.** Магометъ до начала своей проповѣди. (Окончаніе). Путешествія Магомета.—*Свящ. А. Гатуевъ*. Христіанство въ Осетіи. Историческій очеркъ. Происхожденіе осетинъ. Начало христіанства въ Осетіи и его дальнѣйшее распространеніе. — **15.** *Св. А. Гатуевъ*. Христіанство въ Осетіи. Краткая исторія Осетіи отъ перваго столкновенія съ Россіей до 1350 г.—**19.** То-же. Судьба христіанства.- **20.** Этюды объ Ингушахъ. Земельныя владѣнія Ингушей. — **26.** *Г. М.* Казачьи вѣрованія и суевѣрія. III. Отъ «ереси приходящіе» священники и уставщики. -- **27.** *Св. А. Гатуевъ*. Христіанство въ Осетіи. Подчиненіе Осетіи власти Россіи. **28.** Сел. Арданъ. Суевѣріе жителей селенія. — **29.** *Г. М.* Казачьи вѣрованія и суевѣрія. IV. Представленія о будущности земли и загробной жизни.—**32.** *Свящ. А. Гатуевъ*. Христіанство въ Осетіи.—*Георгій Цаголовъ*. Изъ осетинскаго народнаго эпоса. 4) Смерть и джигитъ, или какъ любовь смерть побѣдила.—**34, 36.** *Свящ. А. Гатуевъ*. Христіанство въ Осетіи.—**39.** *М. Газдановъ*. Къ вопросу о происхожденіи тагаурскихъ алдаръ.—**40.** Рецензія на рефератъ А. А. Ивановскаго о черепахъ изъ древнихъ могилъ Осетіи. (Р. В.).—**40, 41.** *М. Газдановъ*. Къ вопросу о происхожденіи тагаурскихъ алдаръ.—**42, 46, 48.** *Свящ А. Гатуевъ*. Христіанство въ Осетіи.—**48.** *Г. М—инъ*. Казачьи вѣрованія и суевѣрія. V. Понятіе о дьяволѣ и его роль въ жизни. **51.** *Свящ. А. Гатуевъ*. Христіанство въ Осетіи. — Похищеніе невѣстъ у горцевъ Терской области. (Нов. Обозр.). — **55, 56.** Поѣздка въ Урусбіевское общество горскихъ татаръ. (Путевыя впечатлѣнія). *Е. Б—овъ*.—**65.** Къ вопросу о разоруженіи туземцевъ.—**67.** Казачьи вѣрованія и суевѣрія. (Вѣрованіе въ домового, лѣшаго и водяного. Общая характеристика вѣрованія въ духовъ).—**68.** Восхожденіе на Адай-хохъ.

Уфимскія Г. В.—**21.** *Д. П. Никольскій*. «Изъ поѣздокъ по Башкиріи». (Описаніе быта башкиръ Екатеринбургскаго у., Пермской губ. Продолженіе). Птицеводство. Употребленіе чаю и сахару. Данныя о движеніи населенія.

Тобольскія Г. В.—**28, 29.** Первые русскіе изслѣдователи Сибири.

Томскія Г. В.—**32.** Объ изданіи сборника этнографическихъ статей алтайскаго миссіонера, протоіерея Вербицкаго (см. VIII кн. «Этнограф. Обозр.» стр. 176).

Томскія Е. В.—**9.** Памяти покойнаго миссіонера, протоіерея Василія Ивановича Вербицкаго (изъ записокъ: 1, Киргизскаго миссіонера игумена Владиміра Синьковскаго и 2, Мыютинскаго миссіонера свящ. Вас. Постникова).

Туркестанскія Вѣд. — **18.** *С. Б.* Право поземельной собственности въ Туркестанскомъ краѣ. -**25.** *А. Диваевъ*. Повѣрье. Разсказывается объ интересномъ обычаѣ заклинанія вѣтра, существующемъ у сартовъ «съ древнихъ временъ». Во время сильныхъ вѣтровъ, въ лѣтнее время, а именно, когда колосится и созрѣваетъ хлѣбъ, старухи-сартянки садятся верхомъ на песты, берутъ въ руки длинныя хворостины, навязываютъ на нихъ разноцвѣтныя тряпки и, вымазавъ сажею лицо (а въ иныхъ мѣстахъ набѣлившись и нарумянившись), отправляются по улицамъ. Здѣсь, подражая ржанію жеребца, онѣ начинаютъ кричать и прыгать на встрѣчныхъ мужчинъ, приговаривая:

«О, чалъ-мама, чалъ-мама! [1])
Не найдешь себѣ ты мѣста, чалъ-мама!
Ты разсыпала созрѣвшій колосъ проса, чалъ-мама,
Ты развѣяла кучи соломы по ложбинамъ, чалъ-мама.
О, чалъ-мама, чалъ-мама!
Ты срываешь камни, крѣпко прилипшіе къ землѣ,
Ты ломаешь круглыя головки маша [2]), чалъ-мама.
О, чалъ-мама, чалъ-мама!
Я прекращу твою бурю, чалъ-мама,
Я сломаю твой порывъ, чалъ-мама,
Ты наскучила нашему селенью,
Навлеку я смерть на голову твою,
Будь увѣрена въ этомъ, чалъ-мама.
(Обращаясь къ населенію):
Прогонимъ-же, съ помощью «Худаи», бурю,
Подавайте щедро, чтобы сыпалось по дорогѣ,
Подавайте такъ, чтобы лилось по дорогѣ».

Заслышавъ возгласъ старухъ, каждый домовладѣлецъ даетъ имъ зерновой хлѣбъ и деньги, а затѣмъ на все собранное устраивается на могилѣ святаго (?) общій обѣдъ «худаи». По убѣжденію туземцевъ, заключаетъ авторъ замѣтки,—природа не въ состояніи бороться съ столь сильнымъ заклинаніемъ, и буря неминуемо должна утихнуть. (См. Сб. Мат. для статистики Сыръ-Дарьинской обл. 1891 г.).

Туркестанская Туз. Газета.—**19**. Интернатъ для киргизскихъ дѣвочекъ.—**26**. Примѣты лошадей у бедуиновъ («Моск. Вѣд.»).—**29**. Объясненіе сартовской пословицы: «Кто слушаетъ другихъ, тотъ останется пѣшимъ при лошади».

Уральскія Войск. Вѣд.—**28, 29**. *А. Д.* Яицкіе (уральскіе) казаки.

Церковный Вѣстникъ.—**7**. Религіозныя воззрѣнія жителей сѣвера Россіи.

Церковныя Вѣд.—**27, 28**. *Ѳ. Истоминъ.* О религіозномъ состояніи обитателей русской низовой Печоры (самоѣды и ихъ вѣрованія).

Якутскія Е. В. -**10, 12**. Образъ жизни и занятія Якутовъ Вилюйскаго округа.

Ярославскія Г. В.—**34**. *П. Мизиновъ.* Программа для собиранія народныхъ повѣрій, разосланная по Ярославскимъ школамъ въ началѣ текущаго столѣтія Виленскимъ Университетомъ. — **40—43, 45, 49**. Крестьянская свадьба въ Ярославской губ. (Положеніе молодой, дѣловая часть свадьбы, свадебное веселіе, пѣсни: жениху (5 №), невѣстѣ (7 №), крестному (—ой) жениха (2 №), отцу жениха (3 №), матери жениха (4 №).—**49, 50**. *Свящ. У. Орловъ.* Изъ области предразсудковъ и суевѣрій въ Романово-Борисоглѣбскомъ у. Предразсудки и суевѣрія при родинахъ, крещеніи ребенка, свадьбѣ, погребеніи.

---

[1]) Чалъ-мама—сѣдая старуха.
[2]) Машъ—родъ мелкаго гороха.

Указатель этнографическихъ статей, содержащихся въ сибирскихъ изданіяхъ отъ начала ихъ существованія.

Составилъ А. А. Ивановскій.

Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Этнографіи.

I т., вып 1. *М. Н. Хангаловъ, Н. Затопляевъ и др.* Бурятскія сказки и повѣрья: 1) старикъ и волкъ, 2) старикъ Хоредой, 3) старикъ Ухапай 4) водяная старуха, 5) дѣвица Тэбэк-ногон-абаха, 6) старуха Хэрхэнъ, 7) Тенехонъ, 8) Му-монто, 9) Гарьюлай-моргонъ, 10) Алтанъ-сэсэкъ и его сестра, 11) Ханъ-гужиръ, 12) охотникъ, 13) Боръ-ху, 14) старикъ съ дочерью, 15) желто-сѣрый волкъ и лисица самка, 16) Хинхуна-багинъ, 17) Бохонъ-хобунъ, 18) дѣвица Хонхинуръ, 19) Гургулдаинъ-гурбунъ-сысынъ, 20) Тэнгрінъ-хобунъ, Чингисъ-ханъ и Шудурманъ, 21) жизнь Элгэсынъ-гелонга, 22) Доной, 23) кость «сэръ», 24) цари животныхъ, 25) верблюдъ, 26) медвѣдь, 27) волкъ, 28) собака, 29) царь птицъ Ханъ-хурдэ-ханъ, 30) филинъ, 31) ласточка и пчела, 32) перепелка, 33) турпанъ, 34) бекасъ или барашекъ, 35) кукушка, 36) оляпка, 37) Солбонъ, 38) Хохосо-моргонъ, 39) Долонъ-ёбёгёдъ, 40) млечный путь, 41) затменіе луны, 42) пятна на лунѣ, 43) повѣрье о землетрясеніи, 44) повѣрья о громѣ, 45) открытіе огня, 46) происхожденіе ворожбы на лопаткѣ, 47) названія пальцевъ, 48) пальцы-воры, 49) преданіе о переселеніи Хонгодоровъ изъ Монголіи въ Южн. Сибирь, 50) другой варіантъ о переселеніи племени Хонгодоровъ, 51) Оле-олекчинъ.—

Вып. 2. Сказанія бурятъ, записанныя разными собирателями: 1) Алтанъ-Шагай-Мэргынъ, 2) дуракъ сынъ и волшебный перстень, 3) Шоно-баторъ, 4) сирота и желтая собака, 5) черепъ конской головы, 6) сирота-парень, 7) человѣкъ и барсъ, 8) волкъ, просящій пищи у Бога, 9) кость лопатка, 10) сотвореніе міра и человѣка, 11) о потопѣ, 12) о землетрясеніи, 13) звѣри послѣ сотворенія міра, 14) конь и изюбрь, 15) рябчикъ, 16) летяга, 17) верблюдъ, 18) заяцъ, 19) бурундукъ, 20) сурокъ, 21) мамонтъ, 22) птица тутэ, 23) дятелъ, 24) орелъ, 25) повѣрья о лебедяхъ, воронахъ и коршунахъ, 26) щука, 27) налимъ, 28) трава хунъ-хорхонъ, 29) о табакѣ, 30) повѣрья о деревьяхъ, 31) собачій пай въ хлѣбѣ, 32) хуръ, 33) о ворожбѣ на лопаткѣ, 34) пальцы-воры, 35) племена бурятъ, 36) кости въ бывшемъ Аларскомъ вѣдомствѣ, 37) кость Шаранутъ, 38) кость Хабарнутъ, 39) кость Бурутханъ, 40) кость Икинатъ, 41) кости Ольлонъ и Баянда, 42) кость Готолъ, 43) Булагатъ и Экиритъ и ихъ потомки, 44) Такши и его потомки, 45) преданія о Гэнэнъ-худактѣ и Сухэръ-нойонѣ, 46) Барга-Батуръ, 47) Хередой-Моргонъ, 48) Сегэндэ и Барто, 49) поколѣнія селенгинскихъ бурятъ, 50) первый шаманъ, 51) самая первая шаманка. 52) Булгата-онгонъ 53) Буртэубугунъ, 54) почему нѣкоторые буряты не ѣдятъ селезенки и не бьютъ лебедей, 55) преданія о переселеніи изъ Монголіи Бахака Ирбанова и Адая съ прочимъ народомъ, 56) преданіе о валѣ Чингисъ-хана.—**Вып. 3.** Верхоянскій Сборникъ. Якутскія сказки, пѣсни, загадки и пословицы, записанныя въ Верхоянскомъ округѣ *И. А. Худяковымъ*, I. Пословицы и поговорки. II. Пѣсни. III. Якутскія загадки (природа и волшебство: животныя, человѣкъ, домъ, одежда, промыслы, принадлежности хозяйства). IV. Саги: 1) Бяртъ-Хара, 2) Хоро (прародители Якутовъ), 3) Хаптагай-батыръ, 4) Кяльтяски-

ляръ, 5) Саппы-Хосунъ. V Сказки: 1) чирокъ и беркутъ, 2) летающія крылатыя, 3) хорошій Юджіянь, 4) низенькая старушка съ 5-ю коровами, 5) Ураны-ханъ-старикъ, 6) Берь-Хара, 7) старуха со старикомъ, 8) Ханъ-Джаргыстай, 9) Чарчаханъ, 10) пташка и ѣдунъ (обжора), 11) Онгостонъ-Чоканъ, и Олонъ-Долонъ, 12) Басымниланъ-батыръ. VI. Русскія сказки у Якутовъ Верхоянскаго окр.: 1) Илья Муромецъ, 2) старецъ-пилигримъ. VII. Русскія сказки, у русскихъ: 1) Алеша, 2) царь Елизаръ, 3) Милославскій.

II т., вып. 1. *М. Н. Хангаловъ.* Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ: высшія существа, онгоны, души умершихъ шамановъ, обряды и жертвоприношенія.

Вып. 2. *Н. И. Затопляевъ.* Нѣкоторыя повѣрья аларскихъ бурятъ: пѣсня о бурятѣ, распятомъ въ Иркутскѣ; анахаи; объ аршанахъ или цѣлебныхъ ключахъ; обрядъ послѣ удара молніи; опекуны дѣвицъ; Зуруктанъ-онгонъ. *П. П. Батаровъ.* Бурятскія повѣрья о бохолдаяхъ и анахаяхъ. *М. Н. Хангаловъ.* Судъ заяновъ надъ людьми. *М. Н. Хангаловъ.* Преданья и повѣрья унгинскихъ бурятъ. *Д. Клеменцъ.* Нѣсколько образцовъ бубновъ минусинскихъ инородцевъ (съ 9-ю табл. рисунковъ). *Н. В—скій.* Матеріалы для изученія шаманства у якутовъ. *Н. Припузовъ.* Мелкія замѣтки объ якутахъ.

Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества.

I кн. (Омскъ, 1879.). *Князь Н. Н. Костровъ.* Колдовство и порча у крестьянъ Томской губерніи.—*Н. П. Григоровскій.* Крестьяне—старожилы Нарымскаго края (цѣль очерка—«прослѣдить жизнь здѣшняго крестьянина отъ колыбели его до гробовой доски»).—*М. В. Пѣвцовъ.* Путевые очерки Чжунгаріи (кумирня Матэня; богослуженіе въ ней; торгоуты, ихъ наружный видъ, языкъ, одежда, характеръ, отношеніе къ нимъ китайцевъ, вѣра и образъ жизни, китайцы г. Гучена).—*Н. М. Ядринцевъ.* Свѣдѣнія о мараловодствѣ въ Алтаѣ.

II кн. (1880 г.) *Н. М. Ядринцевъ.* Поѣздка по Западной Сибири и въ горный Алтайскій округъ. Бараба, ея населеніе, жилища, типъ жителей, свадьбы и свадебныя пѣсни; сибирскіе курганы и могилы; населеніе Алтая: инородцы, раскольники («поляки») и новоселы; заселеніе Алтая и движеніе современной колонизаціи.—*Н. Н. Балкашинъ.* Былъ ли Ермакъ пожалованъ въ князья?

III кн. (1881) *П. Я. Словцовъ.* Путевыя записки, веденныя во время поѣздки, въ 1878 г., въ Кокчетавскій уѣздъ (краткія свѣдѣнія о киргизахъ и нѣкоторыя киргизскія названія животныхъ).—*Н. Балкашинъ.* Торговое движеніе между Зап. Сибирью, Среднею Азіею и Китайскими владѣніями.—*Н. М. Ядринцевъ.* Программа изслѣдованія сельской общины въ Сибири.

IV кн. (1882 г.). *Н. М. Ядринцевъ.* Отчетъ о поѣздкѣ въ 1880 г. въ горный Алтай, къ Телецкому озеру и въ вершины Катуни: черневые татары, кумандинцы, телеуты, телесы, алтайцы-ойроты или алтайскіе калмыки, чуйскіе теленгиты, ихъ антропологическій типъ, жилища (кота, янду, юрта, изба); земледѣліе, скотоводство, охота, кузнечное мастерство; религія, шаманство и шаманы; пѣсня, сказка и героическая поэма; экономическій бытъ населенія; вліяніе русской культуры.—*Д. Поникаровскій.* Сельскія общества Салаирской волости (въ Кузнецкомъ окр., Томской губ.): Салаирское, Гавриловское, Гурьевское, Новобочатское и Урское сел. общества, ихъ составъ, передѣлы общинной земли; усадебныя и пахатныя земли, сѣнокосы, лѣса, пастбища и другія угодья, огородничество, горное производство; устройство общинныхъ хозяйственныхъ дѣлъ и какіе платежи и повинности лежатъ на общинѣ; юридическія отношенія членовъ общины; послѣдствія и результаты существующаго общинно-хозяйственнаго быта.—*Н. Григоровскій.* Очерки Нарымскаго края: крестьянская свадьба; винокурши; промыселъ гусей; медвѣжья облава; производство изъ крапивы; мнѣнія и преданія о мамонтѣ у Нарымскихъ инородцевъ; ворожба.—*Б. Шостаковичъ.* Промыслы Нарымскаго края (съ чертежами): рыбные, пушные, звѣриные и орѣшные.

V кн. (1883 г.) *М. В. Пѣвцовъ.* Очеркъ путешествія по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ внутренняго Китая, съ картою Монголіи. Этнографическій интересъ представляетъ IV глава: монгольскія народности: халхасцы, урянхаи, дурбёты, олёты, торгоуты и цзахачины; нравы монголовъ, образъ жизни, жилище, обыденная жизнь, одежда,

скотоводство, земледѣліе, охота, пища, домашняя утварь, ремесла, современное экономическое положеніе монгольскаго народа, удѣльныя княжества, сеймы, управленіе Монголіей, Шабинское вѣдомство и отношеніе монголовъ къ китайцамъ.

VI кн. (1884 г.). ***Н. П. Григоровскій*** Описаніе Васюганской тундры (объ остякахъ).—***М. Стратилатовъ.*** Введеніе къ соч. Вамбери: «Первобытная культура тюркотатарскихъ народовъ» («Die primitive Cultur des türkotatarischen Volkes auf Grundsprachlichen Forschungen»).

VII кн., вып. 1. (1885 г.). ***А. М. Никольскій.*** Путешествіе на озеро Балхашъ и въ Семирѣченскую область. Этнографическіе матеріалы сгруппированы въ V-ой главѣ: Киргизы и киргизскія названія нѣкоторыхъ животныхъ и растеній.—***И. Я. Словцовъ.*** О находкахъ предметовъ каменнаго періода близь г. Тюмени въ 1883 году.—**Вып. 2.** ***Н. Зеландъ.*** Киргизы,—этнологическій очеркъ.

VIII кн., вып. 1 (1886 г.). ***Н. Петропавловскій*** По Ишиму и Тоболу (изъ путешествій и изслѣдованій крестьянскаго быта западной Сибири). I гл.: очеркъ природы; II гл.: очеркъ землевладѣнія: происхожденіе населенія, борьба съ инородцами, порядки въ землевладѣніи, недостаточная прочность земельныхъ порядковъ, типическая форма землевладѣнія, соединеніе индивидуальной и общинной собственности, вопросъ объ интенсивной культурѣ; III гл.: очеркъ культуры: рѣзкая разница между сибирякомъ и русскимъ, но измѣнился не сибирякъ, а русскій; сибирскій крестьянинъ есть чистый типъ русскаго человѣка Московскаго періода, удовлетвореніе потребностей, пища, одежда, жилыя и хозяйственныя строенія, земледѣльческія орудія, земледѣліе и его пріемы. IV гл.: очеркъ переселеній; V гл.: очеркъ отношеній крестьянъ къ землѣ; VI гл.: очеркъ обработывающей и добывающей промышленности и VII гл.: очеркъ будущаго.—***А. Дудоладовъ.*** Очеркъ переселенческаго въ Сибирь движенія.—**Вып. 2.** ***А. В. Адріановъ.*** Путешествіе на Алтай и за Саяны, совершенное лѣтомъ 1883 г.

IX кн. (1887 г.). ***Н. Зеландъ.*** Кашгарія и перевалы Тянь-Шаня (путевыя записки).

X кн. (1888 г.). ***С. Швецовъ.*** Очеркъ Сургутскаго края: 1) общій очеркъ города и округа, 2) занятія населенія: развитіе промысловъ, отсутствіе земледѣлія; связанныя съ промыслами формы пользованія различными угодьями—лугами, лѣсами, рыболовными песками; скотоводство; орѣховый промыселъ; ловля птицъ; рыболовство; звѣроловство; заготовка дровъ на пароходы; ничтожная степень развитія ремесленности; домашнія занятія; торговыя сношенія сургутянъ съ инородцами и тобольскими купцами, характеръ этихъ сношеній; сургутская ярмарка; экономическая зависимость инородцевъ—остяковъ и самоѣдовъ отъ русскихъ; характеръ и степень эксплуатаціи первыхъ послѣдними; 3) очеркъ экономическаго благосостоянія (нищета остяковъ, причины ея, вліяніе нищеты на развитіе болѣзней и вымираніе племени); 4) степень культурнаго развитія; 5) развитіе сургутянъ и ихъ нравы и 6) заключеніе: причины возникновенія Сургута; что дала краю русская колонизація и условія развитія края.—***Н. Н. Пантусовъ.*** Молитвенный сеансъ ордена Джагріе-Кадріе въ Ташкентѣ.—***Н. Пантусовъ.*** Языкъ офеней въ мусульманской средѣ Туркестана.—***Г. Н. Потанинъ.*** Нѣсколько вопросовъ по изученію повѣрій, сказаній, суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ у киргизовъ и сибирскихъ татаръ.

Записки Общества изученія Амурскаго края *).

I т. ***С. С. Россетъ.*** Поѣздка на о-ва Тюленій и Сахалинъ въ 1887 году (орочоны и айны и ихъ промыслы).—***Ѳ. Ѳ. Буссе.*** Остатки древности въ долинахъ Лефу, Даубихэ и Улахэ.

Записки Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества.

I кн. (подъ ред. Е. И. Ламанскаго. Спб., тип. Эд. Праца, 1856 г.). ***Н. Бакшевичъ.*** Описаніе рѣки Иркута отъ Тунки до впаденія въ Ангару (этнографич. интересъ представляетъ 7-ая гл.: «Характеръ с. Тункинскаго и земледѣліе его жителей: казаковъ, крестьянъ и ясачныхъ инородцевъ бурятъ»).—***Протоіер. Хитровъ.*** Описаніе Жиганскаго улуса (въ Верхоянскомъ окр.): якуты и тунгусы, главнѣйшія и второстепен-

*) Издаются съ 1888 г. въ г. Владивостокѣ.

ныя ихъ селенія, нравы, характеръ, одежда, обряды при родинахъ и поминкахъ, сватовство, празднества, промышленность, судопроизводство, мѣры, вѣсъ, счисленіе времени, музыка, сказки, шаманство.—*И. Сельскій.* Описаніе дороги отъ Якутска до Среднеколымска: способъ ѣзды и дорож. одежда; сѣндухи (ночлегъ на открыт. воздухѣ): поварни (станціи); Верхоянскій хребетъ; станція Барыласъ; Верхоянскъ; Оёнъ-Хомы, Зашиверское ущелье; Колымскій округъ; общій взглядъ на природу и людей отъ Якутска до Среднеколымска.—*А. Мордвиновъ.* О древнихъ развалинахъ, найденныхъ около крѣпости Тунки въ 1809 г.—*В. Райскій.* Взглядъ на распространеніе православной вѣры въ Якутской обл.

II кн. (подъ ред. Е. И. Ламанскаго. Спб., тип. Эд. Праца, 1856 г.). *Пермикинъ.* Путевой журналъ плаванія по рѣкѣ Амуру отъ Усть-Стрѣлочнаго караула до впаденія ея въ Татарскій проливъ (въ 1854 г.): тунгусы, манджуры, гольды (орлики), мангунцы (тунгус. племя) и гиляки.—*Архим. Аввакумъ.* О надписи на каменномъ памятникѣ, находящемся на берегу р. Амура, недалеко отъ впаденія ея въ море.—*Юренскій.* Пещера и древнія письмена на берегахъ рѣчки Мангута (Въ Юго-Вост. Сибири).—*Арх. Аввакумъ.* О надписи, находящейся на скалѣ у Мангутской пещеры.—*Д. Давыдовъ.* О древнихъ памятникахъ и могильныхъ остаткахъ аборигеновъ Верхнеудинскаго окр. Забайкальской обл.—*И. А. Юренскій.* Мѣстность Дэлюнъ-Болдокъ на берегахъ р. Онона (мѣсторожденіе Чингисъ-хана).—*Шишкевичъ.* Звѣриная промышленность Удскаго края и сопредѣльныхъ къ нему мѣстъ: звѣриная ловля; мѣсто и время, когда она преимущественно производится; кто занимается; породы звѣрей; способъ ловли; звѣрин. товары; вяленіе мяса, важность звѣрин. промысла въ отношеніи къ народному богатству; сбытъ, провозъ, цѣна.—*Князь Костровъ.* Городъ Минусинскъ.—*Князь Костровъ.* Народныя примѣты крестьянъ-старожиловъ Минусинскаго округа.: 1) примѣты о годѣ вообще и его временахъ, 2) о перемѣнахъ атмосферы, 3) о домѣ и 4) о хозяйствѣ.—*Князь Костровъ.* Юраки (самоѣдскаго племени): мѣста, ими занимаемыя, количество юраковъ; Тазовская и Береговая орды; антропологич. типъ юраковъ; одежда, украшенія ея; жилище (чумъ), устройство и убранство его; время, когда стали извѣстны русскимъ юраки; языческія вѣрованія юраковъ; языкъ ихъ, его нарѣчіе и подраздѣленія; родины; пѣсни; свадеб. обряды; похороны; звѣроловство и рыболовство.

III кн. (подъ ред. Е. И. Ламанскаго. Спб., тип. Эд. Праца, 1857 г.).—*Н. Свербѣевъ.* Описаніе плаванія по рѣкѣ Амуру генералъ-губернатора Вост. Сибири въ 1854 г.: о гогулахъ, дучерахъ, ачанахъ, китайцахъ, наткахъ, орочонахъ, манеграхъ и гилякахъ. —*А. Аргентовъ.* Описаніе Николаевскаго Чаунскаго прихода (о чукчахъ).—*А. Аргентовъ.* Прибавленіе къ описанію прихода—о существованіи земли и людей на Ледовитомъ морѣ, въ сѣверо-западной сторонѣ отъ о-ва Кулючи.—*Д Давыдовъ.* Обонъ (такъ называется у монголо-бурятъ возвышен. мѣсто, гдѣ они исполняютъ свои религіозные обряды).

IV кн. (подъ ред. И. С. Сельскаго и Н. А. Версилова. Спб., тип. Морск. Минист. 1857 г.).—*Андрей Аргентовъ.* Путевыя записки священника-миссіонера въ приполярной мѣстности: Нижнеколымскъ; первобытные обитатели страны: омоки, ходынцы; чуванцы; появленіе здѣсь русскихъ; начало и распространеніе христіанства на Колымѣ, чукчи; поѣздка изъ Нижнеколымска на Чукотскую ярмарку; Анюйская крѣпостца: мѣновая торговля русскихъ съ чукчами; взносъ чукчами въ казну ясака; жилища чукчей; островъ Аё; чукотскій счетъ.—*Князь Костровъ.* Очерки Туруханскаго края; I. Сообщеніе о Турухан. краѣ, г. Енисейскъ; II. Отъ Енисейска до Подкаменной Тунгузки; III. Тунгусы, родина ихъ, нынѣшнія ихъ кочевья, рода: Подкаменскій, Питско-Варагонскій, Милицкій, Верхне-Чумскій, Чапогирско-Чельзяльскій, Каменско-Черноульскій, три Куркугирскихъ рода, Панудальскій, Ятоульскій, два Лапагьугскихъ рода, Чемдальскій или Чанадальскій, Панкаурскій, четыре лѣтнихъ рода, Илимпейскій, Нижне-Чумскій, Чапагырскій, Долгано-Ессейскій, Жаганскій и Долгано-Богадинскій; географич. очеркъ; антропол. типъ; одежда, жилище (чумъ); родины, свадьба, пѣсни, пляски, многоженство, болѣзни, смерть, похороны; гостепріимство; счетъ; шаманство; IV. Мѣстность налѣво отъ Енисея до Таза; V. Остяки, 9 ихъ родовъ: Сымско-Кассовскій, Натско-Пумпокольскій, Верхнеимбатскій, Нижнеимбатскій, Подкаменный, Байхинскій, Карасинскій, Тымскій и Караконскій; происхожденіе остяковъ, ихъ языкъ, занятія; обряды при рожденіи, бракѣ и похоронахъ; VI. Отъ Пакулихи до Нижней Тун-

гузки; VII. Туруханскъ; VIII. Отъ Туруханска до моря; якуты, Шорохинскій и Нижне-Затундринскій ихъ рода; антропологич. типъ якутовъ; жилища ихъ; обжорство; IX. Юраки (та-же статья, что и выше, кн. II); X. Обѣ тундры и берега моря.—*Кн. Костровъ*. Бельтиры (Бельтири, Белтеръ).- *Н. Свербеевъ*. Путевой журналъ купца Мих. Баранығина, во время поѣздки изъ Нижнеколымска въ Анюйскую крѣпость въ 1855 г. (объ якутахъ и ихъ жертвоприношеніи)—*Сельскій*. Историческіе матеріалы о сношеніяхъ европейцевъ съ Японією.

V кн. (подъ ред. И. С. Сельскаго и Н. А. Версилова. Спб., тип. Морск. Мин., 1858 г.). *В. Гауптъ*. Замѣтки на пути изъ Кяхты въ Ургу въ 1850 г.— *И. Сельскій*. Послѣдняя осада Албазина маньчжу-китайцами въ 1687 г.—*Г. Пейзынъ*. Минусинскій окр. Енисейской губ., въ сельско-хозяйственномъ отношеніи.—*Кн. Костровъ*. Объ ученой экспедиціи въ Минусинскій край.—*Д. Давыдовъ*. О началѣ и развитіи хлѣбопашества въ Якутской обл.—*Кн. Костровъ*. Святки въ Минусинскомъ окр. Енисейской губ.

VI кн. (подъ ред. А. С. Сгибнева. Иркутскъ, тип. Штаба войскъ, 1863 г.). *А. Павловскій*. Поѣздка изъ Якутска на Учурскую ярмарку.—*М. Кривошапкинъ*. Объ остякахъ, тунгусахъ и прочихъ инородцахъ (самоядь и якуты) Енисейскаго округа.— *П. Кларкъ*. Очеульскіе и Тутурскіе тунгусы въ Верхоленскомъ окр. Иркут. губ.—*Кн. Костровъ*. Кайбалы.—*Кн. Костровъ*. Шушенская волость Минусинскаго окр. — *Кн. Костровъ*. Бирюсы (Кобинскіе татары).—*А. Аргентовъ*. О полярной экспедиціи, предпринимаемой д-ромъ Гайесомъ (Hayes). — *Н. Аносовъ*. Путевыя замѣтки о Нерчинскомъ окр.

VII кн. (подъ ред. А. С. Сгибѣева и М. В. Загоскина. Иркутскъ, тип. Штаба войскъ, 1864 г.).—*А. Брылкинъ*. Письма съ Сахалина.—*Шишмаревъ*. Свѣдѣнія о Халхасскихъ владѣніяхъ.—*П. Кларкъ*. Вилюйскъ и его округъ. — *И. Лопатинъ*. Обзоръ южной части Приморской обл. Вост. Сибири за р. Суйфуномъ.—*А. Брылкинъ*. Краткій очеркъ о туземцахъ Уссурійскаго края (гольды или ходзены). *Кн. Костровъ*. Списокъ каменнымъ изваяніямъ, находящимся въ Минусинскомъ окр., Енисейской губ.—*П. Кельбергъ*. Клады за Байкаломъ.

VIII кн. (подъ ред. д-ра Н. И. Кашина. Иртутскъ, тип. Окр. Шт., 1865 г.). *П. Крапоткинъ*. Двѣ поѣздки въ Маньчжурію въ 1864 г.: 1) Описаніе пути изъ Старо-Цурухайтуевскаго караула чрезъ г. Мергэнъ на Айгунъ и 2) Сунгари отъ Гирина до устья.—*К. Струковъ*. Очерки монголо-бурятъ, кочующихъ въ Вост. Сибири: элементы монг.-бурятскаго языка; пища (съ подробнымъ описаніемъ состава, способа приготовленія и названія кушаньевъ).—*А Усольцевъ*. Свѣдѣнія о рѣкѣ Сунгари отъ устья до г. Гирина.—*И. Скороговоровъ*. Описаніе Енисейской губ.—*В. Чудовскій*. Историко-этнографическій очеркъ Иркутской губ. (чудь, буряты, тунгусы, якуты, карагазы, татары), съ прилож. этнографич. карты Иркут. губ.—*Кн. Костровъ*. Этнографическія замѣтки о Кизильскихъ татарахъ: 10-ть ихъ родовъ: Кизильскій, Большеачинскій или Ачагъ, Малоачинскій или Кычагъ, Игынскій или Игы, Басагарскій или Буга, Камларскій или Камлеръ, Малоаргунскій или Калмахъ, Курчиковъ или Арчикъ и Шуйскій или Шустеръ; жилища татаръ; судопроизводство; бракъ; свадеб. пѣсни; родины; похороны.—*Я. Шишмаревъ*. Поѣздка отъ г. Урги на рѣку Ононъ.—*Н. Хилковскій*. Путевая записка о поѣздкѣ въ Китайскій городъ Хайларъ.

IX и X кн., (подъ ред. д-ра Н. И. Кашина. Ирк., тип. Окр. Шт., 1867 г.). *П. Крапоткинъ*. Поѣздка въ Окинскій караулъ.—*А. Павлуцкій*. Краткое описаніе такъ называемыхъ чудскихъ древностей, имѣющихся вблизи Кличкинскаго серебро-свинцоваго рудника, съ указаніемъ нахожденія ихъ и въ другихъ мѣстахъ Нерчинскаго горнаго окр.—*И. Лопатинъ*. Краткій отчетъ о дѣйствіяхъ Витимской экспедиціи въ 1865 г.— *И. Сельскій*. Путь до Култука по направленію въ Тункинскій край.—*Д--ръ Н. Кашинъ*. Можно-ли снова заселить ту мѣстность, которая имѣла вредное вліяніе на здоровье прежнихъ ея обитателей? *Н. И. Кашинъ*. Ежегодный выходъ Мэргэнцевъ на р. Аргунь для осмотра границы и для торговли съ жителями Приаргунья.—*О. Палладій* Путевыя записки китайца Джанъ-дэ-хой, во время путешествія его въ Монголію въ 1-й половинѣ XIII столѣтія. *А. Ломоносовъ*. Изслѣдованіе красильнаго вещества, которымъ исчерчены утесы рѣки Оки въ Иркутской губ.

Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества *).

I томъ. 4, 5. Южная часть о-ва Сахалина (извл. изъ воен.-медиц. отчета д-ра Добротворскаго за 1868 г.).—***К. К. Нейманъ.*** Историч. обзоръ дѣйствій Чукотской экспедиціи.—***П. А. Ровинскій.*** О поѣздкѣ на Тунку и на Оку до Окинскаго караула.—Русскіе въ Сред. Азіи, истор.-географ. этюдъ Фридриха фонъ-Гельвальда, пер. съ нѣмец. Е. Д. Бѣльцовой.—***В. И. Вагинъ.*** Англійскіе миссіонеры въ Китаѣ.—***Братья Бутины.*** Историч. очеркъ сношеній русскихъ съ Китаемъ и описаніе пути съ границы Нерчинскаго окр. въ Тянь-дзинъ.

II т. 1, 2. ***Братья Бутины.*** Описаніе пути съ границы Нерчинскаго окр. въ Тянь-дзинъ (продолж., см. I т.): бытъ монголовъ, занятія ихъ; торговля китайцевъ; виды будущей торговли русскихъ съ монголами.—***Н И. Поповъ.*** Общій историч. обзоръ археологическихъ изысканій въ Сибири. ***Г. Л. Майдель.*** Отвѣты Чукотской экспедиціи на вопросы акад. Бэра.—**3.** ***К К Нейманъ.*** Историческій обзоръ дѣйствій Чукотской экспедиціи (см. I т.).—***Я. П. Шишмаревъ.*** Свѣдѣнія о дархатахъ-урянхахъ вѣдомства Ургинскаго Кутухты: къ какому племени принадлежатъ дархаты; чьими подданными были прежде; поступленіе ихъ въ вѣдомство Шабинское; границы Дархатской земли; число народонаселенія; количество скота; управленіе дархатъ, повинности, вѣроисповѣданіе, физич. типъ, языкъ, грамотность, характеръ, одежда, образъ жизни, занятія, пища, обряды при рожденіи, погребеніи и пр. — ***И. В. Калачевъ.*** Образъ жизни тунгусовъ и коряковъ, жившихъ въ Иркутской губ. въ 1766 г.—**4.** ***В. О. Липинскій.*** О ходѣ безпорядковъ въ Сѣв. Монголіи въ 1870 г.—***В. О. Липинскій.*** Свѣдѣнія о нашей торговлѣ въ Угрѣ. — ***Н. И. Поповъ.*** О каменныхъ бабахъ Минусинскаго края.—**5.** ***Ѳед. Буссе.*** Библіогр. зам. о ст. М. Клыкова: «Обзоръ береговъ залива Петра Вел.» въ «Морск. Сборникѣ» 1871 г., кн. XI.

III т. 3. ***П. А. Ровинскій.*** Этнографическія изслѣдованія въ Забайкальской обл. (исторія и статистика населенія). —***А. Трифоновъ.*** Замѣтки о Нижне-Колымскѣ (омоки, юкагиры, чуванцы и чукчи). ***И. Д. Черскій.*** Нѣсколько словъ о вырытыхъ въ Иркутскѣ издѣліяхъ камен. періода (съ табл. рисунковъ). **3—5.** ***А. П. Щаповъ.*** Историко-географическія и этнологическія замѣтки о сибирскомъ населеніи (измѣненія славяно-русской народности; мѣстныя физич., психич. и лингвистич. особенности рус. сибир. населенія.—**4.** ***Іером. Исаія.*** Дорожникъ китайскаго чиновника Юй-Цай, веденный имъ во время переѣзда отъ Пекина чрезъ Губей-Коу, по Монголіи, въ царствованіе импер. Канъ-Си.—**4, 5.** ***Н. И. Поповъ.*** О писаницахъ Минусинскаго края.

IV т. 1. ***П. А. Ровинскій.*** Замѣчанія объ особенностяхъ сибирскаго нарѣчія (съ словаремъ).—**1, 2.** ***А. Павловскій.*** Замѣтки о Вилюйскомъ краѣ.—**1, 3.** ***Н. И. Поповъ.*** О чудскихъ городкахъ и чудскихъ копяхъ въ Минусинскомъ краѣ.—**2.** ***А. П Щаповъ.*** Истор.-географ. замѣтки о Сибири (продолж., см. т. III, №№ 3—5): значеніе первоначальныхъ географическихъ открытій въ Сибири.—**2, 3.** ***П. А. Ровинскій.*** Матеріалы для этнографіи Забайкалья: численность семейскихъ въ наст. время; ихъ экономич. значеніе; увеличеніе ихъ населенія; ихъ исключительное положеніе предъ закономъ и послѣдствія такого положенія; отношеніе къ нимъ свѣтской и духов. властей; гдѣ исходъ изъ ненормал. положенія; общая характеристика семейскихъ; стихъ соловецкихъ чудотворцевъ; Вичура.—**4.** ***Ѳ. В. Елезовъ.*** Рыбная и звѣриная промышленность по берегамъ оз. Байкала. **5.** ***Г. А. Фритше.*** Свѣдѣніе о путешествіи по Монголіи въ 1873 г.

V т. 1. ***И. П.*** Свѣдѣніе объ языкѣ Урянховъ. ***Н. И. Поповъ.*** Краткій историч обзоръ различныхъ родовъ фонетическаго письма у народовъ Сѣв. и Сред. Азіи.—**2.** ***Н. И. Поповъ.*** О руническихъ письменахъ въ Минусинскомъ краѣ.—**3, 4.** ***Н. И. Поповъ.*** О памятникахъ Тангутскаго и Монгольскаго письма въ Минусинскомъ краѣ. ***Д. Павлиновъ.*** Юридическій бытъ скопцовъ Мархинскаго селенія Якутскаго окр. ***А. Щаповъ.*** Бурятская улусная родовая община.

VI т. 3. ***А Щаповъ.*** Сельская осѣдло-инородческая и русско-крестьянская община въ Кудинско-Ленскомъ краѣ,—**5, 6.** ***А. Щаповъ.*** Физическое и этнолого-генеалогическое

*) Начали издаваться въ 1870 г. въ Иркутскѣ, подъ редакторствомъ правителя дѣлъ Отдѣла А. Ф. Усольцева.

развитіе Кудинскаго и Верхоленскаго населенія: развитіе уродствъ между бурятами Кудинскаго, Верхоленскаго и Ленскаго вѣдомствъ и вліяніе на него замкнуто-родового генезиса. *Н. И. Поповъ.* Общій взглядъ на писаницы Минусинскаго края.

VII т. 1. *Н. И. Поповъ.* Общій взглядъ на писаницы Минусинскаго края (оконч., см. томъ VI, №№ 5 и 6).—*М. З—нъ* Аѳанасій Прокофьевичъ Щаповъ (некрологъ). **2, 3.** *А. П. Щаповъ.* Физическое развитіе Верхоленскаго населенія (см. VI т., 5 и 6). **2—5.** *Н. Поповъ.* О чудскихъ могилахъ Минусинскаго края.

VIII т. 1—4 *Н. Поповъ.* О чудскихъ могилахъ Минусинскаго края (см. VII т.). **1—6.** *К. К. Нейманъ.* Плаваніе по Восточному океану.—**3, 4.** О древнихъ обитателяхъ русской Дауріи (изъ «Asien» Риттера, Bd. II. S. 320—324).—*Н. И. Поповъ.* О древнихъ могилахъ близъ дер. Бальдзы.—*А. А. Большевъ.* Русское прибрежье Тихаго океана.—**5, 6.** *Н. Гребницкій.* Значеніе Китайско-Корейскаго элемента въ дѣлѣ колонизаціи Южно-Уссурійскаго края.—Этнографія Аляски,—проф. Фрид. Миллера по Дэлю (изъ «Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft», in Wien, 1871, Bd. I, № 8) *).

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Русс. Геогр. Общества.

IX т. *) **1, 2.** *Н. А. Гребницкій.* Этнограф. очеркъ Южно-Уссурійскаго края: китайцы (маньцзы); разведеніе жень-шеня; ловъ трепанговъ; ловъ морской капусты; производство «сули» (водки); грибной промыселъ; добываніе соли.—*Н. И. Поповъ.* Объ орудіяхъ каменнаго вѣка на сѣверѣ и востокѣ Сибири.—**3, 4.** *М. З—нъ.* Николай Ивановичъ Поповъ (некрологъ).—**5, 6.** Новая полярная экспедиція Норденшильда изъ Норвегіи до Берингова пролива 1878 г.

X т.—1, 2. *Н. А. Гребницкій.* Свѣдѣнія о торговлѣ въ Амурскомъ краѣ.

XI т.—1, 2. Первый бурятскій шаманъ Моргон-Хара. Первый шаманъ Боголи-Хара.—**3, 4.** *Н. И. Витковскій* Краткій отчетъ о раскопкѣ могилы каменнаго періода въ Иркутской губ.—Минусинскій музей.

XII т.—1. *В. Вагинъ.* Замѣтки объ общинномъ бытѣ Забайкальскихъ казаковъ 3-го пѣшаго отдѣла. — **2, 3.** *М. Янковскій.* Кухонные остатки и каменныя орудія, найденные на берегу Амурскаго залива.—*Боголюбскій.* Пещеры близъ дер. Бирюсы.—**4, 5.** *Н. Н. Агапитовъ.* Прибайкальскія древности: изображенія на утесахъ Байкала и городища Иркутской губ. (съ 5 табл. рисунковъ).—*Н. Н. Агапитовъ.* Слѣды каменнаго вѣка въ бассейнѣ р. Руды и по р. Унгѣ (съ 2 табл. рис.).—*Н. М. Мартьяновъ.* Изваянія и изображенія животныхъ въ Минусинскомъ краѣ.

XIII т.—1, 2. *Н. И. Витковскій.* Отчетъ о раскопкѣ могилъ каменнаго вѣка въ Иркутской губ., на лѣвомъ берегу р. Ангары.—**3.** *М. Писаревъ.* О народахъ Амурскаго края въ историко-географическомъ и антрополого-этнологическомъ отношеніяхъ (по Шренку).—*Н. Гороховъ.* Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири: слѣды шаманства у якутовъ.—*Боголюбскій.* Изслѣдованіе древностей Минусинскаго округа, Енис. губ. въ 1881 г.: 1) писаные камни въ Минусинскомъ окр., 2) надписи и фигурныя письмена въ верховьяхъ Енисея, на земляхъ сойотовъ, 3) раскопка кургановъ вблизи Михайловскаго пріиска по р. Изынжулу, впадающему справа въ Камышту, въ Минусинскомъ округѣ.

XIV т.—1, 2. *Н. Н. Агапитовъ* и *М. Н. Хангаловъ.* Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири: шаманство у бурятъ Иркутской губ. (божества; хаты, свящ. изображенія и идолы; жертвоприношенія и гаданія; шаманы (бб); идеи бурятъ о душѣ и загробной жизни).—*Н. Гороховъ.* Кинитти (отношенія у якутовъ женщины къ роднымъ ея мужа).—*А. Ю. Назаровъ.* Маньчжуры, дауры и китайцы Амурской обл.—Программа для собиранія этнографическ. предметовъ для музея Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О.—**3.** *Н. Мартьяновъ.* Путевыя замѣтки изъ поѣздки въ сѣв.-восточную часть Минусинскаго округа.—*И. С. Боголюбскій.* Изслѣдованіе древностей Минусинскаго окр. и верховьевъ р. Енисея въ 1882 г.—*Н. А. Гребницкій.* Замѣтки о такъ называемой

*) Дальнѣйшіе томы стали выходить подъ заглавіемъ «Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О.».

*) Первые 8 томовъ вышли подъ заглавіемъ: «Извѣстія Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О.».

болѣзни скифовъ. — 4, 5. *Н. Гороховъ*. Дневникъ пути отъ Верхоянска до верховья р. Дулгалаха и обратно.—*К. Михайловъ*. Икоральская сельская община.

XV т. 1,—6. *Я. П. Дуброва*. Поѣздка въ Монголію.—3, 4. *Н. П. Припузовъ*. Свѣдѣнія для изученія шаманства у якутовъ Якутскаго окр. — 5, 6. *Н. Гороховъ*. Юрюнгъ-Уоаланъ (бѣлый юноша), якутская сказка.

XVI т. 1,—3. *Я. П. Дуброва*. Поѣздка въ Монголію (оконч., см. XV т.).—*Ад. Шимановскій*. Пища якутовъ.—*М. Нестеровъ*. Могила Карабаяна.

XII т.—1, 2. *Врачъ Кириловъ*. Поѣздка въ Нижнеангарскъ, Баргузинскаго окр. на Байкалѣ въ 1885 г. (нижнеангарскіе тунгусы и пристани рыбопромышленниковъ; неводьба; рыболовство въ морѣ вообще и въ Ангарскѣ въ частности; жизнь рабочихъ; общая спарка).—*В. Л. Приклонскій*. О шаманствѣ у якутовъ.—*А. Поповъ*. О вѣрованіяхъ якутовъ Якутской обл. — 3, 4. *Н. В. Савенковъ*. Къ развѣдочнымъ матеріаламъ по археологіи средняго теченія Енисея. — *А. Еленевъ*. Сообщеніе о Вирюсинскихъ пещерахъ.

XVIII т. *В. Л. Приклонскій*. Матеріалы по этнографіи якутовъ Якутской обл.: встрѣча весны, ысыэх, преданіе объ учрежденіи ысыэх'а и происхожденіи якутовъ, преданіе объ Эръ-эллеѣ по Миддендорфу; якуты, вытѣсненные съ юга бурятами, поселяются на Ленѣ и здѣсь покоряются пришедшими русскими; остатки крѣпости въ Якутскѣ; судьба якутовъ послѣ Тыгына; устройство якутскихъ жилищъ зимнихъ и лѣтнихъ, пища, угощенія, посуда, одежда, оружіе, экипажи и сбруя. — *В. Вагинъ*. Нынѣшняя деревенская пѣсня (приложено 78 пѣсенъ, записанныхъ въ дер. Баклаши, въ 18 верст. отъ Иркутска).

XIX т.—2. *Пласковицкій*. Кадинская писаница.—3. *Хангаловъ*. «Зэгэтэ-аба», облава на звѣрей у древнихъ бурятъ.—*Д. Клеменцъ*. Наговоры и примѣты у крестьянъ Минусинскаго округа.—Путешествіе въ Аляску лейтенанта Сетон-Кара (изъ «Proceedings of The Royal Geographical Society», 1887, V).—Путешествіе въ Манджурію Джемса (изъ «Proc. of The R. G. S.», 1887, X.).—Путешествіе г. Кэри въ Китайскій Туркестанъ и вдоль сѣверной границы Тибета.—4. Пещеры въ долинѣ Селенги.—5. *Н. Н. Сабуровъ*. Объ омулѣ и рыбопромышленности на Байкалѣ. — *К. А. Яковлева*. Всев. Ив. Вагинъ (библіографія).

XX т —1, 2. *Н. И. Витковскій*. Слѣды каменнаго вѣка въ долинѣ р. Ангары.—*Д. А. Клеменцъ*. Предварительныя свѣдѣнія объ экскурсіи въ Ачинскій и Канскій округа.—2. *Сарычевъ*. Результаты раскопки кургана около г. Якутска.—*П. Проскуряковъ*. Іюсскія пещеры.—*Каргополовъ*. Пещера близъ Ачинска.—3. Число бурятскихъ дѣтей, учащихся въ народныхъ школахъ вѣдомства Мин. Нар. Просв. въ Иркутской губ. къ 1 янв. 1889 г. - 4. *Н. М. Ядринцевъ*. Отчетъ о поѣздкѣ въ Монголію и вершины Орхона. — *Н. В. Кириловъ*. Полуодомашненные изюбри въ Верхнеудинскомъ окр.—*Г. Н. Потанинъ*. Ярмарка изюбревыхъ роговъ въ Гуй-хуа-ченѣ. — 5. Число инородческихъ дѣтей, обучавшихся въ народныхъ Училищахъ Забайкальской обл. къ 1 янв. 1889 г.

СМѢСЬ.

Замѣтки о народныхъ вѣрованіяхъ въ Вологодской губ.

Издавая въ прошломъ году наши «Матеріалы по этнографіи Вологодскаго края» (Труды Этногр. Отдѣла И. О. Л. Ест., Антр. и Этн., кн. XI), мы хорошо сознавали, что нашъ трудъ далеко не можетъ исчерпать всего богатства научнаго матеріала по всѣмъ вопросамъ народной жизни даннаго края. Дѣйствительно, продолжая наши наблюденія, мы неоднократно наталкиваемся на новые интересные факты и явленія, которыя, накапливаясь у насъ постепенно, могли бы черезъ нѣсколько лѣтъ составить важное дополненіе къ нѣкоторымъ отдѣламъ нашего труда. Не желая однако въ на-

стоящее время, при существованіи спеціальныхъ этнографическихъ журналовъ, держать вновь добываемые отрывочные факты подъ спудомъ, считаемъ болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ сообщать ихъ постепенно по мѣрѣ накопленія на сраницахъ «Этногр. Обозрѣнія».

1. Почитаніе огня и деревьевъ.

Слѣды почитанія огня и деревьевъ ясно сохраняются въ вѣрованіяхъ и легендахъ до сей поры и не только въ отдаленныхъ мѣстахъ губерніи, но и вблизи городовъ. Огонь повсюду считается безусловно священнымъ. Вотъ легенда, записанная въ Кадниковскомъ уѣздѣ.

Сошлись два огня и говорятъ одинъ другому: я, братъ, разгуляюсь.—Почему?—А потому, что мой хозяинъ очень неопрятенъ: дуетъ меня не у самой печки, на каленые уголья плюетъ, ребятишки на меня с..тъ,—спалю ихъ за это! — А другой говоритъ: у меня такъ хозяинъ опрятенъ: дуетъ меня у самой печки, гаситъ холодной и чистой водой; я берегу своего хозяина. Въ ту-же ночь домъ хозяина-неряхи сгорѣлъ.

Въ Замошской вол. Кадниковскаго у., близъ дер. Терентьева до сихъ поръ существуетъ большой еловый пень, пользующійся почитаніемъ окрестныхъ жителей. Огромная ель стояла одиноко среди поля многіе годы, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ ее сломило вѣтромъ. Одинъ крестьянинъ, желая воспользоваться отломанной частью дерева на дрова, отрубилъ ее, расколол и продалъ, не смотря на протесты и предостереженія односельчанъ. За то онъ вскорѣ началъ хирѣть и въ томъ же году умеръ.

2. Вѣра въ превращенія.

Случаи обращенія людей въ животныхъ и въ деревья до сихъ поръ считаются у вологодскаго народа вполнѣ возможными и нерѣдкими. Лягушки повсюду признаются обращенными людьми, во многихъ мѣстахъ и медвѣди. Всего же чаще люди обращаются въ волковъ. Разсказывается слѣдующій случай:

Жены двухъ братьевъ пошли однажды за водой. Одна изъ этихъ женщинъ была колдунья. Увидѣвъ, что въ ихъ озимь попало стадо овецъ, колдунья положила на землю свое дерево (т. е. коромысло), перекинулась черезъ него и обратилась въ волка. Сноха ея вздумала сдѣлать то же, и ей это удалось. Колдунья, прогнавъ овецъ, вернулась и опять обратилась въ женщину, а сноха ея уже не могла. Такъ она и осталась волкомъ. У нея былъ сынъ и она часто приходила къ своему дому посмотрѣть на сына и поплакать. Впослѣдствіи ее какъ-то опять превратили въ человѣка, но только у нея до смерти осталась волчья шерсть подъ пазухами и на груди.

Въ Двиницкой вол. Кадниковскаго у., записана слѣдующая пѣсня:

Молодая-то жена не въ любвѣ пришла.
День кляли ее да до полуночи.
Со полуночи ворота отворилися,
Выносило ее въ чисто полюшко.
Выростала тутъ березонька.
Ѣдетъ молодецъ съ ученьица;
Дивовался онъ березонькѣ:
Что когда же, когда выросла?
Добрый молодецъ слѣзалъ съ коня,
Вынимаетъ саблю вострую.
Ужъ какъ первый разъ ударилъ—кровь-то брызнула.
Что другой-отъ разъ ударилъ—слезно сплакала,
А какъ въ третій разъ ударилъ—слово молвила:
Не руби ты, добрый молодецъ, меня,
Не губи ты, добрый молодецъ, себя,
Не губи ты малыхъ дѣтушекъ!
Что вѣдь я-то березонька—молода твоя жена,
Что на мнѣ-то прутьеце—наши дѣтоньки.
Какъ садился добрый молодецъ на воронова коня,

И поѣхалъ добрый молодецъ къ отцу къ матери домой,
И пріѣхалъ добрый молодецъ къ отцу къ матери своей.
Онъ пріѣхалъ, порасплакался [1]).

3. *Къ исторіи погребальныхъ обычаевъ* (*сани*)

Считаю не лишнимъ отмѣтить одинъ замѣчательный, по моему мнѣнію, фактъ. Лѣтомъ 1890 г., гуляя въ окрестностяхъ Кадникова, я увидѣлъ вблизи дороги на ровномъ пустомъ мѣстѣ, поросшемъ тощей травкой, изгородь изъ жердей въ видѣ четырехугольника, аршинъ пять длиною и три шириною, внутри которой лежали опрокинутыя полозьями вверхъ совершенно новыя дровни. Оказалось, что подъ дровнями зарыта лошадь. Изъ справокъ и распросовъ выяснилось, что погребеніе лошадей производится подобнымъ образомъ во многихъ мѣстностяхъ уѣзда, но не всѣхъ лошадей, а только *коней*, т. е. лошадей, на которыхъ исключительно ѣздятъ верхомъ. Такого коня, когда онъ околѣетъ, владѣлецъ кладетъ на дровни (хотя бы и лѣтомъ) и вывозитъ какъ покойника, головою назадъ, въ поле, зарываетъ въ землю около дороги, на могилу опрокидываетъ дровни и обноситъ могилу прочной изгородью. Дровни, хотя они и новыя, никогда и никто не тронетъ, они такъ и сгніютъ на мѣстѣ [2]).

Н. Иваницкій.

Кадниковъ. Май 1891.

Посидѣлки.

(*въ Тульскомъ и Венезскомъ уѣзд.* [3]).

Подъ именемъ «посидѣлокъ» разумѣется время, опредѣляемое даревенскими дѣвушками-невѣстами себѣ для гулянія предъ тѣмъ, какъ имъ заняться своими обычными, осенними и зимними работами. Посидѣлки бываютъ въ концѣ сентября или въ началѣ октября и обыкновенно начинаются въ одно изъ воскресеній, которое дѣвушки ближайшихъ между собою деревень выберутъ но взаимному согласію. Продолжаются же онѣ недѣлю, а иногда и больше.

Посидѣлки доставляютъ дѣвушкамъ случай пожить, хотя и не много времени, совершенно самостоятельно, свободно и весело. Поэтому дѣвушки ожидаютъ ихъ, какъ праздника. Еще задолго до посидѣлокъ онѣ успѣютъ найти у какой-либо безсемейной или малосемейной бабы домъ, гдѣ-бы имъ проводить посидѣлки, сумѣютъ отпросить тѣхъ изъ своихъ подругъ, которыхъ почему-нибудь не хотятъ отпустить ихъ родители, и заготовятъ себѣ нужные наряды.

Въ первый день посидѣлокъ дѣвушки окончательно договариваются относительно квартиры. Условія, на которыхъ уступается имъ изба, почти всегда состоятъ лишь въ томъ, чтобы дрова, харчи и всѣ хлопоты по дому за время посидѣлокъ были дѣвичьи. Затѣмъ посидѣльщицы мало-по-малу устраиваются въ нанятой избѣ. Сюда приносятъ положенное съ каждой посидѣльщицы количество муки, крупъ, масла и т. п. Обыкновенно каждая дѣвушка должна представить: ржаной муки 10—20 фунтовъ, картофелю 2 кошолки или 2 ведра, сѣмени коноплянаго $^1/_8$—$^1/_4$ мѣры (оно мѣняется дѣвушками въ маслобойняхъ на масло), масла коровьяго 1 чайную чашку и одну курицу. Собираютъ также деньгами копѣйки по двѣ, по три. На нихъ покупаютъ водки, чаю, сахару, конфектъ, жамокъ, орѣховъ и подсолнуховъ, что служитъ для угощенія посидѣльщицъ изъ другихъ деревень, когда тѣ придутъ сюда въ гости, и для угощенія парней, которыхъ дѣвушки приглашаютъ по вечерамъ играть на гармоникахъ.

Въ первый же день посидѣльщицы рядятся цыганками въ лохмотья, цыганами съ льняными бородами, привѣшиваютъ себѣ сумы и въ такомъ нарядѣ ходятъ по дворамъ своей деревни и собираютъ все, что дадутъ, и хлѣбъ, и соль, и крупу, и даже дрова.

---

[1]) См. «Этногр. Обозр.», кн. VII, 262.

[2]) См. изслѣд. проф. Д. Н. Анучина о погребальныхъ обрядахъ. «Древности» Моск. Арх. Общ., т. XIV. Этн. Обозр. V., 175.

[3]) О посидѣлкахъ см. статью проф. Н. Сумцова: „Досвитки и посидѣлки“ въ „Кіевской Стар.“ 1886 г., мартъ. *Ред.*

Собранное также сносится въ нанятую избу. Такимъ образомъ, весь первый день посидѣлокъ проходитъ въ однихъ хлопотахъ.

Утро второго дня, какъ и всѣхъ прочихъ, до самаго завтрака, проводятъ въ приготовленіи кушаній и уборкѣ хаты. Позавтракавши, дѣвушки или идутъ въ гости въ одну изъ сосѣднихъ деревень къ посидѣльщицамъ, или остаются весь день дома и ждутъ другихъ посидѣльщицъ къ себѣ. Въ первомъ случаѣ, т. е. если дѣвушки хотятъ итти въ другую деревню, послѣ завтрака у нихъ начинаются сборы. Особенное вниманіе обращается на нарядъ четырехъ избранныхъ дѣвушекъ. Двухъ изъ нихъ рядятъ въ мужскую одежду; надѣваютъ на нихъ красныя рубашки, плисовыя штаны, суконныя поддевки и сапоги съ бураками; на головы, съ подобранными кверху косами, надѣваютъ картузы. Двухъ же другихъ избранныхъ дѣвушекъ наряжаютъ, какъ невѣстъ: убираютъ ихъ въ новый растегай, или, что то-же, сарафанъ. Голову спереди украшаютъ цвѣтами, сдѣланными изъ бумаги; цвѣты бываютъ прикрѣплены къ лентѣ, которая завязывается подъ косой; къ этой же лентѣ прикалываются или пришиваются нѣсколько другихъ лентъ, которыя назади спускаются на плечи. На шею надѣваются ожерелья, нитокъ пять и болѣе. Наконецъ, на плечи накидывается цвѣтная шаль, которая спереди скалывается булавкой. Дѣвушку, одѣтую молодцомъ, называютъ «бариномъ», а одѣтую невѣстой — «барыней». Во время убора этихъ «господъ», прочія дѣвушки, уже нарядившіяся по праздничному, поютъ пѣсни. Когда всѣ сборы кончены, дѣвушки выходятъ изъ дому въ такомъ порядкѣ: спереди идутъ два «барина», за ними—двѣ «барыни»; позади же ихъ слѣдуютъ остальныя. «Господа» первые запѣваютъ пѣсни и первые же начинаютъ пляску. Если какая-нибудь изъ другихъ дѣвушекъ станетъ разговаривать съ кѣмъ-либо изъ «господъ», то, называя ихъ: «господиномъ-бариномъ» или «госпожою-барыней», говоритъ имъ «вы». Пѣсни, которыя поются посидѣльщицами, обыкновенно бываютъ плясовыя. Когда входятъ въ деревню гдѣ также есть посидѣлки, то поютъ слѣдующія небольшія три пѣсни непосредственно одну за другою и на одинъ напѣвъ:

1. Во лужкахъ была, во лужочкахъ;
Милъ травушку топчетъ, дороженьку ищетъ.
Милъ дорожки не нашелъ, самъ заплакалъ да пошелъ
Къ сударынѣ во теремъ.
Сударыня выходила, съ молодцомъ рѣчи говорила:
«Честной, хвальной, не стой со мной,—
Пойди, куда хочешь, (2) люби, кого знаешь.
Я тобой, сударь, довольна, гулять съ тобой полно!
Полно, полно,—не хочу! Съ кѣмъ гуляю, не скажу,
Кого люблю, не укажу».

2. Черезъ городъ летѣлъ голубь, что изъ лука стрѣлка;
Плыла утка-селезень тихою водою, голою рѣкою.
Скажи, утка-селезень, моему милому,
Что я—сиротою, горькою вдовою.

3. Противъ солнца, на восходѣ, рябина стояла.
Стой, моя рябина, стой, да не шатайся,
Живи, моя любезная, живи, не печалься.
Черезъ три года—четыре я самъ къ тебѣ буду,
Тебя не забуду.

Дѣвушки, подходятъ къ тому дому, въ которомъ квартируютъ посидѣльщицы. Послѣднія встрѣчаютъ гостей, приглашаютъ войти къ себѣ въ хату и сажаютъ ихъ за столъ. Въ переднемъ углу усаживаютъ пришедшихъ «господъ». Гостей потчуютъ чаемъ, десертомъ, состоящимъ изъ конфектъ, жамокъ, орѣховъ и проч.,—курятиной, блинами, ржаными пирогами, водкой и наливкой. Послѣдняя иногда бываетъ собственнаго приготовленія; ее дѣлаютъ изъ сока вареной свеклы съ сахаромъ. Къ «господамъ» относятся, какъ на свадьбѣ къ жениху и невѣстѣ. Такъ, «господъ» величаютъ въ пѣсняхъ: когда угощаются водкой, то говоря: «горько», заставляютъ ихъ цѣловаться, чтобы подсластить водку ихъ поцѣлуями. Изъ гостей отправляются домой съ пѣснями и плясками.

Въ тѣ дни, когда посидѣльницы не ходятъ въ другія деревни, и когда у нихъ нѣтъ гостей, онѣ рядятся. Обыкновенно, ряженыя изображаютъ «коня» или «индюшку». Коня представляютъ слѣдующимъ образомъ. Двѣ или четыре дѣвушки берутъ съ обоихъ концовъ двѣ оглобли, обратившись лицами въ одну сторону. Дѣвушкамъ, которыя должны итти впередъ, дается въ руки еще куделька. Къ куделькѣ привязывается пукъ соломы. Все это, и куделька и дѣвушки съ оглоблями, прикрывается веретьемъ. Сзади веретье спускается нѣсколько внизъ, что изображаетъ лошадиный хвостъ. Покрытая же куделька обертывается краснымъ кушакомъ, такъ, чтобы привязанный пукъ соломы спускался книзу на подобіе лошадиной морды, а двѣ рогульки кудельки отчетливо выдѣлялись бы на верху, какъ два лошадиныхъ уха. Такимъ образомъ получается чучело-лошадь. Эту лошадь беретъ подъ уздцы, за концы кушака, одинъ «баринъ» и ведетъ ее по деревнѣ, въ сопровожденіи толпы любопытныхъ. Потомъ является другой «баринъ» и изъявляетъ желаніе купить эту лошадь. Ея хозяинъ соглашается продать ее и назначаетъ цѣну. Но сколько бы онъ ни запросилъ за свою лошадь, покупатель начинаетъ торговаться, въ цѣнѣ не сходятся, и дѣло кончается тѣмъ, что въ торгѣ принимаютъ участіе посторонніе, парни и дѣвушки: они берутъ сторону покупателя, корятъ лошадь и съ криками; «какой это конь!» растаскиваютъ чучело на части.

Устройство «индюшки» гораздо проще. Какая нибудь дѣвушка надѣваетъ на себя обыкновенную холщевую женскую рубашку. Рукава этой рубашки надѣваются на ноги, а подолъ ея сверху надъ головой завязывается такъ, чтобы на головѣ остался небольшой хохликъ. Въ такомъ нарядѣ дѣвушка бѣгаетъ по улицѣ и махаетъ головой, отъ чего хохликъ трясется. Это производитъ большой смѣхъ среди малотребовательныхъ зрителей.

Случается, что посидѣльщицы наряжаются иначе и представляютъ собою иныя чучела и иногда даже цѣлыя процессіи. Разъ дѣвушки задумали изобразить похороны. Для этого двѣ дѣвушки одѣлись въ длинные кафтаны и распустили по плечамъ свои волосы, а одна изъ нихъ взяла въ руки привязанный на веревкѣ лапоть. Эти двѣ ряженныя изображали духовныхъ лицъ — священника и діакона съ кадиломъ. Остальныя же дѣвушки покрывались бѣлыми платками, положили на носилки подушку, накрыли бѣлою простыней и понесли по деревнѣ при пѣніи пѣсни: «Со вечера затуманилось», очень печальнаго напѣва.

Время, остающееся отъ гулянья по другимъ деревнямъ и отъ ряженья, посидѣльщицы проводятъ дома. Тогда къ нимъ приходятъ парни съ гармониками, и съ ними дѣвушки поютъ пѣсни, пляшутъ и разсказываютъ другъ другу про «страсти» и про что-нибудь смѣшное. Иногда это времяпровожденіе разнообразится нѣкоторыми шалостями, которыя дозволяютъ себѣ разгулявшіяся посидѣльщицы. То онѣ не поладятъ съ парнями и затѣютъ съ ними войну, то украдутъ у кого-нибудь курицу съ нашести, поймаютъ на прудѣ или на рѣкѣ на кусочекъ хлѣба загнутою булавкой, какъ рыбу на крючокъ,утку, а иногда, при помощи молодца, даже обдерутъ краденую овцу. Хотя на такого рода воровство другіе смотрятъ, какъ на непредсудительное баловство молодежи, однако оно не всегда благополучно сходитъ съ рукъ самимъ посидѣльщицамъ. Бываютъ несчастные случаи. Такъ, въ д. С. Тульскаго уѣзда, пошли разъ дѣвушки ночью на чужой дворъ. Одна изъ нихъ полѣзла на переметъ, на которомъ сидѣли куры, да и оборвалась съ него прямо на зубья лежащей внизу бороны и поплатилась жизнью за свою неосторожность. Впрочемъ, веселье посидѣльщицъ очень рѣдко омрачается подобными несчастіями. По этому съ большою грустью онѣ покидаютъ хату, гдѣ имъ такъ привольно жилось, и не охотно принимаются уже среди своей семьи за пряжу шерсти, мятье и отрепыванье льна и пеньки. Долгое время посидѣлки служатъ у молодежи интересной темой для разговоровъ, и часто лишь воспоминаніе о нихъ доставляетъ утѣшеніе заскучавшей дѣвушкѣ.

Нѣчто подобное дѣвичьимъ посидѣлкамъ представляютъ собою мужскія „засидки", устраиваемыя съ 8-го по 14-ое сентября (включительно). Въ засидкахъ принимаютъ участіе слесаря, бочары, столяры и вообще тѣ, кто послѣ 14 сентября начинаетъ заниматься извѣстнымъ мастерствомъ. Засидки проводятся главнымъ образомъ въ пьянствѣ и, по большей части, въ кабакѣ.

Дм. Ив. Успенскій.

Литовскія легенды.

1. Храненіе денег.

а) Одинъ богатый крестьянинъ, чувствуя приближеніе своей кончины, не хотѣлъ оставить денегъ своей женѣ, а потому сказалъ ей: — Юзеле (Іозефа), пойди позвать кого-нибудь, потому что я скоро умру! Но она не послушала его, влѣзла на чердакъ и смотрѣла чрезъ отверстіе, что мужъ будетъ дѣлать. Онъ слѣзъ съ кровати и потащилъ въ подпечку мѣшокъ съ деньгами, еле волоча его за собой. Потомъ онъ сталъ зарывать деньги въ землю и, заклиная ихъ, скасалъ: — Деньги, если васъ будетъ брать та-же самая рука, то вы давайтеь взять, а если другая, то не давайтесь! Жена подождала, пока онъ влѣзъ опять на кровать, слѣзла съ чердака и пришла къ нему.— Придутъ мущины?—спрашиваетъ онъ ее. — Можетъ быть, и придутъ. Старикъ началъ отходить. Какъ только она замѣтила, что онъ померъ, она взяла его, подтащила къ подпечкѣ и его же руками вырыла изъ земли мѣшокъ съ деньгами и забрала ихъ себѣ. Пришли сосѣди, она сказала: — Мой мужъ померъ! Эти деньги пошли ей въ пользу и не принесли никакого вреда, во первыхъ потому, что она сумѣла хитро ихъ отрыть, а во-вторыхъ потому, что еще не успѣлъ сѣсть на нихъ *Чипчикасъ* или *Шипшикасъ*[1]). Какъ только зарытыя деньги, принадлежащія покойному, не назначены имъ кому-нибудь при жизни, то попадаютъ Чипчикасу, который на нихъ сидитъ, и тогда взять ихъ нельзя.

b) Въ деревнѣ Дайчюны, Вашковскаго прихода, одинъ зажиточный крестьянинъ несъ для храненія деньги. Увидя это, жена брата сказала ему:—Братецъ, братецъ, на что ты прячешь эти деньги? Мнѣ ихъ не нужно! Ты ихъ лучше оставь въ пользу церкви. Завтра, послѣ завтра помрешь: кому же достанутся эти деньги? Оставь ихъ лучше священнику: онъ будетъ молиться за упокой твоей души. Онъ ей сказалъ: Иди, невѣстка, принеси эти деньги изъ сарая, гдѣ мякина. Тамъ онѣ завалены камнемъ: отвали его—найдешь тамъ двѣсти рублей. Она такъ и сдѣлала.—Вотъ твои деньги!— сказала она.—Я ихъ принесла въ передникѣ. Когда онъ померъ, она отнесла эти деньги священнику, и онъ въ церкви съ амвона сказалъ: Счастье, что нашлись деньги и пошли въ пользу церкви! Душа покойника будетъ спасена, потому что на нихъ не засѣлъ еще Чипчюкасъ. (Записано отъ крест. Сколястики Гламжа, имѣющей около ста лѣтъ, въ д. Ручаны, Вашковск. прих., Поневѣжск. у., Ковенск. губ.).

Сообщ. *Меч. Довойна-Сильвестровичъ.*

2. *Айчварасъ* [2]), *духъ-покровитель.*

Айчварасъ не былъ купленъ хозяиномъ за деньги, а высиженъ. Черный пѣтухъ снесъ яйцо. Хозяинъ положилъ это яйцо въ горшокъ съ пухомъ [3]). Баба сѣла на этотъ горшокъ, сидѣла на немъ за печкой 66 лѣтъ, 66 дней, 66 часовъ и 66 мин. и высидѣла одного Айчвараса. Столько же времени затѣмъ держали его за печкой, такъ что никто о немъ не зналъ. Когда онъ выросъ, отвели его въ клѣть (jauje) и дали ему тамъ ѣсть. Объ немъ заботилась та, которая высидѣла его: давала ему вареники (virtenes [4]), масло, яичницу (kiauszenc). Когда она ушла, хозяинъ взялъ его подъ свое покровительство. Зато, чего бы ни захотѣлъ хозяинъ, Айчварасъ ему доставлялъ. Когда по случаю окончанія молотьбы для Айчвараса была приготовлена въ клѣти ѣда, пастухъ (bondinikas) подсмотрѣлъ и все съѣлъ, а вмѣсто этого положилъ лошадинаго и человѣчьяго помету. Айчварасъ сталъ жаловаться хозяину: «Что ты мнѣ не даешь ѣсть?» Хозяинъ сталъ обвинять свою жену, но она отвѣчала: «Неправда». Хозяинъ

---

[1]) Чертъ, бѣсъ; въ Россіенскомъ уѣздѣ онъ называется *Кипшасъ*.

[2]) По-жмудски—*Айтварасъ*.

[3]) Такъ сохраняются только что вылупившіеся цыплята, пока не высиженъ весь выводокъ.

[4]) Варятся изъ творогу, мяса или сала, обернутаго въ тѣсто.

употреблялъ всѣ старанія, чтобы удовлетворить Айчвараса, дающаго богатство, но хитрый пастухъ каждый разъ сумѣлъ воспользоваться отсутствіемъ хозяина и съѣдалъ приготовленное. Однажды онъ подстерегъ и самого Айчвараса, влетающаго съ запасомъ денегъ въ дымовое отверстіе въ крышѣ, и выстрѣлилъ въ него серебряной пулею. Половина денежнаго мѣшка высыпалась внутрь избы, а остальное упало наружу, и разсыпалось золото, серебро и драгоцѣнные камни. Пастухъ бросился на добычу и не знаетъ, за что хвататься. Разбогатѣвъ, онъ сказалъ хозяину: «Не могу служить: я боленъ». Хозяинъ отпустилъ его. Онъ собрался жениться и хотѣлъ купить домъ и землю. А было у него еще два брата—богатые. Не желая сразу показывать свое богатство, чтобы ему не позавидовали и не догадались о причинѣ богатства, онъ идетъ къ одному изъ старшихъ братьевъ и проситъ у него ѣсть, жалуясь, что хозяинъ его прогналъ.—Если позволишь вырвать у тебя одинъ глазъ, то дамъ ѣсть, — сказалъ братъ. Тотъ согласился, поѣлъ и пробылъ у него три дня. Потомъ пошелъ къ другому брату, и опять проситъ накормить его.—Если позволишь вырвать послѣдній глазъ,—говоритъ братъ,—то накормлю.—Кто же меня будетъ водить слѣпого?—Я буду тебя водить,—говоритъ братъ, и лишилъ его глаза. Накормивъ слѣпца, онъ купилъ ему кожаную шапку и повелъ. Когда они пришли къ озеру, братъ сказалъ слѣпому: — Тутъ большой ровъ. Надвинь хорошо шапку на глаза, чтобы не слетѣла, когда будешь прыгать. Слѣпой прыгнулъ въ озеро, и ему пришлось плыть. Три раза онъ пробовалъ достать дно и нашелъ какія-то водяныя поросли (maurai). Сдвинулъ шапку съ глазъ и сталъ видѣть, какъ прежде. (Вѣроятно, вода въ озерѣ была цѣлебная). Это было около Иванова дня. Выплылъ онъ на берегъ, высушился и пошелъ въ лѣсъ. Тамъ онъ увидѣлъ горящій муравейникъ. Муравьи просятъ его: „Спаси насъ!“ Онъ зачерпнулъ своей шапкой воды въ озерѣ и залилъ огонь. Муравьи поблагодарили, а онъ пошелъ дальше. Видитъ: горитъ снизу стволъ дерева, а въ дуплѣ его пчелы, которыя молятъ его о помощи. Онъ также залилъ огонь. Наконецъ, встрѣчаетъ на горящемъ деревѣ ворона (judwarnis), который сидитъ на самой верхушкѣ на гнѣздѣ и говоритъ: „Ради Бога спаси насъ! Черезъ три часа вылупятся мои дѣти“. Онъ и его спасъ. Идетъ дальше и видитъ большой домъ. Ему захотѣлось ѣсть, и онъ пошелъ просить на кухню. Но ему говорятъ: „Ты такъ молодъ, тебѣ только работать. Нашему царю требуется свинопасъ.“ — Доложите“. Царь нанялъ его и велѣлъ накормить. Онъ спросилъ льна, чтобы сплести бичъ, ему дали. Когда онъ выгналъ свиней въ поле и сталъ хлопать бичемъ, то думали, что изъ ружья стрѣляютъ. Дворецкій приказываетъ ему: — Смотри, хорошо паси, чтобы не было потравы.—А ты не знаешь, что я твой братъ?—Ахъ ты свинопасъ! Ты смѣешь равняться со мною! Дворецкій отправился къ царю, сталъ говорить, что пастухъ хвастаетъ, будто онъ одинъ въ состояніи обмолотить столько, сколько могутъ вымолотить 60 молотильщиковъ. Пастуха заперли для пробы въ сараѣ, чтобы онъ молотилъ. Сидитъ онъ и плачетъ. Сошлись муравьи и выбрали всѣ зерна изъ колосьевъ и разсортировали. Царь милостиво обошелся съ пастухомъ. Въ другой разъ пастухъ опять назвался братомъ дворецкаго. Послѣдній разсказалъ царю, будто пастухъ обѣщаетъ слѣпить изъ воску мостъ черезъ рѣку и поставить восковую часовню. На этотъ разъ его выручили пчелы. Въ третій разъ обозлился дворецкій на навязчивость пастуха, который продолжалъ называть его братомъ. А этотъ дворецкій былъ не кто иной, какъ Айчварасъ, въ котораго онъ выстрѣлилъ, когда еще служилъ въ батракахъ; онъ, дѣйствительно, принялъ образъ его брата. Въ третій разъ пошелъ дворецкій къ царю и говоритъ: „Пастухъ разсказываетъ, что если ты позволишь ему поспать съ твоей дочерью, то на другой день родится ребенокъ, который сразу будетъ говорить“. Царь согласился. На выручку пастуху прилетѣлъ воронъ и принесъ спеленутаго ребенка. Когда показали царю ребенка, Айчварасъ-дворецкій исчезъ, а воронъ (злой духъ) унесъ пастуха съ царевной на себѣ, говоря: „Вамъ здѣсь не мѣсто“. Когда они летѣли, ворона надо было кормить воловьимъ мясомъ. Когда же за недостаткомъ мяса силы его стали слабѣть, пастухъ принужденъ былъ отрѣзать своего тѣла, чтобы подкрѣпить его.

Прим. Нѣчто подобное разсказывается о грифѣ (gripas), т.-е. великанѣ-птицѣ.

(Запис. тамъ же отъ К. Монтовта).

Сообщ. *Меч. Довойна-Сильвестровичъ.*

3. *Солдатъ и чортъ.*

Одинъ отставной солдатъ возвращался домой изъ полка и несъ ружье. Дорогой ему пришлось проходить чрезъ большой лѣсъ, гдѣ жилъ разбойникъ, о которомъ онъ ничего не зналъ. Войдя въ лѣсъ, солдатъ увидѣлъ приближающагося разбойника, а за нимъ бѣжала большая черная собака. Эта собака была чортъ и никогда не отлучалась отъ своего хозяина. Разбойникъ подошелъ къ солдату и потребовалъ у него денегъ. Солдатъ имѣлъ 40 коп., которыя и отдалъ разбойнику. Разбойникъ, получивъ деньги, отправился въ лѣсъ къ своей пещерѣ, а солдатъ издали сталъ за нимъ слѣдить. Разбойникъ подошелъ къ своей пещерѣ, поднялъ крышку и опустился въ землю. Спрятавъ свои деньги, разбойникъ опять пошелъ на промыселъ. Солдатъ, видя, что разбойникъ удалился, вошелъ въ его подземелье, гдѣ увидѣлъ большой сундукъ, наполненный деньгами. Онъ, не долго думая, сталъ наполнять деньгами свои карманы, штаны, сапоги, однимъ словомъ, что только можно было, и опять пошелъ своей дорогой. Вышелъ онъ изъ лѣса, прошелъ уже нѣсколько селеній, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, бѣжитъ съ нимъ рядомъ черная собака разбойника, но не трогаетъ его. Дошелъ солдатъ до одной корчмы, уморился и захотѣлъ отдохнуть и закусить. Вошелъ онъ въ корчму, гдѣ нашелъ двоихъ пьяныхъ людей; велѣлъ дать себѣ кварту водки и чего-нибудь закусить. Въ это время одинъ изъ посѣтителей кабака вышелъ на дворъ и, возвратясь черезъ нѣсколько минутъ, сказалъ солдату: «А знаешь что, твоя собака не хорошая, опасная». — «Почему?» спросилъ солдатъ. — «А такъ. Дай рубль серебромъ, да поставь двѣ кварты водки, тогда скажу». Солдатъ согласился и, вотъ, что услышалъ изъ устъ незнакомца, который былъ колдунъ: «Я сейчасъ узналъ, что твоя собака — чортъ. Она теперь тебя не трогаетъ, но когда ты будешь подходить къ своей деревнѣ, она на тебя нападетъ и разорветъ, и ты обратишься въ прахъ. А чтобы этого не случилось, ты долженъ вотъ что сдѣлать: ты теперь сходи къ священнику и попроси у него кусочекъ священнаго серебра, которымъ заряди ружье и выстрѣли въ собаку. Только такимъ образомъ можно убить эту собаку, иначе никакъ не убьешь». Солдатъ послушался совѣта и тотчасъ же отправился къ священнику. Священникъ далъ ему за пять рублей кусокъ серебра, величиною съ пулю. Солдатъ зарядилъ священнымъ серебромъ ружье и отправился далѣе. Собака послѣдовала за нимъ, но уже бѣжала далеко отъ него и съ понуренною головою и опущеннымъ хвостомъ. Дойдя до одного лѣса, который находился не болѣе двухъ-трехъ верстъ отъ деревни, куда шелъ солдатъ, онъ остановился отдохнуть у лѣсника, а собака, по обыкновенію, не вошла въ домъ, а осталась на дворѣ. Тогда солдатъ открылъ окно, прицѣлился и выстрѣлилъ. Вдругъ все зашумѣло, загудѣло, собака разорвалась на части и взлетѣла на воздухъ и, спустя нѣкоторое время, она опять упала на землю въ видѣ неживой лошади. Солдатъ взялъ соломы и сжегъ лошадь, а самъ благополучно добрался до дома и богато зажилъ на принесенныя имъ деньги.

(Запис. въ Поневѣжѣ, Ков. г.).

Сообщ. *М. Борейша.*

4. *Царь и судьи.*

Одинъ царь захотѣлъ узнать, справедливо-ли судятъ вновь учрежденные окружные суды. Для этого онъ, переодѣвшись въ простое крестьянское платье, отправился верхомъ на лошади въ одинъ городъ. На дорогѣ онъ встрѣтилъ одного нищаго безъ ногъ по колѣно, который сидѣлъ въ канавѣ. Нищій обратился къ царю со слѣдующими словами: «Подвези, добрый человѣкъ, меня до города. Мои недруги привезли меня и кинули, а самъ добраться до города я не могу, потому что, видишь, безъ ногъ». Царь согласился и посадилъ нищаго на лошадь, а самъ шелъ рядомъ пѣшкомъ. При въѣздѣ въ городъ, царь сказалъ нищему: «Ну, теперь слѣзай съ лошади!» Но нищій возразилъ: «Помилуй, эта лошадь моя, чего ты отъ меня хочешь?» — «Какъ такъ твоя?» спросилъ царь. — «Конечно», отвѣчалъ тотъ, «иначе какъ бы я могъ выйти за городъ?»

Царь подалъ прошеніе въ окружный судъ, который назначилъ разборъ дѣла черезъ нѣсколько дней. Въ назначенный день царь явился въ судъ и ожидалъ очереди. Предва-

рительно разбиралось дѣло одного мясника, который обвинялъ другого, что тотъ укралъ его деньги, хотя послѣдній не признавалъ себя виновнымъ. Судьи взяли у обоихъ всѣ бывшія при нихъ деньги и положили монеты въ чаши съ чистой водой. Вода въ чашахъ, въ которыхъ находились монеты мясника, покрывалась жиромъ, потому что онѣ были засалены, а гдѣ находились деньги вора, вода была чиста. Тогда судьи рѣшили, что обвиняемый въ воровствѣ, дѣйствительно, укралъ у мясника деньги, и велѣли вору отдать деньги мяснику, а его наказали.

Царь все время внимательно слѣдилъ за ходомъ дѣла и рѣшилъ, что судъ судитъ правильно. Когда же дошла очередь до него, судьи, внимательно разобравъ дѣло, велѣли взять нищему мѣрку овса и снести лошади. Но лошадь не подпустила чужого человѣка и лягалась. Когда же пошелъ царь съ овсомъ, то лошадь съ веселымъ ржаньемъ встрѣтила своего хозяина и приняла отъ него кормъ. Тогда судьи признали, что лошадь принадлежитъ крестьянину, а не безногому нищему. Судъ постановилъ отдать крестьянину его лошадь, а нищаго подвергнуть наказанію. Царь тогда окончательно убѣдился, что окружный судъ судитъ справедливо и отправился въ обратный путь. Возвратясь домой, онъ выслалъ награды судьямъ за ихъ справедливость.

(Запис. въ Поневѣжѣ, Ков. губ.).

Сообщ. *М. Борейша.*

Споръ о пѣснѣ и сказкѣ.

Одинъ господинъ и съ своимъ кучеромъ ѣхалъ путьемъ и заспорили о пѣснѣ и о сказкѣ. Помѣщикъ говоритъ, что пѣсня правда, а кучеръ говоритъ: и сказка правда. И спорятъ они между собою. Доѣзжаютъ наконецъ до рабочаго поля, гдѣ одинъ старикъ пашетъ парой лошадей. То помѣщикъ и говоритъ старику: «Послушай, старичекъ, что правда: пѣсня или сказка?» Старикъ и говоритъ: «Послухайте, баринъ: въ одно пошелъ я ко обѣдни и прихожу отъ обѣдни и вхожу въ домъ свой, то моя хозяйка съ молодымъ парнемъ гуляетъ. То только взошелъ я въ избу, жена и выноситъ изъ другой свѣтелки палку и вдарила меня той палкой и сдѣлала собакой и прогнала меня изъ дому. То я куда не побѣгу, меня собаки кусаютъ. Ѣсть захотѣлось мнѣ только, и побѣгъ я въ поле и вижу, что пасется стадо, а самъ пастухъ спитъ. Я и прилегъ около него. Только встаетъ онъ, видитъ, что я смирно лежу, началъ меня ласкать. Вечеромъ я ему сталъ подсоблять заворачиватъ овечки—пастухъ и радъ тому, и зоветъ меня Сѣркою. А я сталъ предъ нимъ, мелю фостомъ и радъ бы, чтобы хлѣба далъ, *а бы* ѣсти хочу, то онъ вынулъ хлѣба и далъ мнѣ. Я и съѣлъ; онъ еще отломилъ, я опять съѣлъ. То я и наѣлся, и называетъ онъ меня Сѣркою, и я все помню, ну а говорить не могу. На другой день я ему поймалъ волка, онъ его облупилъ и шкурку продалъ. Такъ я ему за все лѣто стадо караулилъ и объявилъ онъ обчеству. Обчество стало меня жалѣть, и только станутъ утромъ стадо выгонять, даютъ хлѣбъ и сало и приказываютъ, что это Сѣрки. А я все слышу, только говорить не могу. И прослышалъ одинъ помѣщикъ обо мнѣ и началъ просить обчество, чтобы продали меня. Только обчество не продаетъ, и даетъ онъ 3000 рублей, то обчество меня продало. Узялъ меня помѣщикъ и привозитъ меня домой, и живу я у помѣщика—хорошо. Что помѣщикъ станетъ говорить про меня, я стою и мелю фостомъ. И сталъ онъ только измѣчать, что я понимаю человѣчій разговоръ и что самъ есть человѣкъ. И пошла мнѣ жизнь еще лучше. Сталъ помѣщикъ лѣтомъ говорить: надо его у степъ до стада, то я стою и качаю головою. Помѣщикъ радъ, что я понимаю, и повезъ въ стадо и приказуетъ пастухамъ, смотрите мнѣ: Сѣрко кормите. Ну та я и живу. Станутъ они воду пить, и я выпилъ бы, да не даютъ. Сталъ я предъ ними, да мелю фостомъ. Одинъ пастухъ и говоритъ: не пьешь, Сѣрко, водки? Взяли, дали мнѣ, то я выпилъ. Доложили они помѣщику, помѣщикъ прислалъ для меня водки. И пошло житье еще лучше. Только пріѣзжаетъ одинъ помѣщикъ и сталъ меня торговать. Баринъ и продалъ и говоритъ мнѣ: Сѣрко, я тебя продалъ. Я стою и головою качаю. А помѣщикъ и говоритъ: служилъ ты мнѣ хорошо, то служи и этому господину. Я киваю головою: хорошо, молъ. А тому помѣщику и не сказалъ, что я водку пью. Привозитъ меня въ новый домъ, а старый баринъ тутъ же прислалъ записку, что я водку пью. То той

помѣщикъ посмотрѣлъ въ записку и спрашиваетъ меня: Сѣрко, что ты водку пьешь? Я качаю головою. Налилъ мнѣ рюмку, то я выпилъ, и далъ мнѣ комнату и слугу. И сталъ я поживать. Была только у помѣщика жена беременна и приходить время ей родить, то его та жена сколько не родила, а дѣтей не видать. Какъ легла она на постель, а я легъ на порогѣ у дверей, и сжалилась она надо мною и говоритъ: Сѣрко, на подушку. Я подошелъ, взялъ въ зубы подушку, положилъ на порогѣ и самъ лежу. Часу въ 12-мъ помѣщикъ и помѣщица поснули, то и вижу я идетъ такой высокой, что аршина четыре. И сталъ возлѣ дверей противъ меня, то я молчу себѣ. Ну только помѣщица стала родить еще и не очувствовалась, то онъ приступаеть и береть младенца и внесъ его, я за нимъ и началъ за нимъ гнаться и брехать, то помѣщикъ услыхалъ, и вся дворня пустилась у погонь за нимъ. Я настигъ его въ полѣ. Чудовище видитъ, что я не отстаю, и бросило младенца. Я сѣлъ и сижу надъ младенцемъ. Прибѣгаетъ вся дворня и помѣщикъ, взяли младенца, и помѣщикъ приказалъ меня нести дворнѣ, и приносятъ домой. То мнѣ хорошо было, а то еще лучше. Стало то и собралъ помѣщикъ балъ и начали цѣнить меня, что я стою. Оцѣнили меня, чтобы сдѣлать мнѣ на нѣсколько тысячъ изъ золота жерелки на него, ну и обрили меня. То я и думаю, что-жъ, мнѣ и хорошо: ну подумаю хоть и хорошо, да собака. И все помню, а говорить не могу. И вздумалъ, дай побѣгу до жены: не сожалѣешь ли меня. Ну только прибѣгаю домой, то жена увидала и сейчасъ: А! ты видишь какой! Сейчасъ все посымала съ меня и вынесла другую палку и вдарила меня и сдѣлала воробьемъ. Полетѣлъ я и думаю самъ себѣ: то хоть былъ собакой, а теперь самымъ послѣднимъ. Летаю я себѣ промежъ воробьевъ и захотѣлось мнѣ ѣсть и залетѣлъ у лѣсъ и тамъ сдѣлана принада (*т. е.* ***привада***) и разныя птички пасутца. И въ принади поставлены сельцы. То я и вижу, что стоять, а нечаянно увязъ и никакъ не выпутаюсь. Только и прибѣгаютъ два мальчика и взяли меня и приносятъ тому самому старику, въ котораго я отнялъ младенца. И увидалъ старикъ меня и узналъ и говоритъ: дѣти, продайте мнѣ сего воробья. То два мальчика и продали меня. Старикъ связалъ меня и положилъ на столѣ, принесъ палку и началъ меня бить. Билъ, билъ до тѣхъ поръ, что на мнѣ ужь и перьевъ осталось мало. Тогда приноситъ другую палку и вдарилъ меня и сдѣлалъ человѣкомъ. И говоритъ: знаешь, за что я тебя билъ? Помнишь, какъ ты отнялъ младенца, этихъ, что тебя поймали, мальчиковъ братца. Я и сказалъ: знаю, дѣдушка. То то и надо тебѣ было догонять: видишь, вотъ у меня два мальчика—это того же помѣщика дѣти. А я хотѣлъ третьяго унести, да ты не далъ мнѣ,--ну, да я тебя прощаю, только не говори тому помѣщику. За то я тебя научу, какъ съ жены насмѣяться, и далъ мнѣ двѣ узды и сказалъ: на тебѣ двѣ узды, иди домой и стань на перелази, и какъ будетъ бѣжать кобила съ жеребцомъ, ты и надѣнь на нихъ уздечки, только смотри не скидай, покеда не подохнутъ. Або только скинешь, то она тебѣ сдѣлаетъ, что ты и вѣкъ будешь воробьемъ. То видишь, баринъ, отъ---я на кобилицѣ и на жеребцѣ пашу и видишь, что мы говоримъ, то они головами киваютъ— все понимаютъ. Я и не буду скидать съ нихъ уздечекъ, покеда не подохнутъ».

Тогда сказалъ баринъ кучеру: ну, кучеръ твоя правда: сказка — правда, а пѣсня нѣтъ».

Сказка записана около 1861 года въ Тамбовскомъ уѣздѣ покойнымъ Андр. Ник. Поповымъ, авторомъ извѣстнаго изслѣдованія о хронографахъ.

Сообщ. *Н. С. Тихонравовъ*

„Адская Газета".

Въ поѣздку мою въ апрѣлѣ прошлаго года на Ревдинскій заводъ *) мнѣ довелось пріобрѣсти довольно интересный, хотя и безграмотный списокъ одного полуискусственнаго, полународнаго произведенія, которое и предлагаю здѣсь, какъ образчикъ своего рода сатиры на нравы разныхъ сословій и званій. Подлинная рукопись, написанная уставнымъ (?) письмомъ, пожертвована мною Уральскому обществу любителей естество-

*) Находится въ Екатеринбургск. уѣз. и отстоитъ отъ Екатеринбурга въ 44 верстахъ къ западу, а отъ Сибирскаго тракта въ 11 верстахъ.

знанія. Привожу здѣсь полный текстъ этого произведенія, сохраняя вполнѣ редакцію подлинника; исправлено лишь кое-гдѣ правописаніе и проставлены знаки препинанія для болѣе удобнаго чтенія.

†

«Адъская газета»

Сего числа и года вышла, всѣмъ людѣмъ любопытно честь, все равно какъ мертвеца смѣшить.

На сихъ дняхъ выѣхалъ куліеръ изъ ада, какая будетъ отъ сатаны грѣшникомъ награда. Привезъ страшнюю почту газетъ, которыи пойдутъ съ несчастіемъ на оной свѣтъ. Сатана, предвидя кончину сихъ дней, (и) приказалъ адъ наполнить разныхъ огней. И приказалъ бѣсямъ разсмотрѣть адъскую глубину, гдѣ чтобы было садить грѣшниковъ за вину. Единъ изъ бѣсовъ назывался тако ему внукъ, который настроилъ въ адѣ множество мукъ. Потомъ привели на тотъ свѣтъ ростовщика и откупщика, которые (—ый) въ мирѣ семъ проценьтомъ богатьство распространялъ, а нищимъ но подавалъ. Кричитъ ему бѣсъ изъ ада: что ты, другъ, много-ли оуспѣлъ процѣнтовъ богатьства накопить? Отвѣща ему злой процѣньщикъ и откупщикъ: я столь много накопилъ процѣнтомъ богатьства, что могу оу тебя весь твой адъ откупить. Сатана разсмѣхнулся: ха, ха, ха! Ты оуже и здѣсь хощеши завести кабаки и бани. Ты оуже надѣялся на деньги, а Бога забылъ. Ты роскошно жилъ, любилъ дѣньги копить, не оугодно-ли тебѣ въ преисподній адъ побывать, потому ты любилъ роскошно проживать. Потомъ привели на тотъ свѣтъ опоицу и піяницу, которыи повсесвѣтно съ вина сгорѣлъ. Кричитъ ему бѣсъ изъ ада: что ты, другъ любезный, почто много вина пилъ, душу свою въ злѣ погубилъ? Приготовьте-ко для него адскую темницу, затворить его туда до страшнаго суда. Труба архангельская вострубитъ, а его смола горящая на страшный судъ возбудитъ. Потомъ явились на тотъ свѣтъ гордые господа, чайники и нынѣшніе начальники, несправедливые судьи. Вотъ кричитъ имъ бѣсъ изъ ада: пожалуйте, господа, сюда, я буду васъ оугощать, милостивые государи, я прикажу вамъ согрѣть чаю, только не въ самоварѣ, но для роскашныхъ (sic) вашихъ сорныхъ дѣлъ есть у меня во адѣ большой мѣдной котелъ. Вотъ извольте промочить вашу скаредную душу, покорно прошу выкушать горящее олово вмѣсто пуньши, и смолы и сѣры полныя мѣры. Тогда сатана кричитъ: что ты, косой бѣсъ, стоишь, рыщешь, зачѣмъ вельможъ и бояръ въ шею не тычешь? Отвѣща ему бѣсъ: я давно былъ тому радъ—схватить господъ, смѣло тащить во адъ. Потомъ явились на тотъ свѣтъ святые отцы—священники, нынѣшніе попы. Кричитъ имъ бѣсъ изъ ада: ей, вы, святые отцы! Вы зачѣмъ сюда пришли, али въ царство небесное пути не нашли? Видно вы небережно жили, въ моемъ адѣ мѣсто заслужили. Заповѣди Божіи не соблюдали и не сохраняли поста, за то и представилъ васъ бѣсъ безъ хвоста. Велѣлъ сатана съ нихъ священническія ризы скинуть да во адъ преисподній ихъ кинуть. Тогда явились на тотъ свѣтъ чиновники, мировые судья, архіереи, іереи, попы, дьякона, пономари, купцы и многіе подлецы; турки, нѣмцы, татары, евреи, писаря, мѣщане, калашники, школьники, раскольники, блудницы, клеветники, лихоимцы, грецы развращенные оуворяне (агаряне?), дворяне, хромые, слѣпые, оуроды, всякая нищета, которые жили на свѣтѣ хуже скота. Потомъ сатана приказалъ принести очьки; какъ надѣлъ очьки на носъ, закричалъ яро, что грѣшниковъ мало. Выскочилъ изъ кривыхъ бѣсъ, слово рекъ, что не скончался вѣкъ. Тогда приказалъ сатана по одному кидать въ преисподнюю тьму. Такъ дошелъ рядъ до табашныхъ, что носы крѣпко были набиты табакомъ. Приказалъ сатана крючьями вычистить табашные носы, а на нищихъ страшно закричалъ: вы зачѣмъ сюда пришли? безъ васъ тѣсно; сдѣсь мѣста заняты вельможами и боярами, ростовщиками и купцами и многими подлецами. Придутъ къ намъ послѣдніе вѣки, весьма раслабѣютъ плоти, и въ растлѣнности будутъ жити многіе человѣки. А въ воскресные дни токмо о бѣсовскомъ стараются о томъ получше одежду надежду надѣть и почище бороду обрѣть и въ носъ порядочно табаку набить. Оуважаютъ себя въ томъ, что это не грѣшно, такъ давно въ обычай зашло. А курители на томъ свѣтѣ будутъ оуправители, а понюхатели на томъ свѣтѣ будутъ засѣдатели. Говоримъ, что великъ есть архангельскій чинъ, а сами другъ на друга что есть мочи кричимъ. Богу

молимся, а за гриву ловимся. Христіанами называемся, а матерно ругаемся. Называемся рабы Христовы, а сами все времъ пустое. Неграмотные хотя и слушаютъ страсти, а сами хощемъ побольше оукрасти. А оученые люди нѣкоторые читаютъ въ книгу, а сами ставятъ только фигу. Воистину покаяніе глаголетъ, впослѣднія времена будутъ дѣламъ злы и лукавы; но не дни злы и лукавы, а человѣцы злы и лукавы. Свѣтъ оставиша, а тьму возлюбиша. (Глаголи:) Все такъ было, какъ бывало, какъ издревле бѣлой свѣтъ: Оученыхъ много, оумныхъ мало; знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ. Правда изгорѣла, Истина охромѣла, Правосудіе въ бѣгахъ, Добродѣтель ходитъ по міру, Вѣра осталась въ Іерусалимѣ, Любовь больна въ простудѣ, Честность вышла въ отставку, Вѣрность оу аптекаря на вѣсахъ, Законъ оу сенатора на пуговицахъ, Терпѣніе скоро лопнетъ. Аминь.

Сообщ. *П. А. Шилковъ.*

Прим. ред. Эта полународная сатира очевидно прошла черезъ руки старообрядцевъ, какъ это можно заключить особенно изъ тѣхъ выраженій, которыя направлены противъ употребленія табаку—нюханія и куренія, противъ бритья бороды; нападки на духовенство, можетъ быть, указываютъ на раскольничью среду. Упоминаніе самихъ «раскольниковъ» въ числѣ грѣшниковъ можно считать вставкой, такъ какъ сатира несомнѣнно потерпѣла много передѣлокъ, и вообще настоящій текстъ ея довольно неисправенъ. Отдѣльныя мѣста, особенно въ концѣ, почти цѣликомъ взяты изъ искусственныхъ литературныхъ произведеній или изъ лубочныхъ изданій. Въ «Библіографическихъ запискахъ» 1858 г. (т. I, № 6, стр. 53—55) покойный А. Аѳанасьевъ посвятилъ замѣтку этому произведенію на основаніи двухъ имѣвшихся у него подъ руками текстовъ московскаго и бѣлорусскаго (послѣдній оказался лучшимъ), но самые тексты имъ не приведены цѣликомъ, а только въ выдержкахъ.

Двоевѣрческій образъ.

На одномъ изъ московскихъ рынковъ былъ пріобрѣтенъ оригинальный образъ, любопытный въ томъ отношеніи, что онъ представляетъ наглядное выраженіе религіозныхъ вѣрованій смастерившаго его москвича. Икона эта вмѣстѣ съ помѣщенными на ней молитвами, очевидно, есть произведеніе упоминаемаго въ молитвѣ раба Григорія и такимъ образомъ она отражаетъ въ себѣ не ходячій безличный шаблонъ иконописныхъ мастеровъ, а индивидуальность своего творца.

Икона представляетъ доску, длиной около 28 сантим., шириной около 19 сант. Края доски выкрашены красной краской. На лицевой сторонѣ наклеенъ листъ бумаги, окрашенный желтоватой краской и обведенный кругомъ краснымъ бордюромъ, а въ верхней половинѣ покрытый золотымъ фономъ. На золотомъ фонѣ наклеено хромолитографированное изображеніе крещенія І. Христа. Нижнюю половину занимаетъ прибитая гвоздями мѣдная пластинка съ рельефнымъ довольно отчетливымъ и изящнымъ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца, поражающаго дракона, а впереди коня виднѣется еще очень неясное изображеніе, повидимому, женской фигуры, которая, очевидно, была сглажена, а вмѣсто нея прибита грубо сдѣланная изъ мѣдной пластинки фигура ангела съ розой въ лѣвой рукѣ (арх. Гавріила?); надъ головой коня прибито такое же изображеніе херувима, только нѣсколько лучшей работы; задняя сторона образа также заклеена бумагой, обведенной двумя черными линіями въ видѣ рамки. Въ верхней трети наклеена хромолитографированная глава Іоанна Крестителя на блюдѣ, по краю котораго сдѣлана надпись: глава ст҃аго пророка предтечи и крестителя господня іоанна, водоносная. Надъ главой, по верхнему краю иконы надпись красными чернилами: Млтвы ст҃ымъ іоаннꙋ кр҃ли и георгію побе. Затѣмъ слѣдуютъ и самыя молитвы, занимающія всю эту сторону образа и раздѣленныя продольной чертой. Молитвы написаны славянскими буквами и, очевидно, съ желаніемъ выражаться по церковному. Я привожу ихъ обыкновеннымъ шрифтомъ, сохраняя лишь правописаніе подлинника. Вотъ эти молитвы:

1) «О вѣликій святый пророче и предтече Христовъ Іоанне крестителю Господне, ты бо проповѣдавъ впустынѣ царствіе божіе и спасеніе всѣму миру и крестивъ Христа и Господа во Іорданѣ, пріявленіи съ небесъ и найтіи св. Духа въ видѣ голубя и гласъ бысть отъ Отца съ небесъ: ты еси сынъ мой возлюбленный, о тебѣ же благоволихъ и

вся дахъ ти, и ты же Іоанне крестителю Господнѣ во всѣмъ власть и силу имуще, и вся исполняюще, подающе и творяще и отъ Ірода чрезъ Іродіаду главы усѣченъ бысть и сохраненъ, и на небеса яко младенецъ отрокъ и дѣвственникъ невиненъ и непороченъ преселися, и со св. Троицой Отцемъ и Сыномъ и со св. Духомъ, и спресвятой Богородицой соединился, вкупе всѣда пребываеши, и вся просящимъ и желающимъ подаеши и во всѣмъ помогаеши и поспѣшаеши; и глава твоя крестителю Іоанне пречестная и всѣцелебная въ водоносѣ у волхва и врача вдоме хранящеся тайно: тоею во всѣмъ ему помогаше успешно и вся творяше и чудодѣйствующе, и народъ многъ привлече и прилучаше и всѣ болезни врачеваше и дѣяніи хитростно успешно творяше, во всѣмъ помогаше и велми обогативъ его, такождѣ вся буди и мнѣ рабу твоему *Григорію* имеющему и чтущему тя, молю и прошу тя, св. Іоанне пророче предточе и крестителю Господнѣ, пошли и *даждь мнѣ даръ чудесъ и цѣлбы* (?) и благодать свыше, и всѣгда виздѣ вовсѣмъ помоги, пособи и поспѣши мнѣ, и вся исполни, сотвори, пошли и подаждь мнѣ вскорѣ, и обохати мя поправъ и отъ всѣго злаго и опаснаго, худаго и недобраго, противнаго, непріятнаго и нежелаемаго, бѣды и напасти, неуспеха, нужды и недостатка, врага и сапостата избави, заступи, спаси, сохрани и помилуй мя раба твоего Григорія, ради пречестныя и чудодѣйствующія главы твоея, и благословеніемъ всѣмогущаго крѣста твоего и всѣсвятаго имени, Іоанне пророче и крестителю Господнѣ, всѣгда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь».

2) «О великій святый страстотерпче и великомучениче Георгіе побѣдоносцѣ, ты бо еси претерпелъ Христа ради врымѣ отъ деоклетіана мучителя великія многія страданія терпеливо, и мечемъ главы усѣченъ бысть, и по скончаніи преселися на небеса, со св. Троицуй и пресв. Богородицуй сообщися и слики святыхъ всвѣтлыхъ селеніяхъ водворяяся и здѣ на земли всѣгда пребываеши виздѣ сый, и ради тѣхъ вѣликихъ страданій и проповѣданіи Христовой вѣры пріявъ отъ Господа Бога даръ вѣликихъ чудѣсъ, всѣмъ вся и во всѣмъ творити, исполняти и подавати скоро, и страшнаго чудовища змія поразивъ, темъ спасъ цареву дщеръ отъ снеденія, и всѣхъ града жителей отъ бѣды избавивъ, и *ты же еси Георгіе Побѣдоносце, имя и изображеніе твое на конѣ скопіемъ седяще, являешися намъ героемъ полубогомъ, начинатилемъ, воздѣлыватилемъ, основатилемъ и производитилемъ всѣя руской земли и ея физической културы, земскаго устроенія и всего рускаго царства, и насиленія его и славянскаго племени основаніе, утвержденіе и помощникъ всѣмъ крестьянамъ, простымъ и мудрымъ людямъ, врачамъ и промышленнымъ, и всѣхъ пребывшихъ идѣ основателно поселитися жити и чемъ заниматися успешно и постоянно, и ты же еси Георгіе победоносце, помощникъ, поспешникъ и вся податель всѣмъ живущимъ и чемъ занимающимся вмосквѣ и виздѣ всея Россій,* и ты же ли пособщикъ въ борбѣ со врагами и сопостатами, отъ нападенія и обидовъ всѣхъ спаситель, хранитель и збиригатель домовъ, человекъ и именія отъ пожара, воровства, нужды и разоренія, и отъ всѣхъ бедъ, золъ, напастей и недостатковъ, и вся во всѣмъ податель, помощникъ и поспешникъ, и я рабъ твой *Григорій* прибегаю ктибе Георгіе великій чудотворце, молю и прошу тя ради имени и образа твоего чудодѣйствующаго, вся исполни, сотвори и подажъ и во всѣмъ помоги и поспеши мнѣ, *осный и утверди мя вскоре*, и отъ всего злаго и опаснаго, худаго, недобраго, противнаго, непріятнаго и нежелаемаго избави, заступи, спаси, сохрани и збереги мя, всѣгда инынѣиприсно и во вѣки вѣковъ аминь».

Сообщ. Д-ръ *С. П. Буренинъ.*

Изъ недавняго прошлаго.

(По поводу одной картины).

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ мнѣ приходилось въ нѣкоторыхъ домахъ сельскихъ священниковъ Подольской губерніи видѣть картину, писанную сепіей или масляными красками, — точно не скажу,—слѣдующаго содержанія: на пустынномъ, выжженномъ солнцемъ полѣ, за плугомъ стоитъ «плугатарь» (пахарь), опершись на «чистыкъ» (желѣзную лопаточку, которою очищаютъ прилипшую къ плугу, въ особенности къ «дильныци», землю). Часть нивы вспахана, а другая, бóльшая, остается еще не вспаханной. Судя по изможденному лицу «плугатаря» и захудалымъ воламъ, не сладка жизнь и

хозяина и скотины. Маленькій «погонычъ» (погонщикъ воловъ), босой, оборванный мальчикъ, гармонируетъ съ остальною обстановкою. Такая картина, между прочимъ, была и у моего дѣда, свящ. с. Огіевки, Гайсинскаго уѣзда, о. Іосифа Вержбицкаго. Подъ картиной находились слѣдующіе стихи:

Ой, доле, доле ты моя!
Колы дождуся щастя я?
Колы на симъ крывавимъ поли
Зобачусь я въ щаслывій доли?..
Уже'мъ зчорнивъ, якъ головня,
Видъ паньскои биды що-дня....
Таку, якъ панъ мій, маю душу,
А вразъ зъ воломъ тягнуты мушу,
Та ще й билше, якъ той вилъ,
Бо хочъ въ ночи спокійный винъ,
А я весь день за плугомъ хожу,
Ничъ прыйде — иду на сторожу.
Оттакъ и лито все мынае....
Хлибъ у пана е — у Грыцька немае;
По тры дни хлиба я не бачу,
Не разъ зъ Марыною заплачу,
Що у пана хлибъ и собака мае,
А у мене — дитямъ не стае.....

Стихи эти во многихъ мѣстахъ Подольской губерніи (напр. въ Гайсинскомъ, Ямпольскомъ, Ольгопольскомъ уѣздахъ) сдѣлались народною пѣснею. Самую картину, къ сожалѣнію, истребилъ пожаръ, бывшій въ домѣ дѣда.

Т. I. Вержбицкій.

Къ дуалистическимъ сказаніямъ.

Въ дополненіе къ дуалистическимъ повѣріямъ о мірозданіи, разсмотрѣннымъ акад. А. Н. Веселовскимъ въ его «Разысканіяхъ въ области рус. духов. стиха» и въ V кн. «Этногр. Обозр.», а также и сообщеннымъ въ VII и VIII кн. нашего изданія, присоединяемъ здѣсь еще нѣкоторыя такого-же рода сказанія.

1) *Дьяволъ—творецъ солнца и луны.*

«Зачалъ Господь Богъ творить землю, и все шло хорошо: и землица была, и водица, и всякая благодать. Сидитъ Богъ и любуется на Свое столотвореніе (sic), и такъ-то Ему стало радостно да весело, да на душѣ легко; а супротивникъ-то Его, сатана неимущая, въ корчахъ корчится, отъ злости, стало быть, что Богъ столотвореніе творитъ. Корчился это дьяволъ-сатана, корчился, сѣлъ и призадумался. А въ думѣ его было, какъ-бы Божіе созданіе сокрушить. Одинъ день онъ сидитъ-думаетъ и другой день сидитъ-думаетъ, третій день пришелъ—тоже сидитъ-думаетъ. А одумался онъ ужо на четвертый день, да какъ одумался, вскочилъ да и убѣгъ ни вѣсть куда. А Господу Богу въ ту пору захотѣлося отдохнуть отъ трудовъ своихъ, и почилъ Онъ крѣпкимъ сномъ и спалъ три дня, три ночи, ровно трое суточекъ. Проснулся, глядь—а на небѣ-то красный кружокъ, да такъ-ли важно свѣтитъ да грѣетъ. «Э, да чортъ-то не дуракъ», говоритъ, «важную это онъ штуку устроилъ, это самое солнышко» [1]. И зачала съ той поры трава рости, да деревья, да кустарники, да всякіе гады и твари, чистые и нечистые, видимые и невидимые. Еще пуще осерчала сатана безкорыстная (sic). Думалъ онъ, значитъ, солнцемъ-то землю сжечь, а на мѣсто того—на вотъ-те, Богу-же подсобилъ. «Постой-же», «говоритъ, я устрою Тебѣ (про Бога-то это) вантилонское (sic) столотвореніе, будешь помнить, какъ и меня зовутъ», и убѣгъ опять ни вѣсть куда. А Господь Богъ въ тѣ поры опять почилъ крѣпкимъ сномъ, и спалъ три дня, три ночи, ровно трое суточекъ, а проснулся ужо на четвертый день. «И что это,—думаетъ,—жара такая?» Глядь,—а супротивникъ-то Его насупротивъ перваго-то солнышка другое произвелъ и давай землю съ двухъ сторонъ поджаривать. Видитъ Богъ,—дѣло плохо. Трава вся повыгорѣла, да и вода усыхать зачала. И зачалъ Онъ это другое-то солнце водой заливать: лилъ, лилъ и залилъ подъ конецъ. А хоть и залилъ Онъ его, а оно опять скоро разгорѣлося, и снова Богъ затушилъ его. И съ той поры кажинный мѣсяцъ Богъ обливаетъ водой это солнце,—луну, значитъ,—чтобы не разгорѣлась она и не спалила-бы нашу землю вселенскую. А все вѣдь это,—прибавилъ разсказчикъ,—Богъ о насъ грѣшныхъ заботится. Есть еще, значитъ, на нашей землѣ

---

[1] Срв. пословицу: «чѣмъ чортъ не шутитъ, когда Богъ спитъ» съ собр. *М. Дикарева* («Воронежскій этногр. сборникъ», 1891 г. № 6728). *Ред.*

много праведниковъ, молитвенниковъ за многогрѣшныя души. А не будетъ ихъ, тогда и міру конецъ. Отступится Богъ отъ своего творенія и дастъ волю сатанѣ-антихристу. И снова разгорится луна, и обратится земля въ пещь огненную, и зачнетъ дьяволъ мучить грѣшниковъ мукой мученической». (Записано лѣтомъ 1890 г. въ Смоленской губ. въ д., Крючковой, Петропавловск. вол., Гжатск. уѣзда).

2) *Разноцвѣтные камни.*

Въ Минусинскомъ окр. (Енисейской губ.), въ утесахъ при рр. Нинѣ и Базѣ есть обширныя пещеры, по дну которыхъ раскидано множество разноцвѣтныхъ камешковъ. Это когда-то былъ скотъ: лошади, коровы и овцы, загнанныя туда шайтанами (злыми духами) и обратившіяся, по волѣ ихъ, въ камешки. Это преданіе сообщено въ «Енисейск. Епархіальн. Вѣдомостяхъ», 1888 г. № 11.

Ал. Ивановскій.

3) *Чортъ—изобрѣтатель машинъ.*

а) Много лѣтъ назадъ жилъ подъ Москвой одинъ святой. Долго думалъ сатана, какъ бы его соблазнить: и золота давалъ ему, и царскія кушанья носилъ,—ничего! Вотъ однажды, когда святой стоялъ на молитвѣ, чортъ является и начинаетъ вертѣться вокругъ него. Вертѣлся, вертѣлся и подвернулся подъ руку, когда святой подносилъ ее ко лбу. Онъ и перекрестилъ сатану. Сатана испугался, присмирѣлъ: онъ долженъ былъ, по своему закону, три года прослужить святому. Святой отдалъ его купцу въ Москву. Купецъ заставлялъ его и въ лавкѣ сидѣть, и на дому работать, и никакъ нельзя ему было купца обмануть, чтобъ опять въ адъ убѣжать. Приказалъ разъ купецъ въ одну ночь триста пудъ нитокъ смотать. Чортъ сдѣлалъ машину, шестерню, зубцы, все, какъ слѣдуетъ, приладилъ и заставилъ ее работать. На другой день купецъ похвалилъ его за исправность, а чортъ обрадовался, что купецъ обманулся, и махнулъ въ адъ. Съ тѣхъ поръ и пошли машины. И понынѣ говорятъ „чортова машина". (Записано въ Московской губ.).

б) Пришелъ чортъ къ людямъ и говоритъ: „что намъ вѣкъ драться? Сдѣлаемъ такъ: сто лѣтъ вы на мнѣ ѣздить будете, а сто—я на васъ. Ладно?" — Ладно. Люди однако перехитрили чорта: ему на нихъ никогда не ѣздить, потому что у нихъ крестъ есть, а чортъ будетъ возить людей на машинѣ до скончанія свѣта.

(Записано въ Пинскомъ у., Минской губ.).

Е. Ляцкій.

Къ статьѣ „Восточныя параллели къ русскимъ сказкамъ", *Г. Н. Потанина* [1]).

Въ первой части статьи г. Потанинъ сравниваетъ монгольскій, тангутскій, урянхайскій варіанты сказки о рожденіи чуднаго сына и его подмѣнѣ съ русскими варіантами (однимъ собственно русскимъ и двумя бѣлорусскими). Приводимъ записанный нами украинскій образецъ, который, какъ намъ кажется, ставитъ внѣ сомнѣнія фактъ восточно-азіатскаго происхожденія сказки, циркулирующей въ массѣ всѣхъ трехъ племенныхъ вѣтвей русскаго народа.

Був соби чоловикъ и було у него тры дочкы; винъ завизъ ихъ у поле пидъ дубъ; воны сыдять тай радуются. Старша каже: „якъ бы мене хто узявъ, то ябъ ему прывела два сыны, якъ соколы—сонце на лоби, а мисяць на потылыци"; а друга каже: „якъ бы мене хто узявъ, то я бъ ему увесь двиръ ныткамы обснувала"; а третя каже: „якъ бы мене хто узявъ, ябъ ему зробыла пыръ на увесь мыръ".

Ихавъ царь зъ войны, почувъ ихни розговоры; одну узявъ за жынку—ту що казала прыведе два сыны якъ соколы, а другу узявъ за горнышну—ту, що ныткамы двиръ оснувалабъ; третю узявъ за кухарку.

Поихавъ царь на войну, а царыца прывела сына—сонце на лоби, а мисяць на по-

1) Этногр. Обозр., кн. VIII.

тылыци; горнышній не понравылось що дытя таке породыла, таке хороше, и пишла украла того сына, и зламала, и сховала, а кошеня положыла на ёго мисто.

Прыиздыть царь: „де той сынъ, що сонце на лоби, а на потылыци мисяць?“. Подывывся, ажъ нема дытяты, а кошеня лежыть на кровати.—„На що мени така жынка, щобъ коты водыла? Ну, нехай на другый разъ, побачу якого другаго сына якъ сокола прыведе“. Взявъ и поихавъ опять на войну; прывела сына другого, якъ сокола—сонце на лоби, мисяць на потылыци; та горнышна посмотрыла—завысть узяла, що таке хороше дытя; зломала, закопала у землю, а на его мисто положыла цуценя.

Прыиздыть царь у другый разъ и пытае, де сынъ той якъ соколъ; подывывся, ажъ тамъ собака лежыть. „Зачымъ мени така жынка, що собачата та кошенята воде?“ Узявъ уже горнышну за жынку. Идуть воны соби у проходку, а тамъ *выросло два явора, де ти сыны закопаны*[1]), одынъ до одного говоре: „якъ тоби здаеться, якъ коло тебе маты проходе?“—„Якъ маты иде, то якъ перинка пролетыть, а якъ титка иде, то якъ каминь на серци!“. Вона учула тай говоре: „зрубай ци яворы, та зробы два кресла“.

Зробылы два кресла, посидалы царь и царыця; кресло до кресла говоре: „якъ тоби здаеться, якъ на тоби маты сяде?“—„Якъ маты сяде, то якъ периночка, а якъ титка сяде, то якъ каминь на серци“. Вона почула, якъ воны говорылы, тай каже: „спалыть ци кресла!“ Спалылы, вынеслы попилъ на двиръ, а *зъ того попилу зробылысь два мальчыка*[2]) и пишлы соби до портного, нанялысь учыться; пославъ царь, щобъ зробылы два костюма; воны зробылы и прынеслы царю и царыци. Царь говоре: „мени сонъ снывся, що у мене було два сыны, якъ соколы—сонце на лоби, а мисяць на потылыци“; а сыны и кажуть: „заспивать вамъ писеньку? Породыла насъ маты, титка зламала и закопала, а зъ тихъ кисточокъ зробылось два явора; титка звелила зрубать и зробыть кресла; потимъ велила кресла попалыть и вынесты попилъ, а зъ того попилу зробылось два сына“.

Узнавъ царь, поцилувавъ ихъ; тоди винъ узявъ ту прежню за жинку, а тий голову съ плечъ. (Записано въ 1889 г. въ с. Лебедянѣ, Чигиринскаго у. Кіевской губ. отъ Хиври Юхименковой).

М. К. Васильевъ.

Къ малорусскимъ легендамъ объ Ильѣ Муромцѣ [3]).

Въ моихъ «Мелкихъ этнологическихъ замѣткахъ» было отмѣчено любопытное смѣшеніе въ малорусской легендѣ личностей Ильи Муромца и Ильи Пророка, которое, быть можетъ, дало возможность выдѣлить въ сказаніяхъ о Муромцѣ рядъ чертъ, перенесенныхъ съ Ильи Пророка вслѣдствіе совпаденія именъ: подобнаго рода контаминація, по нашему мнѣнію, сыграла видную роль въ исторіи русскаго былеваго эпоса. Указанный мной матеріалъ былъ пополненъ А. Н. Веселовскимъ въ его «Мелкихъ замѣткахъ къ былинамъ». Недавно напечатано еще два варіанта—великорусскій и бѣлорусскій, которые позволяютъ думать, что такое смѣшеніе—явленіе очень распространенное по всей Россіи.

П. Астровъ (см. Сборникъ Свѣдѣній для изученія быта крест. насел. Россіи, вып. II, стр. 168, прим. 2) записалъ въ Тамбовской губ. слѣдующій разсказъ, въ которомъ Илья богатырь и пророкъ объединены именемъ Ильи *Великаго*. По приказанію Бога Михаилъ Архангелъ и Илья Великій ведутъ борьбу съ чертями, но справляются съ ними только тогда, когда Богъ даетъ имъ Свой жезлъ. Илья Великій былъ прежде человѣкомъ. У него отсохли руки и ноги; въ отсутствіе родителей онъ почувствовалъ въ себѣ силу, благодаря выпитой по приказанію явившихся ангеловъ чашкѣ вина; онъ всталъ на ноги, затѣмъ отправляется искать поединщиковъ, наталкивается на Соловья

---

[1]) То же въ монгольскомъ и тангутскомъ варіантахъ—„Вост. параллели“, стр. 143. 145 и 162.

[2]) Ср. тангутскій варіантъ—изъ костей является дитя лама. Какъ въ тангутскомъ дитя лама является обличителемъ мачехи, такъ и въ украинскомъ ту-же роль съиграли явившіеся мальчики.

[3]) Этногр. Обозр. III, 205.

и убиваетъ его. Дѣти убитаго хотѣли раздавить Илью въ воротахъ, но Богъ его спасъ и взялъ на небо.

Г. Романовъ (Бѣлорусскій Сборникъ, вып. IV, Витебскъ, 1891, стр. 17) приводитъ сходный отчасти разсказъ: «Илья етая колись столькн то (сколько-то) лѣтъ сядѣвъ у сѣдняхъ... Богъ давъ, яму сцалѣнья». Онъ несетъ родителямъ обѣдъ, которые «пошли у лядо копать». Они сѣли обѣдать, а Илья «якъ ставъ корни вырывать, якъ ставъ— дакъ вырвя и кипя, вырвя и кипя, вырвя и кипя. Дакъ, кажуть, у *Полтавской* губерни дакъ ровъ ё такій, што ёнъ узрывавъ. Дакъ ёнъ, значитца, ставъ узнавать, коли хто помре, коли што будя (пророкъ). Дакъ Богъ яго и узявъ на небо съ тѣлясами». Особенно любопытно въ этомъ разсказѣ пріуроченіе Ильи къ Малороссіи (можетъ быть, указаніе на то, что бѣлоруссы заимствовали его отъ малороссовъ).

Обращаемъ вниманіе этнографовъ-собирателей на такіе разсказы: въ высшей степени было бы желательно, чтобы они были записаны ими въ возможно большемъ количествѣ пунктовъ Россіи, потому что они имѣютъ большое значеніе для выясненія темнаго пока генезиса былинъ объ Ильѣ Муромцѣ.

Вл. Каллашъ.

Извѣстія и Замѣтки.

Московское Императ. Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи снарядило прошедшимъ лѣтомъ нѣсколько научныхъ экскурсій, въ которыхъ отъ Этнографическаго Отдѣла принимали участіе московскіе члены-этнографы: Н. И. Ашмаринъ, В. В. Богдановъ, А. А. Ивановскій, Г. И. Куликовскій, Е. А. Ляцкій, А. Д. Солодовниковъ, Н. В. Тесленко, А. Ф. Филипповъ, Е. О. Шарко, Н. А. Янчукъ; кромѣ того нѣкоторые иногородные члены продолжали свои этнографическія изслѣдованія по мѣсту своего жительства въ провинціи, каковы: Н. А. Иваницкій, В. П. Тихоновъ, И. Н. Юркинъ. Изслѣдованія коснулись слѣд. мѣстностей: сѣверныхъ губерній (Иваницкій, Куликовскій, Тихоновъ), центр. Россіи (Шарко), Поволжья (Ашмаринъ, Юркинъ), Кавказа (Солодовниковъ въ сопутствіи А. А. Абрикосова), Бѣлоруссіи (Богдановъ, Ляцкій, Тесленко, Филипповъ), Привислянскаго края (Янчукъ).

Н. И. Ашмаринъ одновременно съ И. Н. Юркинымъ занимались во время лѣтнихъ мѣсяцевъ изученіемъ чувашъ въ Симбирской и Казанской губ. Ими собранъ значительный матеріалъ по народному творчеству, особенно г. Юркинымъ; также изучались религіозныя вѣрованія и обряды. Главнѣйшею цѣлью г. Ашмарина было изученіе чувашскаго языка.

В. В. Богдановъ, предпринявъ экскурсію въ Смоленскую губ., находился въ командировкѣ съ 8 іюня по 26 августа и въ это время посѣтилъ болѣе 40 селеній, преимущественно Бѣльскаго и Духовщинскаго уѣздовъ, совершивъ путь слишкомъ въ 1000 вер. Главною цѣлью было собираніе памятниковъ народнаго творчества мѣстныхъ бѣлоруссовъ съ возможно болѣе точными записями ихъ съ фонетической стороны. Имъ записано лично со словъ пѣвцовъ и разсказчиковъ, болѣе 1200 пѣсенъ, 135 сказокъ, легендъ и басенъ, около 50 заговоровъ, нѣсколько десятковъ пословицъ. Въ собранномъ матеріалѣ есть не мало номеровъ, записанныхъ также отъ пришлыхъ лицъ изъ Калужской и Тверской губ. Подробный маршрутъ г. Богданова будетъ приложенъ къ собранію его матеріаловъ, которое имъ обрабатывается для напечатанія въ «Трудахъ» Отдѣла.

А. А. Ивановскій, командированный обществомъ отъ Географическаго Отдѣленія, ближайшимъ образомъ имѣлъ въ виду собственно орографическія цѣли. Тѣмъ не менѣе, въ своихъ экскурсіяхъ по Московской и смежнымъ губ., г. Ивановскій, по примѣру прежнихъ лѣтъ, собиралъ при случаѣ также этнографическія свѣдѣнія и матеріалы, которыми намѣренъ дѣлиться съ нами на страницахъ «Этногр. Обозрѣнія».

Г. И. Куликовскій посѣтилъ Олонецкую губернію, именно Вытегорскій, Ладейнопольскій уѣзды, и такъ наз. Заонежье; маршрутъ: по р. Свири, затѣмъ верховья р. Ояти, Шимозеро, Куштозеро, Ундозеро и др.; затѣмъ чрезъ г. Петрозаводскъ въ Заонежье и Карелію до Мунозера. Имъ собраны во время этой поѣздки народные тексты (пѣсни, сказки, легенды, загадки и пр.), которые будутъ приготовлены къ печати вмѣстѣ съ матеріаломъ, добытымъ во время прошлыхъ экскурсій. Кромѣ того, собранъ матеріалъ по обычному праву Олонецкихъ крестьянъ, преимущественно о договорахъ; также фотографированы характерные костюмы, постройки, типы и пр. Въ настоящую поѣздку, кромѣ цѣлей этнографическихъ, г. Куликовскій имѣлъ также порученія и отъ Географическаго Отдѣленія Общества. (изслѣд. періодически исчезающихъ озеръ), которыя и исполнилъ по мѣрѣ возможности.

Е. А. Ляцкій провелъ въ командировкѣ время отъ 1-го августа по 21 сентября въ предѣлахъ Виленскаго и Трокскаго уѣзда Виленской г. и въ Минскомъ у. Минской губ. Собиралъ матеріалы, касающіеся главнымъ образомъ народной словесности и демонологіи, именно: сказки, пѣсни, легенды о т. н. замковыхъ горахъ, сказанія демонологическаго характера, заговоры, пословицы и пр.; кромѣ того, обращалъ вниманіе на народную медицину. Числовыя данныя, присоединенныя къ даннымъ прошлаго года, таковы: пѣсенъ 563, сказокъ 31, легендъ и сказаній демон. хар. до 300, заговоровъ 28, пословицъ 2400. Собранный матеріалъ готовится для напечатанія въ XIII т. «Трудовъ» Отдѣла.

А. Д. Солодовниковъ совершилъ поѣздку въ сѣверный Дагестанъ вмѣстѣ съ А. А. Абрикосовымъ. Маршрутъ ихъ былъ таковъ: Темиръ-ханъ-шура, Дженгутай, Урмы, Лаваши (или Лаваши-кунтъ), Ходжалъ-Махи, Салты, Гунибъ, Карадахъ, Хунзахъ, Тлохъ, Ботлихъ и Анди. Такимъ образомъ, они объѣхали 4 округа: Даргинскій, Гунибскій, Аварскій и Андійскій. Изслѣдованія г. Солодовникова исключительно были направлены на обычное уголовное право и отчасти на судоустройство и судопроизводство, изслѣдованія же г. Абрикосова касались имущественнаго права. Кромѣ адатовъ перечисленныхъ округовъ въ Гунибскомъ судебномъ архивѣ имъ случайно удалось напасть на рукописный сборникъ адатовъ Кази-Кумухскаго округа, которымъ они точно также воспользовались *). Кромѣ адатовъ они собрали характерныя судебныя рѣшенія для иллюстраціи собраннаго матеріала по обычному праву.

А. Ф. Филипповъ направился въ Виленскую и Могилевскую губ., гдѣ взялъ на себя втеченіе лѣта изучать народную жизнь съ бытовой и экономической сторонъ и между прочимъ, имѣлъ въ виду прослѣдить связь и взаимодѣйствіе между бѣлорусскими вѣрованіями и поэзіей и еврейскими, на что до сихъ поръ почти не обращалось вниманія изслѣдователями.

Н. В. Тесленко, отправившись въ началѣ іюня въ Виленскую губ., сосредоточилъ свои изслѣдованія въ Вилейскомъ уѣз., занимаясь изученіемъ народнаго обычнаго права бѣлоруссовъ, главнымъ образомъ по вопросу о судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Затѣмъ, онъ съ тою уже цѣлью посѣтилъ Слуцкій, Пинскій и Мозырскій уѣзды Минской губ., а съ половины іюля перенесъ свои наблюденія въ Витебскую губ., гдѣ побывалъ въ Дриссенскомъ, Полоцкомъ, Себежскомъ и Невельскомъ уѣзд., оставаясь тамъ до конца сентября; кромѣ того, оттуда сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ въ Великолуцкій уѣздъ, Псковской губ. Результатомъ изслѣдованій являются матеріалы по обычному праву, которые будутъ обработаны втеченіе 1891 92 гг.

Е. Ѳ. Шарко, командированный лѣтомъ текущаго года во Владимірскую губ. для изслѣдованій обычнаго права, провелъ въ означенной командировкѣ полтора мѣсяца и, посѣтивъ уѣзды Юрьевскій, Суздальскій, Владимірскій, Ковровскій, Вязниковскій и Гороховецкій, собралъ свѣдѣнія о мѣстныхъ юридическихъ обычаяхъ по слѣдующимъ двумъ отдѣламъ права: 1) о способахъ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества и 2) о договорахъ и сдѣлкахъ между крестьянами.

Н. А. Янчукъ, во время поѣздки въ Привислянскій край, втеченіе 3-хъ недѣль іюля мѣсяца сдѣлалъ нѣсколько экскурсій по Сѣдлецкой губ., имѣя въ виду главнымъ образомъ тѣ мѣстности, гдѣ соприкасаются народности малорусская и польская. На-

*) Кажется, этотъ сборникъ былъ уже въ рукахъ нѣкоторыхъ изслѣдователей Кавказа. *Ред.*

блюдая вообще взаимное вліяніе этихъ народностей, какъ оно сказывается въ ихъ бытовой жизни, онъ имѣлъ также спеціальную цѣль—прослѣдить крайніе предѣлы распространенія на западъ малорусской народности въ этой губерніи какъ на основаніи современныхъ признаковъ (языкъ), такъ и по остаткамъ старины. Для характеристики малорусскаго языка имъ собраны въ Соколовскомъ, Константиновскомъ и Бѣльскомъ уѣздахъ названной губерніи образцы въ видѣ текстовъ и отдѣльныхъ фразеологическихъ оборотовъ, причемъ записано также около двухъ десятковъ пѣсенныхъ мотивовъ. Для ознакомленія съ исторической стариной края имъ осмотрѣны во многихъ приходахъ церковные памятники, метрическія и другія церковныя записи, собраны свѣдѣнія о городищахъ, курганахъ и т. п., а также сдѣланы двѣ небольшія раскопки старинныхъ кладбищъ въ Константиновскомъ и Соколовскомъ уѣздахъ.

По Антропологическому Отдѣлу Общество лѣтомъ текущаго года также командировало нѣкоторыхъ своихъ членовъ въ разныя мѣста Россіи. О ихъ занятіяхъ подробнѣе сообщимъ впослѣдствіи.

О командировкахъ отъ Географическаго Отдѣленія упомянуто выше (поѣздки гг. Ивановскаго и Куликовскаго). Слѣдуетъ прибавить къ этому, что предсѣдатель Географическаго Отдѣленія, президентъ Общества проф. Д. Н. Анучинъ истекшимъ лѣтомъ былъ на географическомъ съѣздѣ въ Бернѣ. Члены Отдѣленія К. А. Борисовъ и Н. Г. Тарасовъ были командированы въ Сирію Палестину и Египетъ, а А. В. Павловъ—на Кавказъ для изуч. ледниковъ и рельефа долинъ.

По поводу устраиваемыхъ въ іюлѣ—августѣ 1892 г. въ Москвѣ международныхъ конгрессовъ (доисторич. археологіи, антропологіи и зоологическаго) въ организаціонный комитетъ при Имп. Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи на имя предсѣдателя его, проф. А. П. Богданова, получено уже нѣсколько сотъ заявленій какъ отъ русскихъ, такъ и отъ иностранныхъ ученыхъ лицъ и учрежденій съ выраженіемъ сочувствія и готовности принять участіе въ конгрессахъ постановкою и обработкою научныхъ вопросовъ и присылкою коллекцій для имѣющей быть при конгрессахъ выставки. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Комитета было рѣшено устроить при конгрессахъ также географическую выставку (первую въ Россіи) подъ руководствомъ предсѣдателя Географическаго Отдѣленія и президента Общества Любителей Естествознанія, ординарнаго профессора Д. Н. Анучина.

Отъ Имп. Рус. Географическаго Общества въ 1890 году награждены по отдѣленію этнографіи: большою золотою медалью—П. А. Ровинскій за его сочиненіе «Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Географія, исторія, этнографія, археологія, современное положеніе»; малой золотой медалью—В. Л. Приклонскій за статью: «Три года въ Якутской обл.» (напеч. въ Жив. Стар.); Константиновскою медалью—проф. Харьк. унив. Ал Аѳ. Потебня за его этнографическія и лингвистическія изслѣдованія, относящіяся до великоруссовъ, малоросовъ и зарубежныхъ славянъ; серебряными медалями за присылку научныхъ матеріаловъ: В. Тороповъ (Матер. по антропол. и этнографіи Киргизъ. Обычаи и обычн. право Киргизъ), М. Н. Хангаловъ (за изслѣдованія бурятъ), П. В. Ивановъ (Знахарство, шептанье и заговоры въ Старобѣльск. и Купянск. уу. Харьк. г.), свящ. А. Розановъ (Простонар. медицина въ Сарат. у.), П. А. Шилковъ (за матер. по Екатеринбургск. у.), В. Н. Добровольскій (за коллекцію куколъ и модели костюмовъ Орловск. г.), И. Спудулисъ (Куртовянскій говоръ), П. Бендоровичъ (матер. по Кальварійск. у. Сувалкск. г.), И. Бѣлецкій (Собр. нар. пѣсенъ изъ Буковины), М. А. Врабель (Нар. пѣсни въ діалектахъ средне-землинскомъ, выше-унгварск. и бачскомъ), свящ. Уріилъ (Угорская свадьба).

При Имп. Академіи Наукъ въ будущемъ году предстоитъ конкурсъ на премію Котляревскаго за ученыя изслѣдованія по славянской археологіи и филологіи. Срокъ конкурса на премію Костомарова за лучшій малороссійскій словарь истекаетъ 1 дек. 1891 г.

С.-Петербургскій комитетъ грамотности устроилъ въ Петербургѣ выставку народныхъ картинъ. Выставка открылась для публики 1 октября, и къ тому времени было выставлено болѣе 5,000 картинъ, въ числѣ которыхъ важнѣйшее мѣсто занимаютъ произведенія московскихъ издателей.

Въ концѣ этого года предполагается устроить въ Петербургѣ выставку географическихъ картъ и другихъ пособій. Проектъ устройства выставки имѣетъ выработать И. Р. Географическое Общество.

Губернскій музей въ Тобольскѣ принятъ подъ покровительство Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича.

Въ Ригѣ открытъ публичный музей, имѣющій цѣлью представить наглядно исторію края.

При Кіевскомъ Обществѣ естествоиспытателей учреждается мѣстный музей, въ которомъ, между прочимъ, будутъ отдѣлы археологіи, антропологіи съ этнографіей, сельскаго хозяйства и кустарныхъ промысловъ.

Въ Смоленскѣ проектируется учрежденіе ученаго общества археологіи, исторіи и этнографіи съ антропологіей на подобіе университетскихъ обществъ. Проектъ устава общества уже вырабатывается мѣстными любителями.

Въ будущемъ году будетъ праздноваться 900-лѣтіе утвержденія православія на Волыни. Преосв. Модестъ, епископъ Житомірскій, предложилъ преподавателямъ мѣстной семинаріи приготовить къ тому времени нѣсколько изданій для раздачи народу: 1) очеркъ судьбы православія и русской народности на Волыни; 2) біографическіе очерки первыхъ двухъ волынскихъ епископовъ; 3) исторію мѣстныхъ братствъ и братскихъ школъ.

Въ 1893 г. предстоитъ юбилей 100-лѣтія присоединенія Волыни къ Россіи. Ко дню юбилея А. І. Лященко готовитъ спеціальное изданіе подъ назв. «Volyniana»—указатель всѣхъ книгъ и статей о Волынской губ., а также изданій когда-либо напечатанныхъ въ ея предѣлахъ.

Учрежденное три года тому назадъ въ Лондонѣ ученое общество для изученія этнографіи цыганъ командировало въ нынѣшнемъ году нѣсколько своихъ членовъ въ Россію съ цѣлью собиранія матеріаловъ, касающихся исторіи цыганъ, ихъ преданій, обычаевъ и пр.

Имѣвшая быть будущимъ лѣтомъ въ Парижѣ этнографическая выставка живыхъ представителей племенъ и народовъ земного шара, какъ передаютъ, не состоится.

Вышла 1-я кн. новаго чешскаго антрополого-этнографическаго журнала «Чешскій Народъ» (Cesky lid), издаваемаго книжками разъ въ два мѣсяца подъ ред. Любора Нидерле и Ченька Зиберта, въ Прагѣ.

Вышелъ III томъ «Исторіи русской этнографіи», А. Н. Пыпина, посвященный этнографіи малорусской.

† Г. О. Дютшъ, молодой талантливый музыкантъ, воспитанникъ с.-петербургской консерваторіи, предпринимавшій по порученію И. Р. Географическаго Общества путешествіе на сѣверъ вмѣстѣ съ г. Истоминымъ для собиранія народныхъ пѣсенъ, скончался въ Петербургѣ 16 сент. на 33-мъ году жизни, оставивъ недоконченною обработку собраннаго пѣсеннаго музыкальнаго матеріала. Пожелаемъ, чтобы этотъ матеріалъ попалъ въ надежныя руки!

ПОПРАВКИ.

Стрн.	Стрк.	Напеч.	Чит.
1	1 снизу.	Мосхи, Геродота	Мосхи Геродота
2	12 сверху.	Мухетоса	Мцхетоса
—	13 „	*Мух*	*Мцх*
5	17 сн.	Киде	Кlде
10	18 и 21 св.	Ропапи	Рокапи.
13	5 св.	*кари*	*к'ари*
—	8 »	чакраве	чакра.
15	6 сн. и дал.	Дедо-Рукапи	Деда-Рокапи
19	8 »	гасажели	гасахснели
22	14 св.	введенія	введенія въ домъ
24	4 сн. въ концѣ строки прибавить: Тифлисъ, 1890.		
28	1 сн. прибав: «Чт. Общ. ист. и древн. Росс.» 1889, кн. II.		
30	4 св.	гамотсмева	гамортсмева
—	18 »	чибухе	чибухс
—	22 »	«или»	«ш»
32	10 »	Автандилѣ	Автандилѣ
—	14 сн.	касается	касалась
33	19 св.	Армахи	Армази
—	1 сн.	Копадзе	Копадзе
35	2 »	*Бурнковъ*	*Бутковъ*
38	11 »	ѣшъ	ѣмъ
39	22 св.	гіанури	чіанури

Редакція покорнѣйше проситъ гг. авторовъ присылаемыхъ статей и замѣтокъ писать отчетливо не-русскія слова и имена собственныя.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

книгъ и статей о чукчахъ.

Составилъ А. А. Ивановскій.

а) **На иностранныхъ языкахъ.**

An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia, performed by Commodore Joseph Billings in the years 1785—1794. The whole narrated by Martin Sauer, Secretary to the expedition. London. 1802.

Back, George. Narrative of the Arctic Land expedition to the mouth of the Great Fish—River, 1833—35.

Balbi. Atlas ethnographique du globe etc. Paris. 1826.

Bär und Helmersen. Beiträge zur Kenntn. des russ. Reiches, Bd. 1, 1839, S. 59.

Bogorodskji. Standkoräken. „Erman's Archiv", 1854, 14. S. 343 f., cf. eb. S. 202.

Brougton, A Voyage of discovery to the north Pacific Ocean in the years 1795—98. London, 1804 in 4°. То-же на франц. яз.:

Broughton. Voyage des découvertes dans la partie septentrionale de l'Ocean Pacifique etc. Paris. 1807. 2 vol. in 4°.

Bush. Reindeer, dogs and snow-shoes, Siberian travels and explorations. N.-York, 1871.

Cook and Kinge Voyage to the Pacific Ocean etc., in 1776—1780. 3 vol. in 4°.

Dall, W. H. Tribes of the Extreme Northwest. „Contributions to North American Ethnology". Washington, 1877, in 4°, vol. I, p. 65.

Deniker, M. J. Essai d'une classification des races humaines posée uniquement sur les caractères physiques. Paris. 1889.

Die Tschuktschen. „Erman's Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland", 1843, III, стр. 446, XIV, 202.

Erman. Reise um die Erde in den Jahren 1828—1830. Berlin. 1833. 3 vol. in 8⁰. О чукчахъ см. 3-ій томъ.

Eyriès, I. B. Voyage pittoresque en Asie et en Afrique. Paris. 1839. 2 vol. in 8⁰.

Georgi. Beschreibung aller Nationen des russischen Reiches. 1770.

Georgi. Geographische, phisikalische und naturhistorische Beschreibung des Russichen Reichs zur Uebersicht bisheriger Kenntnisse von demselben. Königsberg. 1797—1801.

Gerland, G. Zur Ethnographie des äussersten Nordostens von Asien. „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin", 1883, № 105, S. 194—222.

Haard. Uebersichts-Karte der ethnographischen Verhältnisse von Asien und von der angränzenden Theilen Europa bearbeitet auf Grundlage von Fr. Müller von Vinzen. Wien, 1887.

Histoire de Kamtschatka, traduite par M. E. Lyon.. 1767 (переводъ „Описанія земли Камчатки", Крашенинникова).

Hooper. Ten months among the tents of the Tuski. London, 1853, 35.

Hovelacque, M. A. Le type Mongolique. „Revue internationale des Sciences", Paris, 1878, № 8, p. 230.

Kennan. Tent life in Siberia. London, 1871, S. 219.

King, Rish. Narrative of a journey to the shores of the Arctic Ocean in 1833—35 under the command of capt. Back.

Klaproth. Asia Polyglotta. Paris. 1826, p. 317—322.

Kotzebue, Otto. Entdeckungs Reise. Weimar, 1821.

Krusenstern, A. I. Reise um die Welt in den Jahren 1803—1806. St.-Petersb., 1810. 3 vol. in 4⁰.

Krusenstern, A. I. Wörtersammlungen aus den Sprachen einig Völker des östlichen Asiens und der Nord-West-Küste von Amerika. St.-Petersb., 1803. 1 vol. in 4⁰.

L'Amérique du Nord, la Sibérie, la Russie. „Revue Britannique", 1847, № 7.

Langsdorff, S. H. Bemerkungen aus einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 1807. Fr. am M. 1812. 2 vol. in 4⁰ und Atlas.

Lankenau. Die Schamanen und das Schamanenwesen. „Globus", 1872, 22 B, №№ 17—19.

La-Perouse. Voyage autour du monde, publié et rédigé par Milet-Mureau. 1798. 4 vol. in 8⁰ et Atlas.

La-Perouse'ns Entdeckungsreise in den Jahren 1785—1788, übers. und mit Anmerkungen begleitet von **I. R. Forster** und **Sprengel.** Berlin. 1880. 2 vol. in 8⁰.

Lesseps. Reise durch Kamtschatka. Berlin, 1791. 1 vol. in 8⁰.

Lütke. Voyage autour du monde. Paris. 1835.

Middendorff, A. Sibiriche Reise. St.-Petersb., 1848—1875.

Müller, Friedrich. Grundriss der Sprachwissenschaft, II Band, I Abtheil. pp. 134—141 (1879 г.),—объ языкѣ чукчей.

Müller, Fr. Allgemeine Ethnographie. Wien. 1876.

Nordenskjöld. Umseglung Asiens und Europas auf der Wega. Leipzig, Brockhaus, 1882, II, S. 82.

Nordquist. Bidrag till kännedomen om tschuktscherna. „Ymer tidskr. utg. of Svenska sällsk. för Antropologi och Geografi“, 2, 29.

Ollivier, A. (de Huelgoat). Sur les Esquimaux d'Asie. „Bull. Soc. d'anthrop.“, 1877, 2-e sér., T. XII, p. 587.

Pallas. Neue Nordische Beyträge.

Parry, E. W. Journal of a second voyage for the discovery of a North-West Passage. 1821—23.

Pauly, T. Les peuples de la Russie. St.-Peterb., 1862.

Peschel, Osc. Völkerkunde. Leipzig, 1875.

Prishard, I. C. Naturgeschichte dles Menschengeschlochts, übersetz. mit Anmerkungen von Dr. R. Wagner. 4 Th. in 5 Bänd. Bd. III. 2 L. 1845. Глава XVII: von den hyperboreischen Nationen in Asien.

Quatrefages, A. et Ernest T. Hamy. Crania ethnica. Les cranes des races humaines. Paris, 1882, p. 424.

Rae, Iohn. Narrative of an expedition to the schores of the Arctic Sea 1846—47.

Ratzel, Friedrich. Völkerkunde. Zweiter Band. Die Naturvölker Oceaniens, Amerikas und Asiens. Leipzig. 1888.

Ravenstein. The Russians on the Amur. London, 1861.

Rischardson, I. The Polar Regions. Edinburgh. 1861.

Ritter. Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen etc. Bd. III. Berlin. 1834.

Ross, I. Narrative of a second voyage in search of a North-West Passage, 1829—33.

Sauer. Billing's Reise. Übers. Berlin, 1802, S. 377, 383.

Steller, G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfort, 1774. 1 vol. in 8°.

Strahlenberg. Das Nord und Oestliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730. 1 vol. in 4°.

Vater, S. Literatur der Grammatiken, Lexica und Wörtersammlungen aller Sprachen der Erde. Zweite völlig umgearbeitete Ausgabe von **B. Sülg**. Berlin. 1847.

Whymper. Alaska. Braunschweig. 1869. S. 98.

Wrangel. Von dem Verkehr der Völk. d. Nordwestküste von America und mit den Tschuktschen. I, 57.

Wrangel. Reise längs der Nordküste von Sibirien in den Jahren 1820 bis 1824. Berlin. 1839.

Wyman, I. Crania ot Tsuktshi, ap. Observations on Crania. Boston, 1868, in—8°, p. 21—25.

б) На русскомъ языкѣ.

Августиновичъ, Ѳ. М. Племена, населяющія Колымскій округъ (якуты, юкагиры, чуванцы, омоки, тунгусы, ламуты и чукчи). „Антропологическая выставка 1879 г.“, т. II, „Труды Антропологическаго Отдѣла“, т. IV (приложеніе къ XXXI тому „Извѣстій Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи“), Москва, 1878 г., стр. 51.

Александровъ, Н. Земля чукчей и коряковъ (ярмарка въ с. Островномъ). „Дѣтское Чтеніе“, 1872 г., т. 7, стр. 72—88.

Анадырскій округъ, чукчи и отношеніе ихъ къ намъ и американцамъ. „Сѣверный Вѣстникъ“, 1891 г., № 2, стр. 48 (въ областномъ отдѣлѣ).

Анастасевичъ. Камчатскіе обычаи. „Сибирскій Вѣстникъ“, 1821 г., ч. XIV.

Анучинъ, Д. Н. Матеріалы для антропологіи Восточной Азіи. I. Племя айновъ. „Извѣстія Имп. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этногр.“, т. XX. „Труды Антрополог. Отдѣла“, кн. 2, вып. 1, стр. 172.

Аргентовъ, А. Путевыя записки священника — миссіонера въ приполярной мѣстности. „Записки Сибир. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.“, 1857 г., кн. IV.

Аргентовъ, А. Очерки Нижнеколымскаго края. Сборникъ газ. „Сибирь“. Спб., 1876 г.

Аргентовъ, А. Извлеченіе изъ путевыхъ записокъ. Газ. „Амуръ“, 1860 г., №№ 14 и 15.

Аргентовъ, А. Описаніе Николаевскаго Чаунскаго прихода. „Записки Сибир. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.“, 1857 г., кн. III, отд. I, стр. 90.

Аргентовъ, А. О полярной сѣверной землѣ. „Амуръ“, 1861 г., №№ 67 и 68.

Аргентовъ, А. Пятнадцать лѣтъ въ Нижне-Колымскомъ краѣ. „Сибирскій Вѣстникъ“, 1887 г., №№ 58 и 84 и „Всемірный Путешественникъ“ (прибавл. къ газ. „Родина“), 1889 г., №№ 5 и 6.

Берхъ. Хронологическая исторія всѣхъ путешествій въ сѣверныя полярныя страны. Спб., 1821 г.

Берхъ. Первое морское путешествіе россіянъ. Спб., 1823 г.

Большевъ, А. А. Русское прибрежье Тихаго океана. „Извѣстія Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О.“, т. VIII, №№ 3 и 4.

Булычевъ. Путешествіе по Восточной Сибири, I, 83.

Бытъ „сидячихъ“ чукчей (по описанію Норденшильда). „Казанскій Биржевой Листокъ“, 1891 г., № 74.

Вахтинъ, В. Русскіе труженики моря. Первая морская экспедиція Беринга для рѣшенія вопроса, соединяется-ли Азія съ Америкой. Спб., 1890 г., тип. Морск. Минист. IV+124 in 8°. Ц. 1 руб.

Врангель. Историческое обозрѣніе путешествій по Ледовитому океану, между Карскимъ моремъ и Беринговымъ проливомъ, до 1820 г., Спб., 1841 г.

Гагемейстеръ. Историко-статистическое обозрѣніе Сибири. Спб., 1854, I, 185. См. рецензію на эту книгу въ газ. „Амуръ“, 1860 г., №№ 5 и 6.

Геденштромъ. Отрывки о Сибири. Спб., 1830 г., стр. 99.

Гекъ, Ф. Положеніе чукчей и китобойный промыселъ. Газ. „Владивостокъ“, 1888 г., № 39.

Георги. Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ Государствѣ народовъ и ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ, жилищъ, вѣроисповѣданій и прочихъ достопамятностей. Спб., 1799 г., ч. III, стр. 74—77.

Гижигинскій край. „Сибирскій Вѣстникъ“, 1868 г., №№ 7—10.

Гижигинскіе и Охотскіе инородцы. „Амуръ“, 1861 г., № 24.

Гранстремъ, Э. Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. Спб., 1886 г. Рецензію см. въ „Сибирской Газетѣ“, 1886 г. № 26.

Григорьевъ. Россія и Азія. Спб., 1876 г. („Чукчи и земля ихъ, съ открытія этого края до настоящаго времени“). См. ту-же статью въ „Журналѣ Мин. Вн. Дѣлъ“, 1851 г., ч. XXXIV, стр. 456—490. Рецензію на эту статью см. въ газ. „Сибирь“, 1877 г., № 11.

Громовъ, П. П. Дополненіе къ догадкамъ о полярной сѣверной землѣ. „Амуръ“, 1861 г., № 72 (см. статью А. Аргентова: „О полярной сѣверной землѣ“ въ газ. „Амуръ“, 1861 г., №№ 67 и 68).

Дитмаръ. О корякахъ и весьма близкихъ къ нимъ по происхожденію чукчахъ. „Вѣстникъ Имп. Рус. Геогр. Общ.“ за 1855 г., кн. VI, ч. XVI и за 1856 г., кн. I, ч. XVI.

Замѣтки о чукчахъ,—этнограф. очеркъ племени, обитающаго между рр. Анадыромъ и Колымой. Газ. „Сибирь“, 1877 г., № 12.

Замѣчанія о чукчахъ. „Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ“, 1835 г., ч. XVI, стр. 356.

Зима у чукчей. „Иллюстрація“, 1859 г., №№ 84—87 и „Вокругъ свѣта“, 1865 г., № 10, стр. 313—330.

З—нъ, М. Русскіе промышленники на прибрежьяхъ и островахъ Тихаго океана. Газ. „Амуръ“, 1861 г., №№ 93, 95, 98—100 и 1862 г., №№ 1—3, 5—8.

Ивановскій, А. А. Религіозныя воззрѣнія чукчей и представленія ихъ о загробной жизни (докладъ въ Этнограф. Отд. Имп. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи 3-го марта 1890 г.). „Русскія Вѣдомости“, 1890 г., № 66.

Ивановскій, А. А. Черепъ чукчи изъ бухты Провидѣнія. „Извѣстія Имп. Общ. Люб. Естеств., Антр. и Этногр.“, т. LXVIII, „Дневникъ Антропологическаго Отдѣла“, Москва, 1890 г., вып. 4-й, стр. 117.

Идолопоклонническое вѣрованіе камчадаловъ. „Калейдоскопъ“, 1861 г., № 9.

Извѣстіе изъ Гижиги. Газ. „Восточное Поморье“, 1865 г., № 10.

Изъ записокъ миссіонера. Газ. „Владивостокъ“, 1884 г., № 29.

Изъ нравовъ чукчей. „Миссіонеръ“, 1876 г., № 20.

Изъ поѣздки въ Анадырскъ въ 1860 г. Газ. „Восточное Поморье“, 1866 г., №№ 2—4.

Историческая записка о Чукотскомъ народѣ, обитающемъ около береговъ Ледовитаго моря (изъ бумагъ П. А. Словцова, доставилъ Н. А. Абрамовъ) въ „Вѣстникѣ Имп. Рус. Геогр. Общества“ за 1856 г., кн. V.

Іона. Религія, обряды и нравы племенъ, живущихъ по западному берегу Татарскаго залива и по западному берегу Охотскаго моря. „Домашняя Бесѣда“, 1859 г., № 34.

Калачевъ, И. В. Образъ жизни тунгусовъ и коряковъ, жившихъ въ Иркутской губ. въ 1766 г. „Извѣстія Сибир. Отд. И. Р. Г. О.“, II т., 3 кн.

Камчатская миссія въ 1871 г. „Иркутскія Епарх. Вѣд.“, 1872 г., № 18.

К—въ. О Камчаткѣ (взглядъ на ея прошедшее и на значеніе ея въ будущемъ). „Иркутскія Губ. Вѣд.“, 1858 г., №№ 36, 37 и 41.

Киберъ, д-ръ. Извлеченіе изъ дневныхъ записокъ, содержащихъ въ себѣ свѣдѣнія и наблюденія, собранныя въ болотныхъ пустыняхъ Сѣверо-Восточной Сибири. „Сибирскій Вѣстникъ“ 1824 г., кн. II—V.

Киберъ. Чукчи. „Сибирскій Вѣстникъ“, 1824 г., кн. IX и X.

Кое-что о сибирской старинѣ (племена старожиловъ). „Томскія Губ. Вѣд.“, 1858 г., №№ 10 и 11.

Котскій (Kautsky), К. Общественные инстинкты у людей (переводъ). „Сѣверный Вѣстникъ“, 1890 г., сентябрь, стр. 77, 79, 80 и 82.

Краткія свѣдѣнія о чукчахъ и чукотской миссіи. „Якутскія Епарх. Вѣд.“, 1890 г.., №№ 5 и 6.

Крашенинниковъ. Описаніе земли Камчатки. С.-Петербургъ. 1755 г.

Къ вопросу о Камчаткѣ и торговлѣ на берегахъ Охотскаго моря (объ эксплоатаціи чукчей иностранцами). „Восточное Обозрѣніе“, 1891 года, № 12-й.

Къ торгово промышленному вопросу восточныхъ окраинъ Сибири. „Владивостокъ“, 1891 г., № 21.

Литке, Ѳ. Путешествіе вокругъ свѣта, совершенное по повелѣнію Императора Николая I, на военномъ шлюпѣ Сенявинѣ въ 1826—1829 годахъ. Спб., 1834 г., т. II, стр. 184—202. См. также Erman's Archiv, 3, S. 447.

Ломоносовъ. „Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго прохода Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію“ (1763—1764 гг.), напечатанное въ 1854 г. А. Соколовымъ въ изд. Гидрографич. Департамента: „Проектъ Ломоносова и экспедиція Чичагова“.

Маакъ. Путешествіе на Амуръ, совершенное въ 1855 г., съ атласомъ видовъ, этнографич. рисунковъ и растеній. Спб. 1859 г.

Майдель, Г. Л. Отвѣты Чукотской экспедиціи на вопросы акад. Бэра. „Извѣстія Сибир. Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ.“, Иркутскъ. 1871 г., т. II, №№ 1 и 2.

Маныкинъ-Невструевъ, А. Завоеваніе Восточной Сибири якутскими казаками. Спб., 1883 г.

Марковъ. Русскіе на Восточномъ океанѣ.

Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго океана, изд. редакціи „Морскаго Сборника“, Спб., 1861 г.

Матюнинъ, Н. Наши сосѣди на крайнемъ Востокѣ. „Вѣстникъ Европы", 1887 г., № 7. См. также замѣтку („Наши отношенія къ сосѣдямъ") по поводу этой статьи въ газ. „Владивостокъ", 1887 года, № 39-й.

Миддендорфъ. Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. Спб., 1860 г., т. IV.

Миллеръ, В. Ѳ. Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнографическаго Музея. Москва, 1887 г., вып. I, стр. 2 и 3.

Миллеръ, Г. Ф. Описаніе морскихъ путешествій по Ледовитому и по Восточному морю, съ Россійской стороны учиненныхъ. „Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащіе", 1758 г., январь—ноябрь.

Населеніе Камчатки. Газ. „Сибирь", 1877 г., № 22.

Наши сѣверо-восточныя окраины и американцы. Газ. „Владивостокъ", 1888 г., № 25.

Нейманъ, К. К. Плаваніе по Восточному океану. „Извѣстія Сибир. Отд. И. Р. Г. О.", т. VIII, №№ 1—6. См. также „Proceed. R. geogr. Soc.", 21. 1877. S. 217.

Нейманъ. К. К. Историческій обзоръ дѣйствій Чукотской экспедиціи. „Извѣстія Сибир. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.", т. I, №№ 4 и 5 и т. II, № 3.

Новыя свѣдѣнія о чукчахъ. „Вѣстникъ Имп. Рус. Геогр. Общ.", 1852 г., общ. часть V.

Нордквистъ, О. А. Замѣтка о численности и нынѣшнемъ положеніи чукчей, живущихъ по берегу Ледовитаго океана. „Извѣстія Имп. Рус. Геогр. Общ.", 1880 г., т. XVI, вып. 2-й.

Нѣсколько данныхъ о современномъ положеніи нашихъ сѣверо-восточныхъ прибрежій. „Сборникъ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири". Спб., 1825.

О народонаселеніи въ Камчаткѣ „Иркутскія Губернск. Вѣдом.", 1858 г., № 8.

О распространеніи христіанства между гольдами, гиляками, тунгусами, якутами, ороченами, чукчами, коряками и самогирцами. „Сибир. Вѣстникъ", 1885 г., № 3.

О спаиваніи американцами нашихъ полудикихъ инородцевъ-камчатскихъ чукчей. „Сибирская Газета", 1888 г., № 34 (корресп. изъ Якутска).

Оглоблинъ, Н. Н Семенъ Дежневъ (1638—1671 г.). „Журналъ Мин. Народн. Просв.", 1890 г., декабрь.

Оксеновъ, А. Свѣдѣнія о неизданныхъ сибирскихъ лѣтописяхъ (съ библіографич. указателемъ напечатанныхъ сибир. лѣтописей и нѣкоторыхъ иныхъ источниковъ). „Литературный Сборникъ", изд. редакціи „Восточсточнаго Обозрѣнія". Спб., 1885 г., стр. 446—455.

Отчетъ Миссіонерскаго Общества за 1883 г. „Якутскія Епарх. Вѣд.", 1887 г., приложеніе къ № 17-му.

Памятная книжка Якутской области на 1891 годъ. Изданіе Якутскаго статистич. комитета. Якутскъ. 1891 г.

Панорама Иркутской губ. „Современникъ", т. XXII, отд. 2, 157.

Пешель, Оскаръ. Народовѣдѣніе. Переводъ подъ ред. проф. Э. Ю. Петри съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгофомъ. Спб., 1890 г., вып. 3-й, стр. 401.

Плаваніе лодки „Сивучъ" къ устью р. Анадыри, къ мысу Восточному и обратно. „Владивостокъ", 1890 г.

Пленстеръ. Карта Чукотскаго Носа (1 листъ in 4°).

Поѣздка преосвященнаго Діонисія, епископа Якутскаго, въ Чукотскую миссію. „Иркутскія Епарх. Вѣд.", 1884 г., № 5.

Приклонскій, В. Л. Три года въ Якутской области (этнографическіе очерки). „Живая Старина", 1890 г., вып. I и II и 1891 г., вып. III.

Путешествіе флота капитана Сарычова по сѣверо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану съ 1785—1793 г. С.-Петербургъ. 1802 г. (о чукчахъ часть II, гл. VII).

Путешествіе капитана Биллингса чрезъ Чукотскую землю, изд. Сарычовымъ. Спб., 1811 г.

Путешествіе шлюпа Діаны изъ Кронштадта въ Камчатку съ присовокупленіемъ сокращенныхъ записокъ о плаваніи для описи Курильскихъ острововъ въ 1811 г. Спб., 1819 г.

Путешествіе Геденштрома по Ледовитому морю и островамъ онаго, лежащимъ отъ устья Лены къ востоку. „Сибирскій Вѣстникъ", 1822 г., кн. XVII—XIX.

Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю въ 1820—1824 гг. (результаты экспедиціи барона Врангеля).

Пыпинъ, А. Н. Сибирь и изслѣдованія ея. „Вѣстникъ Европы", 1888 г., № 4.

Ресинъ, А. А. Очеркъ инородцевъ русскаго побережья Тихаго океана. „Извѣстія Имп. Рус. Геогр. Общ.", 1888 г., т. XXIV, вып. III, стр. 121—198.

Риттеръ, К. Землевѣдѣніе Азіи, перев. съ дополненіями П. Семенова. Спб., 1856 г.

Рябковъ, П. Полярныя страны Сибири. „Сибирскій Сборникъ" (прилож. къ газ. „Восточное Обозрѣніе") за 1887 г.

Сборникъ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири и сопредѣльныхъ ей странахъ. Т. I.

Свѣдѣніе о Чукотской экспедиціи. „Извѣстія Сибир. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.", 1870 г., т. I, № 1.

Свѣдѣнія о чукчахъ капитана Шишмарева въ 1821 году въ „Собраніи сочиненій о Сѣверѣ", стр. 193.

Свѣдѣнія Дыбовскаго объ охотѣ на Камчаткѣ. Газ. „Сибирь" 1883 г., № 37.

Сгибневъ, А. Матеріалы для исторіи Камчатки. Экспедиція Шестакова. „Морской Сборникъ", 1869 г., т. 100, № 2, стр. 1—34.

Сгибневъ, А. Историческій очеркъ главнѣйшихъ событій въ Камчаткѣ. „Морской Сборникъ", 1869 г., т. 101, № 4, стр. 65—142.

Семеновъ, П. Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи. Спб., 1863—1873.

Сидоровъ. Шаманъ и обряды шаманской вѣры. Прибавл. къ „Иркутскимъ Епарх. Вѣд.“, 1873 г., № 26.

Словцовъ, П. Историческое обозрѣніе Сибири. Спб., 1886 г.

Современное состояніе Камчатки и Сахалина. „Владивостокъ“, 1890 г., №№ 40—42.

Спасскій, Гр. Исторія плаваній Россіянъ изъ рѣкъ Сибирскихъ въ Ледовитое море. „Сибирскій Вѣстникъ“, 1821 г., ч. XV и XVI, гл. II.

Спасскій, Гр. Владиміръ Атласовъ, покоритель Камчатки. „Вѣстникъ Имп. Рус. Геогр. Общ.“, 1858 г., ч. XXIV, кн. XI, стр. 157—172.

Типы инородцевъ Вост. Сибири. „Всемірная Иллюстрація“, 1872 г.

Типы народовъ Восточной Сибири. „Иллюстрація“, 1863 г., № 271.

Титовъ, А. Сибирь въ XVII вѣкѣ. Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ. Съ приложеніемъ снимка со старинной карты Сибири. Издалъ Г. Юдинъ. М. 1890 г. См. рецензію на эту книгу *Ник. Бакая* въ „Памятной книжкѣ Енисейской губ. 1890 г.“, Красноярскъ, 1891 г., стр. 326.

Тихменевъ. Историческое обозрѣніе образованія Россійско-Американской компаніи и дѣйствій ея до настоящаго времени. Спб., 2 части, 1861—1863.

Торгово-промышленный вопросъ восточныхъ окраинъ Сибири (эксплоатація чукчей иностранными промышленниками). „Владивостокъ“, 1891 г., № 5.

Трагическая смерть чукчей - фанатиковъ. „Якутскія Епарх. Вѣд.“, 1889 г., №№ 6 и 7. См. также „Этнографич. Обозрѣніе“, 1889 г., кн. III, стр. 198—200.

Трифоновъ, А. Замѣтки о Нижне - Колымскѣ. „Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ.“, т. III, № 3.

Уголокъ далекаго Сѣвера. „Сибирская Газета“, 1884 г., №№ 7, 9 и 11.

Условія успѣха миссіонерской дѣятельности между чукчами въ Якутской области. „Миссіонеръ“, 1874 г., №№ 5, 8 и 11.

Фишеръ. Сибирская исторія съ самаго открытія Сибири до завоеванія сей земли русскимъ оружіемъ. Спб., 1774 г.

Чукотская миссія (краткая исторія ея). „Якутскія Епарх. Вѣд.“, 1890 г., № 6, и „Русскій Паломникъ“, 1890 г., № 36.

Чукчи. „Природа и Люди“, 1880 г., №№ 4—8, 10—12.

Чукчи и земля ихъ, съ открытія этого края до настоящаго времени. „Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ“, 1851 г., ч. XXXIV, стр. 456—490.

Чукчи и торговля съ ними. Газ. „Сибирь“, 1876 г., № 23.

Шашковъ. Шаманство въ Сибири. 1864 г.

Щегловъ, И. В. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири (1032—1882 г.). Изд. „Вост.-Сибир. Отд. И. Р. Г. О.“, подъ ред. члена Отдѣла В. И. Вагина. Иркутскъ, 1883 г.

Годъ 3-й. **Кн. XI.**

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1891, № 4.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

Цѣна 1 р. 50 к.

МОСКВА.

Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Петровка, д. Левенсонъ.

1891.

Печатать разрѣшается. Москва, 15 января 1892 г.

Президентъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

Ординарный профессоръ **Д. Анучинъ**.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Выходъ въ свѣтъ настоящей книжки, заканчивающей собою 3-й годъ изданія, былъ нѣсколько задержанъ отчасти изготовленіемъ рисунковъ для нея, въ особенности же обиліемъ вошедшаго въ нее библіографическаго матеріала, а также нѣкоторыми другими непредвидѣнными обстоятельствами. Извиняясь въ этомъ передъ гг. подписчиками, Редакція вмѣстѣ съ тѣмъ надѣется въ наступающемъ году устранить всѣ затрудненія для ускоренія печатанія и болѣе аккуратнаго выхода книжекъ; съ этою цѣлью между прочимъ будутъ введены нѣкоторыя измѣненія въ библіографическомъ отдѣлѣ изданія, причемъ завѣдываніе этимъ отдѣломъ будетъ поручено отдѣльному лицу. Начиная съ этой книги, текущая библіографія журналовъ и газетъ будетъ даваться въ одномъ общемъ алфавитномъ обзорѣ въ виду затрудненій въ разграниченіи этого рода изданій. Отдѣлъ „Смѣси", какъ имѣющій ближайшую связь съ первымъ отдѣломъ изданія, будетъ помѣщаемъ непосредственно за нимъ, передъ библіографіей.

СОДЕРЖАНІЕ.

КАВКАЗСКО-РУССКІЯ ПАРАЛЛЕЛИ.

III *).

Переходя къ другой личности нашего эпоса—къ Добрынѣ, мы снова находимъ на Кавказѣ нѣкоторые мотивы, параллельные тѣмъ, которые прикрѣпились къ этому историческому имени въ нашихъ былинахъ. Оставляя въ сторонѣ мотивъ *змѣеборства*, какъ самый избитый и вездѣсущій, остановимся на двухъ другихъ сюжетахъ: превращеніи Добрыни въ тура чародѣйкой Мариной и несостоявшемся бракѣ Алеши Поповича на Добрыниной женѣ.

Изъ многочисленныхъ варіантовъ перваго сюжета (изложенныхъ Ровинскимъ [1]), отмѣтимъ слѣдующую схему.

Добрыня оскорбляетъ Марину, находившуюся въ связи со Змѣемъ Горыничемъ (Притугальникомъ, Иваномъ Царевичемъ, Туга Змѣевичемъ и пр.), Марина заговоромъ обертываетъ Добрыню туромъ, причемъ въ одной былинѣ Гильфердинга перечисляется еще рядъ предшествующихъ обращеній:

Она стала-то Добрынюшку обвертывать,
Обвернула-то Добрыню да сорокою,
Обвернула-то Добрыню да вороною,
Обвернула-то Добрынюшку да свиньею,
Обвернула-то Добрынюшку гнѣдымъ туромъ [2]).

*) См „Этн. Обозр.“ кн. X.

1) Русс. народ. карт. IV, стр. 79—85.

2) Гильф., стр. 833.

А въ другой того же сборника—упоминается обращеніе въ горностая и сокола [1]).

Сестра или тетка Добрыни заставляютъ угрозами Марину вернуть Добрынѣ прежній видъ, послѣ чего Марина подвергается наказанію (казни).

Нѣкоторыя черты этой схемы находимъ въ кавказскихъ сказаніяхъ. Такъ Нартъ Урызмэгъ пріѣзжаетъ къ любовницѣ Уастырджи и предлагаетъ ей любовь, подобно тому, какъ привороженный Маринкой Добрыня пріѣзжаетъ съ этой же цѣлью къ ней. Любовница Уастырджи, раздосадованная, ударомъ войлочной плети обращаетъ Урызмэга въ собаку [2]). Послѣ нѣсколькихъ похожденій въ псиномъ образѣ Урызмэгъ при содѣйствіи своего хозяина получаетъ свой прежній видъ, подвергнувшись вторичному удару той же плетки отъ любовницы Уастырджи. Послѣдняя проситъ у него прощенья, какъ Маринка у Добрыни, и Урызмэгъ, простивъ ее, достигаетъ своей цѣли, т.-е. спитъ съ ней [3]).

Такимъ образомъ здѣсь нѣтъ наказанія чародѣйкѣ, но въ чеченскомъ разсказѣ подобнаго сюжета [4]) чародѣйка и ея любовникъ сами подвергаются обращенію въ ослицу и осла. Здѣсь разсказывается, что Султанъ, ухаживавшій 8 лѣтъ за одной дѣвицей, наконецъ женился на ней. Но когда молодые легли спать, явился прежній любовникъ дѣвушки (Змѣй Горынычъ) и ударомъ плети обратилъ Султана въ чернаго пса. Послѣ разныхъ похожденій Султанъ при помощи одной колдуньи (сестры или тетки Добрыни) выкралъ плеть, ударомъ которой былъ обернутъ, и получивъ отъ удара помогавшей ему колдуньи свой прежній образъ, обратилъ въ свою очередь невѣрную жену и ея любовника въ ословъ.

---

1) Тамъ же, стр. 29 (Калинина).

2) Впрочемъ, и Добрыня по одной былинѣ Гильфердинга (1327), прежде чѣмъ получить видъ тура, „ходилъ кобелемъ ровно суточки“.

3) Осет. Этюды. I, 57—59.

4) Сказка о Султанѣ. Сборн. св. о Кавк. Горц. IV. Отд. II, стр. 21—26. Срав. также осетинскую (дигорскую) сказку о Цопанѣ, обращенномъ женою въ утку и собаку. Сбор. матер. по этнограф. изд. при Дашков. Этногр. Музеѣ. Вып. I. Осетинскія сказки, № II и татарскую и Сб. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавк. IX. Отд. II, стр. 101.

Конечно, особенной близости между русской былиной и приведенными кавказскими сказками нѣтъ: въ литературѣ этого сюжета могутъ быть указаны версіи болѣе близкія къ русской, чѣмъ кавказскія. Но любопытно, что эта весьма распространенная сказка [1]) была и у насъ и на Кавказѣ вовлечена въ кругъ богатырскихъ сказаній и прикрѣплена къ именамъ выдающихся богатырей—къ Добрынѣ и Урузмэгу.

Другой сюжетъ былинъ о Добрынѣ—Добрыня въ отъѣздѣ и выходъ его жены замужъ за Алешу Поповича—находитъ себѣ весьма близкую параллель въ турецкой сказкѣ объ Ашикъ-Керибѣ «пѣвцѣ страникѣ», слышанной Лермонтовымъ на Кавказѣ. Въ виду того, что этой сказкѣ я посвятилъ отдѣльную замѣтку въ Этногр. Обозрѣніи [2]), я въ самыхъ краткихъ чертахъ передамъ содержаніе сказки и подчеркну детали, совпадающія съ нашими былинными.

Юноша пѣвецъ-музыкантъ, полюбивъ въ Тифлисѣ красавицу Магуль-Мегерри, дочь богатаго купца, и сговорившись съ нею, оставляетъ ее на 7 лѣтъ, чтобъ на чужбинѣ добыть денегъ. Соперникъ юноши Куршудъ-бекъ, укравъ его одежду при переправѣ черезъ рѣку вплавь, увѣряетъ его невѣсту, что онъ потонулъ. Невѣста не вѣритъ и продолжаетъ ждать условленнаго срока. На чужбинѣ Ашикъ-Керибъ имѣлъ успѣхъ, нажилъ деньги игрою и позабылъ было о срокѣ. Но невѣста напомнила ему о немъ гонцомъ. До срока остается лишь три дня, а юноша далеко отъ Тифлиса. Онъ хочетъ лишить себя

[1]) См. Ровинскій. IV, стр. 81. Volner, стр. 59. Для пополненія варіантовъ сюжета отмѣтимъ еще: Migne,—Apocryph. I, 993, гдѣ разсказывается апокрифъ о молодомъ человѣкѣ, обращенномъ колдуньей въ мула. *Сестра* оплакиваетъ его и по ея молитвѣ Богородица возвращаетъ ему прежній видъ; тамъ же ссылка на Bodin'a Démonomanie, t. II, c. 6, гдѣ находится разсказъ о томъ, какъ во время крестовыхъ походовъ кипрская колдунья обратила въ осла одного молодого англійскаго воина, какъ онъ работалъ на нее до тѣхъ поръ, пока не палъ на колѣна передъ церковью и народъ не вынудилъ колдунью возвратить ему прежній видъ. Тотъ же сюжетъ находимъ въ монгольскомъ эпосѣ о Гессеръ-ханѣ. Жена его (Рогмогоа), съ помощью гостя *мангуса*, обращаетъ его въ осла. Другая его жена (Абсумергенъ) уничтожаетъ ея чары и возвращаетъ Гессеру прежній видъ. Мать Гессера умираетъ отъ печали, но сынъ освобождаетъ ее изъ ада. Потанинъ. IV, стр. 818.

[2]) Кн. V, стр. 110—115.

жизни, но встрѣчаетъ чуднаго всадника Св. Георгія [1]), который въ нѣсколько часовъ на своемъ чудесномъ конѣ доставляетъ его на родину. Ашикъ идетъ въ домъ матери, которая ослѣпла отъ слезъ и не узнаетъ его; онъ беретъ со стѣны свой саазъ (балалайку), играетъ на немъ и съ нимъ идетъ въ домъ, гдѣ справляется свадьба его невѣсты съ Куршудъ-бекомъ. Приглашенный, какъ музыкантъ-пѣвецъ, и ни кѣмъ не узнанный, Ашикъ-Керибъ въ своей пѣснѣ открываетъ испытанное имъ чудо. Слѣдуетъ узнаніе со стороны Магуль-Мегерри и свадьба. Ашикъ мирится съ Куршудъ-бекомъ и отдаетъ ему въ жены свою сестру.

Отмѣчу лишь спеціально сходныя черты этой сказки съ былиннымъ разсказомъ о Добрынѣ въ отъѣздѣ:

1) Уѣзжая въ дальнюю сторону, Добрыня ставитъ женѣ своей опредѣленный срокъ (3 года, 6 лѣтъ, 9 лѣтъ), послѣ котораго она можетъ выйти замужъ. Также поступаетъ Ашикъ-Керибъ относительно своей невѣсты. Передъ отъѣздомъ оба берутъ благословенье у матери.

2) Алеша Поповичъ привозитъ женѣ Добрыни «вѣсточку нерадостную», что нѣтъ въ живыхъ Добрыни Никитича. Такую же вѣсть о гибели Ашикъ-Кериба привозитъ его невѣстѣ Куршудъ-бекъ.

3) „Желешенько плакала матушка Добрыни, *слезила* она очи ясныя по своемъ родномъ дитяткѣ“ (Кир. II, 33). Мать Ашикъ-Кериба выплакала себѣ глаза о сынѣ такъ, что даже ослѣпла.

4) Жена Добрыни, не повѣрила разсказу Алеши, потому что ждала мужа сверхъ условленныхъ шести лѣтъ еще столько же. Магуль-Мегерри также не повѣрила разсказу Куршудъ-бека.

5. Получивъ вѣсть о предстоящей свадьбѣ своей жены съ Алешей, Добрыня необыкновенно быстро является въ Кіевъ: его бурушко „на гору поскакиваетъ, рѣки-озера порескакиваетъ, мимо башни черезъ стѣну городовую перемахнулъ“

[1]) Въ сказкѣ онъ названъ Хадеръ-Ильязъ. На мусульманскомъ востокѣ Хидръ-Эліасъ, „зеленый Илья“ смѣшивается съ Ильей Пророкомъ и съ Георгіемъ. См. Кирпичникова: Св. Георгій и Егорій храбрый, стр. 94, 98 (примѣч.), 100 (примѣч.), 101; также Herbelot, Bibliot. Orient. s. vv. Kheder и Ilia.

(Кир. II 34). Ашикъ-Керибъ скачетъ на чудесномъ конѣ Георгія и въ 2 дня проѣзжаетъ двухмѣсячный путь.

6. По пріѣздѣ Добрыня прежде всего идетъ къ матери, которая сначала не признаетъ его, а затѣмъ объявляетъ, что Настасья выходитъ за мужъ за Алешу Поповича. Ашикъ-Керибъ также по возвращеніи сначала идетъ къ матери, которая не признала сына, пока не прозрѣла.

7. Добрыня, переодѣвшись скоморохомъ, беретъ гусли, идетъ на свадебный пиръ ко Владиміру, получаетъ доступъ какъ скоморохъ и поетъ пѣсню съ намекомъ на себя и жену („гдѣ это видано да слыхано, отъ жива мужа замужъ итти", Кир. II 7). Ашикъ-Керибъ въ видѣ пѣсенника съ саазомъ идетъ въ домъ, гдѣ происходитъ свадьба, получаетъ приглашеніе пѣть и поетъ пѣсню съ разсказомъ о своемъ чудесномъ возращеніи.

8. Жена Добрыни, признавъ его, забывая скромность, хочетъ перескочить къ нему черезъ столъ (Кир. II, 14: „прямо скочу, обезчещу столы"). Такое же нарушеніе скромности дозволяетъ себѣ Магуль-Мегерри, выскочивъ изъ-за полога къ мущинамъ и бросившись въ объятія Ашикъ-Кериба.

9. Ссора Добрыни съ Алешей кончается легкой потасовкой и примиреніемъ. Такъ-же мирится съ Куршудъ-бекомъ Ашикъ- Керибъ.

10. Роль примирителя играетъ на пиру Илья Муромецъ, быть можетъ не случайно, если вспомнимъ о Хадеръ-Иліасѣ, доставившемъ Ашикъ-Кериба домой [1]).

[1]) Что Лермонтовская сказка объ Ашикъ-Керибѣ дѣйствительно народная (а не сочиненная поэтомъ), подтверждается тѣмъ, что въ турецкомъ народномъ эпосѣ о Сироти-Сеидъ-Батталѣ этотъ герой въ городѣ Лаодикіи пропѣлъ по гречески пѣсню въ честь шествовавшихъ по улицѣ новобрачныхъ, изъ коихъ невѣстою была его собственная жена, полоненная въ отсутствіе Баттала греческимъ императоромъ и выдаваемая теперь замужъ за сына визиря его Бэгмэна. Жена узнаетъ его по голосу. Батталь рѣжетъ голову пьяному молодому и съ женою бѣжитъ во свояси. См. Смирнова—Очеркъ исторіи турецкой литературы во „Всеобщей исторіи литературы" В. Корша, вып. XXV, стр. 45. По словамъ извѣстнаго знатока тюркскихъ нарѣчій Вамбери, сказка объ Ашикъ-Гарибѣ весьма популярна у турокъ и распѣвается пѣвцами (ашиками) въ кофейняхъ Румеліи и Анатоліи. См. Ćagataische Sprachstudien von Hermann Vambéry (1867), стр. 35.

При совпаденіи этихъ деталей нельзя однако не отмѣтить, что въ турецкой (кавказской) сказкѣ мы находимъ рядъ другихъ, неизвѣстныхъ нашимъ былинамъ. Добрыня лишь случайно играетъ роль гусляра, между тѣмъ какъ Ашикъ-Керибъ—пѣвецъ и музыкантъ по профессіи. Отъѣздъ Добрыни недостаточно мотивированъ и неизвѣстно, что онъ дѣлалъ на чужбинѣ нѣсколько лѣтъ. Отъѣздъ Ашикъ-Кериба мотивированъ желаніемъ добыть денегъ для женитьбы. Жена Добрыни ничего не дѣлаетъ, чтобы разыскать мужа, — МагульМегери поручаетъ владѣльцу каравана разыскать жениха и напомнить ему о близости срока. Добрынѣ помогаетъ быстро вернуться его *бурушко*, Ашикъ-Керибу—Хадеръ-Иліасъ. Ашикъ-Керибъ возвращаетъ матери зрѣніе, чего нѣтъ въ нашихъ былинахъ о Добрынѣ. Наконецъ у Ашика есть сестра, которая затѣмъ выходитъ замужъ за Куршудъ-бека. Впрочемъ, хотя въ былинахъ объ отъѣздѣ Добрыни не упоминается его сестра, но она играетъ роль въ былинахъ о Добрынѣ и Маринѣ, слѣдовательно также по отношенію къ женщинѣ близкой къ брату.

Въ общемъ отношеніе между разсмотрѣнной кавказской сказкой и былиной таково, какъ между оригиналомъ и копіей. Мы не можемъ, конечно, утверждать, что въ основѣ былины лежитъ именно та редакція сказки, которую пересказалъ (быть можетъ нѣсколько пріукрасивъ) Лермонтовъ,— ибо въ такомъ случаѣ былинный разсказъ представится уже слишкомъ скомканнымъ и урѣзаннымъ. Но все же непосредственный оригиналъ былины *весьма* близокъ къ приведенной сказкѣ и, конечно, проникъ въ нашъ эпосъ не съ запада, а съ востока. По крайней мѣрѣ, всѣ до сихъ поръ приведенныя изслѣдователями западныя параллели разсмотрѣннаго сюжета представляютъ несравненно меньшее сходство въ деталяхъ съ былиной, чѣмъ Лермонтовская сказка. Отсылая за провѣркой этого мнѣнія къ изслѣдованіямъ О. Миллера, Кирпичникова, Дашкевича, Шифнера, Халанскаго [1]), ограничи-

[1]) Илья Муромецъ. стр. 523 и слѣд.; Поэмы Ломбард. цикла, стр. 13, 58, 179, 182; Алеша Поповичъ, стр. 49; Bullet. de l'Acad. Imp. des Sc. de S. Pétersb. IV, 279; Великорусскія былины Кіевск. цикла, гл. III, стр. 38—40.

ваемся предположеніемъ, что восточный сказочный сюжетъ, пріурочившійся, но невполнѣ яснымъ для насъ мотивамъ, къ Добрынѣ и Алешѣ, проникъ въ нашъ эпосъ вѣроятно со стороны Кавказа [1]).

Приведемъ еще двѣ-три кавказскія параллели сказочнымъ сюжетамъ, проникшимъ въ нашъ эпосъ, не потому, чтобы эти параллели были особенно ярки, а потому, что онѣ еще не были отмѣчены нашими изслѣдователями эпоса.

Въ XI главѣ „Южнорусскихъ былинъ“, озаглавленной „Алеша «бабій пересмѣшникъ» и сюжетъ Цимбелина“, акад. А. Н. Веселовскій разсмотрѣлъ подробно сюжетъ побывальщины о дворянинѣ безсчастномъ молодцѣ (Рыбн. II № 51, стр. 267—276) въ связи съ нѣсколькими русскими сказками (Аѳанасьевъ № 178, 179, Садовниковъ—Сказки и преданія Самарскаго края № 18) и нѣсколькими иностранными пѣснями и сказаніями. Отсылая интересующихся подробностями къ этому изслѣдованію, отмѣтимъ только, что во второй половинѣ побывальщины, записанной Рыбниковымъ, мы имѣемъ весьма распространенный на востокѣ и западѣ бродячій мотивъ о вѣрной женѣ, оклеветанной передъ мужемъ, покидаемой имъ, странствующей, становящейся царемъ въ другомъ государствѣ и въ концѣ концовъ обнаруживающей клевету и возвращающей себѣ мужа. Такъ, въ побывальщинѣ разсказывается, что дворянинъ безсчастный повѣрилъ доказательствамъ невѣрности своей отсутствующей жены, представленнымъ Ѳедькой (alias Алешей Поповичемъ), заманилъ ее на корабль, продалъ заморскому гостю, а самъ остался въ Кіевѣ. Жена, отличающаяся и силой, и умомъ, сбрасываетъ въ море позарившагося на нее корабельщика, ѣдетъ на ко-

---

[1]) Тотъ же сюжетъ находимъ въ болгарской пѣснѣ „Войникъ Стоянъ и Кралица“, напечатанной въ недавно появившемся „Сборникѣ за народни умотворенія, наука и книжнина“. Кн. I 1889. Стоянъ на другой день свадьбы вызванъ Кралицей на войну; при отъѣздѣ получаетъ отъ жены букетъ цвѣтовъ: пока не повянутъ цвѣты, если ихъ на ночь ставить въ воду, до тѣхъ поръ она будетъ ждать мужа; черезъ 9 лѣтъ Стоянъ задаетъ войску загадку насчетъ оставленной дома жены; разгадываетъ Кралица и отпускаетъ Стояна домой, объявляя, что жена его собирается выходить за другого въ этотъ самый день. Стоянъ поспѣваетъ во время, и свадьба разстраивается. См. Этн. Обозр., кн. V, стр. 190.

раблѣ въ другое королевство (Португальское), одѣвается въ мужское платье и по смерти мѣстнаго короля занимаетъ его престолъ, будучи отмѣчена жребіемъ (у ней сама собою зажглась свѣча въ царскихъ вратахъ [1]). Затѣмъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, она ѣдетъ въ Кіевъ, гдѣ находитъ свою старуху-мать, открываетъ себя мужу и обнаруживаетъ ложный навѣтъ Ѳедьки, котораго за это предаютъ казни.

Въ виду распространенности этого мотива на востокѣ [2]) можно предположить, что онъ именно оттуда зашелъ на Русь и былъ введенъ въ эпическій южнорусскій циклъ. Хотя до насъ не дошло *былины* о дворянинѣ безсчастномъ (или Данилѣ), но за побывальщиной и сказками Аѳанасьева (№№ 178, 179), по справедливому замѣчанію акад. Веселовскаго, еще „чувствуется древняя былина Владимірова цикла, осложненная посторонними пѣсенными и повѣствовательными мотивами“ [3]).

На Кавказѣ намъ извѣстны двѣ сказки, развивающія тотъ же сюжетъ — татарская и армянская,—обѣ записанныя въ Бакинской губерніи. Первая не сохранила мотива оклеветанія жены передъ мужемъ. Напротивъ, женихъ (Асланъ) увозитъ свою невѣсту (Джейрану) отъ похитившаго ее царевича и бѣжитъ съ нею на корабль. Когда они были уже на кораблѣ, Асланъ замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ ихъ вещей остались на берегу, и, спрыгнувъ съ корабля, побѣжалъ за ними. Но хозяинъ корабля, замѣтивъ удивительную красоту молодой дѣвушки, рѣшилъ воспользоваться уходомъ Аслана: онъ приказалъ матросамъ отплыть, и Асланъ остался на берегу. Долго плылъ корабль по морю; наконецъ, онъ присталъ къ одному берегу, гдѣ лежалъ какой-то городъ. Хозяинъ хотѣлъ сойти вмѣстѣ съ дѣвушкой, но она, подъ предлогомъ стыдливости, просила, чтобъ онъ прислалъ за ней изъ города женщину, и когда онъ ушелъ, она, подговоривъ матросовъ, отплыла

---

[1]) Ср. груз. сказку о Петрѣ Великомъ. Сбор. матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. X, отд. III, стр. 46 и слѣд.

[2]) Ср. напр. тюркскую сказку „Женщина князь“ въ Сборникѣ Радлова (Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, t. IV, pp. 141 — 145) сказку въ Тути-Намэ; ср. Rambaud—La Russie épique, p. 125.

[3]) Назв. соч. стр. 388.

отъ берега. Затѣмъ слѣдуетъ приключеніе Джейраны съ разбойниками, отъ которыхъ она также отдѣлалась хитростью. Далѣе въ мужскомъ платьѣ она долго плыла въ лодкѣ по морю и, наконецъ, буря выбросила ея лодку на берегъ одного государства. Джейрана отправилась въ городъ, гдѣ увидѣла толпу народа; оказалось, что царь этого города умеръ, и народъ избираетъ себѣ другого царя, причемъ предоставляетъ выборъ птицѣ Девлетъ-гуши, которая опускается на голову человѣка достойнѣйшаго царскаго вѣнца. Вдругъ вѣщая птица опустилась на голову Джейраны, и когда граждане, недовольные тѣмъ, что въ цари выбранъ иноземецъ, заключили Джейрану въ темницу, птица вторично опустилась на крышу ея комнаты; когда же Джейрану выгнали за городъ, то въ третій разъ — на ея голову. Тогда народъ, не желая измѣнять стараго обычая, возвелъ Джейрану на престолъ, и она мудро управляла царствомъ. Однако она не забыла своего жениха и старалась его разыскать. Для этой цѣли она велѣла прибить къ городской стѣнѣ свой портретъ и задерживать всѣхъ, кто имъ сильно заинтересуется. Такимъ способомъ были къ ней приведены: царевичъ, похитившій ее у жениха, хозяинъ корабля, атаманъ разбойниковъ и, наконецъ, ея женихъ Асланъ. Дѣло кончается свадьбою, и Асланъ раздѣляетъ съ женою правленіе государствомъ [1]).

Варіантъ армянскій той же сказки, болѣе сложный, содержитъ тотъ мотивъ, что невѣста—царевна Салтаната,—похищенная женихомъ Юсуфомъ, но живущая отдѣльно отъ него при его матери, была оклеветана нѣкимъ Гаджи-Мамедомъ, желавшимъ ею овладѣть. Юсуфъ, возвратившись къ невѣстѣ, выбрасываетъ ее на улицу. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ похожденій Салтанаты (лодочникъ., разбойники, выборъ въ цари птицей Девлетъ-гуши), послѣ которыхъ она, сдѣлавшись царемъ, наказываетъ виновныхъ и убѣждаетъ свой народъ взять въ цари ея мужа ([2]).

---

1) Сборн. матер. для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа. Вып. IX. 1890 г. Отд. II, татарскія сказки, записанныя въ Геокчайскомъ у. Бакинской губерніи, № 4 Джейрана, стр. 91—94.

2) Сборн. матер. и проч. Вып. VII. Отд. II. Армянскія сказки, записанныя въ Шемахинскомъ у. Бакинск. губ. № 7. Сахка-Юсуфъ стр. 196—206.

Отмѣтимъ нѣкоторыя спеціально сходныя черты кавказскихъ и русскихъ сказокъ.

1. Дворянинъ безчастный служилъ при князѣ Владимірѣ, но былъ въ загонѣ—„не выслужилъ ни слова гладкаго ни перины мягкой". Юсуфъ (въ армянской сказкѣ) былъ слугою у богатаго купца, за тѣмъ былъ водоносомъ, черпавшимъ воду изъ ханскаго родника, гдѣ онъ и встрѣтился съ ханской дочерью.

2. Дворянину безчастному жениться на красавицѣ помогаетъ какая то старуха (престарѣлая женщина), оказавшаяся впослѣдствіи ея матерью и женою португальскаго короля. Невѣста Юсуфа, тоже похищенная имъ *ханская* дочь, живетъ при его матери въ его отсутствіе въ построенномъ ею великолѣпномъ дворцѣ.

3. Гаджи Мамеду, оклеветавшему Салтанату, соотвѣтствуетъ Ѳедька или Алеша Поповичъ.

4. Жена Данилы безсчастнаго, проданная имъ, уѣзжаетъ на караблѣ, отдѣлывается отъ хозяина, подговоривъ карабельщиковъ, и долго странствуетъ по морю. Джейрана уѣзжаетъ также на караблѣ, хотя и не проданная женихомъ, также отдѣлывается благополучно отъ хозяина, преслѣдовавшаго ее своей любовью, и затѣмъ долго блуждаетъ по морю.

5. Жена Дворянина безсчастнаго, выдавая себѣ за мужчину, становится королемъ, вслѣдствіе счастливаго жребія и все же остается вѣрна мужу. Салтаната и Джейрана также становятся царями при подобныхъ же условіяхъ.

6. Дворянинъ безсчастный становится королемъ чрезъ свою жену, а клеветникъ (Ѳедька) подвергается наказанію. Царями же, чрезъ женъ, дѣлаются въ кавказскихъ сказкахъ Юсуфъ и Асланъ, а клеветникъ (Гаджи Мамедъ) былъ наказанъ.

Другой примѣръ прикрѣпленія одного и того же сказочнаго мотива къ имени русскаго богатыря и кавказскаго нарта находимъ въ былинахъ о Михаилѣ-Потыкѣ. Однимъ изъ эпизодовъ этихъ пространныхъ и сводныхъ былинъ является тотъ, что Потыкъ заключаетъ съ своей женой Авдотьей Лиховидьевной или Марьей Лебедью—Бѣлой договоръ такого рода:

„кто перво умретъ,

Второму за нимъ живому въ гробъ идти“ [1]).

Во время отсутствія Потыка его жена умираетъ, и онъ, въ исполненіе условія, опускается въ ея могилу, гдѣ и живетъ нѣсколько дней. Сюда приползаетъ змѣя; Потыкъ сѣчетъ ее прутьями желѣзными до тѣхъ поръ, пока она взмолилась о пощадѣ и обѣщала принести ему живой воды. Въ залогъ Потыкъ оставляетъ змѣеныша, котораго разрубаетъ на мелкія части. Когда змѣя воротилась съ живой водой, Потыкъ сначала оживляетъ ею змѣеныша, а затѣмъ жену [2]).

Нѣчто весьма сходное извѣстно кабардинцамъ о ихъ нартѣ Сосруко. „Сосруко былъ влюбленъ въ одну дѣвушку, по имени Нартъ-Жанъ. Однажды, Сосруко передъ отъѣздомъ на нартовскія игры заѣхалъ проститься къ ней. Они дали другъ другу клятву, что одинъ по смерти другого жить не будетъ. Сосруко уѣхалъ. Когда же онъ, спустя три дня, воротился, то узналъ, что его постигло страшное горе: безцѣнная его Жанъ умерла и уже похоронена. Онъ отправился на ея могилу и сталъ вынимать изъ глубокой ямы камни, которые складывали цѣлый день нарты. Когда онъ достигъ дна могилы и, вскрывъ гробъ, увидѣлъ бездыханное тѣло дорогой Жанъ, то бросился на грудь къ ней и сталъ рыдать безутѣшно. По истеченіи нѣсколькихъ минутъ, изъ норы на днѣ могилы выползли двѣ змѣи, которыя начали другъ съ другомъ бороться; наконецъ одна убила другую. Оставшаяся въ живыхъ куда-то исчезла, а затѣмъ вернулась съ зеленымъ листомъ, которымъ потерла мертвую змѣю. Она ожила, послѣ чего обѣ змѣи скрылись. Тогда Сосруко взялъ листъ и сталъ имъ тереть мертвую Жанъ. Едва онъ успѣлъ вытереть ея тѣло, какъ она воскресла. Впослѣдствіи Сосруко женился на этой дѣвушкѣ [3]).

У ингушей, заимствовавшихъ, повидимому, сказанія о нартахъ у своихъ ближайшихъ сосѣдей осетинъ, такое же при-

1) Былина Кирши Данилова перепечатана въ сборн. Кирѣевскаго Вып. IV стр. 56.

2) Гильфердингъ, № 6, столб. 57, и № 40, столб. 195.

3) Сборн. матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XII. Отд. I, стр. 143 „Эпизодъ изъ сказаній о Сосруко“. Осетинскій сильно искаженный варіантъ того же сюжета см. въ моихъ Осетин. Этюдахъ I, ст. 55.

ключеніе въ могилѣ приписывается орхустойцу (богатырю) Орзми (осет. Урызмэгъ). Вотъ что онъ разсказываетъ про самого себя: „Былъ я разъ влюбленъ въ женщину, и она тоже любила меня. *Мы поклялись не разставаться никогда.* Она умерла отъ болѣзни; я ужасно былъ пораженъ горемъ. Только одинъ стыдъ—умереть изъ-за смерти любовницы—удерживалъ меня отъ самоубійства. Всѣ родственники и знакомые собрались ее хоронить. Я попросилъ у одной вдовы одежду и, одѣвшись въ женское платье, отправился вмѣстѣ съ женщинами на похороны. Трупъ ея лежалъ посреди двора. Всѣхъ женщинъ пригласили войти въ саклю, но меня — нѣтъ. Я остался на дворѣ. Увидѣвши трупъ своей любовницы, я рѣшился исполнить клятву—не разставаться другъ съ другомъ: я легъ съ нею и укрылся ея похороннымъ саваномъ. Вышедшимъ на дворъ хозяевамъ показалось, что трупъ ея распухъ, и они рѣшились скорѣй похоронить ее. Лежа въ могилѣ, я былъ доволенъ, что исполнилъ свою клятву. Вдругъ приползла въ могилу змѣя; я сталъ бить ее кулакомъ и убилъ; чрезъ нѣсколько времени приползла другая змѣя. Увидѣвши, что первая лежитъ, она поползла обратно; но, спустя немного, возвратилась въ могилу съ травой и провела ею по тѣлу убитой мною змѣи; змѣя ожила. Тогда я опять сталъ бить ихъ, и онѣ выползли изъ могилы. Думаю: если эта трава оживила змѣю, то отчего ей не подѣйствовать на мою возлюбленную? Я провелъ травой по трупу—и возлюбленная ожила и сказала: „у меня бокъ болитъ, должно быть, я долго спала“. [1])

Сказка о мужѣ, похороненномъ живымъ съ женою и воскрешающемъ ее при помощи змѣи, извѣстна многимъ народамъ [2]), но для насъ интересно то, что на Кавказѣ и у насъ она вошла въ циклъ богатырскихъ сказаній.

Въ этюдѣ «Былины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ и старо-

[1]) Сборн. свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ. Вып. VIII. Отд. I стр.34 „Ингуши.“ статья Чаха Ахріева.

[2]) См. Liebrecht—Zur Volkskunde, стр. 380. Grimm—Kinder—und Haus—Märchen № 16, Тысяча и одна ночь, 4 путешествіе Синдбада. Грузинск. басни и сказ. Саввы Сулхана Орбеліани, пер. Цагарели № 111.

французскій романъ объ Иракліи»[1]) акад. Веселовскій весьма остроумно связываетъ между собой отдѣльныя черты, встрѣчающіяся въ былинахъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ (Кир. III №№ 1, 2 и 3. Рыбн. IV № 13. Гильферд. №№ 133, 135 и 172) или Иванѣ Годиновичѣ (Гильф. № 307, Рыбн. III № 34) или Иванѣ Удовкинѣ сынѣ и составляетъ схему, весьма напоминающую старо-французскую поэму объ Ираклiи, основанную на византiйскомъ сказанiи (вѣроятно восточнаго происхожденія[2]).

Главныя черты схемы таковы: 1. Иванъ (Гостиный сынъ) родится отъ старыхъ, дотолѣ бездѣтныхъ родителей, вслѣдствіе ихъ молитвы и обѣта. По совѣту какого-то старика онъ достаетъ чуднаго жеребенка. 2. По смерти отца мать продаетъ сына на чужбину. 3. Иванъ является при дворѣ какого-то царя; онъ обладаетъ вѣщими знаніями, испытываетъ въ запуски съ царскими конями быстроту своего жеребенка и выигрываетъ. Во французской поэмѣ объ Ираклiи этотъ герой, чудесно рожденный, получаетъ отъ Господа три дара: распознавать женщинъ, достоинство лошадей и камней. По смерти отца обѣднѣвшая мать продаетъ сына на чужбину (какъ мать продаетъ Ивана Гостинаго сына). Ираклій, купленный сенешалемъ, попадаетъ ко двору императора и доказываетъ, что обладаетъ тремя чудесными свойствами, между прочимъ купленный имъ косматый жеребенокъ оказывается быстрѣе всѣхъ коней императора (какъ конь Ивана Гостинаго сына превзошелъ всѣхъ коней кн. Владиміра).

На Кавказѣ намъ неизвѣстно сказаніе, отвѣчающее всѣмъ частямъ выставленной А. Н. Веселовскимъ схемы или старофранцузской поэмѣ объ Ираклiи. Но нѣкоторыя черты сюжета о мальчикѣ, имѣющемъ чудесный даръ узнавать дивныхъ коней, находимъ въ Осетинской сказкѣ объ Алыппѣ[3]).

Въ одномъ аулѣ похитили мальчика и продали какому-то богатому алдару (старшинѣ). Тотъ сдѣлалъ его пастухомъ и

[1]) Южно-русск. былины. IV.
[2]) Назв. соч. 56.
[3]) Осет. Этюды. I, стр. 154 и слѣд. Алыппъ—конь, обладающій чудесными свойствами.

послалъ пасти барановъ. Однажды мальчикъ, идя за стадомъ, нашелъ конскій черепъ и сталъ его разсматривать; затѣмъ онъ заплакалъ. Какой-то прохожій замѣтилъ это и сталъ его спрашивать о причинѣ слезъ. Мальчикъ отвѣчаетъ, что сожалѣетъ умершаго коня, потому что онъ былъ *алыппъ*—чудный конь. Прохожій разсказалъ объ этомъ алдару и тотъ, узнавъ отъ мальчика, что онъ умѣетъ различать *алыпповъ*, сталъ держать его въ почетѣ, надѣясь, что онъ добудетъ ему чудеснаго коня. Дѣйствительно, по указанію мальчика, алдаръ купилъ двухъ коней—жеребца совсѣмъ чернаго и кобылу такую-же, но съ маленькимъ бѣлымъ пятномъ на лбу и на ногѣ. Пользуясь неосторожнымъ словомъ алдара, мальчикъ, ѣхавшій на жеребцѣ, ускакалъ отъ него далеко, и алдаръ, на своей кобылѣ, не могъ его догнать.

Отдѣльныя черты этой сказки, напоминающія схему А. Н. Веселовскаго и наши былины, таковы.

1. Какъ Иванъ Гостинный сынъ былъ проданъ на сторону и затѣмъ очутился при князѣ Владимірѣ, такъ осетин. мальчикъ былъ проданъ на сторону и попалъ къ какому-то старшинѣ (алдару).

2. Какъ Иванъ Гостиный сынъ является знатокомъ въ коняхъ и его бурушка оказывается лучше коней Владиміра, такъ осетинскій мальчикъ умѣетъ распознавать *алыпповъ*, и выбранный имъ жеребецъ оказывается лучше коня алдара.

3. Какъ Иванъ Гостиный сынъ, по одной былинѣ (Рыбн. III № 34), выигравъ закладъ, даритъ своего коня Владиміру, но тотъ возвращаетъ его ему обратно („мнѣ не надобенъ твой добрый конь, поѣзжай домой“) и Иванъ уѣзжаетъ домой; такъ алдаръ, хотя и противъ желанія, лишается купленнаго для него мальчикомъ алыппа, и мальчикъ уѣзжаетъ домой.

—

При большемъ знакомствѣ съ кавказскими народными сказаніями, вѣроятно найдется не мало такихъ сюжетовъ, которые извѣстны и на Руси и проникли въ нашъ эпосъ, но уже приведенныя нами кавказско-русскія параллели въ достаточной степени опредѣляютъ интересъ, представляемый изученіемъ кавказскихъ сказаній для русскаго эпоса. Это изученіе

впослѣдствіи, можно надѣяться, уяснить многое, что теперь представляется еще темнымъ, но и въ настоящее время уже можно сдѣлать попытку къ рѣшенію вопроса, какой выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ кавказско-русскихъ сказочныхъ параллелей. Находя одни и тѣ же сюжеты на Кавказѣ и на Руси должны ли мы считать Кавказъ ихъ родиной, изъ которой вслѣдствіе давнихъ сношеній прикавказскихъ народностей съ Русью эти сюжеты проникли на сѣверъ и западъ, или же болѣе вѣроятно, что одни и тѣ же сюжеты могли быть въ извѣстный періодъ заносимы и въ Кавказскія горы и въ южнорусскія степи. Послѣднее по нѣкоторымъ географическимъ и историческимъ соображеніямъ намъ представляется болѣе вѣроятнымъ. Припомнимъ, что кавказская этнографія вполнѣ уяснила фактъ, что гигантскій горный хребетъ, представляющій широкую, труднопроходимую стѣну между двумя морями, служилъ искони убѣжищемъ для множества народовъ, которые двигались съ востока на западъ по обѣ его стороны, по сѣвернымъ степямъ и южнымъ плоскогоріямъ Малой Азіи. И съ сѣвера, и съ юга отбившіяся отъ торнаго пути племена загонялись другими, болѣе сильными, въ горныя ущелья и проживали въ нихъ вѣками, дѣлая изъ кавказскаго перешейка какой-то природный этнографическій музей. Этотъ музей, сохраняя до нашего времени множество племенъ съ ихъ разнообразными антропологическими признаками и бытовыми особенностями, сохранилъ также массу разнообразныхъ произведеній духовнаго творчества, попадавшихъ въ это захолустье въ разное время и съ разныхъ сторонъ. Съ юга чрезъ Арменію, Грузію, Албанію могли заходить сюда, какъ мы видѣли, сюжеты и типы изъ иранскаго эпоса и переходить по ту сторону хребта на сѣверную плоскость; съ сѣвера заходили въ горы сказанія степныхъ кочевниковъ (тюрковъ), занимавшихъ сѣверо-кавказскія равнины въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ подъ различными названіями — Гунновъ, Болгаръ, Хазаръ, Кипчаковъ (Половцевъ), Ногайцевъ, Татаръ. Подтвержденіе существованію этихъ двухъ главныхъ теченій мы находимъ, съ одной стороны, въ томъ, что еще до нашихъ дней нѣкоторыя сказанія о Рустемѣ популярны на Кавказѣ, съ другой—въ томъ, что, какъ мы видѣли, нартскій эпосъ (ка-

бардинцевъ, горскихъ татаръ, осетинъ, чеченцевъ) самъ указываетъ на свое сѣверное *степное* происхожденіе. Отсюда представляется вѣроятнымъ предположеніе, что именно степныя кочевыя тюркскія народности играли значительную роль при распространеніи однихъ и тѣхъ же сказочныхъ сюжетовъ на Кавказѣ и въ юго-восточной Руси, были посредниками между русскими славянами и сѣверокавказскими народностями. Мы видѣли, что г. Халанскій, упоминая вскользь о существованіи связи Руси съ Кавказомъ во всѣ періоды нашей исторіи, выдвигаетъ тотъ фактъ, что „впослѣдствіи казачество Запорожское и Донское было естественнымъ проводникомъ кавказскихъ мотивовъ на Руси“ [1]).

Но едва ли общіе кавказско-русскіе мотивы относятся къ столь позднему періоду и едва ли казачество служило важнымъ посредствующимъ звеномъ между Русью и Кавказомъ въ области произведеній народнаго творчества. Гораздо большее значеніе имѣли, вѣроятно, болѣе раннія отношенія русскихъ славянъ къ сѣверокавказскимъ народностямъ и особенно къ тюркскимъ кочевникамъ, занимавшимъ сѣверокавказскія степи и вмѣстѣ съ тѣмъ юго-восточные предѣлы Руси. Припомнимъ нѣкоторые историческіе факты, которые могутъ имѣть значеніе для историко-литературнаго вопроса объ отношеніяхъ кавказскихъ эпическихъ мотивовъ къ русскимъ.

Не восходя въ слишкомъ глубокую древность, напр. въ эпоху гуннскаго погрома, пронесшагося и надъ сѣвернымъ Кавказомъ и надъ южно-русскими степями, припомнимъ, что въ періодъ процвѣтанія могущественной Хазарской державы въ ея составъ равно входили и сѣверо-кавказскія народности и нѣкоторыя славяно-русскія племена. Въ концѣ VI-го столѣтія кавказскіе Аланы, предки нынѣшнихъ Осетинъ, самая многочисленная и сильная народность сѣвернаго Кавказа, должны были подчиниться Хазарамъ, такъ же, какъ ихъ ближайшіе тюркскіе сосѣди Утургуры, потомки великой гуннской орды [2]), жившіе за Дономъ между Чернымъ и Азовскимъ моремъ. Въ концѣ VII столѣтія Хазары распространяютъ свою власть на всемъ пространствѣ отъ Волги до Днѣпра, и сла-

[1]) Великорусс. былины, стр. 34.

[2]) Осет. Этюды. III, стр. 61.

вянскія племена въ этихъ обширныхъ предѣлахъ платятъ имъ дань. Когда постоянная война Хазаръ съ Арабами изъ за обладанія восточнымъ побережьемъ Кавказа (Дагестаномъ) ослабила могущество Хазаръ, когда имъ угрожаютъ набѣги Печенѣговъ, и сложившееся русское государство лишаетъ ихъ дани славянскихъ племенъ, тогда—въ первой половинѣ X вѣка—и сѣверокавказскія народности, Аланы и Черные Болгаре (между Дономъ и Кубанью), вновь пріобрѣтаютъ себѣ независимость, и на судьбу ихъ начинаетъ вліять новый могущественный народъ на сѣверо-западѣ—Русь, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ утвердилъ свое владычество на Таманскомъ полуостровѣ. Исторія утвержденія Руси въ Тмутороканѣ (въ X в.) до сихъ поръ покрыта мракомъ, но то немногое, что намъ извѣстно объ этомъ княжествѣ, позволяетъ видѣть въ Тмутороканѣ центръ, въ которомъ завязывались самыя живыя и бойкія сношенія Руси съ сосѣдними тюркскими и кавказскими народностями (Касогами-Черкесами и Ясами-Осетинами). Благодаря своему приморскому положенію и торговому значенію, этотъ городъ и его окрестности отличался самымъ пестрымъ этнографическимъ составомъ населенія: здѣсь проживали и греки, составлявшіе главнымъ образомъ торговую часть населенія, и готы тетракситы, и представители разныхъ тюркскихъ племенъ—Болгаръ, Хазаръ, прежнихъ властителей этихъ мѣстъ, и представители воинственныхъ кавказцевъ-Касоговъ и Ясовъ, которые вмѣстѣ съ тюрками всегда давали обильный контингентъ въ дружины, набираемыя въ Тмутороканѣ русскими князьями для походовъ на Русь въ борьбѣ изъ-за удѣловъ. Къ сожалѣнію, наша Кіевская лѣтопись мало интересуется этимъ захолустнымъ княжествомъ: она упоминаетъ о немъ лишь случайно, когда тотъ или иной князь появляется оттуда на арену борьбы изъ-за удѣловъ съ наемными войсками. Только Мстиславъ, братъ Ярослава, воевавшій съ Касогами, повидимому занималъ болѣе продолжительное время столъ Тмутороканскій и такимъ образомъ поддерживалъ славянскій элементъ населенія Подонья. „Но и онъ, и послѣдующіе князья, говоритъ г. Голубовскій, [1]) появлявшіеся въ Тмуторо-

---

[1]) Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ. Кіевъ. 1884, стр. 183.

канѣ, интересовались болѣе дѣлами на Руси: ихъ тянуло къ Днѣпру. Послѣ 1024 г. до 1054 въ продолженіе тридцати лѣтъ тамъ князя не было. Мы не знаемъ даже, былъ ли тамъ посадникъ. Затѣмъ начинается быстрая смѣна князей, которые являлись туда на время, для своихъ личныхъ цѣлей, чтобы запастись средствами для борьбы со своими противниками на Руси... Въ послѣдній разъ Тмуторокань упоминается въ русской лѣтописи подъ 1094 годомъ. Въ этомъ году Олегъ Святославичъ покинулъ ее, чтобъ сѣсть въ Черниговѣ. Но этотъ славный торговый городъ продолжалъ существовать и быть центромъ торговаго движенія на юго-востокѣ".

Хотя въ послѣдующіе вѣка могущественная половецкая орда отрѣзала русскія поселенія Подонья и Тмуторокань отъ сѣверской Руси, хотя лѣтопись умалчиваетъ о судьбѣ бывшаго тмутороканскаго княжества въ XII вѣкѣ, въ періодъ самой упорной борьбы Руси съ Половцами, однако нельзя думать, что русскій элементъ въ населеніи этой окраины, наводненной тюркскими кочевниками, исчезъ уже въ это время: онъ не забылъ еще своихъ связей съ сѣверской Русью, и сѣверскіе князья еще не забыли о немъ. Еще въ 1185 г. Игорь, герой Слова о П. И., направляясь съ сѣверскими дружинами противъ Половцевъ, хочетъ поискати града Тмутороканя. Здѣсь, въ этой древней области съ насиженной культурой, мы, какъ и въ прежнее время, должны предположить въ XII в. тотъ же пестрый этнографическій составъ, то же постоянное и живое взаимодѣйствіе разныхъ національныхъ элементовъ, содѣйствовавшее и взаимному обмѣну произведеній народнаго творчества. Рядомъ съ болѣе древними кавказскими племенами (Касоговъ, Ясовъ) и остатками раннихъ пришельцевъ, осѣдлыхъ готовъ, здѣсь еще держалось осѣдлое славянское населеніе, а какъ верхній господствующій слой, надъ всѣми этими разноязычными элементами, лежала многочисленная половецкая орда, хозяйничавшая въ то время на всемъ сѣверномъ Кавказѣ, какъ нѣкогда Хазары, и объединявшая всѣ подчиненныя ей слабыя народности. Дѣйствительно, любопытное свидѣтельство венгерскаго монаха, посѣтившаго Приазовье въ 1237 г., представляетъ въ Тмуторокани оригинальную смѣсь элементовъ христіанско-культурныхъ и восточныхъ:

„Ея (Тмуторокани) владѣтель (dux) и населеніе называютъ себя христіанами, имѣя книги и священниковъ греческіе. Говорятъ, что князь имѣетъ сто женъ; всѣ мужчины брѣютъ головы, а бороды ростятъ умѣренно, за исключеніемъ благородныхъ, которые въ знакъ благородства надъ лѣвымъ ухомъ оставляютъ немного волосъ, причемъ вся остальная голова обрита“ [1]). Какъ видно, здѣсь преобладаютъ во внѣшнемъ бытѣ черты тюркскія, объясняющіяся господствомъ Половцевъ, хотя духовная сила прежняго культурнаго элемента населенія—христіанство—еще держится прочно, какъ оно продержалось на сѣверѣ Кавказа, хотя въ крайне захудаломъ видѣ, чуть ли не до XVIII столѣтія. Какое этнографическое вліяніе имѣли тюркскіе кочевники и особенно Половцы на юговосточное славянское населеніе, разсматриваемъ мы въ VII экскурсѣ [2]). Здѣсь же отмѣтимъ, что не меньшее (если не большее) вліяніе оказывалъ тюркскій элементъ на Кавказѣ. Древнія черкесскія (касожскія) и ясскія племена должны были, подъ напоромъ тюрковъ, оттѣсниться на западъ, ближе къ горамъ, а во многихъ мѣстахъ тюрки вытѣснили туземцевъ даже изъ горныхъ ущелій. Таково тюркское населеніе въ Карачаѣ—на верхней Кубани и по рѣкамъ Баксану, Чегемму, Череку, смѣнившее въ этихъ мѣстахъ древнее осетинское населеніе. Полные хозяева на сѣверѣ Кавказа Половцы въ качествѣ наемныхъ дружинъ нерѣдко появлялись и въ Закавказьѣ, камъ союзники Грузинъ въ борьбѣ съ мусульманами. Грузинскій царь Давидъ, по свидѣтельству грузинской хроники, имѣлъ на жалованьи сорокъ тысячъ Кипчаковъ (Половцевъ), служившихъ ему въ его многочисленныхъ войнахъ [3]) Еще сильнѣе становится наплывъ тюркскаго элемента на сѣверный Кавказъ послѣ татарскаго разгрома. Въ 1223 г., по свидѣтельству Ибнъ-эль-Атира, масса Половцевъ переселилась на Кавказъ, такъ что въ многочисленномъ тюркскомъ населеніи сѣвернаго Кавказа (кумыкахъ) естественно видѣть потомковъ нѣкогда могущественной половецкой орды.

---

[1]) Голубовскій,—стр. 187 со ссылкой на Fejer,—Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticae et civilis v. IV ps. II p. 51—52.

[2]) Голубовскій, стр. 190 со ссылкой на Defrémery, pp. 26—27. note 3.

[3]) «Рус. Мысль». 1891 г.

Припоминая этнографическое вліяніе тюрковъ на сѣверное кавказское населеніе, мы находимъ объясненіе тому факту, что на сѣверѣ Кавказа, въ степяхъ, нѣкогда занимаемыхъ касогами и Ясами, а за ними Тюрками, сложился богатырскій (нартскій) эпосъ, котораго герои равно извѣстны и Кабардинцамъ, потомкамъ Касоговъ, и Карачаевцамъ, потомкамъ пришлыхъ тюрковъ, смѣшавшихся съ туземнымъ осетинскимъ населеніемъ, и горнымъ Осетинамъ, потомкамъ Ясовъ, загнанныхъ въ горы съ сѣверной равнины. Какъ на этой равнинѣ, постоянной аренѣ борьбы азіатскихъ насельниковъ, все вновь прибывавшихъ съ востока, съ ранѣе осѣвшими здѣсь кавказскими и другими народностями, должны были вырабатываться типы богатырей и сказанія о нихъ получать обильную пищу, такъ, при подобныхъ же условіяхъ, являлись богатырскіе типы и складывались сказанія далѣе на сѣверо-западѣ въ тѣхъ окраинныхъ русскихъ областяхъ (Кіевской, Черниговской, Переяславской, Сѣверской), которыя представляли форпосты въ упорной борьбѣ осѣдлой Руси съ такими же азіатскими кочевниками. И эти кочевники, приносившіе восточные сказочные мотивы изъ Азіи, гдѣ нѣкоторыя изъ тюркскихъ племенъ могли усвоить себѣ и мотивы богатаго иранскаго эпоса, представляются намъ естественнымъ звеномъ, связывающимъ оба богатырскіе эпоса: южный—кавказскій и сѣверный—русскій.

Всев. Миллеръ.

Изъ области киргизскихъ вѣрованій.

До настоящаго времени всѣ почти авторы, писавшіе о киргизахъ, единогласно утверждали, что киргизы настолько мало знакомы съ основами своей магометанской религіи, что почти не знаютъ никакихъ молитвъ, не соблюдаютъ постовъ, а если и соблюдаютъ, то весьма немногіе изъ нихъ, да и то неаккуратно, или только для виду; значенія присяги киргизы не понимаютъ, многіе даже будто бы не знаютъ имени своего пророка. Другіе авторы сообщали даже, что киргизы не принадлежатъ ни къ какой религіи, такъ какъ многіе изъ нихъ сами не знаютъ, къ какой религіи себя причислить (Костенко). Венюковъ и Миропіевъ говорятъ, что среди киргизовъ развито шаманство; другіе писали, что у нихъ сохранились еще слѣды огнепоклонничества, и т. д. Всѣ эти отзывы относятся главнымъ образомъ къ киргизамъ, живущимъ въ глубинѣ Средней Азіи, т. е. въ Туркестанскомъ краѣ, Семирѣченской области и около границъ Китая, и въ общемъ они вѣрны. Изъ позднѣйшихъ путешественниковъ г. Красновъ нашелъ уже семирѣченскихъ киргизовъ магометанами-фанатиками, хотя д-ръ Зеландъ, *) только за годъ съ небольшимъ до путешествія Краснова напечатавшій свою работу о тѣхъ же киргизахъ, между прочимъ писалъ: „эти киргизы равнодушны къ догматическимъ вопросамъ своей религіи и мало съ ними знакомы. Главные обряды впрочемъ исполняютъ, творятъ молитву по мусульманскимъ правиламъ и держатъ

[1]) Киргизы. Этнологическій очеркъ. Записки З.-Сибирск. отд. Импер. Рус. Геогр. Общ., кн. VII, вып. 2. 1885 г.

большіе посты, тоже впрочемъ не всегда, неаккуратно. Муллы хотя есть въ степи, но ихъ мало и они малограмотны. Мечетей очень мало". „Киргизы Букеевской орды, говоритъ А. Н. Харузинъ, также плохіе магометане, особенно простой народъ". Личныя наши наблюденія также приводятъ къ тому заключенію, что семирѣченскіе киргизы еще и въ настоящее время плохо знакомы съ кораномъ; они сами говорятъ, что муллы появились среди нихъ не болѣе 15—20 лѣтъ тому назадъ, до того же времени они знали о нихъ только по наслышкѣ, а также корана писаннаго или печатнаго и другихъ какихъ либо книгъ религіознаго содержанія ни за что нельзя было найти. Если теперь мечетей и муллъ еще мало, то уже нерѣдкость по крайней мѣрѣ встрѣтить въ аулѣ коранъ или какую нибудь книжку религіознаго содержанія, занесенную торговцами изъ сартовъ или татаръ. До водворенія господства русскихъ здѣшніе киргизы находили удобнымъ обходиться безъ ученія Магомета и въ коранѣ его не нуждались, но съ приходомъ русскихъ они сочли почему то необходимымъ примкнуть къ мусульманству,—такъ по крайней мѣрѣ приходилось слышать отъ здѣшнихъ старожиловъ-киргизовъ, что согласуется и съ отзывами тѣхъ авторовъ, которые говорятъ, что болѣе быстрому переходу киргизовъ въ мусульманство способствовали сами русскіе. Такимъ образомъ, какъ при помощи письменныхъ свидѣтельствъ, такъ и на основаніи устныхъ разспросовъ, приходится установить фактъ, что магометанство среди здѣшнихъ киргизовъ стало распространяться сравнительно недавно, а потому оно, казалось бы, и не могло еще глубоко войти въ плоть и кровь ихъ въ теченіе столь незначительнаго времени, хотя a priori это казалось бы и такъ; но разъ магометанство оффиціально сдѣлалось господствующей религіей, то его тѣмъ самымъ уже слѣдуетъ признать твердо установившимся. И дѣйствительно, ученіе это на глазахъ нашихъ незамѣтно, но постепенно все глубже и глубже проникаетъ въ душу киргизскаго населенія. Насколько впослѣдствіи намъ выгодно будетъ имѣть дѣло съ населеленіемъ, проникнутымъ мусульманскимъ духомъ, —это вопросъ другой.

Такъ какъ мусульманство среди здѣшнихъ киргизовъ ста-

ло распространяться недавно, то въ настоящее время еще легко въ ихъ вѣрованіяхъ подмѣтить два слоя: одинъ—это остатки старинной или языческой религіи, другой—новѣйшій, мусульманскій, причемъ послѣдній начинаетъ брать значительнѣй перевѣсъ, благодаря тому, что одними изъ главныхъ проводниковъ мусульманства являются татары и сарты, ведущіе постоянно мѣновую торговлю съ здѣшнимъ киргизскимъ населеніемъ и отличающіеся большимъ фанатизмомъ, особенно сарты. Эти хитрые и скромные по виду агенты мусульманства проникли во всѣ отдаленныя киргизскія волости и аулы и пользуются тамъ среди населенія немалымъ вліяніемъ, какъ лучшіе знатоки мусульманскаго ученія. Пропаганда эта ведется постепенно и незамѣтно, но настойчиво.

Указанныя два противоположныя вліянія въ жизни киргизовъ не ускользали отъ наблюденія нашихъ лучшихъ изслѣдователей, а напротивъ отмѣчались, какъ явленіе достойное вниманія и изученія. Такъ, А. Н. Харузинъ говоритъ, что „прослѣдить борьбу языческой старины со входящимъ магометанствомъ по городамъ и мѣстностямъ было бы крайне интересно". Д-ръ Зеландъ, признавъ киргизовъ несвѣдущими въ догматахъ мусульманской религіи и равнодушными къ нимъ, далѣе прибавляетъ: „зато фантазія киргиза оживляетъ окружающій міръ таинственною дѣятельностью различныхъ духовъ. Горныя вершины населены ими, болѣзни большею частью производятся ими, вообще вмѣшательство ихъ въ жизнь человѣка признается за аксіому. Поэтому мусульманскіе обряды у киргизъ еще перемѣшаны съ остатками язычества".

Таковы результаты позднѣйшихъ изслѣдователей. Приступая къ настоящей работѣ, я сначала задался было цѣлью собрать одни языческія вѣрованія здѣшнихъ киргизовъ и разсмотрѣть, какое они имѣютъ вліяніе на ихъ жизнь; но при дальнѣйшемъ изученіи оказалось, что нѣкоторыя стороны киргизской жизни приходится объяснить только мусульманскими вѣрованіями, что также не лишено интереса, тѣмъ болѣе, что не будетъ большимъ преувеличеніемъ, если я скажу, что не только о вѣрованіяхъ киргизовъ языческаго происхожденія, но и о мусульманскихъ въ общемъ мало извѣстно,

почему я и рѣшился собрать всѣ тѣ вѣрованія, которыя въ данное время наиболѣе распространены между здѣшними киргизами, и которыя имѣютъ наибольшее вліяніе на ихъ жизнь, нисколько, конечно, не упуская изъ виду старыхъ или отживающихъ вѣрованій, а напротивъ выдѣляя и отмѣчая ихъ съ особымъ вниманіемъ. Изъ книги А. Н. Харузина: „Киргизы Букеевской орды", я между прочимъ узналъ о существованіи статьи Миропіева: „Демонологическіе разсказы киргизовъ", въ которой впервые затронуты языческія вѣрованія киргизовъ; но къ сожалѣнію этой интересной работы у меня не имѣется подъ руками, почему по необходимости приходится ограничиться однимъ своимъ матеріаломъ. Насколько моя работа будетъ полезна и интересна, предоставляю судить другимъ. При составленіи ея мнѣ много помогалъ учитель Пишпекской школы садоводства Хусаинъ Берденовичъ Берденовъ и переводчикъ уѣзднаго правленія Магбеталы Муратулинъ.

Изъ существующихъ у здѣшнихъ киргизовъ вѣрованій, по давности существованія одного изъ нихъ и по важности его значенія, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Арвака.

Арвакъ по произношенію каракиргизовъ и *Ауракъ*—киргизъ-казаковъ. Точный переводъ этого слова значитъ „духъ умершихъ предковъ". И въ настоящее время это еще одинъ изъ сильныхъ догматовъ, если такъ можно выразиться, прежней религіи киргизовъ, хотя начинаетъ уже ослабѣвать. По понятію киргизовъ „духъ умершихъ предковъ", какъ ближайшихъ такъ и отдаленныхъ, покровительствуетъ тѣмъ изъ оставшихся въ живыхъ ихъ родственникамъ, которые ведутъ жизнь достойную ихъ памяти и дѣлаютъ добрыя дѣла; въ такомъ случаѣ Арвакъ, невидимо витая надъ ихъ жилищемъ, помогаетъ имъ и оберегаетъ отъ несчастій. Если же оставшіеся на землѣ ведутъ жизнь недостойную памяти своихъ предковъ, то Арвакъ отъ таковыхъ отступается; онъ перестаетъ быть ихъ защитникомъ и покровителемъ, почему оставленные впадаютъ, будто бы, въ бѣдность, ихъ посѣщаютъ всевозможныя несчастія и болѣзни; мало того, такіе люди дѣлаются ворами и мошенниками, такъ какъ Арвакъ не только наказываетъ отнятіемъ и лишеніемъ матеріальныхъ благъ, но и потерею тѣхъ

нравственныхъ качествъ, которыми они обладали прежде. Сумасшествіе также приписывалось, по крайней мѣрѣ прежде, немилости или гнѣву Арвака. И въ былое время, постигнетъ ли киргиза какое несчастіе или бѣдствіе, испортится ли онъ нравственно или съ ума сойдетъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ прежде говорилось, да и теперь еще многіе киргизы говорятъ: „Арвакъ урды“ т. е. духъ умершихъ предковъ убилъ. Этимъ почитаніемъ и благоговѣніемъ къ памяти предковъ объясняется то глубокое уваженіе, доходящее до религіознаго поклоненія, которымъ пользуются среди киргизъ могилы ихъ родственниковъ еще и въ настоящее время, что единогласно подтверждаютъ всѣ, писавшіе о киргизахъ. Въ старину за оскорбленіе могилы полагалась смертная казнь, какъ передаютъ старики-киргизы. Этимъ почитаніемъ памяти предковъ также объясняется, почему киргизы, даже самые бѣдные, на могилахъ своихъ родственниковъ стараются поставить и теперь еще какой нибудь памятникъ или знакъ, и если кто не можетъ, по недостатку средствъ, сдѣлать большой и прочной муллушки изъ жженаго кирпича, то старается по крайней мѣрѣ обнести могилу со всѣхъ четырехъ сторонъ простой глиняной стѣной. Правда, подъ вліяніемъ мусульманства обычай ставить на могилахъ какіе либо знаки исчезаетъ и у здѣшнихъ киргизовъ, но онъ еще существуетъ въ отдаленныхъ волостяхъ. Такъ, у киргизовъ рода Саяковъ и теперь еще ставятъ на могилѣ умершаго высокій шестъ, къ которому привязываютъ хвостъ отъ самой любимой лошади покойника; другіе ставятъ подобный шестъ съ хвостомъ у дверей своей юрты, и проѣзжающій, увидѣвъ еще издали этотъ траурный знакъ, не доѣзжая юрты, начинаетъ громко плакать, хотя бы онъ не зналъ не только покойника, но и родственниковъ его. Въ данномъ случаѣ гость или проѣзжій показываютъ, что они также близко принимаютъ къ сердцу горе тѣхъ, которые имѣли несчастіе лишиться родственника; кромѣ того, они стараются почтить память умершаго какимъ либо знакомъ: идутъ на его могилу, если таковая находится не особенно далеко, или же дѣлаютъ подарки тѣмъ, которые пользовались при жизни покойнаго особеннымъ расположеніемъ его; все это родственникамъ умершаго доставляетъ большое удовольствіе

и утѣшеніе, а въ противномъ случаѣ, если кто не выразитъ соболѣзнованія или участія, это считается тяжкимъ оскорбленіемъ какъ памяти умершаго, такъ и его родственниковъ. У киргизовъ, живущихъ на Чуйской долинѣ, теперь на могилахъ умершихъ не ставятъ никакихъ знаковъ, хотя прежде и у нихъ существовалъ такой же обычай, какъ и у Саяковъ, но никто не пройдетъ и не проѣдетъ мимо могилы, не отдавъ ей должнаго уваженія. Даже самое мѣсто, гдѣ умирающій испустилъ послѣдній вздохъ и гдѣ обмывали покойника, почитается священнымъ, и чтобы это мѣсто не было осквернено людьми или животными, дѣлаютъ на немъ невысокую земляную насыпь въ видѣ продолговатаго четыреугольника.

Каждому изъ насъ не разъ приходилось слышать и читать что киргизы легко нарушаютъ данную по мусульманскому обряду присягу, что, конечно, вызывало не малое удивленіе. Можетъ быть, что такое легкое отношеніе киргизовъ къ присягѣ заставило многихъ высказаться неблагопріятно объ ихъ нравственныхъ качествахъ и достоинствахъ. Такъ, Загряжскій между прочимъ говоритъ, что киргизамъ „чужда идея справедливости" *). На основаніи какихъ данныхъ Загряжскій пришелъ къ такому заключенію, мы не знаемъ, но нельзя ему не вѣрить, такъ какъ это одинъ изъ лучшихъ знатоковъ быта киргизовъ. Нельзя однако не замѣтить при этомъ, что дѣятели въ родѣ г. Загряжскаго, бывшаго одно время уѣзднымъ начальникомъ въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ, сами не всегда содѣйствовали вкорененію идеи справедливости въ сознаніи киргизовъ, и нечего удивляться, если киргизы легко нарушали присягу, данную ими по мусульманскому обряду. Если такъ легко они относились къ этой присягѣ, такъ это потому, что значенія ея они не понимали, а многіе изъ нихъ не понимаютъ и теперь, потому что ученіе Магомета и его Аллахъ еще чужды большинству киргизовъ (въ особенности каракиргизовъ) и до сихъ поръ; но не было примѣра, чтобы киргизъ измѣнилъ данному слову или обѣщанію въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ клянется Арвакомъ. Для киргизовъ глухихъ и отдаленныхъ волостей Арвакъ и теперь еще

[1]) Цитир. по А. Н. Харузину: „Киргизы Букеевской Орды".

грозная нравственная сила, которую они ставятъ выше всего и которой они боятся болѣе всего. Въ важныхъ случаяхъ жизни, при заключеніи какихъ либо договоровъ или обѣщаній, желая безусловно убѣдить одинъ другого въ исполненіи ихъ, они клянутся, призываютъ въ свидѣтели Арвака, т. е. духа умершихъ предковъ. Такъ, у киргизовъ рода Саяковъ дружба скрѣпляется слѣдующимъ образомъ: два лица, желающія межъ собою заключить неразрывную дружбу, съѣзжаются въ заранѣе условленное мѣсто, въ какой-нибудь аулъ; если они были до этого во враждѣ, то избираютъ нейтральный аулъ. Здѣсь они ставятъ между собой какое нибудь оружіе, главнымъ образомъ ружье или саблю, и трижды обнимаются, говоря: если кто измѣнитъ или нарушитъ эту дружбу, того пусть убьетъ Арвакъ, послѣ чего они становятся уже друзьями навѣки, садятся за угощеніе и проч. При заключеніи такого союза бываетъ много народа. Эта дружба (или союзъ) называется священной и строго почитается какъ таковая: никакая ссора или вражда не въ состояніи расторгнуть эту дружбу и, какъ утверждаютъ, не было случая, чтобы кто либо рѣшился измѣнить и нарушить ее. Замѣчательно, что этотъ договоръ считается обязательнымъ и для потомковъ тѣхъ, которые заключили между собою когда-то таковую дружбу, и внуки и правнуки заключившихъ такой союзъ или помирившихся, свято соблюдаютъ его. Интересна въ данномъ случаѣ еще одна особенность, это та, что примиряющіеся или заключающіе договоръ дѣлаютъ посредникомъ между собою оружіе, ставятъ его, такъ сказать, видимымъ свидѣтелемъ примиренія или договора, кромѣ невидимаго Арвака. Не думаю, чтобы у киргизовъ, народа миролюбиваго и далеко не воинственнаго, могъ самостоятельно выработаться этотъ обычай; вѣроятно, онъ позаимствованъ ими отъ кого либо другого.

Арвакъ покровительствуетъ и помогаетъ не только прямымъ своимъ родственникамъ, но и тѣмъ, которые въ качествѣ слугъ своего господина аккуратно исполняли всѣ его желанія и приказанія, умѣли угодить ему, и своими поступками и дѣйствіями заслужили любовь и благосклонность нетолько при жизни его, но продолжаютъ заслуживать и послѣ его смерти; въ такомъ случаѣ киргизы говорятъ, что Арвакъ покрови-

тельствуетъ и помогаетъ такому-то, причемъ называется постороннее лицо, не состоявшее въ родственныхъ отношеніяхъ съ умершимъ. Такъ, напр., если какой-нибудь джигитъ разбогатѣлъ или выдвинулся чѣмъ либо послѣ смерти своего господина, то говорятъ, что Арвакъ, т. е. духъ его умершаго господина, перешелъ на него.

Видѣть духа своихъ умершихъ предковъ киргизы считаютъ недостойнымъ, почему онъ никому не показывается, а витаетъ невидимо надъ жилищемъ своихъ родственниковъ. Поклявшіеся Арвакомъ обязаны другъ друга защищать, предупреждать о грозящей опасности, жертвовать жизнью, однимъ словомъ блюсти интересы одинъ другого изъ рода въ родъ.

Очевидно, что почитаніе духа предковъ есть остатокъ прежней естественной религіи кара-киргизовъ. Въ настоящее время этотъ культъ почитанія и поклоненія памяти предковъ значительно ослабѣлъ и у многихъ кара-киргизскихъ родовъ, и сохраняется еще только у тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ и до сихъ поръ болѣе или менѣе обособленно. Распространеніе мусульманства, вліяніе русское и другія причины, способствовавшія распаденію родового быта, ослабили въ значительной степени также и это вѣрованіе.

Кыдыръ-пайгамбаръ [1]), Кыдыръ-ата по произношенію кара-киргизовъ и *Хызыръ*—киргизъ-казаковъ. Это вѣрованіе перешло, какъ видно, вмѣстѣ съ мусульманствомъ и среди здѣшнихъ кара-киргизовъ получило широкое распространеніе, благодаря его мистическо-фаталистическому характеру. По представленію киргизовъ, Кыдыръ есть святой, безсмертный и невидимо странствующій пророкъ, видѣть котораго составляетъ для киргиза большую радость, такъ какъ Кыдыръ приноситъ съ собою счастье, богатство, славу, красоту, умъ и прочія блага. Желая осчастливить кого-либо изъ достойныхъ смертныхъ своимъ посѣщеніемъ и тѣмъ самымъ послать ему всевозможныя блага, Кыдыръ принимаетъ опре-

[1]) Слово „пайгамбаръ“, кажется, правильнѣе было бы писать «файгамбаръ», что значитъ пророкъ. Я удержалъ произношеніе здѣшнихъ каракиргизовъ. Ата—значитъ отецъ, дѣдушка.

дѣленную видимую форму, преимущественно же является въ образѣ нищаго, и нерѣдко знакомаго нищаго, часто является калѣкой, слѣпымъ старцемъ и проч. Это общее среди киргизовъ представленіе образа Кыдыра, хотя существуетъ убѣжденіе, что онъ можетъ присутствовать и посѣщать невидимо. У многихъ существуетъ убѣжденіе, что Кыдыръ долженъ явиться каждому киргизу три раза въ теченіе его жизни. Въ первый разъ Кыдыръ будто бы является двадцати-семилѣтнимъ человѣкомъ, во второй разъ сорока-семилѣтнимъ и въ третій разъ шестидесяти-семилѣтнимъ старикомъ. Прибытія или посѣщенія Кыдыра киргизы ожидаютъ главнымъ образомъ по ночамъ, наканунѣ большихъ праздниковъ (у акмолинскихъ киргизовъ); въ загорныхъ волостяхъ (у Саяковъ) Кыдыра ожидаютъ исключительно наканунѣ праздника Курбанъ-айта, о чемъ ниже скажемъ подробнѣе; у Чуйскихъ киргизовъ онъ ожидается главнымъ образомъ во время лѣтняго поста (Ураза), который продолжается тридцать дней,—въ этомъ случаѣ, кто стремится видѣть Кыдыра, тотъ долженъ въ теченіе всего поста еженочво бодрствовать до разсвѣта, и находятся такіе, которые выдерживаютъ этотъ искусъ, но удается ли имъ видѣть всегда Кыдыра — этого киргизы не утверждаютъ. Являясь нищимъ, Кыдыръ проситъ милостыню и этимъ какъ бы испытываетъ того, къ кому онъ явился: если ему не откажутъ въ подаяніи, то Кыдыръ дѣлаетъ того счастливымъ и богатымъ. На этомъ основаніи ни одинъ киргизъ, даже самый бѣдный, не откажетъ въ это время ни одному нищему въ подаяніи, хотя небольшой кусочекъ сыра, да подастъ. Положимъ, что Кыдыръ не лишаетъ счастья, если ему и ничего не дадутъ, но все же лучше дать хотя что-нибудь, чѣмъ ничего. Получивъ милостыню, Кыдыръ предлагаетъ вопросъ: что нужно? Барановъ ли, верблюдовъ, дѣтей, лошадей, умъ, красоту и проч. и проч. Вопрошаемый отвѣчаетъ по своему желанію. Получивъ отвѣтъ, Кыдыръ уходитъ, говоря: „быть по твоему". Нерѣдко, ожидая посѣщенія Кыдыра, киргизъ заранѣе приготовляетъ отвѣтъ. Другіе просятъ хорошей и счастливой жизни на томъ свѣтѣ, но такихъ мало. Какъ бы кто ни принялъ Кыдыра, онъ не наказываетъ, а все-таки прощаетъ и благословляетъ на счастіе,

такъ что можно думать, что въ образѣ Кыдыра олицетворяется милостивый, всепрощающій и вселюбящій пророкъ. Иногда, хотя и рѣже, Кыдыръ является въ образѣ знатнаго и богатаго человѣка, и даже можетъ принять видъ хорошо знакомаго и извѣстнаго человѣка. Въ какомъ бы человѣческомъ образѣ Кыдыръ ни явился, у киргизовъ для него есть одна постоянная примѣта, именно та, что большой палецъ правой его руки не имѣетъ костей, а состоитъ изъ однихъ мягкихъ частей. Этимъ и сами киргизы объясняютъ форму существующаго у нихъ рукопожатія, которое состоитъ въ томъ, что, взявъ руки гостя въ ладони своихъ обѣихъ рукъ, хозяинъ двумя своими пальцами, большимъ и указательнымъ, правой руки слегка прижимаетъ большой палецъ той же руки гостя или кого другого, кто бы онъ ни былъ, особенно если гость человѣкъ незнакомый. Этимъ онъ какъ бы хочетъ сказать: не Кыдыръ ли ты, не Кыдыра ли мнѣ въ тебѣ придется видѣть?

Иногда Кыдыръ является въ видѣ птицы, и въ такихъ случаяхъ киргизы видятъ его плавающимъ въ сабѣ *) въ видѣ утки съ дѣтенышами, или же въ видѣ воробья, который свиваетъ гнѣздо на баранѣ. Въ первомъ случаѣ означаетъ, что будетъ много лошадей, а во второмъ—много барановъ. Киргизы также вѣрятъ, что Кыдыръ невидимо опускаетъ руку въ кушанье, отчего послѣднее прибавляется и дѣлается болѣе вкуснымъ. Въ Нарынской волости, у кара-киргизскаго рода Джетыгень, аулъ Медербека славится баранами, которые отличаются большимъ ростомъ, и этихъ-то барановъ будто бы послалъ Кыдыръ съ неба, какъ увѣряютъ киргизы, по крайней мѣрѣ между ними распространено такое убѣжденіе.

Въ загорныхъ волостяхъ, у кара-киргизовъ рода Саяковъ, какъ я сказалъ выше, посѣщеніе Кыдыра ожидается исключительно наканунѣ праздника Курбанъ-айта. Вечеромъ этого дня, по понятію ихъ, Кыдыръ, хотя невидимо, долженъ посѣтить юрту каждаго киргиза, почему каждый домохозяинъ обязанъ заколоть барана и непремѣнно сдѣлать жертвопри-

[1]) „Саба"—мѣшокъ, сшитый изъ цѣлой шкуры животнаго, а „турсукъ"—изъ части шкуры; въ томъ и другомъ обыкновенно хранится кумысъ.

ношеніе (тлеу-кылмакъ); даже бѣднякъ долженъ продать что-нибудь и заколоть хотя козленка или ягненка, никакъ не моложе шестимѣсячнаго. Рѣжутъ преимущественно самцовъ, рѣжетъ самъ хозяинъ. Усѣвшись въ этотъ вечеръ за ужинъ, хозяинъ подаетъ гостю, если таковой случится, сваренную голову животнаго. У всѣхъ вообще киргизовъ въ обычаѣ всегда подавать гостю голову въ знакъ уваженія къ нему, въ этотъ же вечеръ въ лицѣ гостя хозяинъ видитъ, если не самого Кыдыра, то особенную милость, ниспосланную ему этимъ духомъ. Гость, отвѣдавъ немного, обыкновенно ограничившись однимъ ухомъ, передаетъ хозяину обратно голову, которую долженъ уже лично самъ хозяинъ очистить и на лбу и обѣихъ щекахъ ея сдѣлать красной краской или охрой по знаку. Послѣ этого голову ставятъ въ юртѣ на видное мѣсто, чтобы всякій входящій видѣлъ, что было сдѣлано жертвоприношеніе, и, вѣроятно, эту юрту, хотя невидимо, посѣтилъ Кыдыръ. Голову эту держатъ въ юртѣ отъ трехъ до девяти дней, послѣ чего ее выносятъ и кладутъ на могилы своихъ предковъ, которые почему-либо особенно почитаются или считаются святыми, иногда же голову просто выставляютъ на возвышенныхъ мѣстахъ и высокихъ деревьяхъ. Этимъ дается понять, что изъ семейства этого унесены всѣ болѣзни, несчастія и напасти, и слѣдовательно можно быть спокойнымъ до другого года. Шкуру зарѣзаннаго животнаго прежде отдавали „сопы“ *), т. е. людямъ, которые прежде считались близкими къ Кыдыру, а теперь отдаютъ ее мулламъ, пользующимся уваженіемъ, или тѣмъ изъ нихъ, которые хорошо знаютъ коранъ, такъ какъ сопы теперь уже вывелись и совсѣмъ мало стало благочестивыхъ людей, достойныхъ быть близкими къ Кыдыру. Во время праздника Курбанъ-айта не только угощаютъ дома, но и разносятъ кушанье по роднымъ, знакомымъ и пріятелямъ, что называется „Курбанъ-лыкъ“. Дѣлается это съ тою цѣлью, что Кыдыръ, встрѣтивъ это кушанье, можетъ попробовать его и въ другомъ мѣстѣ и отплатить за это сторицею.

---

[1]) „Сопы“—это безграмотные киргизы, своею благочестивою жизнью заслужившіе уваженіе своихъ единовѣрцевъ.

Ни одинъ народъ не избѣгъ того, чтобы его вѣрованія не были эксплуатируемы хотя отчасти; такъ это случилось и съ киргизами относительно того же Кыдыра. Такъ, въ прежнее время киргизы представляли Кыдыра еще въ образѣ наѣздника верхомъ на лошади; въ этомъ случаѣ Кыдыръ являлся въ табунъ лошадей и, выбравъ 2—3 лучшихъ изъ нихъ, преспокойно уѣзжалъ. Простодушный и довѣрчивый киргизъ, считая себя весьма счастливымъ тѣмъ, что ему удалось видѣть святого пророка, не преслѣдовалъ его, конечно, въ той надеждѣ, что за взятыхъ имъ 2—3 лошадей онъ получитъ по меньшей мѣрѣ нѣсколько десятковъ, ато и сотенъ. Но время скоро показало, что въ такой формѣ Кыдыръ менѣе всего вознаграждаетъ осчастливленныхъ его посѣщеніемъ киргизовъ, и онъ счелъ благоразумнымъ болѣе не являться въ такомъ видѣ, какъ передаютъ сами же киргизы. Вѣроятно, въ прежнее время существовали и другіе образы представленія Кыдыра, но они со временемъ исчезли, какъ несоотвѣтствующіе понятію о святомъ пророкѣ, который долженъ благодѣтельствовать и приносить счастье бѣдному и беззащитному кочевнику степей, а не разорять и обижать его. Нельзя сказать, чтобы и теперь не эксплоатировалось это вѣрованіе, но, насколько удалось собрать объ этомъ свѣдѣнія, эксплоатація эта имѣетъ безвредный и безобидный характеръ, такъ что у большинства вызываетъ нѣкоторую иронію или добродушную насмѣшку. Въ настоящее время это продѣлываютъ главнымъ образомъ нищіе изъ кашгарскихъ сартовъ или же и свои киргизы. Такой нищій, проходя черезъ аулъ, намѣренно не заходитъ въ нѣкоторыя юрты, желая этимъ показать, что тѣ, къ кому онъ не зашелъ, недостойны его видѣть, и этимъ какъ бы даетъ понять, что онъ не простой нищій, а Кыдыръ. Такой безобидный маневръ удается продѣлать въ большинствѣ случаевъ съ прибылью, такъ какъ хозяева обойденныхъ юртъ, считая себя обиженными, сами возвращаютъ и награждаютъ такого нищаго. Другіе дѣлаютъ такъ: подойдя къ юртѣ, показываютъ видъ, что они не нуждаются въ милостынѣ, почему не пристаютъ и не выпрашиваютъ назойливо; они какъ бы стараются показать, что своимъ приходомъ они скорѣе дѣлаютъ честь или одолженіе, и, постоявъ немного, ухо-

дять, не дожидаясь подачки. Хозяинъ, сообразивъ и вспомнивъ о Кыдырѣ, возвращаетъ нищаго и награждаетъ его, чѣмъ можетъ.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что вѣрованіе въ Кыдыра пережило и продолжаетъ переживать различныя наружныя формы и сопровождается различными обрядностями, хотя сущность его повидимому остается одна и та же, а именно: понятіе о Кыдырѣ установилось какъ о кроткомъ, незлобивомъ подателѣ и источникѣ всевозможныхъ земныхъ благъ.

Такова сущность представленія о Кыдырѣ у здѣшнихъ кара-киргизовъ. Нѣкоторые изъ нихъ съ именемъ Кыдыра связываютъ представленіе о пророкѣ Иліи или Елисеѣ, которые упоминаются въ коранѣ. Подобное толкованіе принадлежитъ главнымъ образомъ мулламъ и ахунамъ, хотя они и не могутъ привести или дать для этого точныхъ указаній. Громадное же большинство признаетъ Кыдыра за самостоятельнаго пророка. Вѣрованіе это, какъ я упоминалъ, имѣетъ широкое распространеніе и способствуетъ болѣе быстрому усвоенію мусульманства среди здѣшнихъ киргизовъ. Нельзя все таки не признать, что это вѣрованіе въ обыденной жизни ихъ имѣетъ немаловажное значеніе: имъ объясняется отношеніе киргизовъ къ нищимъ: исходя изъ этого вѣрованія киргизъ подаетъ нищему, бѣглецу или проходимцу хотя небольшой кусочекъ сыра. Съ вѣрованіемъ въ Кыдыра связывается отчасти и гостепріимство, о которомъ единогласно говорятъ всѣ, писавшіе о киргизахъ, какъ объ отличительной чертѣ ихъ характера. Правда, что и коранъ Магомета предписываетъ быть гостепріимнымъ; но сухое отвлеченное требованіе его едва-ли скоро бы привилось и укоренилось въ душѣ такого дикаря, какъ киргизъ. Для склада такого ума и характера, какимъ надѣлены киргизы, необходимо идею гостепріимства и доброе отношеніе къ бѣднымъ и нищимъ воплотить въ какіе либо конкретные образы или формы, что отчасти и достигается широко распространеннымъ существующимъ вѣрованіемъ въ Кыдыра. Откуда оно собственно зашло и какъ проникло въ киргизскую среду, я рѣшить не берусь.

Изъ предъидущаго между прочимъ видно, что вѣрованіе это имѣетъ и нѣсколько мистическій характеръ, подобныя же

вѣрованія дѣйствуютъ на нравы и характеръ людей смягчающимъ образомъ, хотя въ то же время такія вѣрованія имѣютъ и свою отрицательную сторону, а именно: развиваютъ бездѣятельность, нерѣшительность, безхарактерность и т. п., а такихъ отзывовъ про киргизовъ приведено немало А. Н. Харузинымъ въ его книгѣ „Киргизы Букеевской Орды". Я далекъ отъ мысли исключительно приписывать этому вѣрованію развитіе вышеприведенныхъ отрицательныхъ качествъ, но нельзя не признать нѣкоторой доли этого вліянія и за нимъ. Киргизъ вѣритъ, что достигнуть довольства, богатства, почестей невозможно безъ помощи Кыдыра. У киргизовъ нѣтъ на глазахъ примѣра, чтобы кто либо изъ ихъ собратовъ разбогатѣлъ, благодаря упорному систематическому труду; они, напротивъ, видятъ, что богатый киргизъ совсѣмъ ничего не работаетъ, а между тѣмъ обладаетъ кое-какимъ избыткомъ и даже богатствомъ, и все это приписываетъ милости ниспосланной Кыдыромъ. У собрата Медербека рослые бараны,— чѣмъ киргизъ можетъ обяснить это явленіе? Онъ видитъ, что Медербекъ палецъ о палецъ не ударилъ для того, чтобы бараны его были болѣе рослые, чѣмъ у другихъ; а между прочимъ бараны его оказываются лучше и пріобрѣли извѣстность, благодаря большому своему росту. Въ прежнее время киргизъ сказалъ бы, что Медербеку помогъ его Арвакъ, т. е. духъ его предковъ, но это вѣрованіе уже значительно ослабѣло и стало забываться, благодаря укореняющемуся у нихъ мусульманству. Муллы, ахуны, хаджи—люди ученые, начитанные, говорятъ совсѣмъ другое. Они говорятъ, что кто разбогатѣлъ или выдвинулся чѣмъ либо, тому помогъ Кыдыръ или Хызыръ, и простодушный и довѣрчивый киргизъ вѣритъ этому. Для большаго успѣха всякаго новаго вѣрованія необходима извѣстная подкладка, при помощи коей новое вѣрованіе легко вытѣсняетъ старое; въ данномъ случаѣ въ обоихъ вѣрованіяхъ (Арвакъ и Кыдыръ) собственно подкладка осталась одна и та же—это обѣщаніе и обиліе матеріальныхъ благъ, которымъ проникнуты оба вѣрованія. Какъ Арвакъ покровительствуетъ и помогаетъ тѣмъ, которые живутъ хорошо, такъ и Кыдыръ приноситъ счастье и богатство только достойнымъ изъ нихъ. Какъ тогда нечего было особенно трудиться и работать, такъ

и теперь, потому что безъ воли Арвака или Кыдыра ничего нельзя сдѣлать. Этимъ можно объяснить, почему такъ скоро заступило и широко распространилось вѣрованіе въ Кыдыра, вытѣснивъ вѣрованіе въ Арвака. Оба эти вѣрованія носятъ и фаталистическій характеръ. Подобныя же вѣрованія, какъ извѣстно, не въ состояніи пробудить активной, творческой дѣятельности духовныхъ силъ народа, а напротивъ они дѣйствуютъ угнетающимъ и парализующимъ образомъ, хотя впрочемъ такой же характеръ имѣетъ и самое мусульманство. Этимъ характеромъ ихъ религіи и вѣрованій объясняется, почему киргизъ спокойно относится къ своему незавидному экономическому положенію. Исходя изъ такого характера этихъ вѣрованій, киргизъ и происходящія передъ нимъ событія объясняетъ сообразно этому. Такъ, мнѣ неразъ приходилось слышать отъ здѣшнихъ киргизовъ, что всѣ успѣхи, которые сдѣлали русскіе въ Средней Азіи, они приписываютъ милости и благоволенію Кыдыра къ русскимъ, которые безъ его помощи ровно ничего не могли бы сдѣлать. Нравственнымъ и умственнымъ качествамъ, дисциплинѣ, превосходству вооруженія они не придаютъ ровно никакого значенія и до настоящаго времени, такъ какъ безъ соизволенія Кыдыра рѣшительно невозможно имѣть никакого успѣха, по ихъ понятію.

Эблисъ, *Арманъ*.—Оба эти слова у здѣшнихъ киргизовъ и кара-киргизовъ служатъ для обозначенія названія злой, нечистой силы. По понятію киргизовъ, всѣ бѣдствія и несчастія посылаются на людей Эблисомъ или Арманомъ. Эти два названія у нихъ тождественны, хотя происхожденіе ихъ и различно. Слово Эблисъ перешло къ киргизамъ изъ корана; оно употребляется главнымъ образомъ тѣми изъ нихъ, которые болѣе или менѣе знакомы съ этой священной книгой, а такъ какъ грамотныхъ людей между здѣшними киргизами сравнительно еще очень мало, то и названіе Эблисъ не вошло пока во всеобщее употребленіе, большинство же и до сихъ поръ употребляетъ старое названіе — Арманъ. По понятію киргизовъ, Эблисъ или Арманъ — это главный сатана или чортъ, обладающій большими способностями и познаніями; онъ повелитель и руководитель всѣхъ остальныхъ чертей (шайтановъ), и послѣдніе ничего не предпринимаютъ безъ его вѣ-

дома. Понятіе же объ Арманѣ, какъ о злой, нечистой силѣ, надо предположить, перешло къ здѣшнимъ киргизамъ изъ древнеперсидскаго вѣрованія (Ариманъ). Такое предположеніе имѣетъ за собой нѣкоторыя положительныя основанія, а именно: здѣшніе кара-киргизы, какъ они по крайней мѣрѣ сами говорятъ, выходцы изъ Ферганской и Зарявшанской долинъ, откуда они пришли и поселились на земляхъ Токмакскаго и Иссыкъ-кульскаго уѣздовъ около 250 лѣтъ тому назадъ. Если это такъ, то они легко могли тамъ позаимствовать и занести сюда это вѣрованіе, которое у нихъ продолжаетъ держаться и до настоящаго времени, хотя подъ вліяніемъ мусульманства начинаетъ уже постепенно ослабѣвать. Съ цѣлью болѣе быстраго распространенія между киргизами религіи Магомета, муллы постарались втолковать имъ, что Эблисъ по своимъ качествамъ и достоинствамъ одинаковъ съ Арманомъ, такъ что приписываніе сему послѣднему вышеозначенныхъ одинаковыхъ съ Эблисомъ качествъ есть безспорно позднѣйшее наслоеніе. Что Арманъ есть остатокъ древнеперсидскаго вѣрованія, это видно и изъ того, что это вѣрованіе, несмотря на его уже начавшееся между киргизами ослабленіе, въ существенныхъ своихъ чертахъ и до сихъ поръ сохраняетъ характеръ древнеперсидскаго. Такъ, Армана они считаютъ источникомъ вредныхъ силъ природы; у многихъ изъ нихъ и до сихъ поръ Арманъ—причина всевозможныхъ несчастій: болѣзней, голода, неурожая; какъ Эблису, такъ и Арману подчинены духи зла (джины). Всѣ эти качества свойственны и древнеперсидскому Ариману, и если мы возьмемъ во вниманіе, что древнеперсидская культура и цивилизація имѣли вліяніе далеко за предѣлами своего отечества, то нисколько не будетъ страннымъ наше предположеніе о томъ, что существующее у киргизовъ вѣрованіе въ Армана позаимствовано ими когда-то изъ древнеперсидскаго.

Сказаній о происхожденіи Армана не удалось собрать, и повидимому ихъ не существуетъ; сказаніе же о происхожденіи Эблиса взято киргизами изъ корана, хотя съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, и введены нѣкоторыя подробности, которыхъ въ коранѣ нѣтъ. Такъ, по корану Богъ заставилъ Эблиса поклониться вмѣстѣ съ прочими ангелами только-что сотво-

ренному человѣку — Адаму, но Эблисъ не захотѣлъ поклониться, и за это ослушаніе былъ низвергнутъ Богомъ съ неба. Киргизы же такъ передаютъ это: когда вначалѣ Богомъ сотворенъ былъ міръ, то были также сотворены одни добрые ангелы, въ томъ числѣ и Эблисъ; послѣдняго Богъ надѣлилъ большими способностями и познаніями, и ему поручено было учить другихъ ангеловъ. Считая себя слишкомъ умнымъ и всезнающимъ, Эблисъ возмечталъ о себѣ слишкомъ много. Богъ между тѣмъ сотворилъ человѣка; послѣдній лежалъ еще безъ души, когда случилось Эблису проходить мимо его. Увидѣвъ новое, невиданное имъ еще твореніе, Эблисъ въ изумленіи остановился и, постучавъ пальцами по лбу и груди бездушнаго еще человѣка, сказалъ съ усмѣшкою: „Боже, какое же это глупое и пошлое будетъ Твое твореніе". Когда Богъ вложилъ душу въ человѣка, Онъ призвалъ всѣхъ ангеловъ, въ томъ числѣ и Эблиса, и заставилъ ихъ поклониться человѣку; всѣ поклонились, кромѣ Эблиса, и проч. Другое сказаніе, котораго я не встрѣтилъ въ коранѣ, слѣдующее: Эблисъ, будучи еще ангеломъ, возмечталъ о себѣ черезчуръ много и пришелъ къ тому, что для него казалось слишкомъ унизительно плевать на землю, а что онъ достоинъ плевать на небо, и началъ Эблисъ плевать на небо, а Богъ его за это низвергъ съ неба. Плевки Эблиса, падая на землю, обращались въ драгоцѣнные камни.

Нѣкоторые киргизы представляютъ Эблиса въ видѣ безобразной, морщинистой старухи, съ большими грудями, всегда открытыми, которыя будто бы служатъ орудіемъ обороны въ борьбѣ съ человѣкомъ, а именно эти груди Эблисъ накидываетъ на плечи человѣка, который подъ тяжестью ихъ и падаетъ. Такое представленіе объ образѣ Эблиса впрочемъ не есть общераспространенное между киргизами, а существуетъ главнымъ образомъ у акмолинскихъ киргизовъ.

Если не установилось точное представленіе о наружномъ видѣ Эблиса, то существуетъ довольно опредѣленное понятіе о границахъ его дѣятельности. Такъ, по понятію киргизовъ, Эблисъ прежде всего руководитель и наставникъ всѣхъ остальныхъ чертей (шайтановъ), которые обладаютъ сравнительно съ нимъ меньшими способностями и знаніями. Самъ Эблисъ

не занимается малыми дѣлами, а ведетъ только крупныя предпріятія; между прочимъ ему, какъ и Арману, главнымъ образомъ приписываютъ стремленіе и желаніе портить и изводить новорожденныхъ дѣтей, почему у здѣшнихъ киргизовъ существуетъ обычай караулить новорожденнаго три дня, а въ противномъ случаѣ нечистая сила, въ лицѣ Эблиса или Армана, можетъ подмѣнить новорожденнаго, или дастъ пососать ему грудь, отчего послѣдній сдѣлается уродомъ. На этомъ основаніи огонь въ юртѣ въ первые три дня не прекращается, сходятся всѣ близкіе и знакомые, спать ложатся не всѣ сразу, а поперемѣнно,—все это дѣлается для того, чтобы не подпустить близко нечистую силу. Въ теченіе этого времени происходитъ угощеніе, празднество, называемое Чилдахана *). Изъ юрты, гдѣ находится новорожденный, никому не даютъ огня въ теченіе трехъ дней. Если ребенокъ умретъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія, то это приписывается вліянію Эблиса или Армана, почему киргизы принимаютъ всѣ мѣры предосторожности, чтобы эти злые духи не могли повредить или напортить ребенку; такъ, люльку новорожденнаго окуриваютъ дымящейся головней, приговаривая: „Аласъ, аласъ уру", или „кузъ тимясунъ", т. е., чтобы не сглазили или не изурочили. Къ люлькѣ привѣшиваютъ „бой тумаръ", молитву или заговоръ, зашитую чаще всего въ кожу или сафьянъ, которой придаютъ форму прямоугольнаго треугольника,—все это дѣлается для того, чтобы Эблисъ или Арманъ находились подальше отъ колыбели новорожденнаго. Привязываютъ также къ люлькѣ когти беркута, клыки кабановъ, медвѣжьи когти, хвосты животныхъ, какъ-то: медвѣдя, лисицы, зайца, но главнымъ образомъ стараются достать шкуру ежика, такъ какъ это маленькое животное у киргизъ почитается наиболѣе священнымъ, о чемъ будетъ сказано дальше. Таковы средства, которыми здѣшніе киргизы и въ настоящее время стараются оградить отъ опасностей жизнь каждаго, только-что появившагося члена своей семьи, и такъ очевидно велось изстари.

---

*) У саяковъ называется Чилдохона, а у киргизовъ другихъ родовъ это празднество или угощеніе не всѣми соблюдается.

Изъ этого видно, что мусульманство до сихъ поръ не имѣло и почти не имѣетъ никакого вліянія на домашнюю обыденную жизнь киргизовъ. Мѣсто Армана начинаетъ заступать Эблисъ; измѣнилось только названіе, но сущность представленія о немъ, какъ о злой нечистой силѣ, осталась прежняя, почему и средства борьбы и защиты противъ него примѣняются съ одинаковымъ рвеніемъ и стараніемъ тѣ же самыя, которыя употреблялись задолго до распространенія между ними магометанства.

Для полноты свѣдѣній, я долженъ еще упомянуть, что нѣкоторые здѣшніе киргизы для обозначенія главнаго сатаны или черта употребляютъ также названіе — *Азазиль*. Судя по тѣмъ даннымъ, которыя удалось собрать, Эблисъ, Арманъ и Азазиль въ представленіи киргизовъ тождественны и однородны по силѣ своихъ достоинствъ и качествъ. Азазиль также руководитъ всѣми шайтанами (чертями) и прочими злыми духами, какъ Эблисъ или Арманъ, но Азазиль живетъ въ водѣ. Дѣло въ томъ, что Азазиль, задумавъ лишить человѣка воды, самъ легъ въ воду, чтобы ее всю выпить, но не могъ этого сдѣлать, и Богъ его за это оставилъ на всегда жить въ водѣ.

Какъ я выше упомянулъ, у здѣшнихъ киргизовъ нѣкоторыя животныя и до сего времени почитаются священными, въ томъ числѣ и ежъ. Относительно послѣдняго удалось записать слѣдующее сказаніе, которое между ними довольно распространено.

Въ давнія времена чортъ, разсердившись на весь міръ, затмилъ солнце. Всѣ твари земныя, объятыя ужасомъ и страхомъ, собрались для совѣта, какъ помочь общей бѣдѣ, но ничего не могли придумать. Собравшіеся замѣтили, что между ними нѣтъ ежика, который въ то время считался самымъ красивымъ животнымъ, но въ то же время и самымъ маленькимъ и слабосильнымъ; всякій, кто хотѣлъ, тотъ обижалъ и пожиралъ его, тѣмъ болѣе, что мясо его считалось очень вкуснымъ, особенно же плохо ему приходилось отъ мышей. Хотя собравшимися на совѣтъ и вскорѣ замѣчено было отсутствіе ежика, но они рѣшили было обойтись безъ участія его; но какъ ни бились, ничего не могли придумать, какимъ

бы способомъ заставить чорта, чтобы онъ освободилъ солнце отъ тьмы. Видя, что безъ ежика имъ не обойтись, рѣшили послать къ нему пословъ: льва, тигра и шакала, съ просьбою, чтобы онъ прибылъ на совѣтъ. Ежъ отвѣчалъ посламъ, что пойти-то онъ готовъ, да боится, что его могутъ обидѣть или даже съѣсть; но подумавъ сказалъ имъ: если вы согласитесь попросить у Всевышняго для меня такой покровъ, въ которомъ бы я могъ смѣло вездѣ являться, увѣренный въ томъ, что меня никто не обидитъ подъ его защитою, я тогда съ радостью прійду на совѣтъ. Послы, возвратившись, передали требованіе ежика. Всѣ твари земныя, присутствовавшія на совѣтѣ, обратились съ просьбою къ ангелу, чтобы онъ ходатайствовалъ передъ Всевышнимъ о дарованіи ежику такого покрова (шкуры), въ которомъ бы его все живущее на землѣ и въ воздухѣ не могло обидѣть, и чтобы мыши были отданы ему на съѣденіе. Ангелъ вскорѣ объявилъ собравшимся, что Господь услышалъ и исполнилъ ихъ просьбу. И дѣйствительно, ежъ явился на совѣтъ въ новомъ верхнемъ покровѣ, никого не боясь изъ прежнихъ своихъ враговъ. Бывшіе на совѣтѣ, окруживъ его, сказали ему: „такъ какъ ты по нашей просьбѣ получилъ такую надежную защиту, въ которой никто теперь не обидитъ тебя, то ты за это долженъ намъ помочь совѣтомъ, какъ и что сдѣлать, чтобы чортъ освободилъ солнце отъ тьмы и чтобы на землѣ по прежнему было свѣтло“. Тогда ежъ отвѣчалъ: „чортъ считаетъ себя самымъ умнымъ и хитрымъ изъ всѣхъ, такъ пошлите ему сказать, чтобы онъ изъ песку сдѣлалъ кожу, а изъ масла дратву и сшилъ бы изъ этого сапоги къ полудню; если не сдѣлаетъ этого, то долженъ освободить солнце отъ тьмы, а если сдѣлаетъ къ назначенному времени сапоги изъ песку и сошьетъ ихъ дратвой изъ масла, то мы тогда дадимъ ему другую задачу“. Предложеніе ежика было передано чорту; послѣдній, какъ ни бился, не могъ сшить такихъ сапогъ, и принужденъ былъ освободить солнце отъ тьмы. И съ этихъ поръ ежикъ считается людьми священнымъ, и животныя его никогда не обижаютъ, а для мышей онъ сдѣлался злѣйшимъ врагомъ: помня ихъ прежнія обиды, онъ сталъ для нихъ страшнѣе кошки.

У киргизовъ немало существуетъ легендъ и сказаній о про-

исхожденіи различныхъ животныхъ и о томъ, почему нѣкоторыя изъ нихъ почитаются ими священными, но мы пока не станемъ ихъ приводить, а перейдемъ къ другимъ вѣрованіямъ, которыми также объясняются нѣкоторыя стороны киргизской жизни.

Албоста—злой духъ рожениць, наиболѣе подходитъ къ вѣдьмѣ, живетъ въ логахъ и ярахъ. Албосту представляютъ въ образѣ женщины высокаго роста, съ большой головою и большими грудями, доходящими до колѣнъ; пальцы рукъ вооружены длинными и острыми ногтями, волосы очень длинные и спускаются до земли. Въ такой формѣ представляютъ Албосту какъ семирѣченскіе, такъ и акмолинскіе и ферганскіе киргизы; повидимому, такое представленіе о ней существуетъ и у другихъ киргизовъ. Это, къ счастью, одно изъ немногихъ вѣрованій, которое имѣетъ мрачный характеръ и даже заставляетъ ихъ прибѣгать къ употребленію жестокихъ мѣръ противъ бедпомощныхъ и беззащитныхъ своихъ рожаницъ. Еще и въ настоящее время дѣлается жертвою этого вѣрованія ежегодно и уходитъ преждевременно въ могилу не одна киргизка, но еще больше онѣ платятся здоровьемъ.... Сущность этого вѣрованія состоитъ въ слѣдущемъ: когда, по несчастью, во время процесса родовъ случится обморокъ съ рожаницей, то киргизы думаютъ, что это Албоста душитъ ее; во время этого обморока Албоста будто бы вынимаетъ легкія черезъ ротъ, мочитъ ихъ въ водѣ, отчего рожаница и умираетъ. Безспорно, подобное вѣрованіе, дѣйствуя подавляющимъ образомъ на душевное состояніе беременной женщины, служитъ причиной, способной легко вызвать во время родовъ припадокъ обморока. И дѣйствительно, киргизка не безъ страха и ужаса ожидаетъ приближенія срока родовъ, о чемъ за нѣсколько времени впередъ сообщаетъ мужу и близкимъ роднымъ, исключительно женщинамъ и притомъ уже не молодымъ. Мужъ и родные заблаговременно стараются принять мѣры предосторожности противъ Албосты. Такъ, въ прежнее время приглашали баксу, который чтеніемъ своихъ таинственныхъ заговоровъ и заклинаній старался не допустить Албосту войти въ юрту; теперь для этой же цѣли приглашается мулла, который читаетъ молитвы изъ корана

какъ до обморока, такъ и во время случившагося обморока. Когда же чтеніе молитвъ не помогаетъ и рожаница продолжаетъ лежать въ обморокѣ, тогда начинаютъ принимать болѣе энергичныя мѣры: рожаницу слегка бьютъ, а если и это не помогаетъ, то примѣняютъ еще болѣе рѣшительныя мѣры: 1) начинаютъ бить плетьми сначала легонько, а потомъ и сильнѣе, 2) вбиваютъ въ землю четыре шеста, къ которымъ привязываютъ рожаницу за руки и за ноги и такъ оставляютъ на нѣкоторое время. Старожилы утверждаютъ, что въ прежнее время въ такихъ случаяхъ по несчастнымъ рожаницамъ прогоняли барановъ и даже будто бы табунъ лошадей! Такія жестокія мѣры, какъ удалось слышать, и до сихъ поръ употребляются главнымъ образомъ акмолинскими киргизами. Семирѣченскіе же кара-киргизы, во время случившагося обморока съ рожаницей, также приглашаютъ муллу, но, по разсказамъ, они гораздо рѣже прибѣгали и прибѣгаютъ къ вышеприведеннымъ мѣрамъ. Какъ намъ пришлось наблюдать, они главнымъ образомъ стараются произвести какъ можно большій шумъ: бѣгаютъ вокругъ юрты, громко кричатъ, стучатъ палками или бьютъ въ самодѣльные барабаны, стрѣляютъ изъ ружьевъ. Изъ сосѣднихъ юртъ также сбѣгаются и принимаютъ дѣятельное участіе въ изгнаніи Албосты. Всѣ въ ужасѣ и страхѣ. Рожаница, почти оставленная всѣми, лежитъ безъ помощи; подлѣ нея, съ убитымъ видомъ, сидитъ близкая ей родственница старуха и плачетъ. Громкій плачъ и крики отчаянія раздаются и изъ толпы, бѣгающей вокругъ юрты и старающейся вышеупомянутыми средствами прогнать Албосту. Если и это все не помогаетъ, то стараются достать и принести въ юрту беркута: киргизы вѣрятъ, что Албоста боится этой птицы, и увидѣвъ ее уходитъ. Пить воды рожаницѣ ни подъ какимъ видомъ не даютъ, хотя бы она, очнувшись отъ обморока, и попросила. Изъ юрты вода обязательно уносится, такъ какъ въ силу существующаго вѣрованія, что Албоста мочитъ легкія въ водѣ, понятное дѣло, вблизи рожаницы нельзя держать воды, въ противномъ случаѣ это значило бы создавать и поддерживать благопріятныя условія для дѣятельности Албосты, и это тѣмъ болѣе достойно замѣчанія, что здѣшніе киргизы почти всѣ болѣзни лѣчатъ исключительно

водой, а это чуть-ли не единственный случай, когда они избѣгаютъ дать больной хоть каплю воды, глотокъ которой, въ данномъ случаѣ и при ихъ условіяхъ жизни, былъ бы единственно спасительнымъ и полезнымъ,—но такова деспотическая власть существующаго вѣрованія!

Между киргизами существуетъ слѣдующій весьма распространенный разсказъ объ Албостѣ. Однажды когда-то ѣхалъ какой-то киргизъ, котораго Албоста боялась. Киргизъ увидѣлъ, что Албоста мочитъ легкія въ водѣ. Зная, что легкія эти принадлежатъ какой нибудь рожаницѣ, онъ приказалъ Албостѣ возвратить ихъ обратно той, изъ кого она ихъ вынула. Албоста, услышавъ крикъ киргиза, быстро побѣжала по направленію къ одному аулу и вбѣжала въ бѣлую юрту. Киргизъ слѣдовалъ по пятамъ за нею и, вошедши въ ту же юрту, въ которою вошла и Албоста (для всѣхъ остальныхъ она была невидима), увидалъ много людей, оплакивавшихъ только за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ умершую рожаницу. Умершая вскорѣ ожила, такъ какъ Албоста вложила ей обратно легкія по приказанію киргиза. Очевидно, могло легко случиться подобное обстоятельство, что вскорѣ послѣ пріѣзда какого либо гостя рожаница, передъ тѣмъ упавшая въ обморокъ, пришла въ себя. Эти и подобные приведенному факты дали киргизамъ поводъ заключить, что есть между ними люди, которыхъ Албоста боится и приказанія которыхъ она слушается; слѣдовательно, это будутъ такіе люди, которые по своимъ духовнымъ силамъ и способностямъ стоятъ выше Албосты — злого, нечистаго духа, и эти-то люди, по своему желанію, могутъ остановить или воспрепятствовать Албостѣ сдѣлать такое дѣло, которое причиняетъ людямъ одно горе. Но есть среди киргизовъ и такіе люди, которые знаются съ Албостою, которые употребляютъ ее своимъ орудіемъ для того, чтобы принести ближнему или сосѣду непріятность или даже несчастіе. Люди, знающіеся съ Албостою и другими нечистыми духами, называются *Куучи*.

О другихъ вѣрованіяхъ киргизовъ надѣемся сообщить впослѣдствіи.

Ѳ. Поярковъ.

Г. Пишпекъ.
1891 г., 12 мая.

Значеніе малорусскихъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ въ исторіи эволюціи семьи*)

I. Матріархатъ.

(Посвящается Л. Моргану).

Въ первой книгѣ Бытія (гл. 24, ст. 2—61) мы находимъ картину сватовства у древнихъ евреевъ: тамъ описывается, какъ Исаакъ сваталъ Ревекку. Когда Авраамъ состарился, онъ пожелалъ женить сына своего Исаака. „И сказалъ Авраамъ рабу своему, старшему въ домѣ его, управляющему всѣмъ, что у него было: положи руку твою подъ стегно мое, и клянись мнѣ Господомъ Богомъ земли, что ты не возьмешь сыну моему (Исааку) жены изъ дочерей Хананеевъ, среди которыхъ я живу; но пойдешь въ землю мою, на родину мою (и къ племени моему), и возьмешь (оттуда) жену сыну моему Исааку...... И взялъ рабъ изъ верблюдовъ господина своего десять верблюдовъ и пошелъ. Въ рукахъ у него были также всякія сокровища господина его. Онъ всталъ и пошелъ въ Месопотамію, въ городъ Нахора. И остановилъ верблюдовъ внѣ города, у колодезя воды, подъ вечеръ, въ то время, когда выходятъ женщины черпать (воду). И сказалъ: Господи, Боже господина моего Авраама! пошли ее сегодня на встрѣ-

---

*) Эта статья, написанная молодымъ галицкимъ ученымъ спеціально для „Этногр. Обозрѣнія", прислана въ редакцію на малорусскомъ языкѣ. На русскій яз. она переведена гг. Гр. А. К-комъ. П. Ѳ. Т-номъ и Н. Я. *Ред.*

чу мнѣ, и сотвори милость съ господиномъ моимъ Авраамомъ. Вотъ я стою у источника воды, и дочери жителей города выходятъ черпать воду; и дѣвица, которой я скажу: наклони кувшинъ твой, я напьюсь; и которая скажетъ (мнѣ): пей, я и верблюдамъ твоимъ дамъ пить (пока не напьются), вотъ та, которую Ты назначилъ рабу Твоему Исааку; и по тому узнаю я, что ты творишь милость съ господиномъ моимъ (Авраамомъ). Еще не пересталъ онъ говорить (въ умѣ своемъ), и вотъ вышла Ревекка, которая родилась отъ Ваѳуила, сына Милки, жены Нахора, брата Авраамова, и кувшинъ ея на плечѣ ея. Дѣвица была прекрасна видомъ, дѣва, которой не познalъ мужъ. Она сошла къ источнику, наполнила кувшинъ свой и пошла вверхъ. И подбѣжалъ рабъ на встрѣчу ей и сказалъ: дай мнѣ испить немного воды изъ кувшина твоего. Она сказала: пей, господинъ мой; и тотчасъ спустила кувшинъ свой на руку свою и напоила его. И, когда напоила его, сказала: я стану черпать и для верблюдовъ твоихъ, пока не напьются (всѣ). И тотчасъ вылила воду изъ кувшина своего въ поило, и побѣжала опять къ колодезю почерпнуть (воды) и начерпала для всѣхъ верблюдовъ его. Человѣкъ тотъ смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ въ молчаніи, желая разумѣть, благословилъ ли Господь путь его, или нѣтъ. Когда верблюды перестали пить, тогда человѣкъ тотъ *взялъ золотую серьгу*, вѣсомъ полсикля, и *два запястья на руки ей*, вѣсомъ въ десять сиклей золота; (и спросилъ ее) и сказалъ: чья ты дочь? скажи мнѣ, есть ли въ домѣ отца твоего мѣсто намъ ночевать? Она же сказала ему: я дочь Ваѳуила, сына Милки, котораго она родила Нахору. И еще сказала ему: у насъ много соломы и корму, и есть мѣсто для ночлега. И преклонился человѣкъ тотъ и поклонился Господу... Дѣвица побѣжала и разсказала объ этомъ *въ домъ матери своей.* У Ревекки былъ братъ, именемъ Лаванъ. Лаванъ выбѣжалъ къ тому человѣку, къ источнику. И когда онъ увидѣлъ серьгу и запястья на рукахъ у сестры своей и услышалъ слова Ревекки, сестры своей, которая говорила: такъ говорилъ со мной этотъ человѣкъ; то пришелъ къ человѣку, и вотъ онъ стоитъ при верблюдахъ у источника. И сказалъ (ему): войди, благословенный Господомъ; зачѣмъ ты стоишь внѣ? Я приготовилъ домъ и мѣсто для верблюдовъ.

И вошелъ человѣкъ. (Лаванъ) разсѣдлалъ верблюдовъ и далъ соломы и корму верблюдамъ, и воды умыть ноги ему и людямъ, которые были съ нимъ. И предложена была ему пища; но онъ сказалъ: не стану ѣсть, доколѣ не скажу дѣла своего. И сказали: говори"....

Тутъ онъ началъ разсказывать, кто онъ, зачѣмъ пришелъ, какъ все случилось, и наконецъ сказалъ такъ:

„И нынѣ скажите мнѣ, намѣрены ли вы оказать милость и правду господину моему, или нѣтъ; скажите мнѣ, и я обращусь направо, или налѣво. И отвѣчали Лаванъ и Ваѳуилъ, и сказали: отъ Господа пришло это дѣло; мы не можемъ сказать тебѣ вопреки ни худого, ни добраго. Вотъ Ревекка предъ тобою; возьми ее и пойди; пусть будетъ она женою сына господина твоего, какъ сказалъ Господь. Когда рабъ Авраамовъ услышалъ слова ихъ, то поклонился Господу до земли. *И вынулъ рабъ серебряныя вещи и золотыя вещи, и далъ Ревеккѣ; также и брату ея и матери ея далъ богатые подарки.* И ѣли и пили, онъ и люди, бывшіе съ нимъ, и переночевали. Когдаже встали поутру, то онъ сказалъ: отпустите меня (и я пойду) къ господину моему. *Но братъ и мать ея сказали*: пусть побудетъ съ нами дѣвица дней хотя десять; потомъ пойдешь. Онъ сказалъ имъ: не удерживайте меня, ибо Господь благоустроилъ путь мой; отпустите меня, и я пойду къ господину моему. Они сказали: призовемъ дѣвицу и спросимъ, что она скажетъ. И призвали Ревекку и сказали ей: пойдешь ли съ этимъ человѣкомъ? Она сказала: пойду. *И отпустили Ревекку, сестру свою, и кормилицу* [1]) *ея*, и раба Авраамова и людей его. *И благословили Ревекку* и сказали ей: *сестра наша!* да родятся отъ тебя тысячи тысячъ, и да владѣетъ потомство твое жилищами враговъ твоихъ! И встала Ревекка и служанки ея, и сѣли на верблюдовъ, и поѣхали за тѣмъ человѣкомъ. И рабъ взялъ [2]) Ревекку и пошелъ." (Библія въ рус. перев., изд. 3-е. С. П. Б. 1882, въ Синод. типогр.).

Въ этой идиллической картинѣ древне-еврейскаго сватанья сразу бросается въ глаза важное противорѣчіе между древне-

[1]) Въ малорус. переводѣ вм. кормилицу сказано: имущество (маётки).
[2]) По малорусски: высватавши.

еврейскимъ семейнымъ устройствомъ, съ одной стороны, и древне-еврейскими свадебными обрядами—съ другой. Древне-еврейская семья, какъ она обрисована въ книгѣ Бытія, была насквозь патріархальная. Ея устройство основывалось на власти отца отцовъ—патріарха. Патріархъ былъ господиномъ всѣхъ своихъ женъ, дѣтей, внуковъ и правнуковъ. Такимъ патріархомъ былъ Авраамъ, отецъ Исаака, такимъ патріархомъ былъ Нахоръ, братъ Авраама, дѣдъ Ревекки. Имущество принадлежало патріарху; онъ одинъ могъ распоряжаться имъ самовластно. Родословная велась по мужской линіи, наслѣдованіе шло тѣмъ-же порядкомъ. Отсюда совершенно естественно, что семейные обряды и обычаи древнихъ евреевъ должны были-бы вполнѣ соотвѣтствовать такому устройству семьи. И если-бы это ожиданіе наше исполнилось, то слуга Авраама долженъ былъ-бы сватать Ревекку у ея патріарха Нахора и у ея отца Ваѳуила. Имъ обоимъ должны бы достаться свадебные подарки отъ слуги-свата; они оба должны-бы благословить Ревекку въ путь къ мужу; патріархъ одинъ могъ-бы отпустить ее со слугою Авраама, т. е. выдать ее замужъ за Исаака; патріархъ одинъ могъ-бы надѣлить ее вѣномъ. Все это должно было-бы имѣть мѣсто, если-бы древне-еврейскіе свадебные обычаи и обряды соотвѣтствовали патріархальному устройству семьи и на немъ основывались. А между тѣмъ ничего подобнаго мы здѣсь не находимъ,—видимъ только нѣчто совершенно противное. Всѣ обычаи и обряды, которые мы находимъ въ описаніи сватанья Ревекки, сосредоточены около брата и матери, а не около патріарха и отца. Подарки, являющіеся символомъ купли-продажи невѣстъ, вручаются брату и матери Ревекки; между тѣмъ, согласно патріархальному строю, только патріархъ, или по крайней мѣрѣ отецъ, могъ бы продать Ревекку, такъ какъ патріархъ былъ господиномъ этой семьи, а отецъ—господиномъ дочери. Братья отпускаютъ Ревекку со слугою Авраама, т. е. отдаютъ ее замужъ, хотя при патріархальномъ строѣ они не должны бы имѣть права на это. Они даютъ за нею приданое, хотя сами не имѣютъ права распоряжаться имуществомъ семьи. Братья, но не отецъ и не патріархъ, благословляютъ ее на новую жизнь замужемъ. Патріарха Нахора при такомъ важномъ

семейномъ торжествѣ мы не видимъ ни разу. Ваѳуилъ, отецъ Ревекки, также не принимаетъ участія ни въ одномъ обрядѣ, и въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ онъ выступаетъ обокъ съ Лаваномъ, онъ стоитъ на второмъ планѣ.

Итакъ, свадебные обычаи и обряды древнихъ евреевъ стоятъ въ яркомъ противорѣчіи съ устройствомъ древне-еврейской семьи. Откуда же это противорѣчіе и какъ его объяснить? Рѣшеніе этого вопроса извѣстный американскій ученый Л. Морганъ, въ своей книгѣ: „Первобытное общество", находитъ въ исторіи развитія семьи. Свадебные обычаи древнихъ евреевъ, какъ мы видѣли, не могутъ никакъ основываться на патріархальномъ строѣ, а такъ какъ происхожденіе ихъ тѣмъ не менѣе должно лежать въ устройствѣ семьи, то мы должны допустить, что прежде, чѣмъ утвердился патріархатъ, у древнихъ евреевъ долженъ былъ существовать иной строй семьи, и именно такой, въ которомъ мать и братья играли такую важную роль, какую признаютъ за ними упомянутые обычаи и обряды, а отецъ и дѣдъ (патріархъ) не имѣли никакого значенія. Этотъ-то строй и создалъ подобные обычаи и обряды, которые удержались и тогда, когда этотъ первоначальный строй семьи смѣнился патріархальнымъ. Дѣйствительно, исторія развитія семьи доказываетъ намъ, что моногамія, власть мужа и отца, подчиненность жены и женщины вообще, счетъ родства по мужской линіи, наслѣдованіе дѣтей по отцу, словомъ, всѣ основы семьи и супружества въ историческія времена не представляютъ собою ничего первоначальнаго и вѣчнаго и, разумѣется, ничего единственно-натуральнаго. Всѣ эти учрежденія являются довольно позднимъ результатомъ многовѣкового развитія супружескихъ и семейныхъ отношеній между людьми. Моногамія, со всѣми ея основными признаками,—только временная форма семьи и брака; ей предшествовали, а равно могутъ и смѣнить ее другія формы. Первобытныя же формы семьи и брака, предшествовавшія моногаміи, какъ безпорядочное сожительство, кровосмѣсительство, пуналюанская („своиста") семья основывались на поліандріи (многомужествѣ) и полигаміи (многоженствѣ): цѣлой группѣ женщинъ соотвѣтствовала такая-же группа общихъ мужей. Очевидно, что при такомъ устройствѣ

отцовство (отцовская власть, paternitas) не могло имѣть никакого значенія; гдѣ не было постояннаго, всѣми признаннаго мужа, тамъ не могло быть опредѣленнаго, общепризнаннаго отца. Зато материнство имѣло большое значеніе: только тѣ считались кровными родственниками, у которыхъ была общая мать, бабушка по матери, прабабушка и т. д, Только дѣти отъ одной общей матери считались братьями и сестрами, дѣти же одного отца—чужими, и могли вступать въ бракъ между собою; словомъ, порядокъ родства шелъ по женской линіи. Согласно съ этимъ и система названій родства, родовое устройство, половая организація, запрещеніе брака, право наслѣдованія, — всѣ эти семейныя и общественныя начала основывались на родствѣ по женской линіи. Дѣти причислялись къ роду матери, но не отца; дѣти наслѣдовали по матери имя, семейныя божества и имущество, но не могли наслѣдовать по отцу. Такъ какъ отецъ и мужъ не могли имѣть тогда никакого значенія, то о власти мужа и отца, о подчиненности жены не могло быть и рѣчи. Взамѣнъ этого братъ и дядя были ближайшими родственниками каждой женщины: они замѣняли ей отца и мужа, заботились о ней, о ея дѣтяхъ, защищали ихъ. Мужчины составляли главную продуктивную силу, однако каждый изъ нихъ работалъ не на своихъ дѣтей, а на своихъ сестеръ и племянницъ; сестры и племянницы наслѣдовали послѣ нихъ. Женщины имѣли рѣшающій голосъ въ семейныхъ дѣлахъ; онѣ принимали также участіе въ общественныхъ собраніяхъ и вообще въ дѣлахъ общественныхъ.

Такое устройство въ соціологіи принято называть *матріархальнымъ*, въ противоположность позднѣйшему—патріархальному.

Развитіе семьи въ своихъ основныхъ чертахъ у всѣхъ народовъ шло болѣе или менѣе однимъ и тѣмъ-же путемъ. Матріархальное устройство пережили всѣ народы, которые дошли потомъ до устройства патріархальнаго. Это доказали своими изслѣдованіями знаменитые ученые: Бахофенъ, Морганъ, Макъ-Леннанъ, Жиро Телонъ (Giraud Teulon) Реклю, Даргунъ и мн. др. Болѣе или менѣе богатые остатки матріархата найдены у древнихъ этрусковъ, ликійцевъ, египтянъ, евреевъ, грековъ, германцевъ, кельтовъ, басковъ. При откры-

тіи Америки почти у всѣхъ краснокожихъ найденъ счетъ родства по женской линіи; у многихъ онъ удержался и до сего времени. Матріархальный строй, разумѣется въ самомъ широкомъ и основномъ значеніи слова, найденъ у многихъ негритянскихъ племенъ въ Африкѣ, между Нигеромъ и Конго и на р. Замбези, также у австралійскихъ камиларійцевъ и гаваитянъ.

Славяне также жили нѣкогда въ матріархальномъ быту; имъ, однако, суждено было послѣдними занять мѣсто въ изслѣдованіяхъ соціологовъ. Славянство и доселѣ еще почти совсѣмъ не привлечено къ изслѣдованію по исторіи семьи. А между тѣмъ, свадебные и родственные имъ обычаи, обряды и пѣсни представляютъ богатѣйшій, неоцѣненный кладъ для исторіи семьи,—неоцѣненный въ буквальномъ смыслѣ, потому что до сихъ поръ мало кто понялъ его значеніе и никто не поспѣшилъ примѣнить его къ дѣлу.

Принимаясь за работу въ этой области, я ограничусь малорусскими и бѣлорусскими обрядами и пѣснями и постараюсь извлечь изъ нихъ все, что будетъ возможно, для исторіи развитія семьи. Въ первой, настоящей, части своего труда я постараюсь сгруппировать и освѣтить тѣ обряды и пѣсни, въ которыхъ можно усматривать слѣды и остатки отъ временъ матріархата.

Если мы присмотримся къ малорусскимъ свадебнымъ обрядамъ и прислушаемся къ пѣснямъ, которыя при этомъ поются, то увидимъ то же самое, что и на древне-еврейскомъ сватаньи. Въ этихъ обрядахъ и пѣсняхъ мы замѣтимъ яркія, разительныя противорѣчія съ дѣйствительной жизнью. Намъ бросится въ глаза преимущество матери, брата и женщинъ вообще передъ отцомъ, отодвинутымъ на задній планъ. Мы услышимъ и увидимъ много такого, что противорѣчитъ современнымъ отношеніямъ семейнымъ и супружескимъ и не согласно съ нынѣшними взглядами на супружество. Уясняя себѣ эти противорѣчія, мы найдемъ въ малорусскихъ свадебныхъ обрядахъ отголоски матріархальнаго строя отъ давно забытыхъ временъ, и, наблюдая это, мы невольно удивимся, что у такихъ чуждыхъ другъ другу и дальнихъ народностей, какъ нынѣшніе молороссы и древніе евреи, брачные обряды и

обычаи такъ сходны; отсюда мы еще разъ выведемъ подтвержденіе того мнѣнія, что у разныхъ племенъ и въ различныхъ пунктахъ земного шара развитіе семейныхъ отношеній между людьми шло одними и тѣми-же путями.

---

1. Мать продаетъ дочь замужъ. Матери, а не отцу достаются подарки въ качествѣ платы за невѣсту.

Женихъ съ «боярами», «свахами» и музыкантами ѣдутъ къ невѣстѣ. Тамъ ихъ сразу не пускаютъ въ хату; свахи, стоя на дворѣ подъ хатою, просятъ, чтобы ихъ пустили:

Пусты, маты, въ хату! Насъ тутъ не багато:
Сваха и свитылка—вся наша родынка.

Между тѣмъ „дружки“ невѣсты поютъ въ хатѣ:

Що-жъ бо то за гостоньки! Сылою на двиръ лизуть,
Шаблямы огонь крешуть, калыною розкладають.

И далѣе: Ой темно, темно въ поли, темнише на двори:
Тамъ бояре вориточка обнялы.
Выйды, матинко, попытай;
Колы *торгують*, *то продай*,
Чорніи чобиточкы вымовляй!

Послѣ долгихъ просьбъ и уговариваній, мать невѣсты беретъ, наконецъ, вывороченную шубу и выходитъ въ сѣни. Отворяютъ дверь, входятъ свадебные гости, при пѣніи свахъ. Входитъ въ хату и женихъ. Невѣста обсыпаетъ его зернами ржи, накрывая свое лицо платкомъ и наклоняя голову къ столу. Женихъ перескакиваетъ черезъ столъ, срываетъ платокъ съ головы невѣсты, цѣлуетъ ее, хотя она и сопротивляется. Дружки въ это время поютъ. Зять, черезъ старшаго свата, даетъ матери невѣсты сапоги въ видѣ платы за дочь.

Между тѣмъ дружки поютъ обращаясь къ матери:

— Не беры, матинко, не беры,
Лучша тоби доненька, якъ дары!
— Якъ-же мыни дароньвивъ не браты,
Колы треба доненьку виддаты...

Сцену эту можно наблюдать на любой свадьбѣ въ с. Юрковщинѣ, Звягельскаго уѣзда, на Волыни [1]). Здѣсь можно наглядно убѣдиться въ томъ, что подарки на свадьбѣ обозначають куплю невѣсты. То обстоятельство, что женихъ покупаетъ невѣсту у одной матери, а не у отца, указываетъ на такой строй семьи, при которомъ дочь принадлежала матери, и только одной матери, а не отцу. Очевидно, что въ тѣ времена, когда устанавливался обычай купли невѣсты (жены), семейный союзъ основывался на матріархатѣ. Развитіе семьи пошло далѣе, матріархальный строй семьи палъ, но обычай или обрядъ до нынѣ сохранилъ на себѣ отпечатокъ тѣхъ временъ, когда былъ установленъ, и основныя черты тѣхъ отношеній, которыя его создали. И во многихъ мѣстахъ Малороссіи можно наблюдать то же, что и въ с. Юрковщинѣ: мать получаетъ свадебный подарокъ, какъ плату за дочь-невѣсту, а отецъ остается безъ подарка, какъ будто это и не его дочь и онъ не имѣетъ на нее никакихъ правъ. По описанію Галицко-русской свадьбы у Жеготы [2]), бояре приносятъ дары отъ жениха: повязку (рантухъ) для невѣсты, и двѣ пары сапогъ: одна для невѣсты, другая для ея матери. Въ Угорской Руси [3]) староста жениха платитъ деньги за „годувлю“ (воспитаніе) невѣсты ея матери, а не отцу, хотя, согласно существующимъ условіямъ и взглядамъ, платить „за годувлю“ нужно было-бы отцу, или по крайней мѣрѣ, отцу и матери вмѣстѣ. Въ Дыдёвѣ возлѣ Турки (въ Галиціи) и вездѣ по верхнему теченію Стрыя есть свадебный обычай, по которому мать жениха получаетъ отъ семейства невѣсты „балець“, т. е. повязку, именно за кормленіе сына, согласно пѣснѣ:

Маты сына годувала,
Бальцю ся сподивала (ожидала)...

Также и братья и сестры жениха (деверья и золовки) получаютъ въ даръ платки; только отецъ жениха не получаетъ

[1]) Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków. T. VII, стр. 158, 159.
[2]) Żegota Pauli, Pieśni ludu rusk. w Galic., T. I, стр. 63. Сравн. Головацкій. Пѣсни. T. II, стр. 108 (Коломыя).
[3]) Головацкій. Пѣсни. T. IV, стр. 406.

ничего [1]). Подобно многимъ свадебнымъ пѣснямъ и обрядамъ, и этотъ обрядъ и связанныя съ нимъ пѣсни относились первоначально къ невѣстѣ и ея родичамъ, и уже потомъ, когда стали непонятными, по аналогіи и подъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ и отношеній, они были перенесены и на жениха съ его родичами. Дары эти имѣли первоначально смыслъ купли невѣсты у ея матери, братьевъ и сестеръ. Но для насъ пока не важно, кому принадлежатъ эти подарки — матери невѣсты, или жениха; главное дѣло въ томъ, что именно *мать* получаетъ подарокъ за воспитаніе дочери или сына, что даже *братья* и *сестры* получаютъ подарки, и только отецъ совсѣмъ ничего не получаетъ, какъ будто не онъ выкормилъ сына или дочь, какъ будто братья и сестры больше участвовали въ воспитаніи жениха и имѣютъ на него больше правъ, чѣмъ отецъ. Обрядъ этотъ производитъ такое впечатлѣніе, будто-бы отца совсѣмъ не было, а между тѣмъ именно въ той мѣстности, около Дыдёвы, въ настоящее время, отецъ пользуется большимъ уваженіемъ и имѣетъ, пожалуй, большее значеніе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Упомянутый обрядъ нельзя оправдать такимъ строемъ семьи, какой существуетъ теперь, и вообще никакою формою семьи, въ которой отецъ имѣетъ преобладающее значеніе. Установленіе этого обряда должно относиться къ той эпохѣ, когда семья состояла только изъ матери и дѣтей, когда мать, при помощи своихъ старшихъ дѣтей, берегла и воспитывала младшихъ дѣтей; когда не имѣла никакого значенія связь между отцомъ и дѣтьми, и отецъ не имѣлъ по отношенію къ своимъ дѣтямъ никакихъ правъ и никакихъ обязанностей.

Образъ матери, самолично отдающей дочь замужъ, мы нерѣдко находимъ въ „гаивкахъ“ (весеннихъ дѣвичьихъ игровыхъ пѣсняхъ). Отца же въ этой роли мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Въ колядкахъ поется о молодцѣ, который ѣдетъ въ горы за дѣвушкой и напередъ посылаетъ пословъ къ ея матери (но не къ отцу), чтобы она приготовилась [2]). „Въ Перегинскѣ есть старинный обычай, называемый „контрактами“. Совершается онъ

1) „Зоря“. 1889 г., стр. 319. (Бойки).

2) Потебня. Обьясн. пѣсенъ. Т. II, гл. XXVI, стр. 387.

каждый годъ въ день Богоявленія на площади. Парубки („лединя“) и дѣвушки-невѣсты собираются въ этотъ день со всего села на площадь въ праздничныхъ нарядахъ. Съ одной стороны становятся *дѣвушки съ матерями*, а съ другой — парубки, обѣ стороны лицами одна къ другой. Парубки выбираютъ себѣ будущихъ женъ; каждый выбравшій себѣ дѣвушку бросаетъ въ нее снѣгомъ. Послѣ выборовъ, которые продолжаются часа два, всѣ идутъ вмѣстѣ въ церковь; въ начинающійся затѣмъ мясоѣдъ посылаютъ „сватовъ“ [1]). И этотъ старинный обычай носитъ на себѣ печать матріархальной поры: и здѣсь мы видимъ, что матери сами отдаютъ своихъ дочерей замужъ.

2. Мать получаетъ благодарность за выданную дочь.

Кромѣ подарковъ, мать получаетъ за дочь еще и благодарность: зять и его „бояре“ благодарятъ тещу передъ тѣмъ, какъ уѣхать и увезти съ собою невѣсту. Насколько мнѣ извѣстно, вездѣ зять благодаритъ за невѣсту и тестя и тещу; но пѣсня, которая при этомъ поется, въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ въ виду только тещу. Такъ, на свадьбѣ въ с. Лолинѣ (Долинск. уѣзда, въ Галиціи), когда зять благодаритъ тестя и тещу за невѣсту, свахи поютъ:

За поригъ, зятечку, за поригъ,
Подякуй *тещенци* за пыригъ!
Не за той пыригъ, що иззивъ,
А за той пыригъ, що повивъ.
Бо то пырижокъ маковый,
Для тебе, зятечку, лакомый [2]).

По большей части пѣсня лучше удерживаетъ свой первоначальный характеръ, нежели обрядъ. Далѣе намъ придется не разъ убѣждаться въ этомъ, и въ своемъ мѣстѣ мы постараемся объяснить себѣ это явленіе. Здѣсь мы встрѣчаемся съ такимъ явленіемъ: содержаніе пѣсни доказываетъ, что во время ея сложе-

[1]) Дѣло. 1890, № 11. „Про цикавый старо-давный звычай свательный.“

[2]) Olga Roszkiewicz i Iwan Franko „Obrzędy i pieśni we wsi Lolinie“. Kraków. 1886. № 121.

нія зять благодарилъ только тещу; впослѣдствіи этотъ яркій анахронизмъ въ обрядѣ былъ устраненъ, но пѣсня сохранилась въ первоначальномъ видѣ. На той-же Лолинской свадьбѣ часто упоминается въ пѣсняхъ, что мать „дае" (отдаетъ замужъ) дочь, объ отцѣ же въ этомъ смыслѣ ни разу не упоминается [1]). Нужно замѣтить, что въ связи съ этимъ поется матери: *твоя дочка* [2]), отцу же—ни разу.

Въ окрестности Перемышля, когда благодарятъ за невѣсту, поютъ слѣдующія пѣсни:

Повиджъ намъ, Гануненько, *котрый-то твій батенько*:
Най же мы будемъ знаты, кому маемъ дякуваты
За хлибъ, за горилойку, за красную дивойку.

Мы идемъ на дякованци—дякуваты пани-матци:
Дякуемъ ти, матинойку, *за твое выхованейко.*
Жесь годувала, годувала, за нашого королейка дала.

Стоить соснойка на тову,—
Бигъ заплать ти, *тещейко*, за доньку [3]).

Пѣсни эти очень интересны и важны. Бояре желаютъ поблагодарить отца за угощеніе и за невѣсту, но не знаютъ, который ея отецъ, и потому спрашиваютъ у невѣсты; но она какъ будто сама не знаетъ, и не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Бояре не благодарятъ тестя, а только обращаются къ тещѣ и цѣлыхъ три раза благодарятъ ее за то, что она „дочку годувала и за королейка дала". То обстоятельство, что бояре находятъ нужнымъ поблагодарить отца невѣсты „за хлибъ, за горилойку, за красную дивойку", вполнѣ отвѣчаетъ современнымъ взглядамъ и отношеніямъ, вліяніемъ которыхъ, вѣроятно, и объясняется. Но то, что бояре-гости не могутъ узнать отца невѣсты въ ея собственномъ домѣ послѣ того, какъ высватали у него дочь и ѣли его хлѣбъ-соль, — это уже нѣчто похожее на сказку и не согласующееся съ современной жизнью. Эта черта, мнѣ кажется, есть отзвукъ тѣхъ давно прошедшихъ

---

1) Roszk. i Franko. Ibid., пѣсни: 38, 110, 117 etc.

2) Ibid., пѣсни: 46, 49, 51, 110, 166, 178 etc. Пѣсня 18 относилась первоначально къ матери.

3) Żegota Pauli. Pieśni ludu Ruskiego w Galicyi. Lwów. 1839. T. I. стр. 86, 87.

временъ, когда цѣлой группѣ женщинъ соотвѣтствовала группа мужчинъ (срв. пуналюанскую семью). Тогда, дѣйствительно, трудно было выдѣлить истиннаго отца изъ цѣлой группы мужчинъ; но тогда не за что было и благодарить родного отца больше, чѣмъ не родного, потому что онъ заботился о своей дочери не больше, чѣмъ и остальные „отцы". А потому бояре, подъ вліяніемъ новѣйшихъ отношеній, хотя и желаютъ благодарить отца невѣсты, однако не благодарятъ его ни разу, а за то мать благодарятъ три раза.

На Лемковской свадьбѣ, подобно тому, какъ и на Лолинской, сваты благодарятъ за невѣсту въ *пѣсняхъ* только мать:

Дякуемо ти, мамонько,
За честь, за гостыну, и за любую дытыну,
Же есь намъ выховала, одъ огня варовала,
Одъ огня и одъ воды, и одъ всякои прыгоды [1]).

Мы выше только что привели пѣсню, которая напоминаетъ о былой общности мужей (поліандрія). Отголоскомъ этого звучитъ, кажется, и слѣдующая пѣсня, которую поютъ сиротѣ невѣстѣ въ разныхъ мѣстностяхъ Малороссіи:

Зеленая та дибривонько!
Чомъ у тебе пенькивъ много, зеленого ни одного?
Молодая та дивко Марушко!
Чомъ у тебе *батькивъ много*, ридненького ни одного?

Иногда къ этому еще прибавляется:

Тилько тіи, шо напыться, а никому зажурыться [2]).

Очень можетъ быть, что здѣсь „батьками" названы дяди по отцу и по матери и другіе родственники невѣсты; но характерно уже и то, что къ матери эти пѣсни не примѣняются, какъ это дѣлается въ другихъ случаяхъ (сиротѣ безъ матери не поютъ: „чомъ у тебе матинокъ много, ридненькои ни одной?"). Не могу также пройти молчаніемъ мелкихъ колыбельныхъ пѣсенокъ, вродѣ слѣдующей, записанной въ Юрковщинѣ, на Волыни:

---

1) Головацкій. IV. стр. 366.
2) Чубинскій. Труды. IV, № 145. Срв. Головацкій. Пѣсни IV, 360 (№ 54). Zbiór wiadomości do antropologii Krajowèj. 1882. Т. VI, стр. 38, № 29. (Винницк уѣз.).

Аа, аа, детя, спать!
Една маты, батькивъ пять [1]).

Пѣсенка эта не имѣетъ теперь никакого смысла; но тогда, когда она сложилась, она была выраженіемъ дѣйствительности [2]).

3. Старшинство матери при расчесываніи косы, наложеніи вѣнка и иныхъ родственныхъ обрядахъ.

Вѣрные признаки существованія матріархальнаго строя мы видѣли въ томъ, что въ с. Дыдёвѣ мать, братья и сестры жениха принимаютъ подарки за его воспитаніе. Такіе-же признаки мы находимъ въ нижеслѣдующей угорско-русской свадебной пѣснѣ, которую поютъ при расплетаніи косы и наложеніи вѣнка на голову невѣсты:

Мать (имѣетъ) Маричка братчика
Молодшого одъ себе
Клыче го передъ себе —
Мыленько послужиты,
Виночокъ положиты.

Эй Маричко, Маричко, камяного серця!
Якъ-же тоби не жаль зеленого винця?
— Ба, якъ-же ми не жаль, ажъ мя серце болыть,
Бо все то ся стало не по моій воли.
Не по моій воли, але по братовій,
По братовій, по сестрыній и по матерній [3]).

Пѣсня эта очень характеристична и важна для насъ. Невѣсту выдаютъ замужъ, противъ ея желанія, братъ, сестра, мать: не только, значитъ, мать, но и сестры и братья имѣютъ право распоряжаться ею, какъ вещью. Болѣе того: братъ и сестра упоминаются прежде матери (подобно тому, какъ при свата-

---

[1]) Zbiór wiadomości do antr. kraj. 1883. VII. Стр. 243, № 293. Упомяну также сказку про Тромсына=тремъ-сына.

[2]) Такимъ же „выраженіемъ дѣйствительности" эта пѣсня можетъ служить и вѣроятно служитъ и теперь — въ смыслѣ насмѣшки, относящейся къ незаконному ребенку или вообще къ матери непохвальнаго поведенія. Врядъ ли подобной пѣснѣ можно приписывать особенную древность склада *Ред.*

[3]) Головацкій. Пѣсни. IV. 425.

ніи Ревекки: „братья же и мать сказали...“). Значитъ, въ пѣснѣ признается бо́льшее право на невѣсту за братомъ и сестрою, чѣмъ за матерью. Объ одномъ только отцѣ ничего не говорится въ такомъ важномъ случаѣ. Но вѣдь пѣсня поется отцовской дочери, отецъ есть, и только въ пѣснѣ о немъ не упоминается. Это противорѣчіе между пѣснею и дѣйствительностью мы можемъ объяснить только тѣмъ, что пѣсня есть отголосокъ временъ матріархата.

Изъ этой пѣсни между прочимъ ясенъ смыслъ техническаго термина „положить на голову дѣвушки вѣнокъ“—выдать ее замужъ. То-же самое значитъ „*расплетать*, *расчесывать косу*“ невѣсты. (Вѣнокъ и коса—символы дѣвичества). Оба эти обряда тѣсно связаны между собою, и безъ нихъ не обходится ни одна свадьба на всемъ широкомъ пространствѣ Малой и Бѣлой Руси. Косу невѣсты обыкновенно расчесываетъ братъ (кое-гдѣ, напр. у Гуцуловъ—мать) [1]), вѣнокъ кладетъ обыкновенно мать. Отецъ нигдѣ не участвуетъ въ разчесываніи косы невѣсты, и только кое-гдѣ кладетъ вѣнокъ. Въ Долинѣ наряжаютъ подъ вѣнецъ невѣсту дружки (родн. сестры и родственницы), расплетаетъ же ей косу *братъ*, кладетъ ей вѣнецъ—*мать* [2]). Точно такъ-же выполняется этотъ обрядъ въ Кутузовѣ [3]). Пѣсни, которыя поются въ этомъ случаѣ, относятся только къ *брату* и *матери*. У Гуцуловъ (Яворовъ, Космачъ [4]) въ этомъ случаѣ поютъ:

Братъ сестру росплитае,
Заплиточкы пидъ стивъ метае,
Чоботомъ прытоптае.

Ой роговый гребиньчикъ, роговый,
Та озьмы го, *мамко*, въ ручку,
Ты *росчеши русу косу* пидъ виньчикъ.

Надъ Збручемъ [5]) обрядъ этотъ отличается тѣмъ, что вмѣстѣ съ братомъ расчесываютъ косу и другіе родственники по

---

1) Головацкій. Пѣсни. IV. 357.
2) Olga Roszkiewicz i I. Franko. Pieśni i obrz. wes., стр. 15, 16.
3) Навроцькій: Сочиненія. I. „Весилье въ К.“ Стр. 32, 33.
4) Головацкій. Пѣсни. IV, 346, № 16.
5) Головацкій. Пѣсни. II. Стр. 635.

старшинству; а когда мать кладетъ вѣнецъ на голову невѣсты, то староста благословляетъ ее. Если въ расплетаніи косы принимаютъ участіе всѣ родственники невѣсты, весь *родъ*, то, значитъ, весь родъ отдаетъ ее замужъ; и въ то время, какъ *братъ* (расчесывая первый и отрѣзывая косу), *мать* (вѣнчая голову невѣсты) и *староста* (благословляя невѣсту) выдѣляются изо всего рода, отецъ или совсѣмъ не выступаетъ въ этомъ обрядѣ, или выступаетъ на заднемъ планѣ, какъ будто онъ и не принадлежитъ къ роду, не имѣетъ въ немъ первенствующаго значенія. Факты эти опять рѣзко противорѣчатъ дѣйствительности, и въ то же время вполнѣ соотвѣтствуютъ матріархальному строю семьи, въ которомъ никакой отецъ не принадлежитъ къ семьѣ или роду своихъ дѣтей, потому что родъ размножается черезъ женщинъ, а женщины не имѣли connubium съ мужчинами своего рода.

Подобно этому ставитъ отца на задній планъ не одна пѣсня, не одинъ обрядъ. Въ Лолинѣ на свадьбѣ свахи, сдѣлавъ вѣнокъ, обращаются въ пѣснѣ къ *старостѣ* и къ *матери*, чтобы они „выкупылы виночокъ видъ молодыхъ жиночокъ“ [1]), а отца игнорируютъ и не обращаются къ нему съ подобною просьбою хотя это соотвѣтствовало-бы современнымъ отношеніямъ; вѣдь, деньги скорѣе могли-бы найтись у отца, чѣмъ у матери, а старостѣ, казалось-бы, какое до этого дѣло? Подобно этому и въ Украинѣ выкупаетъ „гильце“ у дѣвушекъ или староста, или мать, или сама невѣста, но не отецъ [2]). Старшинство матери передъ отцомъ видно также при „прощахъ“, одной изъ торжественнѣйшихъ минутъ въ малорусской свадьбѣ. Въ Лолинѣ этотъ обрядъ совершается такъ: свахи въ пѣснѣ обращаются къ матери и старостѣ:

У лаву, матенко, у лаву,
Та зробы донечци хоть славу;
А ты, старосто, походы,
Та свои прощи выпросы!

Затѣмъ, на просьбу старосты: „проше, роде блызькый, да-

---

1) O. Roszkiew. i I. Franko. Piésni.... w Lolinie, № 19.
2) Чубинскій: Труды, IV, passim.

левый, проше, препроше у лаву!"—весь родъ садится на скамьѣ, всѣ накрываютъ себѣ колѣни плахтами или чистымъ полотномъ и каждый изъ нихъ держитъ хлѣбъ на колѣнахъ. Тогда староста говоритъ такую рѣчь (т. н. „прощи") къ роду: „Якъ отыхъ двое дитей стало передъ свеи *матеры риднои*, передъ свого *тата ридного*, передъ своихъ вуйчикивъ (дядей), передъ своихънанашечкивъ (крестныхъ), може оно що кому дигнало, може оно кого не услухало,—прошу простыты и благословыты". На эти слова каждый изъ родичей отвѣчаетъ трижды: „Бигъ святый" (проститъ). Затѣмъ молодые кланяются своимъ родичамъ въ ноги, цѣлуютъ ихъ руки и ноги, потомъ лицо — трижды [1]). Во всемъ этомъ обрядѣ для нашей темы важны три момента: 1) свахи обращаются въ пѣснѣ только къ матери и старостѣ, минуя отца, какъ будто-бы безъ него могъ-бы обойтись весь обрядъ; 2) въ рѣчи своей староста обращается прежде къ матери, а затѣмъ къ отцу; 3) наконецъ, въ той же рѣчи онъ обращается къ „вуйчикамъ", т. е. къ братьямъ матери, игнорируя „стрыйчиковъ", т. е. братьевъ отца, и такимъ образомъ признаетъ первенство за родомъ матери передъ родомъ отца. Нельзя не замѣтить, что всѣ отмѣченные нами моменты находятся въ тѣсной связи между собою; связь эта предполагаетъ общую причину. Очевидно, причиной этой могъ быть только существовавшій когда-то матріархатъ. Повидимому, и это очень правдоподобно, первоначально въ „прощахъ" объ отцѣ совсѣмъ не упоминалось, и только впослѣдствіи сталъ упоминаться отецъ рядомъ съ матерью. Такое толкованіе находитъ многочисленныя аналогіи въ свадебныхъ пѣсняхъ и лучше всего выясняетъ нынѣшнюю форму «прощей».

4. *Мать воспитательница дочери. Мать одна, а не отецъ, защищаетъ дочь-невѣсту отъ наѣздниковъ бояръ; мать, а не отецъ, отправляется въ погоню за увезенной дочерью.*

Мы видѣли, что мать получаетъ подарки и благодарность за невѣсту и другія свадебныя почести за то, что она воспитала дочь; пѣсни и свадебные обряды достаточно о томъ свидѣтельствуютъ. Права соотвѣтствуютъ обязанностямъ. Сва-

[1]) O. Roszkiewicz i I. Franko, Pieśni wes. w Lolinie, стр 17.

дебная мать имѣетъ гораздо больше правъ, чѣмъ мать дѣйствительная, — она имѣетъ и гораздо большія обязанности. Дочь, по свадебнымъ пѣснямъ, ищетъ у матери такой защиты, какую могла-бы найти только у мужчины. Въ Кутузовѣ на свадьбѣ, когда бояре съ „дружбою" и женихомъ приближаются къ хатѣ невѣсты, «дружки» поютъ:

Прыпадь, прыпадь, Марысуню, до стола:
Обступыли боярчикы докола.
Киньмы граютъ, двиръ рубаютъ,
Шабелькамы вытынаютъ, Марысуни шукаютъ.

Гукнулы бояре на двори,—
— *Сховай мене, моя нене*, в комори!
— Не поможе, моя доню, комора
Обступылы баярчикы докола, [1]).

Такую же картину рисуетъ намъ и слѣдующая бѣлорусская пѣсня:

Якъ застучели куты колесы на двори,
Якъ заплакала млада Гапулька у комори:
— *Выйдзи, выйдзи, моя родная, откажи.*
— Якъ я маю, мое дзицяци, отказаци:
Наѣхали князи-бояры, кабъ ўзяци... [2]).

Невѣста ищетъ защиты отъ бояръ у матери, хотя мать сама безсильна, какъ женщина, и не въ состояніи защищать дочери отъ вооруженныхъ гостей. Слѣдовательно, отца нѣтъ; въ противномъ случаѣ дочь просила бы защиты у отца, а если-бы и не просила, то онъ и самъ не дозволилъ бы боярамъ увезти дочь, не позволилъ бы нарушить свои права отца и главы дома,—и мы встрѣтили бы въ пѣснѣ упоминаніе объ этомъ. Однако, такого упоминанія мы не находимъ, и какъ, съ одной стороны, отсутствіе отца въ пѣснѣ является теперь большимъ анахронизмомъ, такъ съ другой стороны, это соотвѣтствуетъ былой бытовой подкладкѣ пѣсни, которая наглядно изображаетъ умыканіе невѣсты,—обычай, ведущій

[1]) В. Навроцькій. Сочин. I, стр. 46.
[2]) Записки Императ. Русс. Геогр. Общества по этногр. V. стр. 610, № 557.

свое происхожденіе отъ временъ матріархальныхъ, какъ и обычай купли невѣстъ, возникшей изъ умыканія. Оба эти обычая были важнѣйшей причиною переворота, разрушившаго матріархальный строй и замѣнившаго его строемъ патріархальнымъ; оба обычая лежатъ въ основѣ малорусской свадьбы, и мы посвятимъ имъ отдѣльный экскурсъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (именно, западно-галицкихъ) свадебныя пѣсни рисуютъ нападеніе бояръ нѣсколько иначе. Когда бояре напали на дворъ, мать спала въ коморѣ (бояре обыкновенно нападаютъ ночью), и бояре увезли невѣсту. Мать, замѣтивши утромъ отсутствіе дочери, со всѣмъ родомъ отправляется въ погоню (погоня эта въ измѣненномъ видѣ теперь называется: „пропій", „прыдане", „перезва"). Къ этому именно моменту относятся слѣдующія пѣсни:

Заспала твоя мамка въ комори,
Тебе взялы, Оленко, на кони,
Теперъ йиде твоя мамка въ погони.
— Я ти дамъ, зятю, коня въ сидельци,
Лышъ ми верны донечку ще въ винци;
Я ти дамъ, зятю, коня въ злоти,
Лышъ ми верны донечку ще въ цноти [1]).

Безь (черезъ) лисы темненькіи,
Безъ рики велыкіи,
Слидомъ, слидомъ, матинойку,
Зи всёю родынойковъ
За своёвъ дитынойковъ.
Де мы іи выслидымо
Тамъ си посидемо [2]).

Слядомъ, мамычко, слядомъ,
За своимъ билымъ чадомъ [3]).

И въ этихъ пѣсняхъ объ отцѣ не упоминается. Если-бы у невѣсты былъ отецъ въ смыслѣ патріархальнаго времени, то, навѣрное, онъ, а не мать, поѣхалъ бы въ погоню, за до-

1) O. Roszkiewicz i I. Franko. Piesni.... w Lolinie. №№ 143, 127. Срав №№ 138, 126, 116

2) Żeg. Pauli. P. l. r. I, 71, № 10.

3) Головацкій. IV. 397 (Лемки).

черью. Вѣдь, это дѣло военное: нужно скакать на лошадяхъ „черезъ лисы темненькіи, черезъ рикы велыкіи“, и при томъ биться съ буйными боярами, которые „двиръ рубають, шабелькамы вытынають“. Отецъ, какой-бы онъ ни былъ, навѣрно не поручилъ бы такого дѣла матери. Не нужно еще забывать, что пѣсни эти поются отцовскимъ дочерямъ: дочь здѣсь не сирота, и мать не вдова. Опять мы видимъ противорѣчіе, опять имѣемъ указаніе на матріархатъ. Ни въ одной пѣснѣ образъ свадебной матери не противорѣчитъ такъ современной дѣятельности, какъ въ приведенныхъ пѣсняхъ: въ нихъ мать является какъ-бы величавой и рыцарственной амазонкой, идущей съ войскомъ въ походъ. Она-же выкупаетъ дочь у зятя или бояръ за коней въ золотой и серебряной сбруѣ; слѣдовательно, и военные кони принадлежатъ ей.

Мы здѣсь отмѣтили только такія черты, какія не относятся къ современной дѣйствительной матери. О тѣхъ же многочисленныхъ и прекрасныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ высказывается глубокая, искренняя любовь матери къ дочери и дочери къ матери, въ которыхъ изображены материнская забота, тоска и тревога объ отъѣзжающей дочери,—объ этихъ пѣсняхъ мы говорить не станемъ, такъ какъ онѣ столь-же примѣнимы къ матери временъ патріархальныхъ, какъ и къ современной. Но характерно то, что, напр., въ Лолинской свадьбѣ цѣлая масса пѣсенъ [1]) рисуетъ живыми и идеальными красками любовь матери и материнскія заботы, тогда какъ нѣтъ ни одной пѣсни, гдѣ бы говорилось то же объ отцѣ. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что дочь обнаруживаетъ въ пѣсняхъ больше признательности и любви къ матери, чѣмъ къ отцу. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пѣсни, которыя поются при выѣздѣ невѣсты изъ дома родителей, относятся исключительно къ матери, а въ другихъ — преимущественно. Въ Коломыйскомъ округѣ дочь, уѣзжая съ боярами, прощается *только съ матерью*, въ Лолинѣ—*прежде съ матерью*, потомъ съ отцомъ: разумѣется, говоримъ только о пѣсняхъ, потому

---

[1]) O. Roszkiewicz i I.Franko, Pieśni i obrzędy wes. w Lolinie: №№ 3, 14, 31, 38, 45, 46, 110, 112, 116, 123, 127, 143, 166, 177, 178, 179 и т д.

что на дѣлѣ дочь прощается и съ отцомъ и съ матерью, и можетъ быть, даже прежде съ отцомъ [1]). Въ Лолинѣ поютъ:

Добра-ничъ, моя *матинко*, вже-мъ вамъ ся видклоныла,
Въ коморочци на шуфлядочци ключикы зложила.
Будьте здорови, любый *таточку*, вже-мъ вамъ ся видклоныла,
Въ оборочци сыви волыкы—ще-мъ ныни напоила [2]).

Существуютъ даже пѣсни, въ которыхъ прямо высказывается взглядъ, что связь между дочерью и матерью тѣснѣе, крѣпче, чѣмъ связь между дочерью и отцомъ:

Кланяйся, Ганунe, батькови нызько,
Бо къ серденьку его ты блызько;
А матинци кланяйся ще нызше,
Бо къ серденьку еи ты ще блызше [3]).

5. Мать и сынъ.

Балець, матери, балець,
На симъ миръ, тай на палець.
Маты сына годувала.
Бальцю ся сподивала.... [4])

Гостинецъ („балець“) за воспитаніе сына достается только матери; слѣдовательно, мать сама, безъ помощи отца, воспитала сына. Точно также въ пѣснѣ „до видклону“ поется только о матери:

Маты сына годувала,
Видклону (поклона) ся сподивала.

Въ наше время отецъ также ожидаетъ поклона, и дѣйствительно, сынъ кланяется также отцу; но нѣкогда только мать ожидала поклона, потому что только она воспитывала сына, и тогда-то приведенная пѣсня отвѣчала дѣйствительности.

---

1) Головацкій. II, 112, № 40, 41. Срав. Записки Императ. Р. Геогр. Общ. по этнографіи. V. 169, № 45.

2) O. Roszkiewicz i Franko. № 119.

3) Żegota Pauli. Piesni. rusk I.

4) См. выше, стр. 52.

Въ одной пѣснѣ, правда, не свадебной, но родственной свадебнымъ, такъ изображается воспитаніе сына:

Маты сына дай народыла,
А народывши да израстыла,
А израстывши — на коня всадыла,
Дай выправляе, дай научае....

Все воспитаніе сына—въ рукахъ матери, отъ колыбели до сѣдла. При томъ мать здѣсь не названа вдовою, какъ то обыкновенно бываетъ въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ поется только о матери.

Мать, отправляющая сына на войну и научающая его, чтобы „напередъ війська не вырывався, а позадъ війська не зоставався,“—это одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ образовъ въ малорусскихъ колядкахъ. [1]) Наоборотъ, отецъ, научающій сына при отправленіи его на войну,—это образъ въ древнѣйшей малорусской поэзіи или совсѣмъ неизвѣстный и небывалый, или, во всякомъ случаѣ, исключительный. Это явленіе можно объяснить только тѣмъ, что „колядки“ и „щедривки“ ведутъ свое происхожденіе отъ болѣе отдаленныхъ временъ матріархальныхъ, когда отецъ совсѣмъ не интересовался сыномъ. Извѣстенъ колядкамъ и такой образъ: мать поучаетъ сына, когда онъ отправляется въ горы за дѣвушкой. [2]) Образъ этотъ составляетъ переходъ отъ колядокъ къ свадебнымъ пѣснямъ. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малой и Бѣлой Руси мы встрѣчаемъ обычай: когда женихъ съ боярами отправляется за невѣстой, *мать* въ вывороченной, шубѣ выходитъ на порогъ хаты и обсыпаетъ бояръ овсомъ, а одинъ изъ бояръ въ это время обводитъ коня вокругъ дѣжи (квашни). Кое-гдѣ, при такихъ-же обстоятельствахъ, мать кропитъ сына святою водою. [3]) И въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ такой обрядъ не сохранился, въ пѣсняхъ все-таки о немъ говорится. Въ Лолинѣ, напр.:

[1]) Потебня. Объясн. пѣс. II, гл. LXV, стр. 697.
[2]) Потебня. Ibid. II, гл. XXV, 385.
[3]) Чубинскій. Труды, IV, 567. (Борисполь). Записки И. Р. Г. Общ. по этногр. V, 143. (Бѣлор.). Купчанко, Буковин. пѣс., ст. 205. Головацкій, Пѣсни, IV, 374. (Лемки).

А матинка горивку носыла,
Та свого сыныка просыла:
— Йидь-же, сыночку мій, Васылечку,
По молоду невисточку;
Якъ она добра е, то еи прывезы,
А якъ она лыха-е, то тамой лыши. [1])

Въ Дыдёвѣ поется:

Ютко, матинко, ютко,
Выправляй же насъ хутко (скоро) [2]).

Сюда же относится слѣдующая довольно распространенная пѣсня:

Маты сына въ дорогу (по невѣсту) выправляла,
Маты сына хороше научала:
— Не пый, сыноньку, першои повноньки,
Бо перша повнонька—велыка здрадонька,
Вылляй, сыноньку, коневи на грывоньку [3]).

Предостереженіе матери относится къ слѣдующему обряду Когда женихъ придетъ съ боярами къ хатѣ будущей тещи, то теща выходитъ на встрѣчу и подноситъ ему рюмку водки; онъ, однако, не пьетъ первой рюмки, а выливаетъ ее черезъ себя, точно также вторую, и выпиваетъ только третью. Изъ этихъ пѣсенъ видимъ, что мать не только снаряжаетъ сына въ дорогу, но и напутствуетъ своими совѣтами. Сынъ совѣтуется также съ матерью, кого брать въ бояре [4]), а дочь спрашиваетъ ее, кого брать въ дружки. Вообще, нужно замѣтить, что между „ладканками“ (свад. пѣсн.), колядками и иными старинными пѣснями (именно, семейными балладами, размѣра 4+4). Есть очень много такихъ, въ которыхъ выступаетъ сынъ и мать, и очень мало такихъ, въ которыхъ выступаетъ отецъ и сынъ; да и эти немногія возникли изъ первыхъ: вмѣсто слова „мать,“ подставлено слово „отецъ,“ подъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ, содержаніе-же самыхъ пѣсенъ оста-

---

1) O. Roszkiewicz, Iw. Franko, Pieśni i obrz. wes. w Lolinie, № 70.

2) „Зоря“, 1889 г., стр. 285 № 26.

3) Навроцькій. Соч. I. Żeg. Pauli. P. l. r. I, стр. 127, № 7. „Зоря“, 1889 стр. 299, № 45.

4) Зоря. 1889, стр. 284, № 23.

лось то-же. Въ этихъ пѣсняхъ выступаетъ власть матери надъ сыномъ, подчиненіе сына матери. Особенно хорошо это видно въ пѣсняхъ о злой свекрови и о томъ, какъ мать прогоняетъ сына прочь, и онъ больше не возвращается домой [1]).

Очень важны для нашей темы многочисленныя и разнородныя сказки и пѣсни о кровосмѣшеніи.

Всѣ малорусскія и бѣлорусскія поэтическія и прозаическія простонародныя обработки этого мотива, несмотря на различіе въ подробностяхъ, имѣютъ двѣ общія основныя черты: 1) Во всѣхъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ сказкахъ и пѣсняхъ этой категоріи разсказывается или о кровосмѣшеніи между матерью и сыномъ, или между сестрою и братомъ, и никогда—между отцомъ и дочерью. Изъ этого мы заключаемъ, что въ тѣ времена, когда складывались эти пѣсни и сказки, только сожительство сына съ матерью и брата съ сестрою считалось кровосмѣшеніемъ, грѣхомъ; сожительство же отца съ дочерью таковымъ не считалось. Такой взглядъ могъ и долженъ былъ господствовать во времена матріархальнаго строя, когда степень родства опредѣлялась по женской линіи, когда мать и сынъ, сестра и братъ (отъ общей матери) считались ближайшими родственниками, а отецъ и дочь таковыми не считались; когда бракъ между матерью и сыномъ, братомъ и сестрою, и вообще между родственниками по женской линіи—возбранялся, тогда какъ бракъ между отцомъ и дочерью не могъ быть возбраняемъ, потому что отецъ не зналъ своихъ дѣтей, а дѣти не знали своего отца. 2) По основному своему смыслу, относящіяся сюда малорусскія и бѣлорусск. пѣсни распадаются на двѣ группы. Въ обѣихъ группахъ причиною кровосмѣшенія является ошибка (фатализмъ), а именно: братъ и сестра, мать и сынъ, послѣ долгой разлуки, не узнаютъ другъ друга и вступаютъ въ связь. Но въ одной изъ этихъ группъ пѣсенъ, сынъ или братъ являются разбойниками, по невѣдѣнію убивающими отца и вступающими въ связь съ матерью или сестрами. Въ другой группѣ —

---

[1]) Потебня, Объясн. пѣс. II, LXXIII, 722 Голов. II, 55, 585, 713 Чуб. V, 908, 890.

братъ покупаетъ себѣ дѣвушку у турка или серба, и, купивши ее, узнаетъ въ ней сестру и тѣмъ избавляетъ себя отъ грѣха.

Первая группа пѣсенъ (древнѣйшая по происхожденію) является отголоскомъ тѣхъ временъ, когда жены добывались путемъ насилія, умыканія; вторая является представительницею позднѣйшаго времени, когда жены покупались. Но оба явленія, умыканіе и потомъ купля невѣстъ, зародившись во времена матріархата, разрушили его и поставили на его мѣсто строй патріархальный. Пѣсни и сказки о кровосмѣшеніи относятся къ порѣ умыканія и купли невѣстъ, къ порѣ того великаго переворота, когда свобода жены и право матери должны были уступить власти мужа и отца, когда родственныя связи по женской линіи слабѣли, когда женщины, сторонницы падающаго строя, должны были спрашивать себя съ сердечной болью:

Якій теперъ сьвитъ наставъ,
Що братъ сестры не пизнавъ!
Яка теперъ годына,
Що йде маты за сына! [1])

Примѣчаніе I. Пѣсни первой группы, какъ мы сказали, являются отголоскомъ древнѣйшей поры—поры умыканія (Raubehe), пѣсни-же второй группы—поры купли (Kaufehe). Слѣдовательно, пѣсни первой группы должны считаться более древними по происхожденію, чѣмъ пѣсни второй группы. На это указываютъ еще и слѣд. обстоятельства: 1) Пѣсни первой группы относятся къ колядкамъ (размѣра 5 + 5), пѣсни второй группы — къ необрядовымъ пѣснямъ (разм. 4 + 4). 2) Въ пѣсняхъ 1 гр. кровосмѣшеніе является въ болѣе рѣзкой формѣ (мать и сынъ); въ пѣсняхъ 2 гр.—въ смягченной формѣ (братъ и сестра). 3) Въ пѣсняхъ 1 гр. мать и сынъ узнаютъ другъ друга по совершеніи грѣха кровосмѣшенія; въ пѣсняхъ 2 гр. братъ и сестра узнаютъ другъ друга раньше, и кровосмѣшеніе не наступаетъ. Такимъ образомъ наши заключенія находятъ соотвѣтствіе и въ подробностяхъ. Къ этому еще прибавимъ, что въ сказкахъ и пѣсняхъ первой группы или отецъ отдаетъ новорожденнаго сына кому-либо для умерщвленія, но сынъ спасается какимъ-либо чудомъ; или мать кладетъ дитя въ корзину и пускаетъ на воду, но оно не утопаетъ. Сказки этой группы, по своему происхожденію и содержанію, сходны со сказаніями о дѣтствѣ Эдипа, Париса, Кира, Ромула, Моисея.

Примѣчаніе II. Пѣсни и сказки о кровосмѣшеніи мы находимъ у многихъ народовъ различнаго происхожденія. Я ставлю эти пѣсни и сказки въ связь

[1]) Чуб. V, 918.

съ эволюціею семьи, а распространенность ихъ объясняю себѣ тѣмъ, что всѣ народы шли одной и той-же дорогой въ исторіи развитія семьи, при чемъ заимствованія пѣсенъ и легендъ однимъ народомъ у другого могло и не быть. Этимъ-же я объясняю и сходство свадебныхъ обрядовъ у различныхъ племенъ. Вообще я скорѣе склоненъ примкнуть въ своихъ выводахъ ко взглядамъ школы антропологической, чѣмъ школы миграціонной (Андрю Лангъ, Теодоръ Бенфей).

6. *Мать — самостоятельная хозяйка дома (господыня). Мать — старшая жрица. Мать — самостоятельная собственница имущества.*

Почти вездѣ въ Малой и Бѣлой Руси есть свадебный обычай, по которому на встрѣчу боярамъ, новобрачнымъ, дружкамъ и вообще всѣмъ гостямъ выходитъ изъ хаты не отецъ и не мать съ отцомъ, а одна мать. Въ Лугинахъ, Овручскаго у. (Волынь), когда женихъ съ боярами приходитъ къ хатѣ невѣсты, навстрѣчу имъ выходитъ мать въ вывороченной шубѣ, набираетъ въ рюмку воды изъ ведра и потчуетъ зятя; зять беретъ рюмку и бросаетъ ее назадъ черезъ голову, а его дядя хватаетъ рюмку и возвращаетъ тещѣ; второй разъ повторяется то же самое, и только въ третій разъ теща наливаетъ водки, и зять пьетъ ее [1]). Подобно этому въ с. Полонномъ, Новоградволынскаго у. [2]), въ селахъ Харьковской губ. [3]), въ Галиціи надъ Збручемъ [4]) и проч., — встрѣчаетъ бояръ и угощаетъ зятя теща. И въ Бѣлоруссіи тоже встрѣчаетъ бояръ и жениха мать невѣсты въ вывороченной шубѣ, съ хлѣбомъ, солью, медомъ, и угощаетъ зятя водкой [5]).

Во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ Галиціи, мать невѣсты встрѣчаетъ такимъ же образомъ молодую чету отъ вѣнца. Въ Лолинѣ навстрѣчу жениху съ невѣстой и всѣмъ свадебнымъ гостямъ, возвращающимся послѣ вѣнчанія, выходитъ мать невѣсты въ вывороченной шубѣ и съ „запас-

[1]) Чубинскій. Труды. IV. 601.
[2]) Чубинскій. Труды. IV. 575.
[3]) Ibid. IV. 689.
[4]) Головацкій. Пѣсни. II. 662 etc.
[5]) Записки Импер. Рус. Геогр. Общ. по этнографіи. V, 572, 144,

кой" на головѣ (вмѣсто платка) и подноситъ новобрачнымъ къ устамъ медъ на лезвіи ножа, при чемъ мажетъ тѣмъ самымъ медомъ лобъ, подбородокъ и щеки жениху и невѣстѣ. Послѣ, уже въ хатѣ, мать угощаетъ ихъ молочною кашею, которую она непремѣнно сама варитъ, и которую женихъ и невѣста должны ѣсть одною ложкою изъ одной миски [1]). Также и въ с. Дыдёвѣ мать невѣсты выходитъ съ медомъ, ломтями хлѣба и бутылкою водки (все на деревянной тарелкѣ) и угощаетъ зятя [2]). Въ Кутузовѣ навстрѣчу новобрачнымъ выходитъ мать въ вывороченной шубѣ, угощаетъ зятя водкой до третьяго раза, когда онъ, наконецъ, выпиваетъ; затѣмъ также точно угощаетъ дочь-невѣсту. Въ хатѣ женихъ и невѣста должны перелѣзть черезъ столъ, сѣсть рядомъ и ѣсть одною ложкою „печинку" [3]). Такъ-же описанъ этотъ обрядъ и у Жеготы Паули: мать въ вывороченной шубѣ обсыпаетъ молодыхъ овсомъ, пьетъ за здоровье дочери, а потомъ зятя [4]). Въ Буковинѣ [5]), въ Гуцульщинѣ [6]), въ Бѣлоруссіи [7]) — мать встрѣчаетъ отъ вѣнца невѣсту съ хлѣбомъ-солью въ рукахъ, а кое-гдѣ и со свѣчкой. Бояръ и сына, возвращающихся съ невѣстою, привѣттвуетъ опять-таки не отецъ жениха, а мать—въ Лолинѣ [8]), Бориснолѣ Переяславск. у. [9]), надъ Збручемъ [10]), въ Бѣлоруссіи [11]). Кое-гдѣ, какъ въ Бориснолѣ Кутузовѣ мать привѣтствуетъ невѣсту и ея „дружекъ", когда онѣ возвращаются съ села, куда онѣ ходили приглашать гостей. Мать, а не отецъ снаряжаетъ въ дорогу свадебный поѣздъ. Мать жениха отправляетъ сына съ боярами и свахами за невѣ-

---

1) O. Roszkiewicz, Iw. Franko. Pieśni i obrz. wes. w Lolinie, стр. 21.
2) „Зоря", 1889 г. стр. 299.
3) В. Навроцькій. Соч. I. 40, 41.
4) Żeg. Pauli. Pieśni ludu rusk. w Galic. I. 65.
5) Купчанко, Буковинскія пѣсни. (Записки Ю.-З. Отд. Геогр. Общ. II. 201
6) Головацкій, Пѣсни. IV. 356.
7) Записки И. Р. Геогр. Общ. по этногр. V, стр. 575, 642.
8) O. Roszkiewicz i I. Franko. Pieśni i obrz. wes. w Lolinie. Стр. 40.
9) Чубинскій. Труды. IV 562.
10) Головацкій, Пѣсни. II, 672.
11) Зап. Имп. Р. Г. Общ. по этногр. V. 572, 593. 154.

стой,—но объ этомъ уже была рѣчь. Мать невѣсты, стоя на порогѣ, окропляетъ святою водою и благословляетъ хлѣбомъ и солью молодыхъ и ихъ свиту — къ вѣнцу [1]). Всѣ описанные обряды имѣютъ то общее, что совершаетъ ихъ не отецъ, даже не отецъ съ матерью, а одна мать. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, рядомъ съ матерью, выступаетъ отецъ. Напримѣръ, въ Кобринскомъ уѣздѣ Гродн. губ. [2]), мѣстами въ Харьк. и Кіевск. губ., также въ Коломыйскомъ округѣ [3]). Но и тамъ, гдѣ рядомъ съ матерью выступаетъ отецъ, видно преимущество матери, — видно, что первоначально и здѣсь выступала одна мать. Такъ, въ Бориспол̂ѣ [4]) встрѣчаетъ молодыхъ отъ вѣнца отецъ съ матерью, а уже бояръ и дружекъ — одна мать. Появленіе отца при встрѣчѣ молодыхъ отъ вѣнца и отсутствіе его при встрѣчѣ бояръ и дружекъ, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что первый обрядъ— христіанскій, новый, второй-же сохранился отъ древнѣйшихъ временъ.

Не смотря на присутствіе отца при встрѣчѣ молодыхъ, пѣсня, поющаяся при этомъ, относится только къ матери. Можно думать, что первоначально и здѣсь выступала одна мать. По описанію Жеготы передъ выѣздомъ подъ вѣнецъ мать благословляетъ молодыхъ хлѣбомъ и солью, а отецъ — иконой: и здѣсь видимъ, что отецъ совершаетъ сравнительно новую часть обряда, мать-же — древнѣйшую [5]). Очень характерно, что даже тамъ, гдѣ отецъ выступаетъ рядомъ съ матерью или даже вмѣсто нея, онъ никогда не совершаетъ тѣхъ обрядовъ, которые совершаетъ мать при встрѣчѣ дружекъ, молодыхъ; напр., насколько я знаю, отецъ нигдѣ не выходитъ въ вывороченной шубѣ. Причина этого ясна. Гдѣ новыя вліянія были такъ сильны, что выдвинули отца рядомъ съ матерью, тамъ тѣ-же вліянія повлекли за собою искоре-

1) Żegota Pauli. Pieśni ludu rusk. w Gal. I, 65.
2) Чубинскій, Труды. IV. 664.
3) Головацкій. Пѣсни. II. 99.
4) Чубинскій. Труды, прибавленіе къ IV т. №№ 40, 41.
5) Żeg. Pauli, Pieśni l. rusk. w Gal.,стр. 64. Срав.: Zbiór wiadomości do antropologii kraj. VII, 164, 176.

неніе или измѣненіе языческихъ обрядовъ. Въ горахъ, гдѣ древніе свадебные обряды наилучше сохранились, напр. въ Тухольщинѣ, отецъ никогда не встрѣчаетъ и не обсыпаетъ зерномъ бояръ и прочихъ свадебныхъ гостей. Если же невѣста или женихъ—сирота, т. е. не имѣетъ матери, то въ обрядахъ замѣняетъ мать не отецъ, а какая-либо пожилая женщина.

Въ приведенныхъ обрядахъ нужно отмѣтить два момента: прежде всего важенъ уже самый фактъ, что мать одна встрѣчаетъ большія толпы свадебныхъ гостей (бояръ, дружекъ и т. д.) *на порогѣ хаты*. Чтобы понять этотъ моментъ, нужно обратить вниманіе на пѣсни, съ которыми обращаются къ матери свадебные гости, стоя предъ ея хатой. Пѣсни эти начинаются такъ: „отворы, маты, лиску“, „отворы, маты, новый двиръ“, „отворы, маты, викônце“, „отворы, маты, ворота“, „выйды, маты, зъ хаты“, „выйды, маты, погляды“, „пусты насъ, свахо (маты), въ хату!“ и т. д. [1]) Только на это приглашеніе мать выходитъ на порогъ и совершаетъ вышеописанные обряды, а затѣмъ впускаетъ бояръ или дружекъ въ хату. Теперь значеніе этого момента становится совершенно яснымъ. Свадебные гости просятъ только мать, а не отца впустить ихъ въ хату. Слѣдовательно, они признаютъ право впустить въ хату только за матерью, и ее только считаютъ единственною и самостоятельною хозяйкою дома. Стало быть, мать выступаетъ здѣсь, какъ настоящая госпожа дома временъ патріархальныхъ. По новымъ взглядамъ, главою дома и семьи является отецъ, и онъ долженъ былъ бы выходить навстрѣчу гостямъ, если не самъ, то хоть съ матерью, особенно навстрѣчу такимъ гостямъ, какъ бояре, которые „двиръ рубаютъ, шабельками вытынаютъ“, — но и ихъ встрѣчаетъ мать.

Въ связи со взглядомъ на мать, какъ на главу дома, стоитъ и названіе двора въ свадебныхъ пѣсняхъ „мамчинымъ“. Такъ,

---

[1]) Чубинскій, Труды IV. 428—433, №№ 1238—1258. Головацкій, Пѣсни. II. 113. (№ 43) 672 (№ 130) и т. д. IV. 364 (65) 390 и пр. Записки Имп. Р. Г. Общ. по этн. 222, 632, 653, 595, 764. Купчанко, Буков. пѣсни. (Записки Ю.-З. отд. Геогр. Общ., II, 252). O. Roszkiewicz, I. Franko, Pieśni i obrz. w Lolinie, № 131, и проч.

въ Лолинскихъ пѣсняхъ [1]) дворъ четыре раза зовется „мамчинымъ“, отцовскимъ же—ни разу. Этимъ-же взглядомъ объясняются встрѣчающіяся въ пѣсняхъ метонимiи: „свекрыця пры дорози“, „тещейка пры дорози“ (вмѣсто: хата свекра, тещи) и т. д.[2]).

По свадебнымъ пѣснямъ все хозяйство принадлежитъ матери: она распоряжается имъ вполнѣ самостоятельно. Между свад. пѣснями (записанными въ Лолинѣ) есть и такія, по которымъ матери принадлежатъ: „комора“, „ключи“, „пысана скрыня въ комори“, „сыва корова“, горохъ, макъ (т. е. домашнее хозяйство); отцу-же принадлежатъ: „волы на обори“ (т. е. полевое хозяйство). Но есть и такія пѣсни, по которымъ и волы, и лошади въ сѣдлахъ, и деньги, и все, что въ домѣ, принадлежитъ матери [3]). Тамъ-же, въ Лолинѣ, о матери поется въ четырехъ пѣсняхъ, что она что нибудь даетъ [4]) зятю или дочери; объ отцѣ съ матерью поется то-же самое—въ трехъ пѣсняхъ [5]), объ одномъ же отцѣ — ни въ одной. Мать даетъ вѣно зятю: „журылася маты, чимъ зятя винуваты“. Въ Лолинской пѣснѣ дочь требуетъ вѣна прежде у матери, а потомъ у отца. Бѣлоруссы поютъ:

Табѣ, мамка, хатка, каморка,
А мнѣ, маладзенькой, кубылъ, кароука.

Сюда же относится слѣд. интересная пѣсня:

1. Теща зятенька витае,
2. А зять тещеньку пытае:
3.—Эй, тещенько, моя матинко!
4. Съ чимъ ты мене витаешъ?
5.—Витаю тебе, сыну, витаю,
6. Вороного коня дарую,
7.—Эй, тещенько, моя матинко!
8. Тымъ мене не вдаруешъ.
9—13=1—5.

---

[1]) O. Roszk. i Iw. Franko, Pies. i obrz. wes. w Lolin. № 31, 40. Стр. 177, 178

[2]) „Зоря“ 1889 г., стр. 302. № 75. Żeg. Pauli. I, 71. № 11.

[3]) O. Roszkiewicz, Iw. Franko. № 38, 110, 119, 120, 123, 172, 173, 127, 143, 179.

[4]) Ibid. 123, 127, 143, 179.

[5]) Ibid. 119, 172, 173.

14. Пару воливъ дарую.
15—16=7—8; 17—21=1—5.
22. Молоду Маланю дарую.
23.—Тещенько, моя матинко,
24. Цимъ мене то вдаруешъ! [1])

Мать не удовлетворяетъ зятя ни конемъ, ни волами, а только дочерью, также какъ въ колядкахъ „красное паня", добывая съ войскомъ городъ, не благодаритъ за миску денегъ, за коня съ золотымъ сѣдломъ, а благодаритъ только за красную панну, которую ему горожане даютъ, какъ выкупъ. Такимъ образомъ „ладканки" и колядки этого мотива стоятъ въ связи съ похищеніемъ дѣвицъ. Но подробнѣе объ этомъ послѣ.

Интересенъ далѣе, моментъ, когда мать встрѣчаетъ свадебныхъ гостей и исполняетъ различные обряды, значеніе которыхъ, къ сожалѣнію, не объяснено до сихъ поръ, но которые, безъ сомнѣнія, ведутъ свое начало отъ временъ языческаго міросозерцанія. Не безъ основаній можно предполагать, что выворoченная шерстью вверхъ шуба замѣняетъ барана или овцу, приносившихся въ жертву богамъ; также посыпаніе овсомъ, окропленіе водою, хлѣбъ, соль, медъ, свѣча, молочная каша, печенка и проч.,—все это остатки совершавшагося когда-то жертвоприношенія, въ чемъ легко можно убѣдиться, сравнивъ эти обряды съ обрядами древнихъ грековъ и римлянъ. Но подробное изслѣдованіе этого вопроса отвлекло-бы насъ отъ нашей главной задачи.

Для насъ важно то, что совершаетъ эти обряды не отецъ, а мать. Мать выступаетъ здѣсь какъ жрица, совершающая жертвоприношеніе, благословляющая и исполняющая всякіе символическіе религіозные обряды; эта роль принадлежитъ ей потому, что она—глава семьи и госпожа дома. У древнихъ народовъ, имѣвшихъ патріархальное устройство семьи, какъ у евреевъ, грековъ и римлянъ, жертвоприношеніе и религіозные обряды совершалъ отецъ, какъ глава семьи.

---

[1]) Zbiór wiad. do antropol, kraj. VI, стр. 52, № 96. Срав. „Зоря" 1889. Потебня, Объясн. п. II. LV.

7. *Свекровь и невѣстка.*

Отворы, матинко, лиску,
Ведемо *ти* невистку [1]).
Та отворы, мамо, виконце,
Веземо *ти* невисточку, якъ сонце [2]).
Отворы, ненько, ворота,
Веземо *ти* невисточку безъ рота [3])
А выйды, маты, погляды,
Що-жъ *тоби* бояре прывезлы [4]).

Такими и подобными словами начинается пѣсня, которую поютъ по всей Малой и Бѣлой Руси, когда бояре съ женихомъ во главѣ приведутъ къ дому свекрови невѣстку. И хотя начало этой пѣсни варіируется различно, но во второй ея строкѣ всегда имѣется словцо „*ти*“, „*тоби*“, и это словцо имѣетъ большое значеніе. Бояре приводятъ невѣсту не жениху, не его отцу, а его матери. Почему? Потому, что мать есть глава дома, и невѣстка должна подчиниться ей уже по одному тому, что поселяется у нея въ домѣ. Потому-же женихъ, приведши невѣстку къ хатѣ своей матери, останавливается у воротъ и несмѣло спрашиваетъ:

—Цы рада-сь, мамко моя,
Що насъ надійшло двое
На подвирьячко твое? (Лолинъ).

Для жениха невѣста является женою, для свекра—невѣсткою, а для свекрови—слугою, невольницею. Это выразительно замѣчается въ пѣсняхъ:

а) Ходы, ходы, Марысуню, зо мною,
Будешъ моїй матинци слугою,
А для мене—вирною другою [5])

б) Пидеме за горойку
Молодому по жинойку,
Мамойци по служечку,
Кожному сватови—по конычейку... [6])

---

[1]) Головацкій, II. 113. № 43. Чубинск. IV. № 1238, стр. 428.—[2]) Купч. 252.
[3]) Альман. жиноч. 158.—[4]) Чуб. IV. стр. 553. № 96; стр. 695, № 1241.
[5]) Чубинскій. Труды. IV, 86, № 68.—[6]) Головацкій. Пѣсни. II. 117, № 71.

О свекрѣ (отцѣ жениха) въ свадебныхъ пѣсняхъ по большей части не упоминается. Зато въ другихъ, новѣйшихъ пѣсняхъ, родственныхъ свадебнымъ, гдѣ рядомъ со свекровью является свекоръ, между свекровью и свекромъ отмѣчается различіе въ отношеніяхъ къ невѣстѣ:

Свекорко каже: невистко моя!
Свекруха каже: послужко моя! [1])

Характеристична также слѣдующая свадебная пѣсня:

Ходыла Оленочка въ горы по ягоды,
Въ долыны—по малыны.
— Буду-жъ я знаты, якъ ягидочкы браты:
Дзелени—въ коновочку, а прыстыгли—въ коробочку;
Прыстыгли—свекрыци, а зелени—свéкровы [2]).

Невѣстка хочетъ заранѣе задобрить свекровь зрѣлыми ягодами, а свекру—пусть достаются зеленыя!

Подчиненность невѣстки свекрови выступаетъ также ярко въ свадебныхъ пѣсняхъ. При самомъ вступленіи невѣстки въ хату свекрови, послѣдняя даетъ ей почувствовать, что она—слуга свекрови, невольница ея. Въ Бѣлоруссіи мы находимъ такой обрядъ: навстрѣчу жениху съ боярами выходитъ изъ хаты мать въ вывороченной шубѣ, со свѣчею и крышкою отъ квашни. Невѣстка становится передъ нею и склоняетъ голову, а мать прикасается крышкою къ ея головѣ и поучаетъ ее, чтобы она была послушной и т. д. [3]). Этотъ обрядъ обозначаетъ, вѣроятно, не что иное, какъ переходъ невѣстки подъ власть свекрови. Невѣстка наклоненіемъ головы признаетъ свекровь своею госпожею; свекровь, касаясь головы невѣстки крышкою и поучая ее, признаетъ ее своею слугой. Въ Галиціи этотъ символическій обрядъ еще унизительнѣе: свекровь угощаетъ невѣстку, при самомъ вступленіи въ домъ, кускомъ глины отъ печки, сырою свек-

[1]) Чуб., Труды. III. 281.

[2]) Piésni i obrz. ludu rus. we wsi Lolinie. O. Roszkiew., Franko. № 169.

[3]) Записки Имп. Р. Г. Общ. по этнографіи, V, стр. 154. Не могу не сравнить этого обряда съ обычаемъ Бойковъ, которые кладутъ новорожденное дитя на порогѣ хаты и слегка наступаютъ ногою — для того, чтобы оно было послушнымъ, „чтобы слушало, а не говорило“. (Невѣстка иногда называется „безъ рота“).

лой, или подаетъ ей мышь или жабу, запеченную въ хлѣбѣ, и т. п. [1]). И въ свадебномъ репертуарѣ, и вообще въ народной малорусской поэзіи много пѣсенъ, изображающихъ тяжелое положеніе невѣстки въ домѣ свекрови. Лихая свекровь—это одинъ изъ типичныхъ образовъ малорусской поэзіи. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣляются баллады о томъ, какъ свекровь относится къ смерти невѣстки. Много самостоятельныхъ и разнородныхъ обработокъ этого сюжета (злая свекровь—виновница смерти невѣстки) мы находимъ въ сборникахъ Головацкаго и Чубинскаго. Мнѣ самому случилось въ Сеневовѣ записать 6 самостоятельныхъ обработокъ (не простыхъ варіантовъ) этого мотива. Всѣ эти обработки, не смотря на разнообразіе ихъ, сходятся въ трехъ пунктахъ: 1) сынъ любитъ жену, и жена любитъ его; причиною же смерти невѣстки является только свекровь. 2) Мать всегда беретъ перевѣсъ надъ сыномъ: сынъ не въ силахъ устоять противъ наговоровъ матери, не въ силахъ улучшить положеніе своей жены. 3) О свекрѣ въ большинствѣ пѣсенъ вовсе не упоминается; только въ нѣкоторыхъ изъ новыхъ обработокъ онъ упоминается мимоходомъ, но и въ этихъ случаяхъ онъ не выступаетъ какъ дѣйствующее лицо. Вообще нужно замѣтить, что злая мачеха и злая свекровь—обыкновенные типы малорусской народной поэзіи, тогда какъ злой свекоръ или отчимъ встрѣчаются въ ней очень рѣдко. Авторъ статьи: „Родынна неволя жинокъ въ писняхъ весильныхъ“ (въ галицкомъ сборникѣ „*Винокъ*, Альманахъ жиночій“), *Ерына* ***, также отмѣтила это явленіе, причемъ объясняетъ его такъ: „Невѣстка чаще приходитъ со свекровью въ столкновенія, нежели со свекромъ. Онѣ обѣ раздражаются своимъ положеніемъ: вмѣстѣ занимаясь трудною и безконечною женскою работою, онѣ совершенно естественно часто ссорятся между собою“ (стр. 156). Объясненіе это, по моему, неудовлетворительно: оно добыто не изъ содержанія самихъ пѣсенъ, а изъ фактовъ нынѣшнихъ отношеній. Изъ свадебныхъ пѣсенъ не видно, чтобы свекровь и невѣстка ссорились, какъ двѣ невольницы, изъ которыхъ каждая готова свою тяжесть взвалить на плечи другой. Въ этихъ пѣсняхъ не видно, чтобы положеніе

[1]) Żegota Pauli, Pieśni ludu rusk. I, 65.

свекрови было тяжелымъ; однако и положеніе невѣстки тяжело не столько потому, что она—жена и женщина, сколько потому, что она—„чужа-чужина" всему тому семейству, въ которое входитъ. Самое слово „невѣстка", какъ и „невѣста", объясняютъ отъ корня „*вѣд*", въ значеніи: невѣдомая, незнакомая, чужая. Въ Карпатскихъ горахъ не только отецъ и мать называютъ жену своего сына невѣсткою, но и братья его и сестры. Невѣстка является таковою не только для свекра и свекрови, но также для деверя, золовки и даже для жены деверя и для мужа золовки. „Мы соби невистки" — значитъ: мы жены двухъ родныхъ братьевъ. Въ этомъ названіи—„невѣстка" — жена противопоставляется не тому или другому родственнику, а всему роду мужа, и очевидно потому, что она чужая тому роду, къ которому пришла.

8. *Отецъ и мать. Преимущество матери по числу пѣсенъ.*

Преимущество матери передъ отцомъ видно не только изъ содержанія свадебныхъ пѣсенъ; оно явствуетъ уже изъ самого *числа* пѣсенъ. Число пѣсенъ, относящихся къ матери, во многихъ мѣстностяхъ Малой и Бѣлой Руси несравненно больше, чѣмъ число пѣсенъ, относящихся къ отцу. Это наглядно показываетъ нижеслѣдующая числовая табличка, составленная на основаніи сравненія свадебныхъ пѣсенъ, приведенныхъ въ различныхъ этнографическихъ сборникахъ. Въ ней рядомъ съ названіемъ мѣстности представлены числа пѣсенъ: въ I столбцѣ—пѣсни, относящіяся къ одной матери, въ III—къ одному отцу, а въ II—къ отцу и матери одновременно. (Подъ матерью и отцомъ подразумѣваются безразлично родители жениха и невѣсты). IV столбецъ показываетъ въ сотыхъ доляхъ отношеніе чиселъ столбца I-го къ числамъ III-го. V столбецъ показываетъ такое-же отношеніе чиселъ I-го плюсъ половина чиселъ II-го къ числамъ III-го плюсъ половина чиселъ II-го. Оба послѣдніе столбца показываютъ въ процентахъ, насколько пѣсни, относящіяся къ матери, преобладаютъ надъ пѣснями, относящимися къ отцу *).

*) Помѣщая эту таблицу, какъ она приведена въ подлинникѣ, мы сомнѣваемся въ точности вычисленій (см. в. 7), не говоря о самомъ пріемѣ.
Ред.

	I	II	III	IV	V
Дубровка, Лепельск. уѣзд. [1]	12	0	0	0	0
Борисовск. уѣзд. [2]	10	2	1	9	14
Лолинъ, Долинск. уѣзд. [3]	36	19	1	3	18
Чашники, Лепел, уѣзд. [4]	13	0	4	24	24
Борисполь, Переясл. уѣзд. [5]	24	1	9	27	28
Лемки, Торонск. уѣзд. [6]	7	6	1	12	29
Дыдёва, Турчанск. уѣзд. [7]	28	6	10	29	30
Кутузовъ, Подгаецк. уѣзд. [8]	15	2	6	29	31
Стрыйскій уѣзд. [9]	4	2	2	33	37
Сяноцкій уѣзд. [10]	7	3	3	30	35
Перемышльскій уѣз. [11]	14	2	8	36	37
Яворовъ, Космачъ (Гуцулы) [12]	18	9	10	36	39
Буковина [13]	12	7	8	40	42
Городокскій у. [14]	8	3	6	42	44
Коломыйскій у. [15]	9	5	7	43	45
	217	67	76		

---

1) Записки Имп. Рус. Геогр. общ. по этногр. (Шейнъ и Носовичъ). V, стр. 608.—I. Пѣсни, относящіяся къ одной матери: №№ 574, 575, 577, 579, 582, 584, 588, 589, 592, 594, 598, 599.

2) Ibidem, стр. 639.—I. Отн. къ матери: 664, 668, 669, 670, 674, 681, 682 683, 684, 685.—II. Отн. къ отцу и матери: 673, 675.—III. Отн. къ одному отцу: 667.

3) Obrzędy i pieśni wes. ludu ruskiego we wsi Lolinie. Zebr. Olga Roszkiewicz, оргас. I. Franko. Kraków. 1886.—I. Относ. къ одной матери: 2, 10, 14, 26, 31, 38, 45, 46, 47, 48, 49, 51, 70, 110, 111, 115, 116, 117, 121, 122, 123, 125, 126, 127, 131, 143, 161, 162, 166, 167, 168, 178, 179, 180, 181.—II. Отн. къ отцу и матери: 11, 15, 112, 119, 120, 132, 133, 135, 136, 137, 167, 169, 171, 172, 173, 175, 177.—III. Отн. къ одному отцу: 18.

4) Записки (см. выше), стр. 617.—I. Отн. къ одной матери: 607, 610, 619, 620, 625, 627, 629, 630, 634, 635, 638, 639, 649.—III. Отн. къ отцу: 617, 621, 626, 655.

5) Чубинскій, Труды. IV. Дополненіе.—I. Отн. только къ мат. 5, 7, 14, 16, 18, 22, 24, 40, 41, 44, 52, 53, 59, 77, 83, 89, 93, 95, 96, 114, 115, 117, 131, 132.—II. Отн. къ отцу и матери: 77.—III. Упомин. одинъ отецъ: 64, 75, 79, 84, 85, 88, 100, 112, 113.—6) Головацкій. Пѣсни IV. 366 и сл.

7) Зоря. 1889, № 17 19.—Номера пѣсенъ, указан. авторомъ для этой мѣстности, по числу не совпадаютъ съ выставленными въ таблицѣ числами столб. I, II и III. (Для I столб. перечисл. только 26 №№: 6, 8, 19, 23, 33, 43, 44, 50, 51, 52, 53, 70, 71, 75, 80, 81, 82, 85, 87, 93, 94, 95, 96, 100, 101, 105. Для II столб. 5 №№: 13, 89, 91, 108, 110. Для III столб. 5 №№: 11, 25, 72, 79, 106). Не имѣя подъ руками этого изданія, мы не въ состояніи провѣрить эти указанія. *Ред.*

8) Навроцкій, Соч. I. 9) Головацк. IV. 300. Żeg. Pauli. I. 104. 10) Головацк. II. 116 и сл. 11) Żeg. Pauli. I. 66. 12) Головацк. IV. 339. 13) Купчанко. Пѣсни Буковин. нар. 14) Записки (см. выше). 15) Головацкій II. 99—116.

Мы видимъ наглядно, что и въ настоящее время число пѣсенъ, относящихся къ матери, почти втрое превосходитъ число пѣсенъ, относящихся къ отцу; въ прежнее же время послѣднихъ, навѣрное, было еще меньше. Если сравнить варіанты различныхъ пѣсенъ, то окажется, что тѣ пѣсни, которыя теперь относятся къ матери, и раньше несомнѣнно къ матери относились, тѣ же, которыя теперь относятся къ отцу или къ отцу и матери вмѣстѣ, раньше относились лишь къ матери. *Итакъ, сначала были лишь такія свадебныя пѣсни, въ которыхъ упоминалась одна мать*; съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ новѣйшихъ взглядовъ и отношеній, часть ихъ измѣнилась такъ, что въ нихъ вставили отца или *рядомъ* съ матерью, или *вмѣсто* матери. Замѣна матери отцомъ произошла въ тѣхъ пѣсняхъ, которыя, согласно новымъ взглядамъ, болѣе относятся къ отцу по своему содержанію.

Примѣромъ можетъ служить варіантъ упомянутой раньше пѣсни, въ которой дочь проситъ у матери защиты отъ бояръ-разбойниковъ. Мы привели выше (въ гл. 4) два варіанта этой пѣсни; приведемъ здѣсь для большей наглядности нашей мысли еще три варіанта и сравнимъ съ прежде приведенными:

а) Ой, *стукнулы ковани кони на двори*,
Ой, сховай мене, мій *батеньку*, въ комори.
— Не поможе, мое дитятко, комора,
Бо обступылы ковани кони докола. [1])

б) Ой, *брызнулы зъ стришкы воришкы* (орѣхи) *по столи*,
Ой, *заржалы ворони коныкы на подвиру.*
Ой, не дай мене, мій *батеньку*, видъ себе,
Щемъ не сходыла рутяного виночка въ тебе [2]).

в) Ой, *брызнулы золоти ключи на столи*,
Ой, выскочила Марысенька зъ коморы,
Пала жъ вона свому батеньковы до нижокъ:
— Не дай же мене ты, мій *батеньку*, видъ себе,
Най же я сходжу зъ руты виночокъ ще въ тебе.
— Не еденъ есь, не два зъ руты виночокъ сходыла,
Не разъ есь, не два добрымы людьмы згордыла [3]).

---

1) Головацк. II. 664, № 104. (Надъ Збручемъ).
2) Żeg. Pauli. I, 119. (Бережанск. уѣз.).
3) Żeg. Pauli. I, 99. (Злочовск. уѣз.).